

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

3 2044 022 553 143

P 2100-62370

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

FROM THE
Subscription Fund
BEGUN IN 1858

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ.

RUSSKOE GE OG. OB-VO

ETNOGRAPHICHESKII SBORNIK.

34

САН

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ. III.

САИКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1858.

P Slav 623. 70
~~Slav 23. 70~~

1874. 523. 18.

Subscription Fund.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 апрѣля 1858 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

	СТР.
Слобода Трехъизбянская	1
Бытъ Малорусскаго крестьянина (преимущественно въ Полтавской губерніи).	19
Замѣтки о западной части Гродненской губерніи	47
Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію (Д. Члена А. Киркора)	115

СТАТЬИ

О РУССКИХЪ И ИХЪ СОВРЕМЕННИКАХЪ.

СЛОБОДА ТРЕХЪИЗБЯНСКАЯ.

Слобода Трехъизбянская, казенное селеніе Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, находится на лѣвомъ берегу Сѣвернаго Донца, недалеко отъ границы Екатеринославской губерніи, въ семи верстахъ отъ города Славяносербска и въ еемидесяти отъ уѣзнаго города Старобѣльска.

Чтобы судить о наружности, бытѣ и языкѣ жителей Трехъизбянской слободы, нужно предварительно знать нѣкоторыя обстоятельства. Первоначальное заселеніе сей мѣстности послѣдовало «1715 года. По именному указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, часть жителей Бѣлогородской губерніи, города Салтова, села Нижняго, съ четвертной ихъ жалованной, помѣстной земли, перешла на бывшую тогда Украинскую линію и пожалована 20,000 десятинъ земли по лѣвой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, никѣмъ незаселенной и невладѣемой, съ лѣсомъ, сѣнными покосами и со всѣми угодьями, и съ привиллегією, какою пользовались отъ Россійскихъ великихъ князей и царей, на прежнемъ жительствѣ дарованною, т. е. безъ потерянія однодворческаго званія.» Такъ значитъ въ найденномъ мною дѣлѣ о неправильномъ завладѣніи земли сосѣднимъ помѣщикомъ Шидловскимъ, принадлежащей Трехъизбянскому обществу. И донынѣ мѣсто, гдѣ первоначально поселились эти выходцы, носить названіе *Салтовскаго*. Неизвѣстно, почему, мѣсто это скоро оставлено, и сторожевой *городокъ* основанъ при самомъ берегу рѣки Донца. *Городокъ* этотъ служилъ защитою отъ разбойничьихъ набѣговъ хищныхъ Татаръ до времени, когда Крымскія степи, по правой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, заселены были регулярными русскими

войсками. Тамъ была и церковь. Предположительно около 1760 года, тревожимые набѣгами Татаръ, а болѣе, кажется, разливомъ рѣки Донца, затоплявшаго во время половодья большую часть жилья, жители городка принуждены были удалиться отъ безпокойнаго Донца на разстояніе версты и болѣе, ближе къ горѣ, на то мѣсто, гдѣ издавна былъ хуторъ, состоявшій изъ трехъ избъ, отъ которыхъ, говорятъ, и слобода получила названіе *Трехъизбянска*. Въ 1787 году, по Высочайшему повелѣнію, Трехъизбянское общество обращено въ казачье званіе, и эти новые казаки участвовали не только въ разныхъ сраженіяхъ, но и въ достопамятныхъ штурмахъ Очакова и Измаила. Въ 1795 году жители Трехъизбянска возвращены въ прежнее однодворческое званіе; а тѣмъ, которые хотѣли остаться на правахъ казаковъ, предложено было переселиться на рѣку Кубань, что большая часть жителей и исполнила. Эти обстоятельства, т.-е. жизнь, исполненная опасностей при сосѣдствѣ хищныхъ Татаръ, а потѣмъ казачество, имѣли сильное вліяніе на образованіе наружности, языка, быта и на то рѣзкое различіе, какое находится между старожилами и поселившимися вновь (около 1795—1802) переселенцами, перешедшими изъ разныхъ мѣстъ Курской и Воронежской губерній (Обоянскаго, Валуйскаго и Нижне-Дѣвицкаго уѣздовъ). *Старожилы* здѣшніе — народъ статный, полный, красивый, опрятный, расторопный, вѣжливый; позднѣйшіе *переселенцы*, и преимущественно Воронежцы, — высокіи ростомъ, тощи вялы, неопрятны и слышкомъ простоваты.

Я З Ы К Ъ.

Старожилы говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ московскому, между-тѣмъ какъ нарѣчіе переселенцевъ имѣетъ значительное отъ него уклоненіе, такъ-что старожилы, сами Русскіе, называютъ переселенцевъ Русаками. И дѣйствительно эти послѣдніе русятъ до-крайности и многія слова произносятъ въ носъ. *Кажѣ, шѣ* вм. что, въ-самомъ-дѣлѣ, *яго, яму* вм. его, ему, *іонѣ* вм. онъ — любимые ихъ звуки. *Іонѣ кажа : хади ка двару* — онъ сказалъ : пойдемъ домой. *Кажѣ кожа, що јонѣ гавора?* Что рассказываетъ, о чемъ говоритъ онъ?

Общее старожиламъ и переселенцамъ : *а* вмѣсто *о*. *Хутарѣ, дабро, Багародица* вм. хуторъ, добро, Богородица. — Иногда : *а* вмѣсто *е*. Напр. *чаго, чаловѣкъ* вм. чего, человѣкъ. *Сабѣ, табѣ* вм. себѣ, тебѣ.

Особенности въ словообразованіи : напр. *видя, гаворя, ходя, пзда, йдя* вм. видитъ, говоритъ, ходитъ, ѣздитъ, идетъ; *стучить, сидить, стоять* вм. стучить, сидить, стоять; *пйѣ* вм. пьеть; *папдѣ* вм. поѣдетъ.

Слова мѣстныя, или малоизвѣстныя : *Аспдѣс* — праздникъ Рождества Богородицы.

Сапѣтка, *сапѣтъ* — кошель лозовый для складки угля.

Щарба, *щарбица* — уха, ушица.

Каюкъ — челнокъ, лодка.

Гамазля — магазинъ.

Качаты — пѣтухи.

Ажна — между-тѣмъ, какъ или на самомъ дѣлѣ оказалось.

Атселя, *отселича* — отсюда.

Бирчивый, *перебирчивый* — разборчивый, переборчивый.

Калагушка — долбленая, некрашенная миска.

Махотка — горшочикъ, которымъ пьютъ воду.

Кашолка — мѣра, изъ лозы сплетенная.

Калатовка — чѣмъ сколачиваютъ масло; въ переносномъ смыслѣ калатовкой называется мужнина сестра.

Пикюльки — такъ называется молодой камышъ, которымъ весною лакомятся жители.

Тюря — кушанье, употребляемое въ рабочую пору. Оно составляется такимъ образомъ: наливъ воды въ калагушку, бросаютъ туда кусочки ржаного хлѣба и соль.

Перестановка буквъ: *причта* вм. притча; *секлетарь* вм. секретарь.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

1) *Избы* вообще дсревянныя и преимущественно дубовыя. Прежде строились съ закатами. У старожиловъ избы опрятныя, окнами на улицу, большею частію съ высокими рублеными крыльцами; а у переселенцевъ выходитъ на улицу глухая стѣна, и только въ послѣднее время перевелись у нихъ курныя избы, такъ-что теперь во всемъ селеніи остается одна курная изба. Внутреннее расположеніе избъ почти у всѣхъ одинаково: при входѣ въ дверь, въ правомъ, противоположномъ двери углу, стоятъ образа, а налѣво, подлѣ самой двери, помѣщается печка; отъ печки идетъ полъ до лавокъ, лавки же находятся вокругъ стола и подъ стѣною противу печи. Подлѣ двери съ правой сторонѣ бываетъ шкапикъ, или налѣчка, для посуды, а внизу подъ шкапикомъ устроивается въ родѣ гроба конѣкъ, куда ставятъ молоко и другіе съѣстные припасы; конѣкъ этотъ, впрочемъ, иногда дѣлается и въ сѣнцахъ. Противъ полу вверху бываютъ полати; но они теперь уже очень рѣдки у трехъизбянскихъ мужиковъ.

2) *Платье*, въ настоящее время, почти у всѣхъ жителей Трехъизбянской слободы одинаковое; старики переселенцы отличаются нѣсколько своею одеждою, а вся молодежь одѣвается одинаково, хотя платье у старожиловъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, вообще наряднѣе. Женскій полъ у старожиловъ издавна ходитъ въ сарафанахъ, а у переселенцевъ — въ юбкахъ а иногда, особенно дѣвки, и въ однѣхъ рубахахъ; только въ недавнее время, съ измѣненіемъ избъ, онѣ

начали измѣнять и свой костюмъ. Курная изба, какъ извѣстно, не имѣетъ трубы для схода дыму; дымъ валитъ изъ печи въ хату, изъ хаты въ двери, всегда растворенныя во время топки: отъ этого въ курной избѣ верхняя половина всегда бываетъ покрыта сажей, и бабы, особенно во время стряпни, надѣвають поношенные юбки и обвертываютъ голову тряпичами отъ осыпающей съ потолка сажи. Курныя избы теперь совершенно перевелись и у переселенцевъ; но неопрятность, бывшая слѣдствіемъ устройства избъ, все еще остается, и до сихъ поръ можно отличить старожила отъ переселенца. *Обувь* у переселенцевъ — лапти; но и они выходятъ изъ употребленія, отъ недостатка коры: по рѣкѣ Донцу растетъ почти одинъ дубъ, тогда-какъ для лаптей нужна кора липы или другаго мягкаго дерева. Старожилы лаптей не носили и прежде. Въ будни употребляютъ *чирики* (черевки), а по праздникамъ сапоги. Обыкновенная одежда мужиковъ: рубахи, штаны холщевые, бѣлые, поясъ, онучи и чирики на ногахъ, а на головѣ — шапка. Сверху надѣвають зипунъ, зимою же короткій полушубокъ. По праздникамъ носятъ то же платье, только понаряднѣе: рубаха бываетъ съ ластовками, съ вышитымъ подоломъ и окаймленной пазухой, шаровары набойчатые или синіе, на ногахъ сапоги, зипунъ поярчатый, почти всегда синій, шапка съ сѣрымъ околышемъ. Старожилы иногда ходятъ подпоясанные, иногда же въ-распашку, а переселенцы непремѣнно подпоясанные, и притомъ всегда ниже живота, и имѣютъ оттопыренную пазуху.

Женскій нарядъ нѣсколько разнообразнѣе; обыкновенный: рубаха, сарафанъ, на ногахъ черевки, на головѣ у женщинъ кокошникъ, а у дѣвушекъ платокъ. Праздничный: рубаха, отъ пояса коленкоровая или ситцевая, съ такими же или кумачными вышитыми рукавами; сарафанъ (передняя часть) шерстяной спереди, а сверху до низу, по всему подолу и по краямъ, обшитый узкимъ ситцемъ; на головѣ у дѣвушекъ шитая повязка или шелковый платокъ; въ косѣ вплетены ленты, а на концѣ косы махоръ; на шеѣ монисты и крестъ. У женщинъ на головѣ кокошникъ, а подъ нимъ кичка, которая надѣвается прежде всего, и подвязанный сзади *подзатылень*; сверху кокошника женщины покрываются еще платкомъ, а иногда кисеей; волосы подбираютъ подъ кичку и вмѣсто косы выпускаютъ въ два раза сшитую ленту; на ногахъ носятъ бахилки, поверхъ чулокъ. Въ холодное время надѣвають халатъ, синій, нанковый, а зимою крытую синимъ сукномъ или нанкой шубу. Кокошники бываютъ штофные, но болѣе бархатные. Украшенія для расхожаго — мишурныя, а для праздничнаго — серебряныя и золотыя, такъ-что полный головной уборъ стоитъ рублей до 9 серебромъ. Зато онъ проченъ и переходитъ отъ матери къ дочерямъ и т. д.

3) *Пища*. Въ пищѣ жители Трехъизбянской слободы не прихотливы: молока ѣдятъ мало, мясо употребляютъ почти-что только въ дни розговѣнья. Обыкновенныя у нихъ кушанья, когда живутъ дома: *борицъ* или щи и *каша*. Въ рабочую же пору, на полѣ, они ѣдятъ одну *тюрю* и, весьма рѣдко, жидкую кашу. Старожилы ржаного хлѣба почти не употребляютъ; переселенцы же чаще ржаной, а иногда и пшеничный, но онъ у нихъ хуже ржаного. Квасъ любятъ; кромѣ питья онъ составляетъ у нихъ неперемѣнное условіе почти каждого кушанья. Такъ, вареный *картофель*, очищенный, а иногда и нечищенный, крошатъ, всыпаютъ въ миску съ квасомъ и посоливши ѣдятъ. При *блинахъ* наливаютъ въ миску квасъ, кладутъ туда же тертый или толченый хрѣнъ, а если есть медъ, то подмѣшиваютъ и его, и обмакиваютъ въ этотъ соусъ блины. Съ квасомъ ѣдятъ и арбузы, обчистивъ и искрошивъ ихъ на мелкіе куски.

Обѣды во время свадебъ и при поминовеніи усопшихъ бываютъ весьма обильны въ Трехъизбянской слободѣ. Непремѣнныя блюда такого обѣда въ скоромные дни: 1. *Пирогъ* съ начинкой, или съ мясомъ, или съ сыркомъ; разрѣзывается и поливается масломъ. 2. *Холодное* (по-мѣстному *халадець*). Сваренныя свиныя, бараньи или коровьи ноги раздробляютъ и раскладываютъ въ миски; туда же наливаютъ и вариво отъ нихъ и ставятъ въ холодное мѣсто, чтобы застыло. При подачѣ *холодца* настоль, во время свадьбы, кравчій солить, разрѣзываетъ его ножомъ на куски и наливаетъ на холодецъ квасу съ хрѣномъ. 3. *Борицъ* съ мясомъ. 4. *Ланша*. 5. *Курица* вареная. 6 и 7. *Жаркое* — баранина, а потомъ — свинина. 8. *Ланшевникъ*. 9. *Каша* пшеничная, съ масломъ и сметаной, и потомъ 10, если это лѣтомъ или осенью, *арбузъ* или какой-нибудь *узваръ*. Обѣдъ постный: *Пирогъ* постный, который разрѣзывается и поливается постнымъ масломъ; *холодное* рыбье или же соленая головка капусты съ олеей; *соленые огурцы*; *борицъ*, *горохъ* или квасоль; *пампушки* съ олеей; *гороховый кисель*, *каша* пшеничная и *узваръ* или арбузъ.

Замѣчательно, что здѣсь пекутъ не круглыя булки, а такъ-называемыя *пирогы*, или *слѣпцы*, или *стѣльни*. При свадьбахъ употребляются особаго вида *калачи*. Калачи эти дають вмѣсто подарковъ сватамъ при сватаньѣ, сговорахъ и свадьбѣ, а также приносятъ и къ священнику при оповѣщеніи.

4) *Занятія мѣстныхъ*. Здѣшній народъ трудолюбивъ до крайности. Удиль рыбу или курить, отъ нечего дѣлать, трубку считается здѣсь за порокъ; да мужику и подумать объ этомъ почти некогда. Весна и лѣто, осень и зима, будни и праздникъ, день и ночь, ведро и невастье у него проходятъ въ непрерывной дѣятельности; на всякое время и случай есть

свои занятія. Здѣшніе мужики живутъ семьями, верѣдко большими, иногда душъ до сорока; несмотря на то, у нихъ не освобождаются отъ работы и малыя дѣти. Всѣмъ и всегда есть своего рода дѣло и занятія.

Лишь только открывается *весна*, домохозяину предстоитъ : сѣять, скородить, пахать, готовить сѣмена для посѣва, палить уголь и отправлять для распродажи изготовленное съ зимы. Это распредѣляется такимъ образомъ : паханину засѣвають и скородятъ одни мужики ; въ малосемейныхъ домахъ иногда въ этой работѣ помогаютъ и женщины. По окончаніи скородьбы одна часть семьи принимается пахать подъ яровой хлѣбъ , другая занимается углепаленіемъ , а одинъ или двое изъ семьи, на лошадахъ, отправляются въ дорогу съ угольями, или *плужками*, заготовленными зимою ; пока другіе пахутъ, палятъ уголь , готовятъ сѣмена для посѣва , они возвращаются изъ дороги. Если въ семействѣ живъ старикъ , то, пока дѣти управляютъ съ своей работой , онъ тоже не остается празднымъ ; въ любимомъ его сарайчикѣ, или на току, только и слышно : стукъ, стукъ... Это онъ дѣлаетъ плуги, или почииваетъ колеса, или молотитъ сѣмена, и т. п. Женскій полъ въ это время также въ работѣ : спуютъ, ткутъ пряжу, бѣлятъ; убираютъ огороды : сажаютъ, сѣютъ и проч. Время сѣянія кончилось, *косовица* еще не настала. Въ это время семья пашетъ для проса, гречихи, бакшей, огороды для конопли ; огораживается ; а по изготовленіи угольевъ и уже на волахъ опять отправляются въ дорогу, или же по ярмаркамъ съ плужками и т. п. Старшіе изъ семьи въ это время ѣзятъ для осмотра и закупки травы у сосѣднихъ помѣщиковъ за рѣку Донецъ, въ Екатеринославскую губернію (по скудости своей земли), или занимаются поправкою телегъ, повозокъ и проч. У женщинъ есть своя работа : онѣ поливаютъ огороды , стригутъ овецъ, прядутъ шерсть и проч ; по праздникамъ гурьбами отправляются за скородою, щавелемъ, чеснокомъ, пикульками и проч.

Настаетъ *косовица*. Вслѣлъ за мужчинами-косарями отправляются, чрезъ два-три дня, и бабы за Донецъ , на помѣщичьи степи , и, пока первые косятъ , послѣднія громадятъ, копняютъ. Покончивъ работу тамъ , возвращаются для уборки луга домой. Между-тѣмъ какъ мужчины возятъ сѣно, бабы полютъ огороды, бакши. Тутъ настаетъ и жатва — труды немовѣрные, время самое жаркое для работниковъ. Семейства переселяются на поле. Пища ихъ во все рабочее время состоитъ почти исключительно изъ одной *тюрки*; только въ праздники и воскресные дни приходятъ домой полакомиться борщемъ и кашей, и то пока работа на своемъ *боку*, а если за Донецемъ верстъ за 30 и далѣе отъ селенія, то живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно окончатъ работу. Да и въ праздники народъ не остается дома и не сидитъ праздно : мужчины

ходить на базаръ для распродажи арбузовъ и т. п. и для покупки нужнаго для домашнихъ потребностей, или ловятъ раковъ, рыбу, пасутъ рабочій скотъ и проч., а женщины въ лѣсу рвутъ ежевику, теренъ, малину, лѣсныя яблоки, дерутъ хмель, собираютъ желуди и т. п. Мужики, покосивши ячмень и овесъ и убравши рожь, жатву пшеницы и проса предоставляютъ уже женщинамъ, а сами принимаются за новую работу: возятъ нажатое, пахутъ для озимаго хлѣба, палятъ уголь, и т. п.

Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ и по уборкѣ бакшей, каждый день тянутся изъ слободы обозы на лошадахъ и волахъ въ дорогу въ города Черкасскъ, Азовъ, Таганрогъ, Ростовъ и другіе, съ углями, плугами, полозьями, *тагунами* и т. п. Женщины, убравъ коноплю, мочатъ ее, трутъ, также волочатъ волну и исправляютъ другія подобныя работы, а мужики, возвратясь изъ дороги, сѣютъ рожь, пахутъ, закупаютъ землю у помѣщиковъ для будущихъ посѣвовъ, и т. п.

Зимой отправляются для закупки лѣса у помѣщиковъ, рубятъ и доставляютъ домой лѣсъ и дрова. Послѣ праздника Рождества Христова, или когда установится зимняя дорога, отправляются съ угольемъ въ приморскіе города и оттуда привозятъ рыбу: тарань, *сулу* (судаки). Въ дорогѣ бывають обыкновенно отъ двухъ до трехъ недѣль. Когда же дорога разстроивается, то занимаются дома заготовленіемъ товара для весенней продажи. Женщины во все это время прядутъ, ткутъ и проч. Такимъ-образомъ, занятія болѣе общія и любимыя въ Трехъизбянской слободѣ: хлѣбопашество и лѣсныя промыслы, преимущественно плугодѣланіе и углепаленіе. Если положить, что каждый хозяинъ двора сходитъ въ дорогу два раза въ годъ на двухъ подводахъ, т.-е. доставитъ угля четыре сапета, то, полагая на каждый сапетъ 8 четвертей, выйдетъ, что каждый хозяинъ отвезетъ въ годъ 32 четверти угля, а все общество Трехъизбянское, состоящее изъ 400 дворовъ, около 12,800 четвертей. Выпалка угля производится почти круглый годъ; но преимущественно ею занимаются при открытіи весны, когда сырость земли не позволяетъ еще ни скородить, ни пахать, и осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. За слободой, весной и осенью, образуются угольныя биржи, и дымъ отъ нихъ покрываетъ всю слободу. При выпалкѣ употребляется одно орудіе — лопата.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

У Русскихъ большая тяжесть возложена на женщинъ. Правда, что приданаго за дѣвками не берутъ, напротивъ рѣдкій не приплатится еще при сватаньи невѣстѣ на нарядки, на справку кокошника, отъ 3 до 10 рублей серебромъ. Кромѣ того *сговоры*, хотя бывають въ домѣ невѣсты, играютъ на

счетъ жениха, такъ-что не только водка, хлѣбъ и вообще вся провизія привозится женихомъ, но и прислугу при сговорахъ составляютъ только родные жениха. Свадьба также играется на счетъ жениха. Со стороны отца невѣсты требуется расходъ только на обѣдъ, когда послѣ вѣнца молодой съ поѣздомъ пріѣдетъ за молодою княгинею; но это непродолжительно, а потому и неубыточно, тогда-какъ отцу жениха свадьба обходится отъ 15 до 50 рублей серебромъ, смотря по состоянію. Зато женившись мужъ не заботится уже во что одѣваться самому, женѣ и семейству. Зипунъ, поясъ, онучи для черевикъ, рубахи и штаны (портки) для мужа и сыновей, а также сарафаны, рубахи и прочее платье для дочерей приготовляетъ жена. Добрый мужъ, если захочетъ, хлопочетъ объ обуви для семьи, а если нѣтъ, такъ и обувь и все, что нужно для платья, должна промыслить жена. И это соблюдается чрезвычайно строго. Когда недостаетъ у ней домашней шерсти для сукна и сарафанины, а также прядива для полотна, то и это рѣдко покупается мужемъ, а больше зарабатываетъ сама жена по-людямъ. И горе женѣ, которая не умѣетъ или плохо умѣетъ ткать, прясть, шить, или лѣнлива, или же по хворости не успѣваетъ одѣвать свою семью.

По снятіи съ овецъ шерсти, а также по уборкѣ конопля, произволится раздѣлъ паевъ: полный пай идетъ на мужа съ женой; если у свекрови есть сынъ, то она отдѣляетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ пая для сына, смотря по тому, пахарь ли онъ, или только погоничъ; если невѣстка имѣетъ сына, который уже въ работѣ, то также получаетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ пая; на дѣвокъ, сколько бы ихъ ни было, не получаютъ ничего. Если свекоръ вдовъ, то пай свой отдаетъ дочери, которая его одѣваетъ. Вдова получаетъ пай, если есть у ней сыновья работники; если же у нея нѣтъ такихъ дѣтей, то лишается пая или же беретъ на свою долю работника, служащаго по найму, приготовляетъ ему все, что доставила бы мужу, т.-е. зипунъ, поясъ, онучи, рубаху и проч. Дѣвки должны зарабатывать на одежду для себя сами; въ богатыхъ семействахъ, когда за работою остаются до глубокой осени и не успѣваютъ ничего заработать для себя на-сторонѣ, отецъ или дѣдъ даетъ бабамъ и дѣвкамъ на синьку для сарафановъ, иногда даритъ имъ по платку, и это считается великою милостью.

Бабы пекутъ и варятъ, если семейство большое, по очереди; когда же въ семьѣ душъ около сорока, то одна назначается для печенья, а другая для варенья, и очередная пользуется или расположеніемъ, или ненавистью работниковъ, смотря по своему искусству въ стряпнѣ. Впрочемъ вообще и пироги и вариво здѣсь не вкусны: это происходитъ, между прочимъ, и оттого, что бабамъ нѣтъ времени съ должнымъ вниманіемъ ухаживать за стряпней. Отъ этого же, что бабы

безпрестанно заняты, въ рабочую пору трехъизбянскіе мужики и ѣдятъ одну тюрю. Едва баба управится съ своею жатвою, какъ спѣшитъ заработать что-нибудь на-сторонѣ для своихъ расходовъ и чтобы избѣжать упрековъ отъ мужа или старшаго въ семействѣ, что она «не рабочая, не успѣла-де заработать и на платокъ». Случается, что иная баба дотога устанетъ, что не въ-состояніи заняться варивомъ, хотя бы и была провизія; она спѣшитъ поѣсть тюри и хоть немного отдохнуть. Нерѣдко въ лунную ночь женщины почти вовсе не спятъ, а все занимаются работою. И нельзя не удивляться ихъ трудолюбію, особенно когда, кромѣ работы, должны еще ухаживать и кормить грудью своихъ дѣтей. Мать, покормивъ дитя, кладетъ его подъ стойку въ холодокъ или въ походную люльку. Оно покричитъ, покричитъ, да и уснетъ крѣико; но дѣти, которыя на ногахъ, постоянно бродятъ за мамою съ плачемъ.

Садовъ въ нашемъ селеніи вовсе нѣтъ, а лѣсныхъ плодовъ, особенно въ годы урожайные, довольно. Заготовленіе ихъ лежитъ также на обязанности женщинъ. Въ праздничные дни, вмѣсто-того, чтобы послѣ тяжелыхъ трудовъ отдохнуть, женщина должна спѣшить въ лѣсъ, за терномъ, лѣсными яблоками, ежевикой, малиной и т. п., чтобы зимой полакомить иногда семейство узваромъ или, въ-случаѣ гостей, имѣть чѣмъ попотчевать ихъ. Иногда разгульный мужъ смѣло ведетъ цѣлую компанію къ себѣ въ домъ, и счастлива жена, у которой есть чѣмъ принять гостей; въ-противномъ-случаѣ гости, не употчиванные, разносятъ далеко молву о безславии жены, которая не припасла ничего, чѣмъ бы ихъ попотчевать. Русскіе мужички любятъ у сосѣдей Малороссіи покушать хорошей *стравы*, и удивляются, отчего ихъ жены не умѣютъ готовить также вкусно.

МѢСТНАЯ СВАДЬБА.

За нѣсколько дней до свадьбы бываютъ *сговары*, или *своды*. Вотъ какъ это бываетъ: одинъ изъ родственниковъ невѣсты созываетъ ея родню; между-тѣмъ, какъ родня невѣсты сходится, вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ своею роднею и привозитъ всю провизію, нужную при сговорахъ, входитъ въ домъ, кладетъ на столъ *калачъ* и ставитъ штофъ водки. Помолившись Богу и поздоровавшись, дружка требуетъ отъ отца невѣсты, чтобы показали товаръ; тогда выводятъ невѣсту и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Въ это время затепливаютъ свѣчи, и всѣ встаютъ. Помолившись Богу, дружка спрашиваетъ о взаимномъ согласіи у жениха и невѣсты и, получивъ утвердительный отвѣтъ, беретъ водку, ставитъ на поднось, наливаетъ и подноситъ рюмку *сведеннымъ*, жениху и невѣстѣ. Женихъ, прихлебывая, подаетъ невѣстѣ. Въ это время подружки ея начинаютъ пѣть:

Бирчатый, пирибирчатый (*) младъ Михайлушка,
Перебирая красныхъ дѣвакъ у кругу:
Салавей калину щекатагъ,
А Михайлушка Марьюшку цалавалъ.
И та и ся хараша, а моя Марьюшка
Лучше всѣхъ, пригажѣе всѣхъ,
И касою, и красою.

Чего невѣста не допила, выпиваетъ женихъ; потомъ онъ беретъ невѣстинъ подарокъ, который обыкновенно бываетъ хустка, или платокъ, утираетъ невѣсту, и они цѣлуются. Когда женихъ положить одарокъ, который отъ 10 коп. доходить до 2 руб. сер., смотря по состоянію жениха, тогда невѣста подноситъ подарки нареченному свекру, свекрови, сестрамъ, братьямъ, дядямъ, теткамъ жениха и проч., всѣмъ подноситъ платки, а свекрови аршина три коленкору на рукава для рубахи. Свекровь же одариваетъ аршиномъ штофной матеріи или краснаго бархата, для кокошника, или кладетъ сарафанъ для нареченной дочки. Сестрамъ жениха дарятъ ленты, мальчикамъ-братьямъ шелковые или суконные поясочки. Одарки идутъ своимъ чередомъ и, смотря по состоянію и усердію, бываютъ отъ 2 коп. асс. до 10 коп. сер. Обдаривъ всѣхъ, невѣстину родню усаживаютъ за столъ; а женихова въ это время становится для прислуги у порога, и обязана накормить и напоить новыхъ своихъ родственниковъ. Во время вечера и послѣ того до самой полуночи молодежь веселится и поетъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Отъ терему до терему дарожка.
Праважала Марьюшка батюшку;
Апаздапа пазнымъ-паздно ка двару,
Заначевала пады сасною у бару.
Наѣхалъ Михайлушка на каню
И хбча сѣчь, рубить сасѣнку.
Азвалася Марьюшка у бару:
Руби, руби сасѣнку,
Для тебе эта, сасѣнка соженая
Для тебе зилѣная рушиная.

Къ свѣту провожаютъ дѣвки жениха и поютъ ему:

Вярнись, вярнись, Михайлушка,
Вярвись, Степановичъ!
Пазабылъ рукавички
У тѣщи на палички.

На другой день утромъ отецъ жениха съ родными идетъ *опохмелиться* и приносить съ собой штофъ водки и калачъ. Выпивъ и закусивъ, назначаютъ день свадьбы, и тѣмъ оканчиваются сговоры.

(*) См. языкъ, стр. 2.

Свадьба начинается съ вечера того дня, въ который женихъ и невѣста должны вѣнчаться. Обратимъ вниманіе сначала на то, что дѣлается въ это время у жениха. Въ продолженіе дня женихъ созываетъ своихъ родныхъ, съ обычнымъ привѣтомъ: «батюшка и матушка прося на хлѣбъ, на соль и на каравай». Вечеромъ собирается родня. Въ это время *свашка* (преимущественно сестра жениха или братова жена) хлопочетъ съ дружкой около караваея. Изготовивъ *три* хлѣба, снимаютъ мѣдный образокъ и прикладываютъ къ каждому такъ, что знакъ этотъ остается и тогда, когда каравай испечется. При этомъ дружка встаетъ: «сватъ и сваха, дружка съ подружьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай сажать». «Богъ багаславить», отвѣчаетъ компанія три раза. Тогда наливаютъ два стакана водки, прикрѣпляютъ къ нимъ по свѣчѣ и ставятъ по обѣ стороны печи. Свашка садитъ хлѣбъ на лопату, дружка вмѣстѣ съ ней берется заручку лопаты и такимъ-образомъ садятъ. Въ это время поютъ:

Нашъ каравай въ печь пашолъ,
Нашъ каравай въ печушку.

Когда посадятъ каравай, дружка съ свашкой цѣлуются, выпиваютъ стаканъ водки, а другой подносятъ всѣмъ присутствующимъ, и всѣ понемногу прикушиваютъ. Когда каравай выпечется, хоръ поетъ:

Заюшка на лавочки хѳдя,
Стринькій въ печь зазирая,
Уже, уже каравай паспѣлъ,
Уже, уже яравой паспѣлъ.

Нашъ каравай вонъ просится,
Нашъ яравой заслѣнку бѣе:
Вынь, вынь мене, свашунька,
Вынь, вынь, маладая,
Съ огня, съ поломя,
Съ кирпичатой печи.

Послѣ этого дружка возглашаетъ: «сватъ и сваха, дружка съ подружьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай вынимать». «Богъ багаславить», отвѣчаютъ всѣ три раза. Вынувъ каравай, ставятъ его на столъ. Свашка подаетъ сито и вмѣстѣ съ дружкой укладываетъ каравай: сначала въ сито кладутъ сѣна, потомъ разстилаютъ хустку, затѣмъ уже кладутъ каравай и накрываютъ его сверху платкомъ. Приготовленный такимъ образомъ каравай относятъ гурьбой въ анбаръ или другое мѣсто, гдѣ будетъ спальня для молодыхъ, припѣвая:

Нашъ каравай на мѣсто пашолъ,
Нашъ яравой на мѣстечко!.

Положивъ тамъ каравай , возвращаются въ избу, гдѣ уже приготовленъ столъ. Вечеряють. Попойка идетъ щедро. Затѣмъ расходятся. У невѣсты въ это время подруги поютъ пѣсни, почти тѣ же, что́ и на сговорахъ. Потомъ невѣста усаживаетъ подругъ вечерять и потчуетъ ихъ водкою. Послѣ вечера молодые парни являются съ сопѣлками, гармоніями и проводятъ вечеръ весело. За-полночь уже компанія расходится.

На другой день невѣста встаетъ утромъ рано. Теперь судьба ея должна рѣшиться. Выйдя на дворъ, она громко глосить, припѣвая :

Вставайте, мои подружки!
Уже заря занимается,
Разлучники саветаются,
Хочутъ мнѣ разлучить
Съ роднымъ батюшкой,
Съ родной мамушкой.

Сходятся подружки. Если отецъ и мать живы, начинаютъ одѣвать невѣсту къ вѣнцу; если же невѣста сирота, то ведутъ ее на кладбище — оплакивать родителей.

Возвратясь, одѣваютъ къ вѣнцу. Когда у жениха все готово, является къ невѣстѣ дружка, зоветъ отца и мать. За-тепливаютъ свѣчи. Помолясь Богу, отецъ и мать становятся съ образомъ, а дочь, заливаясь слезами, падаетъ въ ноги; ее поднимаютъ, подводятъ къ отцу и матери для благословенья. Дружки поютъ :

Жаль мнѣ тебе, мой батюшка!
Жаль мнѣ тебе, мая мамушка!
Оставаются у тебе и рута, и мята,
И пахучи васильки!
Стой, мая береза, безъ верха,
Живи ты, мой батюшка, безъ меня.

Получивъ благословеніе и поцѣлуясь съ родителями, невѣста идетъ съ подругами въ церковь, при чемъ поютъ :

Шолкова ниточка
Къ стѣнки льнетъ,
А Марьюшка батюшки
Челомъ бьетъ :
Прости, батюшка, багаслави
На Божій судъ пайтить.

Подобное тому дѣлается и у жениха. Рано утромъ собираются у жениха родственники его и свадебный *цехъ*, т.е. дружки, свашки и поддружье, который держитъ вѣнецъ у жениха. Свашка хлопочетъ около стола, который готовится такимъ образомъ : разстилаютъ скатерть, кладутъ по краямъ стола *пирогои* и ложки, а по срединѣ ставятъ жареный окорокъ свинины. Все это накрываютъ сверху другою скатер-

тью, на которую кладутъ калачъ и штофъ водки. Сваха беретъ калачъ, кладетъ его въ миску и туда же укладываетъ *коточекъ* масла, гребень, двѣ ложечки, связанныя ленточкою, и все это сверху насыпаетъ хмелемъ. Водку распиваютъ бояре. Когда женихъ готовъ, его благословляютъ, какъ и невѣсту; сваха беретъ миску съ описаннымъ снарядомъ, и ведутъ жениха въ церковь.

Послѣ вѣнчанія молодые отправляются домой, каждый къ своимъ родителямъ. У молодой въ это время столъ накрытъ такимъ же точно порядкомъ, какъ и у молодого; только нѣтъ свиного окорока.

Приведа отъ вѣнца молодого домой, поѣзжане усаживаются за столъ и поютъ :

Пагнулися сѣни,
Какъ бояре сѣли;
Не такъ то пагнутся,
Какъ мѣду напьются,
Вина наберутся.

Подается закуска. Послѣ двухъ блюдовъ подаютъ окорокъ. Завида его, поѣзжане встаютъ, запрягаютъ коней и подѣзжаютъ къ крыльцу съ колокольчиками, погременушками, съ развѣвающимися на дугахъ лентами или платками; садятъ молодого, и вся компанія ѣдетъ къ молодой :

Во время поѣзда бояре поютъ :

Не спите, не дремите, бояре!
Берите коньи шлычки въ ручки.
Бейте челомъ Михайлину батюшкѣ,
Чтобъ пустилъ Михайлушку съ нами,
Съ честными, похвальными боярами.

Темная, синяя ночушка,
Зажурилась Михайлова матушка,
Што долго, што нескоро
Михайлушки нѣту;
А его красны дѣвки ухватили,
Въ высокъ теремъ павели,
За дубовый столъ посадили
И Марьею подарили.

Прежде, чѣмъ они пріѣдутъ, перейдемъ къ молодой и посмотримъ, что дѣлается у нея во дворѣ.

Лишь только молодая переступила порогъ церковный, ее окружаютъ подруги и уводятъ съ собой. Отойдя отъ церкви, дружки поютъ :

Съ дугу, дугу зелѣнаго,
Всѣ дѣвушки веселы идутъ,

Золотыми вѣнчиками мѣняются,
Одна Марьюшка не мѣняется.

Прійдя домой, молодая сквозь слезы подтягиваетъ вмѣстѣ съ подружками :

Потеряла свой
Золотъ вѣнокъ,
И русую косушку,
И свою волюшку.

Молодая усаживаетъ подругъ за столъ. Подается легкая закуска, въ-продолженіе которой молодая голосить, обвиняетъ, цѣлуетъ подругъ, приговаривая : «какъ мнѣ въ чужіе люди пайтить, какъ свекру и свекровѣ дагадить, свою волюшку пагубить», и проч.

Вечерѣтъ. Вотъ слышатся уже гулъ, гамъ людей и топотъ борзыхъ коней. Это приближается поѣздъ молодого. Подружки вскакиваютъ ; молодая заливается слезами. Раздается громкій стукъ у воротъ. Дружки поютъ :

Надвинули тучи тѣмныя,
Наѣхали незваные гости:
Паламили сѣни новыя,
Выпужнули салавья съ саду.
Всплакалась Марьюшка,
Взгаревалась Ивановна :
Свѣтъ ты мой салавей въ саду!
Кинула ключики, на палѣ въ кутъ :
« Я тебѣ, батюшка, не клюшница, не варещница,
Клюшница лютому свѣкру да свекровьи. »

Съ послѣдними словами усиливаются удары въ ворота. На дворѣ поднимается суматоха. Поѣзжане рвутся во дворъ ; но родственники молодой засунули крѣпко засовы и не пускаютъ ихъ. Видя усилія свои напрасными, поѣзжане вступаютъ въ переговоры и платятъ требуемую дань (коп. 10 сер. и штофъ водки): тогда ворота растворяются, и поѣздъ съ шумомъ и гамомъ въѣзжаетъ на дворъ и останавливается у крыльца. Молодой, сопровождаемый поѣзжанами, идетъ въ хату ; въ это время подружки поютъ прощальную пѣснь :

Всѣ, всѣ ўтушки
Съ озера лятя,
Всѣ, всѣ дѣвушки
Съ терема идуть,
Одна Марьюшка оставается,
Михайлушки даставляется.

Съ послѣдними словами онѣ обнимаются и прощаются съ молодою, но, встрѣтя молодого, защелкиваютъ дверь и требуютъ съ него выкупа. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, берутъ *скупъ*, около 50 копъ мѣди, и непремѣнно бу-

тылку водки ; распиваютъ ее , дѣлятъ между собою деньги , впускаютъ молодого , а сами съ шумомъ выбѣгаютъ вонъ изъ избы . Сцена переимѣняется .

Дѣвушекъ уже нѣтъ ; молодая окружается бабами . Свашка ставитъ на столъ блюдо съ калачемъ , масломъ , гребнемъ , ложечками и хмелемъ .

«Сватъ и сваха , дружокъ съ подружьемъ и вся чесная кампанія ! багаславите молодую княгиню павить и другимъ разомъ и третьимъ !» «Богъ багаславить» , отвѣчаютъ всѣ три раза . Послѣ сего свашка садитъ молодыхъ за приготовленный уже столъ , подлѣ образа , и зажигаетъ свѣчи . Всѣ встаютъ и молятся Богу ; помолясь , свашка садится подлѣ невѣсты , снимаетъ повязку и начинаетъ расчесывать ей косу . Въ это время поютъ :

Не трубушки трубятъ
Рано на зарѣ,
Марьюшка плача
Па русай каѣ.
Пріѣхала свашунья
Немилостива,
Взяла мою косушку
Рвать и метать
И надвое заплетать,
И золото съ косушки вымѣтывая
И надвое жосушку заплѣтывая.

Въ-продолженіе пѣнія сваха расчесываетъ молодую , примазываетъ ей голову масломъ , надѣваетъ кокошникъ и накрываетъ кисеей , потомъ схватываетъ миску и обсыпаетъ всю компанію хмелемъ , а связанныя ложечки кладетъ передъ молодыми . Молодые , весь день невѣшкіе , и теперь сидятъ , какъ вкопанные , въ-продолженіе всего обѣда . По окончаніи обѣда , поѣзжане бросаются на коней , и вотъ зазвенѣли колокольчики , загремѣли бубенчики ; поѣздъ передъ крыльцомъ . Свашка встаетъ изъ-за стола , ставитъ молодыхъ вмѣстѣ ; они молятся Богу и прощаются съ батюшкой и матушкой . Въ это время поютъ :

Ѣхала Марья со двора,
Дошла березу съ верха :
Стой моя береза безъ верха,
Живи , батюшка , безъ меня .
Али mine батюшка не любя,
Середь ночушки са двара шлетъ ?

Молодого садятъ вмѣстѣ съ княгиней , и весь поѣздъ трогается . Въ это время каждый изъ поѣзжанъ старается похватать своими лошадьми ; поэтому гонять , что есть силы , и всячески стараются обогнать другъ друга . Во время поѣзда мужики и бабы , нерѣдко уже пьяные , кричатъ , что кому при-

детъ въ голову. Такимъ-образомъ проѣзжаютъ по нѣсколькимъ улицамъ назадъ и впередъ, и во все время кричатъ безъ пощады; наконецъ, по командѣ дружки, поѣздъ направляется ко двору молодаго. Крикъ утихаетъ. Въ растворенныя ворота завидя освѣщеніе и среди двора родителей молодаго передъ накрытымъ скатертью столомъ, съ образомъ, хлѣбомъ и солью, поѣздъ останавливается. Дружка и свашка ссаживаютъ молодыхъ, ведутъ къ отцу и матери. Въ это время поютъ :

Сустрѣнь, сустрѣнь, батюшка :
Сынъ соколъ ѣдя,
Саколушку визеть,
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ кукобницу,
Гастямъ привѣтницу,
Михайлушки савѣтницу.

Молодые, полойдя къ родителямъ, кладутъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ, отца и кланяются ему въ ноги. Тоже повторяется передъ матерью и передъ старшими братьями, сестрами, дядями и проч. Поѣздъ угощается щедро виномъ.

«Сватъ и сваха, дружка съ подружемъ и вся чесная компанія, багаславите молодыхъ въ домъ ввестъ», раздается голосъ дружки. «Богъ багаславить», отвѣчаютъ всѣ. Молодые, руководимые дружкою, а за ними и вся компанія, входятъ въ избу. Столъ накрытъ. Дружка ставитъ молодыхъ передъ столомъ. Гости усаживаются вокругъ стола. Дружка подаетъ молодымъ подносъ съ рюмками, наливаетъ, и молодые подносятъ по чинамъ. Лишь только рюмка снята, подружье принимаетъ подносъ; молодые кланяются тому, кто пьетъ, и лежатъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока рюмка не будетъ выпита. Такъ потчуютъ всѣхъ гостей. Затѣмъ начинаются пригадки. Многие, попробовавъ водки, говорятъ : «горько!» Услышавъ это, молодые встаютъ, цѣлуются и опять падаютъ въ ноги, давая знать, что они подсластили, и просятъ выпить; но тотъ, отвѣдавъ немного водки, опять говоритъ : «шпаруна впала», и т. п. Эта церемонія иногда съ однимъ гостемъ продолжается четверть часа, между-тѣмъ какъ молодые, еще не ѣвшіе въ тотъ день ничего, должны потчивать и кланяться всѣмъ своимъ гостямъ.

Отпотчивавъ всѣхъ, дружка съ свашкой берутъ по рюмкѣ водки, выпиваютъ, цѣлуются и благодарятъ компанію. «Багаславите маладыхъ на хватеру свестъ», раздается въ избѣ голосъ дружки.

Молодыхъ ведутъ въ анбаръ, или *пуньку* (такъ называется загородка на току для складки половы), и тутъ только предлагаютъ имъ покушать. Покормя, укладываютъ. Въ

это время гости ужинають, пьютъ безъ пощадъ, поютъ пѣсни, шумятъ, иногда напиваются до-упада. На другой дець поднимають молодыхъ. Это дѣлается такимъ образомъ :

Рано поутру, дружка съ свашкой отправляются къ молодымъ, одѣваютъ ихъ. Въ это время собираются родственники и поютъ пѣсни.

Приводятъ молодыхъ; и молодая остается здѣсь, а молодой отправляется съ дружкой и подружьемъ звать тестя и тещу. Тесть потчуетъ гостей и снаряжаетъ подводы съ приданымъ; потомъ идутъ, и въ слѣдъ за ними тянется подвода съ сундукомъ—приданымъ. Въ это время поютъ :

Откудова свѣтелъ мѣсяць взойдя,
Откудова мой батюшка прїѣдя,
И съ шубками, съ нарядками
Съ долгими рукавами.

Компанія, когда завидитъ обозъ, тестя и тещу, поетъ :

Пайди-ка, батюшка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!
Пайди-ка, матушка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!

Попотчивавъ тестя и тещу, вся компанія отправляется въ спальню молодыхъ; берутъ каравай, съ плясками и пѣснями, кладутъ его на голову дружкѣ, несутъ и поютъ :

Дружко каравай кроя,
Залатой ножикъ моя (моеть),
Серебряну тарелачку.
Тебе было не дружковать,
Тебе было пановать
У городъ паномъ!

Дружка разрѣзываетъ каравай на части. Эти частицы кладутся на поднось по одной; подружіе, или дядька, наливаетъ водку, а сваха (теща) кладетъ подарокъ. При этомъ дружка возглашаетъ имя и отчество того, кому принадлежитъ подарокъ; напр., «Сидоръ Пахомычъ! если ты на бесѣдѣ, покажи своё бѣлое лицо, черныя брови; сыръ, каравай принимай, нашихъ маладыхъ надѣлай: не рублёмъ, полтинай, залатою гривной. Нашимъ молодымъ много надобно: на мыльца, бялильца, чтобы были румяныя лица.» Тотъ, къ кому относится воззваніе, беретъ рюмку и кусочекъ каравая и пьетъ; при этомъ молодые падаютъ ему въ ноги, а овъ беретъ подарокъ и тутъ же кладетъ отдарокъ, если человѣкъ денежный. Если же кто даритъ овцу и т. п., то объявляетъ объ этомъ громогласно, а подружье громко повторяетъ: «Си

доръ Пахомычъ овцу; пиши овцу.» Братъ невѣсты или тотъ, кому поручается замѣчать подарки, давно уже стойтъ съ рогачемъ, или кочергой, и при словахъ: «пиши овцу», черкаетъ орудіемъ печку или потолокъ въ избѣ, такъ-что *шпаруны* летятъ внизъ. Общій смѣхъ и крикъ: «шпаруна упала, шпаруна упала». При этомъ молодые встаютъ, цѣлуются и благодарятъ за подарокъ. Тоже или подобное дѣлается и съ прочими подарками, и каждый подарокъ непременно сопровождается возгласомъ дружки: «если ты на бесѣдѣ»... и проч.

Свекру и свекрови молодая (или теща) кладетъ рубахи, прочимъ платки. При этомъ поютъ:

Сказали: наша Марьюшка
Ни ткаха, ни пряха;
Ажна наша Марьюшка
И ткаха и пряха!
Рано вставала,
Тонко пряла,
И бѣло бляила,
Весь родъ придарила.

Послѣ подарковъ и обѣла, дружка всю *бесѣду* (компанію) зоветъ къ себѣ. Его дарятъ шараварами, хусткой, платкомъ, деньгами, рублей до 5 асс., и штофомъ водки. Хустка подъ караваемъ и платокъ, которымъ накрытъ былъ каравай, также принадлежатъ ему. Потомъ *бесѣда* идетъ по роднымъ, и это продолжается день, два, смотря по тому, сколько родныхъ. Но *окорокъ* еще цѣлъ; онъ, такъ же, какъ и при печенъи каравая, былъ зрителемъ свадьбы и все-таки уцѣлѣлъ. Какое же назначеніе этого окорока? Прятать концы: когда обойдутъ родственниковъ, тогда всѣ гурьбой идутъ концы прятать къ молодому. Этотъ окорокъ иначе называется *разгонщикомъ*, потому-что *бесѣда*, съѣвъ его и попохмелившись, расхбидится по домамъ.

БЫТЬ МАЛОРУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ).

Въ-слѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій, югъ и юго-западъ Европейской Россіи рѣзко отличаются отъ остальныхъ частей нашей обширной имперіи. Вся прекрасная полоса, орошаемая Десной, Сеймомъ, Донцомъ, Сулою, Пселомъ, Ворсклою, Бугомъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ, со множествомъ небольшихъ рѣчекъ, изобилуетъ превосходными лугами (степями) и превосходнымъ черноземомъ, который сильно облегчаетъ и вознаграждаетъ съ лихвою трудъ земледѣльца. На этомъ плодородномъ пространствѣ, подъ благодатнымъ небомъ, водятся съ успѣхомъ овцы, начиная отъ простой породы до самыхъ дорогихъ, тонкорунныхъ мериносовъ; водятся табуны прекрасныхъ лошадей; размножаются стада рогатаго скота, составляющаго первое условіе довольства края, и произрастаютъ всевозможные сорта хлѣбовъ, почти всегда приносящихъ обильную жатву. Кромѣ хлѣбовъ жители сѣютъ также масляничныя растенія: коноплю, ленъ, подсолнечники и т. п., а мало-мальски зажиточные хозяева засѣваютъ поля арбузами, дынями, тыквами, огурцами и кукурузой (пшѣнка). Во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ разводится табакъ, не только мѣстный, именуемый *мажоркой* (аммерсфордскій), но и турецкій и американскій. Послѣдніе сорта

скоро однакожь перерождаются и теряють свои хорошія качества.

Малороссія безлѣсна сравнительно ; но берега почти всѣхъ рѣкъ покрыты лѣсами , и есть лѣсистыя мѣстности , значительныя относительно. Зато растительность необыкновенно богата , и подъ открытымъ небомъ произрастають яблоки , рѣдкіе сорта грушъ , сливъ , вишни , абрикосы , грецкіе орѣхи , черешни , и во многихъ мѣстахъ по Днѣстру , Бугу и Днѣпру дозрѣваетъ виноградъ , хотя качества весьма посредственнаго и не въ большомъ количествѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ тутовыя деревья (*шовковыця*) , доставлявшія прежде два раза въ лѣто плоды для лакомства , начинаютъ принимать на себя роль болѣе значительную , при показавшемся стремленіи къ шелководству не только у просвѣщенныхъ помѣщиковъ , но и у простолюдиновъ.

Небольшіе размѣры статьи не позволяютъ подробно исчислить всѣ удобства страны , представляемыя почвою ; но нельзя не упомянуть объ одномъ весьма важномъ мѣстномъ произведеніи : это — выдѣлка селитры , преимущественно по контракту для пороховыхъ заводовъ и въ небольшомъ количествѣ для частнаго потребленія. Въ Черниговской губерніи есть фарфоровая глина , произведенія изъ которой можно видѣть и здѣсь въ Петербургѣ (въ Пассажѣ) ; а Кіевская Межигорская фаянсовая фабрика извѣстна болѣе или менѣе каждому. Не такъ давно , Кіевской губерніи , Радомысльскаго уѣзда въ имѣніи помѣщика В. И. Сивицкаго открыты огромнѣйшія копи превосходнаго лабрадора , которымъ подобныхъ по величинѣ до сихъ поръ не встрѣчается на всемъ земномъ шарѣ. Въ рѣкахъ водится рыба , начиная отъ осетра и стерляди до самой мелкой плотички ; въ лѣсахъ — разные звѣри : и медвѣди , и дикіе кабаны , и дикія козы , и волки , и лисицы , и зайцы. Дичи изобиліе , а флора необыкновенно роскошно убираетъ душистыми коврами разнообразныхъ цвѣтовъ луга , поля и рощи.

Изъ этого краткаго , слегка набросаннаго очерка уже видно , сколько естественныхъ богатствъ разсыпано въ Южномъ краѣ , какой тамъ благодатный климатъ и какими удобствами должна изобиловать жизнь человѣка на этой мѣстности.

Какъ южная природа отличается отъ сѣверной, такъ и племя малорусское отличается отъ великорусскаго: типомъ, языкомъ, характеромъ, одеждою, нравами и обычаями. Малороссъ имѣеть болѣе или менѣе азіатскій обликъ, темные волосы, загорѣлую кожу, и онъ худощавъ по преимуществу. Языкъ его тотъ же славянскій, но отлившійся въ особую форму, въ слѣдствіе климатическихъ и нѣкоторыхъ другихъ условій, и удержавшій многія древнія рѣченія.

Характеръ Малоросса добрый, спокойный, слегка насмѣшливый и не скоро забывающій оскорбленіе. Лѣнь проглядываетъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и движеніяхъ, но не та, которую придаютъ ему досужіе наблюдатели нравовъ народныхъ, изучающіе край изъ почтоваго экипажа, не та, о которой такъ краснорѣчиво пописываютъ нѣкоторые беллетристы, а лѣнь — достояніе южнаго климата. Лѣнь эта вытекаетъ собственно изъ всѣхъ его работъ и занятій. Помните, что Малороссъ обрабатываетъ свои поля, перевозитъ тяжести, отправляетъ ремесло извозчика все на волахъ, походка которыхъ тяжела и необыкновенно медленна, помните, что онъ работаетъ подъ ужаснымъ зноемъ почти съ апрѣля до половины сентября, и лѣнь эта, подвергающая его насмѣшкамъ и порицаніямъ, приметъ въ глазахъ вашихъ не столь ужасающія формы и не столь громадныя размѣры. Лѣнь эта вошла въ пословицу, подъ именемъ малорусской, и тѣ, которые любятъ *dolce far niente* итальянскаго тунеядца, тѣ ставятъ климатическое условіе въ укоръ доброму и трудолюбивому Малороссу. Не спору, что, можетъ-быть, классъ болѣе образованный въ Малороссіи и подверженъ пресловутой лѣни; но зачѣмъ же, не зная дѣла, порицать добраго простолюдина? Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, назначенъ былъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ князь Куракинъ, вельможа, снискавшій въ краю всеобщую любовь и уваженіе, онъ сначала тоже, по обычаю всѣхъ, нападалъ на малорусскую лѣнь, о которой слышалъ столько остроумныхъ и неостроумныхъ анекдотовъ. Однажды завелъ онъ объ этомъ рѣчь съ однимъ изъ просвѣщенныхъ предводителей дворянства и совѣтовался, какъ-бы искоренить это зло. Предводитель спросилъ, гдѣ же князь видѣлъ слѣдствіе этой лѣни, случилось ли ему замѣтить по всему краю хоть одну полоску

необработанной земли? Вельможа задумался и убѣдился, что порокъ этотъ должно-быть не такъ значителенъ, какъ говорить о немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, почва въ Малороссіи необыкновенно плодородна, изрѣдка развѣ кое-гдѣ требующая удобренія, климатъ благодатный; слѣдовательно, земледѣльцу не предстоитъ тѣхъ трудовъ, какіе несетъ его сѣверный собратъ на своей трудной и не всегда благодарной почвѣ. А когда приходитъ время косьбы, жатвы, уборки хлѣба съ полей, то не мѣшало бы вопіющимъ противъ лѣни проѣхать хоть по большимъ дорогамъ Малороссіи. Эти наблюдатели увидѣли бы дѣятельность и движеніе не только днемъ, но цѣлую ночь, въ-продолженіе которой возы, накладенные снопами, медленно двигаются по всѣмъ направленіямъ, — медленно, потому-что, какъ замѣчено выше, волъ идетъ своимъ медленнымъ, однообразнымъ шагомъ. Если же, разметавшись на этомъ возу, крѣпко спать Малороссъ, увѣренный, что волы доvezутъ его къ порогу хаты, то начавшему работать съ разсвѣтомъ можно и уснуть во время пути.

Представляя все это на судъ просвѣщеннаго читателя, и я съ своей стороны скажу, что хотя лѣнь эта и не такъ ужасна, какъ о ней отзываются, однако при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ она дѣйствительно могла бы быть меньше. Дастъ Богъ, современемъ, при развитіи грамотности, чему сильно споспѣшествуютъ Министерство Государственныхъ Имуществъ и многіе разумные помѣщики, народъ займется съ успѣхомъ какими-нибудь новыми работами, промыслами или ремеслами, которые избавятъ его отъ излишняго свободнаго времени. Что же касается до земледѣлія, то его можно и должно улучшить, потому-что Малороссъ пашетъ едва не допотопнымъ плугомъ, иногда четырьмя парами быковъ. Впрочемъ, образчики плуговъ временъ Ноя случалось мнѣ видѣть въ глубинѣ Грузіи, гдѣ запрягаютъ по двѣнадцати паръ, включая въ это число пары четыре буйволы. Между-прочимъ надо сказать и то, что на югѣ попадаетъ грунтъ земли необыкновенно твердый, въ-особенности на лугахъ, которыхъ иначе и нельзя вспахать, какъ плугомъ, который бралъ бы очень глубоко. Улучшеніе земледѣлія сбережетъ крестьянину время на другую какую-нибудь работу, потому-что хлѣба и безъ того родится столько, что его дѣвать некуда. Изобиліе

при недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія поддерживаетъ почти постоянно самыя низкія цѣны, не смотря на большое количество винокуренъ, потребляющихъ рождъ большими массами; а голода опасаться не возможно, съ тѣхъ поръ, какъ Министерство Государственныхъ Имуществъ учредило общественную запашку, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ строго наблюдаетъ о наполненіи общественныхъ магазиновъ.

Исключительная черта малорусскаго характера — юморъ проявляющійся иногда и въ грубыхъ формахъ, но постоянно преобладающій во всѣхъ рѣчахъ Малоросса. Малороссъ не только подшучиваетъ надъ другими, но и надъ самимъ собою, не смотря иногда на чрезвычайно грустное свое положеніе. Притомъ же, доведя языкъ свой до необыкновенной степени лаконизма, онъ иногда шутитъ необыкновенно остроумно.

Бытъ малорусскаго крестьянина совершенно патриархальный, исключая одно обстоятельство, оставшееся, какъ наслѣдіе древнихъ Славянъ, у Великоросса и утратившееся въ Малороссіи. Я говорю объ исключеніи изъ народнаго быта обычая править родоначальнику всею семьею. Здѣсь очевидно вліяніе безпрестанныхъ войнъ края, въ—продолженіе которыхъ семейства раздѣлялись и дробились при частыхъ переселеніяхъ. Впрочемъ встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ члены живутъ вмѣстѣ подъ начальствомъ дѣда и работаютъ сообща, хотя подобные примѣры очень рѣдки и совершенно не въ нравахъ народа.

Крестьяне малорусскіе живутъ въ мѣстечкахъ, селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ. Послѣдніе разбросаны въ степныхъ мѣстахъ, и количество избъ, ихъ составляющихъ, отъ одной доходитъ до двадцати и болѣе. Старинныя селенія и деревни лежатъ обыкновенно по берегамъ рѣкъ, окруженныя небольшими лѣсами и возвышенностями, расходящимися въ разныхъ направленіяхъ и служащими продолженіемъ нагорныхъ береговъ. Селенія эти обыкновенно раскинуты на живописныхъ мѣстностяхъ, окружены рядомъ крылатыхъ мельницъ, которыя преимущественно строятся на горахъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ свободнѣе ворочать ихъ крылья. Избы (хаты) Малороссовъ разбросаны въ безпорядкѣ, рѣдко образуя улицы, но по болѣе части окружая обширныя выгоны, на которыхъ пасутся домашнія птицы и молодыя домашнія

животныя. Во многихъ мѣстахъ выгоны эти называются *солонцами*, потому-что состоятъ изъ глинистой солончатой почвы. Вообще всѣ эти долины, идущія между горами, поросшія дѣсомъ и занятыя подъ селенія и деревни, безъ-сомнѣнія, въ до-историческія времена служили ложемъ рѣкъ, занимавшихъ иногда все это пространство. Доказательствомъ подобнаго предположенія служатъ, во-первыхъ, близость воды отъ уровня земли, во-вторыхъ, остатки болотъ, въ которыхъ окаменѣлости рѣчныхъ раковинъ попадаются въ горахъ, очевидно служившихъ берегами.

Видъ малорусскаго селенія чрезвычайно пріятенъ для взора: чистыя, выбѣленные хаты почти всегда окружены садами, и легкій плетень и сквозныя сколоченныя изъ жердей ворота даютъ возможность видѣть всю дѣятельность и движеніе сельскихъ жителей. У оконъ, въ-особенности, если въ семействѣ есть дѣвушка, красуются простые цвѣты: гвоздики, барвеннокъ, дзиндзиверь, красоля, королевъ цвѣтъ, зоря, штокъ-роза и роза обыкновенная (троида). Огородъ украшенъ высокими подсолнечниками и разноцвѣтнымъ макомъ; тамъ-и-сямъ цвѣтутъ пышными бѣлыми букетами кусты бузины, калины, и возлѣ иныхъ хатъ растутъ душистые кусты сирени (бузокъ).

Дворъ Малоросса не имѣетъ однообразной, постоянной архитектуры; устроивается онъ безъ задуманнаго плана: то бываетъ окруженъ хозяйственными постройками, то постройки эти вытянуты въ одну линію съ хатой, то разбросаны между группами деревьевъ, которыя вообще въ большомъ почетѣ у Малоросса. Никогда, имѣя даже необходимость построить какой-нибудь сарай на извѣстномъ мѣстѣ, на которомъ растеть дерево, Малороссъ не срубить дерева, но, жертвуя наружнымъ видомъ сарая, окружить постройкою старинный дубъ или берестъ и пропустить дерево сквозь крышу. Хозяйственныя постройки состоятъ изъ *комѳри* (кладовой), *возвани* (сарая для телегъ), *кошари* (сарая для овецъ), *загодна* (открытаго сарая для скота и лошадей), разнообразныхъ *хлѣвовъ* (для свиней, домашнихъ птицъ), *сажѣ* (особаго помѣщенія для откармливанія свиней), и нѣсколькихъ *повытокъ* (навѣсовъ), а иногда и продолговатыхъ хлѣвовъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ и крытое гумно, съ высокой кони-

ческой крышей, которое называется *клуя*. Обыкновенно хлѣбъ ставится на *току* и молотится подъ открытымъ небомъ. Площадка, предназначенная для этого, утрамбовывается особаго рода орудіемъ, называемымъ *тѣлокъ*, и дѣлается чрезвычайно тверда. Вотъ и все незатѣйливое устройство. Если хозяинъ ремесленникъ, то онъ ставитъ, гдѣ ему удобнѣе, особую повѣтку для своего спеціальнаго занятія.

Жилище Малоросса, его хата, отличается, если не всегда снаружи, то всегда внутри, необыкновенною чистотою. И снаружи у бѣльшей части крестьянъ избы чисто выбѣлены и даже у оконъ раскрашены разноцвѣтною глиною; но внутри постоянно соблюдается самая строгая чистота, какая только возможна при большомъ семействѣ, и не смотря на то, что зимою въ избѣ помѣщаются многія изъ домашнихъ животныхъ: молодые телята, ягнята и насѣдки. Архитектура хатъ очень проста; хаты раздѣляются на два рода: на *рубленныя* (срубленныя изъ дерева) и на *мазанки*. Первые строятся въ мѣстахъ лѣсистыхъ, при безлѣсѣ же только людьми жилищными, а послѣднія тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ и вообще на степныхъ пространствахъ. Мы возьмемъ для примѣра мазанку хозяина средняго состоянія. Надо замѣтить, что всѣ вообще постройки Малоросса дѣлаются сосѣдями и знакомыми, безъ всякаго предварительнаго условія, даромъ, по-сосѣдски. Каждый женатый человекъ обязанъ умѣть плотничать и не смѣетъ отказаться, если сосѣдъ приглашаетъ его на работу. Хозяинъ обязанъ только хорошо кормить *майстра* (плотника) и въ извѣстное время угощать виномъ. Избравъ мѣсто для новой хаты и сдѣлавъ *закладины*, т.-е. освятивъ мѣсто, врываютъ по угламъ высокіе столбы (*сохи*). Послѣ этого плотники начинаютъ строить крышу, предварительно на землѣ, гдѣ-нибудь по-близости. Размѣривъ, какъ слѣдуетъ, кладутъ они нѣсколько вѣнцовъ дерева, связываютъ ихъ балками (*сволокъ*), утверждаютъ стропилы (*кроквы*), которыя обшиваютъ тоненькими жердями (*латы*) въ видѣ сѣти. Въ это время плотники, менѣе искусныя, вбиваютъ между поставленныхъ столбовъ дубовыя кольца, оставляя мѣсто для дверей и оконъ, и оплетаютъ ихъ хворостомъ. Женщины кладутъ на плетень толстые слои глины, и стѣны готовы. Въ иныхъ мѣстахъ плетень дѣлаютъ въ два ряда и узкое пространство на-

бываютъ глиной, смѣшанной съ соломой. Тогда плотники разбираютъ срубъ и крышу и утверждаютъ уже все это на столбахъ накрѣпко. Двери дѣлаются тѣми же мастерами; но окна покупаются на ярмаркахъ готовыми. Крыша бываетъ соломенная или, въ-особенности по-близости большихъ рѣкъ, тростниковая.

Подобное жилище состоитъ обыкновенно изъ избы (*хаты*), сѣней и *хижи* (кладовой). Въ сѣняхъ ставится плетеная дымовая труба, которая называется *дымарь*, до верху крыши; а оконечность ея на кровлѣ называется *верхъ* (собственно труба) и бываетъ покрыта иногда деревянной кровелькой, или и просто остается непокрытою. Въ степныхъ совершенно ровныхъ мѣстахъ, во время сильныхъ мятелей, трубы эти служатъ единственнымъ отверстіемъ для выхода, потому-что снѣгъ заваливаетъ избы въ уровень съ крышами. Изъ сѣней бываетъ одинъ или два выхода. Иногда одна дверь открывается прямо въ *загороду* (открытый сарай для скота), а иногда на гумно, смотря по обстоятельствамъ, потому-что, какъ сказано выше, у Малоросса нѣтъ системы въ расположеніи хозяйственныхъ построекъ.

Внутренность хаты обставлена тоже довольно оригинально. При входѣ, одинъ уголъ занятъ печью, сколоченною изъ глины иногда весьма искусно и красиво. Израсцовая печь уже роскошь и встрѣчается у зажиточнаго хозяина, у котораго есть свѣтлица: такая печь называется *груба*, и въ ней уже не готовится пища. По другую сторону двери прибиты полки (*полѣщи*) для разныхъ домашнихъ сосудовъ, а иногда стоятъ *судники* — родъ шкафа безъ дверецъ, но съ полками, для того же самаго употребленія. Вдоль стѣны, противоположной печкѣ, вверху тянется еще одна большая полка, на которой поставлены и положены разныя хозяйственныя принадлежности. Въ переднемъ углу (*покуть*) стоитъ божница (*кіотъ*) съ иконами, украшенная цвѣтами, преимущественно васильками и гвоздикой. Иногда уголъ этотъ обить кускомъ обоевъ. Передъ иконами, на шнурочкахъ, повѣшены различныя писанки и голуби, сдѣланные изъ разноцвѣтной бумаги — произведеніе дѣвушекъ. Въ переднемъ же углу подъ образами стоитъ столъ по большей части сундукъ (*скриня*) на подмосткахъ, покрытый чистою скатертью, на которой

лежитъ хлѣбъ и соль — признакъ гостепріимства. Вдоль стѣнъ тянутся скамьи (*лавы*), а на пространствѣ между печкой и стѣною устроены нарѣ (*пиль*), на которыхъ спятъ обыкновенно хозяйка съ хозяйкой. Прочіе члены семейства размѣщаются гдѣ кому удобнѣе : кто на лавкахъ, кто на печкѣ ; а въ лѣтнее время, по обычаю, все народонаселеніе, за исключеніемъ стариковъ, спитъ на открытомъ воздухѣ. Воздѣ нарѣ виситъ обыкновенно колыбель, на такомъ разстояніи, чтобы мать ночью могла качать ее ногою, если ребенокъ заплачетъ съ просонья. Подъ нарами, а иногда подъ скамьями и даже подъ печью, заплетается помѣщеніе (*куча*) для домашнихъ птицъ, необходимое въ-особенности весною, когда насѣдокъ сажаютъ на ялицы. На стѣнѣ на колышкахъ висятъ : шапки, длинные кнуты (*батоги*), которыми погоняютъ воловъ, и если есть взрослые дочери, то гдѣ-нибудь въ стѣнѣ вмазанъ кусочекъ разбитаго зеркала. Это хата обыкновеннаго земледѣльца, простаго *хльбороба* ; но если кто изъ семьи занимается какимъ-нибудь ремесломъ, то въ хатѣ стоятъ и необходимыя для этого принадлежности : орудія бочара, верстакъ ткача или ткачихи, *дэиэликъ* (треногій стулъ) сапожника и т. п. Въ сѣняхъ тоже не пусто: здѣсь непремѣнно стоятъ ступа, въ которой толкутъ пшено, *тѣрмица*, на которой приготавливаютъ ленъ и пеньку въ дурную погоду, бочки, боченки ; а вверху на поперечной балкѣ стропилъ виситъ сало, безъ котораго трудно обойтись Малороссу. На чердакѣ (*горыще*) сложены тоже разныя домашнія принадлежности. Въ *хижѣ* хранится мука, крупа, соль, иногда зерновой хлѣбъ и разная домашняя рухлядь. У иныхъ въ сѣняхъ или *хижѣ* устраивается небольшой погребъ, но чаще вырываютъ его вблизи избы. Въ мѣстахъ гористыхъ роютъ погреба въ горѣ ; и такой погребъ уже называется *лѣжъ*, который имѣетъ иногда очень длинныя рукава.

Хорошая хозяйка и изъ сѣней устроитъ весьма приличное помѣщеніе лѣтомъ для обѣда, потому-что въ хатѣ обыкновенно душно. Нижняя часть трубы у нея обложена глиной и смазана чисто ; по угламъ сдѣланы тоже глиняныя столбики, на которыхъ стоитъ ведро съ свѣжею водою или посуда ; полъ болѣе или менѣе чистый и превосходно смазанный.

Зажиточный Малороссъ имѣетъ вѣтряную мельницу, до-

ставляющую ему порядочный доход, а именно десятую часть зерна, называемую *размиръ*. Иные же, кто не въ-состояніи имѣть мельницы, а не хочетъ отдавать за помолъ десятой части, устраиваютъ у себя въ сѣняхъ *жорна*, т.-е. ручную мельницу, на которой мелютъ уже руками. За право смолоть хлѣбъ въ чужихъ *жорнахъ* тоже платится *десятина*. У очень богатыхъ крестьянъ, въ-особенности живущихъ хуторами, бываютъ и водяныя мельницы. Жители деревень, расположенныхъ по берегамъ значительныхъ рѣчекъ, преимущественно занимаются рыбною ловлей, воздѣлывая поля собственно для своего обихода; каждый предпочитаетъ разѣзжать въ челнокъ и ловить рыбу и раковъ, сбывая уловъ въ близлежащихъ городахъ или мѣстечкахъ. Есть села, славящіеся своими рыбаками, и туда изъ далекихъ мѣстъ съѣзжаются покупатели.

Между Малороссами есть и пчеловоды, и въ иной *паськѣ* (пчельникѣ) можно насчитать по нѣскольку сотъ ульевъ. *Пасъчниками* обыкновенно бываютъ старики, которые, близко ознакомившись съ природой, обладаютъ иногда нѣкоторыми тайнами, до сихъ поръ неразгаданными наукой; такъ, иные знаютъ цѣлебную силу растений, съываютъ имъ однимъ извѣстнымъ способомъ змѣй, заговариваютъ зубную боль и т. п. Народъ всегда почти приписываетъ старикамъ-пасъчникамъ знакомство съ сверхъестественными силами. Въ лѣтнее время, когда цвѣтетъ гречиха, пчельники перевозятся въ поле, что называется *вывозить паську въ гречку*. Медъ и воскъ покупаютъ обыкновенно пріѣзжіе торговцы (преимущественно рыльскіе).

У Малоросса все свое, непокупное, исключая соли и косъ (*). Разумѣется, я говорю о предметахъ первой потребности; но предметы роскоши, конечно условной, пріобрѣтаются на ярмонкахъ, которыхъ въ краѣ изобиліе.

Теперь, когда мы нѣкоторымъ-образомъ, хоть поверхностно, ознакомились съ принадлежностями быта малорусскаго крестьянина, прослѣдимъ вкратцѣ жизнь Малоросса отъ колыбели до могилы, взглянемъ на этого крестьянина во

(*) Косы тоже развозятся по Малороссіи рыльскими купцами, которые получаютъ ихъ изъ Австріи.

всѣхъ возрастахъ , при всѣхъ условіяхъ его праздничной и будничной жизни, при всѣхъ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ его скромнаго патриархальнаго быта.

Рожденіе младенца не всегда происходитъ въ хатѣ: нерѣдко ребенокъ впервые увидитъ свѣтъ Божій въ чистомъ полѣ, на нивѣ колосистой пшеницы, гдѣ-нибудь подъ коннами, и, спеленанный наскоро, укладывается подъ импровизированнымъ навѣсомъ. Мать его, крѣпкая, неисторченная натура, иногда часа черезъ три снова принимается за работу. Родильницы (*породіля*) производятъ на свѣтъ дѣтей безъ особыхъ мученій, и слабость ихъ много если продолжается дня два, три. Обыкновенно акушерками служатъ старухи, не имѣющія никакихъ специальныхъ познаній, а дѣйствующія по преданіямъ и по навыку.

Съ первыхъ же дней жизни ребенокъ поступаетъ или къ какой-нибудь родственницѣ-старухѣ, или чаще къ маленькимъ дѣвочкамъ въ семействѣ, и по цѣлымъ днямъ виситъ въ своей колыбели, качаемый подъ припѣвъ безчисленнаго множества пѣсенокъ, которыя тутъ же импровизируются маленькими няньками, какъ справедливо замѣчаетъ М. Максимовичъ (Украинскія Народныя Пѣсни). Ничего не можетъ быть проще этого напѣва; но пѣсенки иногда бываютъ необыкновенно интересны. По бѣльшей части въ нихъ главную роль играетъ котъ, какъ первая и часто единственная игрушка ребенка. Едва только дитя начинаетъ сидѣть, оно переходитъ изъ колыбели на цѣлый день въ старое лукошко, въ которомъ и сидитъ, часто забытое совершенно, предоставленное самому себѣ, играя съ котенкомъ или какимъ-нибудь лоскуткомъ. Во время полевыхъ работъ, матери однако же носятъ дѣтей съ собою, какъ-бы ни было поле далеко. Выучась ползать, ребенку предстоитъ уже болѣе разнообразія; но едва начинаетъ онъ ходить, какъ дѣлается полнымъ властелиномъ своего времени и цѣлые дни, не смотря на пору года и погоду, проводить на дворѣ, играя съ сосѣдними ребятishками. Тутъ уже онъ воленъ бродить, поднявъ рубашенку, по лужамъ, пересыпаться пескомъ, рыть ямки, строить домики, гоняться за домашними птицами, а зимою скользить по льду, спускаться въ саночкахъ и играть въ снѣжки.

Счастливыи возрастъ младенчества проходитъ однакожъ

очень скоро, а отрочеству предстоятъ уже свои занятія. Достигнувъ семи лѣтъ, мальчикъ надѣваетъ штаны и называется *погоннычъ*, т.-е. погонщикъ воловъ во время паханья, но кромѣ этого онъ пасетъ телятъ, овецъ, свиней и исправляетъ нѣкоторыя самыя легкія обязанности по хозяйству. Дѣвочка повязываетъ *запѣски* (см. ниже) и называется *пряжа*, потому что съ этихъ поръ начинаетъ знакомиться съ мочкой и веретеномъ. Съ семи лѣтъ дѣвочка начинаетъ нянчить дѣтей, пасетъ тоже телятъ, овецъ, гусей и помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Но вообще до 12 лѣтъ дѣти пользуются еще бѣльшей или мѣньшей свободой. Послѣ мальчики несутъ работы наравнѣ съ взрослыми, разумѣется, работы легкія; дѣвочки прядутъ, шьютъ, стираютъ, бѣлятъ полотна и во время полевыхъ работъ сгребаютъ сѣно и жнутъ.

Дождавшись 18 лѣтъ, парубокъ (парень) подумываетъ уже о женитѣ бѣ. Онъ выбираетъ себѣ подругу жизни часто еще съ отроческаго возраста, когда ребята пасутъ вмѣстѣ скотъ съ дѣвочками или играютъ въ свои незатѣйливыя игры. Привязанность эта увеличивается съ лѣтами на *улицѣ*, на *вечерницахъ*, *досѣткахъ* и *грищахъ*. *Улица* значитъ собраніе молодыхъ людей вечеромъ гдѣ-нибудь на площади, весной, лѣтомъ и въ началѣ осени. На улицѣ поютъ пѣсни, балагурятъ, а иногда и танцуютъ до полуночи. Какъ только опустился вечеръ и добрые люди поужинали, старики, дѣти и женатые люди ложатся спать, а юность спѣшитъ на улицу. Лѣтнею ночью пѣсни не умолкаютъ по селенію и звонко переливаются въ разныхъ мѣстахъ подъ навѣсомъ свѣтлаго украинскаго неба. Каждый парень открыто ухаживаетъ за предметомъ своей нѣжности, и, нагулявшись досыта, спѣвъ множество пѣсенъ, потанцовавъ, пары нечувствительно расходятся, окутанныя таинственнымъ покрываломъ ночи, и почти всегда остаются вмѣстѣ до утра. Но да не подумаютъ читатели, что молодость въ это время предается разврату. Я нарочно упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, потому-что мнѣ хочется показать въ настоящемъ свѣтѣ чистые патріархальныя нравы малорусскаго народа. Свидѣтельство объ этомъ можно найти еще у Боппана, который хотя и служилъ польскому королю, слѣдовательно смотритъ на Украинцевъ глазами Поляковъ, однако же отдаетъ полную справедливость поведенію Мало-

россіянокъ. Но кто жилъ долго въ краю и знаетъ основательно бытъ народный, тотъ можетъ сказать, что, хотя грустные примѣры разврата и встрѣчаются иногда въ Малороссіи, однако это чрезвычайно рѣдко и почти всегда бываетъ слѣдствіемъ другихъ условій, но не свободнаго обращенія молодежи. Парень, избравшій дѣвушку, смотритъ на нее какъ на будущую супругу и уважаетъ честь ее до-того, что не осмѣливается даже обнаружить передъ подругой увлеченія пылкаго возраста. Нерѣдко бывали примѣры, что дѣвушка отказывалась гулять вмѣстѣ съ любимымъ парнемъ, позволявшимъ себѣ требовать болѣе того, что допускаетъ народная благопопристойность. Наконецъ эта свобода съ дѣтства, патриархальная простота, отсутствіе пороковъ вообще умѣряютъ какъ-то требованія пола, и молодежь довольствуется невинными ласками (жениханьемъ). Одно уже это названіе ясно опредѣляетъ характеръ ласки. Разумѣется, любящіяся по большей части женятся; но бываютъ случаи, что родители противятся браку и принуждаютъ сына жениться на избранной ими, дочь выдаютъ за того, кто имъ кажется приличной для нея партіей. И въ самомъ простомъ быту, въ глуши какаго-нибудь хутора, есть свои условія, приличія, свои глубокія драмы, однимъ словомъ, все, что встрѣчается и въ мірѣ образованномъ, только подъ другими формами. И здѣсь въ супружествѣ играетъ важную (но не главную) роль богатство, хотя зачастую случается, что бѣднякъ, простой *найметъ*, служившій у хозяина, женится на его единственной дочери и получаетъ все ея состояніе, и, наоборотъ, самая бѣднѣйшая дѣвушка, трудолюбивая или скромная красавица, выходитъ за перваго богача въ деревнѣ.

Осеннія и зимнія встрѣчи у молодежи происходятъ на *вечерницахъ*, *досвѣткахъ* и *ерищъ*. Опредѣливъ для своего малорусскаго словаря значеніе этихъ словъ, я полагаю приличнымъ сдѣлать здѣсь выписки.

Досвѣтки — это посидѣлки, собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сидящихся въ какую-нибудь избу для работы. *Досвѣтки* можно раздѣлить на двѣ части: на *вечерницы* и собственно *досвѣтки*. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь женщину и поручаютъ ей устроить свои собранія, принося кто что можетъ изъ провизіи, разумѣется, припасе-

мой дома секретно. Надобно замѣтить, что матери и отцы возстаютъ (наружно) противъ этихъ собраній, и если бы родители увидѣли дочь свою, отправляющуюся на *досвѣтки*, они бы пожалуй и погоняли ее для примѣра; но родители стараются смотрѣть на это сквозь пальцы, потому-что сами провели лучшіе свои годы на этихъ сходкахъ юности. Забравъ всѣ принадлежности работы и не забывая провизіи, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работой (это *вечерницы*), тамъ ночуютъ, встаютъ чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это *досвѣтки*). На вечерницы всегда, а на досвѣтки довольно рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя зазноба; у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Не только не лишнимъ, но необходимымъ будетъ замѣтить здѣсь, что вечернія и ночныя эти собранія основаны на самой чистой, строгой нравственности. Ни одинъ парень, ни одна дѣвушка не позволяютъ себѣ ни малѣйшей нескромности, оскорбляющей добрые нравы. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать работать дѣвушкамъ, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, *гребнями* и чѣмъ придется. Наконецъ восстанавливается порядокъ: кто-нибудь рассказываетъ сказки, поютъ пѣсни; а если случится, что лихачъ какой принесетъ балалайку или скрипку и хватитъ *гдрлицу*, *метѣлицу*, конечно работа иной разъ летитъ на лавку, а рѣзвыя пары и попляшутъ немного. До сихъ поръ, смѣло можно сказать, въ Малороссіи была примѣрная чистота нравовъ. Вкусный завтракъ подкрѣпляетъ силы, работа идетъ своимъ порядкомъ, и не умолкаютъ пѣсни беззаботной молодежи.

Какъ вечерницы и досвѣтки учрежденія постоянныя, въ родѣ нашихъ собраній, такъ грище собраніе импровизированное, очень похожее на пикникъ. Точно также избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощеніе. На грище идутъ уже собственно веселиться, потому-что дѣлается это во время праздниковъ.

Осенью, тотчасъ же послѣ уборки хлѣба, начинаются сватовства. Парень, задумавшій жениться, спрашиваетъ у родителей благословенія и избираетъ двухъ *старость*, обыкновенно почетвѣйшихъ крестьянъ, обладающихъ также даромъ слова и знакомыхъ съ своей трудной обязанностью. По-

молясь Богу, старосты, въ сопровожденіи жениха, отправляются къ назначенному дому важной, мѣрной походкой, опираясь на *цилки* (палки) и не позабывъ взять съ собою хлѣба и соли.

Въ семействахъ, гдѣ есть невѣсты, все давно уже готово, и дѣвушка почти всегда знаетъ, въ какой день придутъ ее сватать. При словахъ: «старосты идутъ», въ хатѣ подымается суматоха: невѣста спѣшитъ поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ, а родители садятся подъ образами. Старосты должны постучаться въ дверь; ихъ спрашиваютъ: что за люди и зачѣмъ пришли? тѣ отвѣчаютъ заученными извѣстными фразами и наконецъ входятъ въ избу. Официальные переговоры продолжаются довольно долго, въ-продолженіе которыхъ женихъ стоитъ, потупя глаза, а невѣста, отворотясь лицомъ къ печкѣ, должна, по обычаю, отламывать кусочки глины (*лмч колупать*), какъ-бы выражая тѣмъ свое крайнее замѣшательство. Если родители согласны, то принимаютъ отъ старостъ хлѣбъ и соль; если же не согласны, то благодарятъ за честь и отказываютъ. Обыкновенно въ случаѣ согласія спрашиваютъ желаніе дочери и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, приказываютъ перевязать дорогихъ гостей. Невѣста спѣшитъ вынуть приготовленные заранѣ полотенцы (*рушники*) и перевязываетъ ими старостъ черезъ плечо, а жениху повязываетъ на правой рукѣ платокъ повыше локтя. Обрядъ этотъ называется *давать рушники, или знаки*, и отказаться послѣ этого считается уже поступкомъ безчестивымъ. Въ случаѣ отказа, еще водятся въ иныхъ мѣстахъ подносить жениху *гарбузъ* (тыкву).

Испекши довольно *шишекъ* (*), съ извѣстными обрядами, за нѣсколько дней до свадьбы, невѣста (*молода, заручена*), одѣвшись въ лучшее платье, убравъ голову цвѣтами и подпоясавшись вышитымъ полотенцемъ, идетъ приглашать знакомыхъ на свадьбу, а дѣвушекъ *кликать у дружки*. Войдя въ хату, она должна три раза поклониться, проговорить фразу: «*Просыли батько й маты и я прошу на хлибъ на силъ и на весилля*» и положить на столъ шишку. Начинаетъ она съ ближайшихъ сосѣдокъ, и такимъ-образомъ скоро составляется цѣлая

(*) Пшеничный плоскій небольшой хлѣбъ, съ разными украшениями.

вереница молодыхъ дѣвушекъ , которыя идутъ съ пѣснями отъ хаты до хаты , и число ихъ возрастаетъ безпрестанно. Молодая выбираетъ изъ среды дѣвушекъ *старшу дружску*, т.-е. ту, которая должна держать вѣнецъ надъ нею.

Женихъ съ своей стороны собираетъ боаръ — молодыхъ парней, избравъ изъ нихъ *старшаго боарина* (шафера).

Незадолго до свадьбы (*весилла*), въ домѣ невесты собираются женщины мѣсить *коравай* (особеннаго рода хлѣбъ) и мѣсить его съ извѣстными пѣснями. Въ это же время идутъ разныя приготовленія къ приему гостей. Въ субботу собирается *дѣвичь-вѣчирь* (дѣвичникъ), а въ воскресенье обыкновенно чета вѣнчается послѣ обѣдни. Возвратясь изъ церкви, новобрачные (*князь и княгиня*) входятъ въ домъ съ церемоніей и съ музыкой; потомъ начинается обѣдъ, за которымъ новобрачные сидятъ на почетномъ мѣстѣ, а передъ ними въ кувшинѣ, наполненномъ розью, горятъ ихъ вѣнчальные свѣчи, связанныя вмѣстѣ красною лентою. Народъ замѣчаетъ, что чья свѣча сгоритъ болѣе, тотъ долженъ умереть скорѣе. Объемъ статьи не позволяетъ здѣсь привести пѣсенъ, которыя сопровождаютъ каждое почти дѣйствіе не только новобрачныхъ, но и всѣхъ чиновъ свадебной церемоніи: *дружка*, *свашки*, *свѣтллка*. Свѣтллка (она же и старшая дружка) держитъ *вилыце*, или *гильце*: клинокъ сабли, украшенный цвѣтами и калиновыми ягодами. Очень часто теперь *вилыце* дѣлаютъ изъ какой-нибудь вѣтки. Молодыхъ торжественно уводятъ въ *комору*, и черезъ нѣсколько времени, смотря по тому, окажется ли новобрачная цѣломудренною, или нѣтъ, происходитъ ужасный шумъ: веселья пѣсни и пляски, или буйство, при которомъ разбиваютъ посуду, утварь и все, что попадетъ подъ руку. Въ первомъ случаѣ плянуть съ обыкновенными пѣснями *приданки* и прыгаютъ по лавкамъ. Въ случаѣ нецѣломудрія надѣваютъ матери на шею хомутъ. Парни и дѣвушки уходятъ вслѣдъ затѣмъ, какъ уведутъ новобрачныхъ....

На другой день, если новобрачная цѣломудренна, что почти всегда и случается, то надъ домомъ ея выставляется шестъ, на который вѣшаютъ красную *замаску*; дружно и старосты перевязываются красными поясами черезъ плечо, и, умывъ торжественно молодую у ближайшаго колодца, весь

свадебный но́здъ съ музыкой отправляется къ роднымъ и знакомымъ на *добры день*, т.-е. съ визитами. Родные и знакомые дарятъ новобрачныхъ каждый по своему состоянію: домашними животными, холстомъ и проч.

Молодую увозятъ въ домъ мужа съ церемоніей: на воротахъ раскидываютъ иногда огонь, черезъ который должны переѣхать новобрачные. За телѣгой, на которой сидитъ она съ мужемъ, и гдѣ заключается ея приданое, слѣдуютъ иногда конные бояре, и всегда ѣдетъ нѣсколько повозокъ съ поѣзжанами. Потомъ идутъ пиры у родныхъ и знакомыхъ (*перезва* и *бѣседа*). Черезъ недѣлю новобрачные одни уже дѣлаютъ визиты и разносятъ калачи. Ничего не можетъ быть интереснѣе встрѣтить гдѣ-нибудь въ полѣ подобную чету. Изъ веселыхъ, говорливыхъ молодыхъ людей, недавно проводившихъ ночи напролетъ въ вѣжностяхъ и шутильвыхъ разговорахъ, они дѣлаются серьезнѣе, принявъ на себя новыя обязанности. Парень, который недѣлю тому назадъ ходилъ чуть не въ припрыжку, выступаетъ важно и медленно по дорогѣ, съ своею *люлькою* (трубка) въ зубахъ; а новобрачная — недавно еще рѣзвая дѣвушка — тоже подражаетъ мужу. Только на молодыхъ лицахъ нѣтъ переменъ: та же улыбка, тѣ же веселые взгляды, и чета разговариваетъ, вѣроятно, о будущемъ житьѣ-бытьѣ....

Парень уже не существуетъ; на сцену появляется *чоловикъ*, т.-е. мужъ, женатый, и принимаетъ на себя серьезныя обязанности. Почти всегда женатый сынъ отдѣляется отъ отца и живетъ своимъ домомъ. Онъ уже теперь *плугатьирь*. Эта одна изъ самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ работъ крестьянина. Отъ зари до зари долженъ онъ итти за плугомъ, влекомымъ волами, и смотрѣть, чтобы борозды ложились ровно, чтобы желѣзо брало въ-мѣру, и на каждомъ заворотѣ подымать этотъ тяжелый плугъ, выворачивать его вверхъ желѣзомъ и на обратномъ пути снова направлять по бороздѣ. Въ-слѣдствіе системы паханья, Малороссы и мѣру земли раздѣляютъ на свои плуговыя роздыхи. Нормальная мѣра *день*, т.-е. пространство, которое можно вспахать въ-продолженіе дня. День раздѣляется на три *упруга*, т.-е. упряжки: упругъ утренній, послѣобѣденный и вечерній. Четыре упруга составляютъ десятину.

Какъ только сойдетъ снѣгъ и просохнетъ земля, Малороссъ начинаетъ пахать и оканчиваетъ эту работу уже послѣ перваго мороза. Твердыя нивы и подъ извѣстные сорта хлѣбовъ онъ пашетъ тяжелымъ своимъ плугомъ; мягкія же и смотря по надобности онъ разрыхляетъ деревяннымъ раломъ. По вспаханной или разрыхленной нивѣ, передъ сѣйбой онъ проходитъ еще бороною и потомъ посѣявъ боронуетъ снова. Въ маѣ оканчиваются послѣдніе посѣвы поздней гречихи; на какой-нибудь мѣсяцъ Малороссъ разстается съ плугомъ. Но въ это время предстоятъ ему другія работы. Къ двадцатому іюня въ степяхъ посѣваютъ травы — время *косовицы*. Здѣсь опять я предложу читателямъ выписку изъ моего словаря.

«Полевая эта работа отбывается въ Малороссіи съ какою-то торжественностью. Болѣе зажиточные хозяева еще зимою запасаются косарями, давая послѣднимъ деньги, водку или хлѣбъ съ условіемъ откосить извѣстное число дней. Около Иванова дня или послѣ рабочіе собираются къ своему хозяину, который уже и отправилъ въ степь всю необходимую провизію: водку, хлѣбъ, рыбу, разное вариво, и позаботился выстроить шалаши. Рано утромъ или на ночь выходятъ *косари* изъ деревни съ громкими пѣснями и, положивъ косы на плечи, отправляются въ степь иногда верстъ за десять. Въ этой толпѣ легко узнать молодыхъ парней, которые въ первый разъ отправляются на *косовицу* съ *косами*. «Я косарь» — эта мысль тѣшитъ молодаго парня, потому-что косить начинаютъ тѣ изъ молодыхъ людей, которые приближаются къ совершеннолѣтію. Новички земли подъ собой не слышатъ, и хотя знаютъ, что косьба не бездѣлица, однако тѣмъ съ не мѣньшимъ удовольствіемъ воображаютъ себя совершеннолѣтними. Вотъ косари приходятъ къ шалашу, а тамъ давно уже вырыта *палданка* (земляная печь), и заботливыя хозяйки поставили возлѣ шалаша нѣсколько *вагдановъ* (деревянныхъ корытъ), наполненныхъ какимъ-нибудь кушаньемъ, возлѣ которыхъ лежитъ хлѣбъ, наръзанный ломтями, и приборы готовы. Каждый добрый человекъ долженъ носить ложку съ собою, по пословицѣ: *это носить, той не просить*.

«Обыкновенно косари встаютъ до разсвѣта, чтобы до зноку пройти нѣсколько *ручекъ* (пространство, выкошенное однимъ

человѣкомъ въ длину — до конца всего мѣста , назначеннаго хозяиномъ , а въ ширину — пока захватить коса), и позавтракавъ , выпивъ предварительно добрую косарскую порцію, отправляются на работу. Впереди идетъ *атаманъ*, избираемый *косарями*, котораго обязанность — вести ровно товарищей и подгонять *лѣнтяевъ* и отсталыхъ. Въ атаманы избираютъ обыкновенно человѣка , известнаго по косьбѣ , и онъ ведетъ себя серьезно , сообразно съ возложенною на него обязанностью. Работаютъ *косари*, *тнутъ* травку-муравку, а около десяти часовъ утра единодушно поглядываютъ на то мѣсто, гдѣ далеко въ степи едва видѣется таборъ. «Шабашъ!» восклицаетъ вдругъ атаманъ , и работа останавливается , а не одинъ зоркій глазъ усмотритъ близъ шалаша *вѣху*, т.-е. воткнутыя въ землю вилы , на которыхъ надѣта чья-нибудь шапка : это сигналъ , что пора обѣдать. Кухаркамъ небольшого стоящаго труда отыскать шапку, которыхъ десятки валяются возлѣ шалаша. *Косари* не косятъ въ своихъ обыкновенныхъ бараньихъ шапкахъ , а у кого нѣтъ круглой шляпы (соломенной или войлочной), тотъ завязываетъ голову платкомъ, листомъ, а иной и безъ всякой покрывки отправляется на работу. Съ нѣскими *косари* подходятъ къ шалашу, гдѣ кушанье уже разлито въ *ваганы*. Хозяинъ подаетъ рабочимъ водкой , и они ту же минуту садятся за изобильный, вкусный обѣдъ. А обѣдъ непременно долженъ быть вкусенъ , потому-что по законамъ *косовицы* , если кушанье приготовлено дурно, *косари* имѣютъ полное и неотъемлемое право подвергнуть кухарку наказанію лопатками, которыми они острятъ косу. Каждый *косарь* можетъ ударить одинъ разъ кухарку лопаткой , какъ ему угодно. За обѣдомъ идутъ рассказы о семь , о томъ ; воспоминанія о прошлогодней *косовицѣ* переищиваются съ замѣчаніями о настоящей; то подтруниваютъ опытные *косари* надъ молодежью , то рассказываютъ случай , что такой-то чуть не *выкосилъ* перепелку, а тотъ непременно *выкосилъ* бы зайца , если бы шелъ осторожнѣе, и т. д. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ и снова за работу часовъ до 4-хъ, тамъ полдень, потомъ работа, а съ заходомъ солнца ужинъ. Необыкновенно живописны группы *косарей* вечеромъ , когда при лунномъ освѣщеніи сидятъ они возлѣ шалаша, загорѣлые, въ однихъ рубахахъ. Почти у каждаго въ зубахъ коротенькая трубка, шапка надѣта на

бекрень; а въ кружкѣ молодежь отхватываетъ *гайдука* или другую плясовую. Бренчитъ балайка, *голосить сопила*, какой-нибудь хватина клеплетъ въ звонкую косу лопаткою или ударяетъ въ мѣдный котелъ; пляска продолжается до поздней ночи, хотя завтра съ разсвѣтомъ снова на работу. А когда присоединятся еще *гребцы*, тогда таборъ становится гораздо живописнѣе, потому-что прибавляется нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, молодыхъ и парнишекъ, которымъ не выпало еще на долю чести работать косою. И все это подъ открытымъ небомъ, въ атмосферѣ, напитанной запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и только-что скошеннаго сѣна. Кокетливыя дѣвушки имѣютъ множество способовъ украшаться цвѣтами, потому-что украинская флора богата, а за цвѣтами ходить не далеко. Когда сѣно сгребено и пролежитъ нѣсколько времени въ длинныхъ рядахъ, тогда его складываютъ въ конны, которыя потомъ сметываютъ въ стоги, или скирды.»

Вслѣдъ за уборкой сѣна наступаетъ жатва (жныва). Это самое трудное и требующее необыкновенной дѣятельности время для крестьянина. Прежде всего поспѣваетъ рожь, потомъ собираютъ вдругъ всѣ хлѣба, и жатва продолжается иногда весь сентябрь мѣсяцъ. Снопъ складываютъ сначала въ *лятки* (по 5 сноповъ), потомъ въ *полукопы* (по 30 сноповъ), которыя уже и свозятся на гумно. У многихъ крестьянъ празднуютъ *обжинки* (время окончанія жатвы), сопровождаемыя извѣстными цѣсиями, которыхъ множество. Обыкновенно избирается изъ среды жницъ самая красивая дѣвушка, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ колосьевъ и подноситъ такой же вѣнокъ, украшенный цвѣтами, хозяину или помѣщику. Но въ августѣ сѣютъ уже озимыя рожь и пшеницу и принимаются пахать. Женскія работы удваиваются; кромѣ жатвы, должно еще убирать багтанъ (бакша), пеньку, ленъ и огороды. Осенью женщины рубятъ капусту, квасятъ свеклу, мочатъ конопли и ленъ и приготавливаютъ прядиво. Съ первыми заморозками работы продолжаютъ въ избахъ.

И такимъ образомъ проходитъ дѣятельная жизнь трудолюбиваго Малоросса, котораго обыкновенно называютъ лѣнникомъ. Далеко до свѣта осенью и зимою просыпается семейство, зажигаетъ *каганецъ* (жирникъ), и умывшись, помолясь Богу и позавтракавъ кускомъ хлѣба, каждый сѣмнитъ къ

своимъ обыденнымъ занятіямъ: мужчины идутъ къ скоту, овцамъ подложить корму, и возвратясь занимаются или починкой одежи, упряжи, сбруи, или другимъ дѣломъ; женщины идутъ за водой, затапливаютъ печь и садятся за пряжу, включая взрослыхъ дѣвушекъ, которыя работаютъ на *досвіт-казѣ*. Дѣвушки ухажать однакожь изъ дому подъ предлогомъ работы у какой-нибудь подруги. Съ разсвѣтомъ мужчины отправляются на молотьбу и входятъ въ хату пообѣдать часовъ около 9; потомъ, послѣ краткаго отдыха, снова работаютъ съ перемерками до сумерекъ. Иногда, если необходимо, молотятъ и при лунномъ свѣтѣ.

Въ праздникъ Малороссъ непремѣнно отправляется къ обѣднѣ, и если въ деревнѣ нѣтъ церкви, то идетъ въ ближайшее селеніе, и цѣлый день не работаетъ, проводя время у родныхъ, знакомыхъ или пригласивъ гостей къ себѣ.

Домашняя, семейная жизнь Малоросса проходитъ спокойно, въ тишинѣ и занятіяхъ. Супруги живутъ между собою миролюбиво, въ-особенности, если, по народному обычаю, женатый сынъ живетъ собственнымъ домомъ. Если же нѣсколько женатыхъ сыновей живутъ при отцѣ, то, въ-особенности между женщинами, затѣваются ссоры, имѣющія вліяніе и на жизнь супруговъ.

Обзаведясь дѣтьми, Малороссъ продолжаетъ свою мирную жизнь, воздѣлывая поле, занимаясь какимъ-нибудь ремесломъ: иной выстраиваетъ мельницу, другой заводитъ маслобойню; тотъ дѣлаетъ колесы, тотъ дѣлаетъ горшки, тотъ выдѣлываетъ кожи. Въ каждой деревнѣ есть свой портной (*кравецъ*), сапожникъ (*швецъ*), кузнецъ (*коваль*); послѣднимъ ремесломъ преимущественно занимаются Цыгане. Конечно, произведенія этихъ ремесленниковъ грубы, но удовлетворяютъ вполне мѣстныхъ потребителей.

Упрекаютъ Малоросса въ пристрастіи къ водкѣ; но мнѣ кажется, что упрекъ этотъ, хотя отчасти и справедливый, не долженъ бы однакожь всей тяжестью падать на крестьянина. Въ краю выкуривалось огромное количество вина, дешевизна его была непомѣрная, а кромѣ-того въ каждой деревнѣ сидѣлъ въ шинкѣ одинъ или два Еврея, занимающіеся чарочной продажей. Въ послѣднія десять лѣтъ, когда правительство строго запретило Евреямъ жить въ деревняхъ и корчмахъ по

дорогамъ, разница въ употребленіи горячихъ напитковъ сдѣлалась уже ошутительною. Кто не знаетъ Евреевъ, кто не видѣлъ собственными глазами ихъ плутней, тотъ не повѣритъ, до какой степени племя это доводило обманъ и мошенничество. Они нарочно напивали народъ, чтобы у пьянаго крестьянина легче выманить курицу, мѣшокъ муки или что-нибудь изъ хозяйства. Еврей готовъ попотчевать даромъ стаканомъ водки, если имѣть въ виду какую-нибудь торговую сдѣлку. Наконецъ водка сдѣлалась необходимою потребностью крестьянина, при всѣхъ его торжествахъ и праздникахъ. Штофъ водки не такъ еще давно стоилъ 15 копеекъ мѣдью, а на три дома приходился одинъ шинокъ: можно ли было простомудру остеречься отъ соблазна? Притомъ же, привыкнувъ издревле къ водкѣ, народъ пьетъ ее безъ особеннаго вреда; въ праздникъ вы увидите многихъ подъ хмѣлькомъ, но очень рѣдко пьяныхъ. Пьяница въ Малороссіи, какъ и вездѣ, заслуживаетъ всеобщее презрѣніе.

Что же касается воровства, то и до сихъ поръ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются случаи кражи, какъ-бы въ воспоминаніе того, что въ древнія времена порокъ этотъ слишкомъ строго наказывался въ Малороссіи: вора живаго закапывали въ землю вмѣстѣ съ украденной вещью. Во всемъ языкѣ не существуетъ слова *воръ*, а замѣняется оно словомъ *злодій*. Въ этомъ отношеніи никто не можетъ упрекнуть Малоросса: родители строго наказываютъ малыхъ ребятъ за покушеніе на чужую собственность, и порокъ этотъ вносится въ патриархальныя села болѣе людьми посторонними или тѣми изъ туземцевъ, которые жилали въ большихъ городахъ. Последніе приносятъ и прививаютъ въ деревняхъ и другіе пороки — сдѣлствіе городской жизни вообще. Но пороки какъ-то нескоро и непрочно прививаются между крестьянами малорусскими: вообще презрѣніе клеймитъ того, кто отступаетъ отъ правилъ добродѣтели, и нерѣдко самый испорченный человѣкъ, возвратившійся въ деревню пьяницей и негодяемъ, мало-по-малу, приходитъ въ нормальное состояніе, не находя ни товарищей, ни подражателей.

Богатство естественныхъ произведеній даетъ Малороссу возможность быть прихотливымъ въ пищѣ, а потому онъ питается пищею болѣе вкусною и изобильною, чѣмъ его сѣ-

верный собратъ. У каждаго, самаго бѣднѣйшаго, изъ крестьянъ готовится обѣдъ и ужинъ ежедневно. Борщъ, уха, галушки, лапша, вареники, каша различныхъ сортовъ, балабушки, голубцы, переничка и книшъ разнообразяютъ попеременно столъ малоросскаго крестьянина. Если нѣтъ мяса, т.-е. баранины, свинины, или битой птицы, то у каждаго непременно есть сало, молоко, сметана, творогъ, масло. Говядину найдете развѣ въ городахъ: сельскіе жители никогда не бьютъ скотины, развѣ уже въ крайней необходимости. У зажиточныхъ готовится и завтракъ. Прибавьте къ этому изобиліе разнообразныхъ плодовъ и зелени, и увидите, сколько предметовъ для самой вкусной пищи. Малороссъ пьетъ чистую воду, изрѣдка грушевый или яблочный квасъ, а хлѣбный (сыровецъ), употребляемый для *борща*, служить питьемъ весьма нечасто.

Одежда у крестьянъ довольно непрехотлива. Мужчины носятъ штаны суконные и холщовые, тулупы и верхнія одежды (*свиты*), имѣющія различныя подраздѣленія: *кирея*, *кобенякъ*, просто *свита*, *капитанокъ* и *юпка* (коротенькое полукафташе особаго покроя). Свиты (*кирея*, *кобенякъ*) дѣлаются съ капишонами (*видлѡга*, *кѡбка*) для защиты головы и шеи отъ дождя и мятеля. Шапки вообще высокія бараньи; въ иныхъ мѣстностяхъ лѣтомъ носятъ круглыя шляпы (*брыль*) войлочныя или соломенныя. Женщины, вмѣсто исподницъ, поверхъ рубахи повязываютъ куски шерстяной ткани; именуемой *запасками*. *Позадница* надѣвается сзади, потомъ слѣдуетъ *попередница*, въ родѣ фартука; которыя и стягиваются краснымъ шерстянымъ поясомъ, окрашеннымъ или *кармазиномъ* (кошенилью), или *червцемъ*. Это яички одного насѣкомаго, находимыя въ іюнѣ и началѣ іюля подъ извѣстной травой — предметъ, приносящій порядочный доходъ проворной Малороссіянкѣ. Запаски дѣлаются и изъ другихъ матерій, стаметовыя и шелковыя. Другой, болѣе праздничный родъ этой одежды называется *плахта* и бываетъ изъ матеріи, собственно для этого приготавливаемой и также называемой, или изъ шелковыхъ матерій, и даже изъ парчи. Это уже верхъ щегольства и великолѣпія. На талію дѣвушки надѣваютъ горсетъ, или кирсетъ, родъ легкаго пальто безъ рукавовъ, которыхъ не дѣлаютъ потому, что не хотятъ скрыть рукавовъ сорочки, иногда необыкновенно красиво вышитыхъ. Жен-

щины преимущественнѣе носятъ юпки — родъ того же горсета съ рукавами. Подолъ рубашекъ тоже очень красиво вышивается бѣлыми нитками или красною бумагою (*заполочъ*). Эта оборка называется *ляховка*. Для холода у женщинъ есть тулупы, отличающіеся отъ мужскихъ откиднымъ полукруглымъ воротникомъ, и свиты особаго покроя. Сверхъ чепца (*очипокъ*) женщины носятъ прозрачныя, тонкія покрывала съ длинными концами, называемыя *намитка*. Дѣвушки разнообразно заплетаютъ волосы въ мелкія косички (*дрибушки*), оставляя большую косу назадъ, которая, бывъ убрана множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ (*коснікъ*), опускается почти всегда ниже пояса. Голову повязываютъ тоже лентами, подкладывая искусно одну полъ другую такъ, чтобы одна не мѣшала видѣть край другой. На шею надѣваютъ множество монистъ.

Мужская обувь состоитъ обыкновенно изъ сапоговъ, *черевиковъ* (башмаковъ) и у бѣднѣйшихъ изъ *постоловъ*. Это родъ сандалій изъ кожи, которыя поверхъ онучъ завязываются ремнями или просто шнурками. Женщины тоже носятъ сапоги (щоголихи сафьянные) и черевички. Но онѣ до-того привыкли ходить босыми ногами, что обыкновенно можно встрѣтить Малороссіянку, идущую полевъ, даже куда-нибудь въ гости или въ церковь, съ сапогами въ рукахъ. Онѣ надѣваютъ ихъ изъ приличія, уже подходя къ мѣсту.

Мужчины сами себѣ плетутъ рукавицы на зиму, а женщины никогда не употребляютъ перчатокъ.

Выѣзды Малоросса изъ деревни бываютъ или на ярмонки и торги въ разные города и мѣстечки, или, что очень рѣдко, въ гости къ роднымъ. Въ это время крестьяне надѣваютъ лучшія свои одежды, точно такъ же, какъ въ праздники, на свадьбы, или на похороны.

Малороссъ необыкновенно набоженъ и свято чтитъ все относящееся къ религіи. Привязанность свою къ вѣрѣ онъ доказалъ, во-первыхъ, тѣмъ, что не было еще до-сихъ-поръ ни одного старообрядца или раскольника изъ Малороссовъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, принимая мученія отъ Поляковъ во время Уніи, бился за вѣру и остался православнымъ. Посты соблюдаются со всею строгостью; даже дѣтямъ, переставшимъ кормиться грудью, не даютъ ничего скоромнаго по середамъ и пятницамъ.

Сочельникъ (*свято-вечирь*) въ Малороссіи празднуется особеннымъ торжественнымъ образомъ: всѣ члены семейства и кто-нибудь изъ постороннихъ убогихъ сосѣдей, помолившись Богу, садятся за столъ. *Кутья* (*) и *узварь* (**) въ горщикахъ, обернутыхъ душистымъ сѣномъ, стоятъ въ переднемъ углу подъ образами (*покуть*). Кутьѣ однакожь отдается преимущество, потому-что существуетъ даже пословица: *кутью на покуть, а узварь на базарь*. Передъ ужиномъ еще, когда кутья готова и ее вынуть изъ печи, тогда кто-нибудь изъ семейства беретъ горшокъ и говорить: «*Собъ! кутья на покуть, а узварь на базарь*.» При этомъ дерутъ слегка маленькихъ мальчиковъ за *чулрини*, чтобы куры были хохлаты. Когда же подадутъ кутью на столъ и всѣ возьмутъ по первой ложкѣ, хозяинъ открываетъ окна и приглашаетъ морозъ: «*Морозе, морозе, иди кутю исты, та не поморозь нашою гречки*.»

Канунъ Нового года (*щедрый вечерь*) празднуется также. За ужиномъ подаютъ кутью и узварь; но кушанья эти не играютъ уже никакой особенной роли.

Когда же поѣдятъ послѣднюю кутью 5-го января, тогда старшій изъ семейства выходитъ изъ каты прогонять кутью, что иногда дѣлается выстрѣлами, но по большей части стучать чѣмъ-нибудь объ уголъ избы, приговаривая: «*Зима одъ насъ, а лито до насъ*». Какъ всякій темный простолюдинъ, Малороссъ имѣетъ свои повѣрья и предрасудки, которыхъ онъ не оставляетъ по привычкѣ къ преданіямъ. Такъ, сохранился обычай *колядки* (пѣнія обрядныхъ пѣсенъ подъ окнами), вечеромъ же наканунѣ Нового года—*щедровки* (пѣнія пѣсенъ подъ окнами), наканунѣ Иванова дня — обрядъ купала. Послѣднее однако же собственно забава молодежи, не имѣющая другаго значенія, кромѣ случая пріятно провести время. Всѣ эти обряды описаны уже во многихъ мѣстахъ, а потому я о нихъ и не распространяюсь.

Народъ вѣритъ также въ существованіе вѣдьмъ, вовкулакъ, упырей, русалокъ и тому подобныхъ остатковъ древ-

(*) Каша изъ пшеничной или ячвой крупы, приготовленной крупнѣе обыкновеннаго, а также изъ рису.

(**) Компотъ изъ сухихъ грушъ, яблокъ, сливъ, вишенъ, а иногда съ прибавкой изюму и винныхъ ягодъ.

нихъ преданій, которыя глухо сохранились до нашихъ временъ и съ каждымъ годомъ дѣлаются неяснѣе въ народномъ воображеніи. Всѣ исчадія славянской мифологіи блуждаютъ еще по ночамъ, въ силу народнаго повѣрья, хотя ихъ никто и не видитъ никогда собственными глазами.

Малорусскія пѣсни отличаются какъ стройностью содержанія, по большей части драматическаго, такъ и чрезвычайно пріятными голосами. Простыя эти мелодіи необыкновенно поэтичны, оригинальны, но почти всѣ проникнуты глубокою грустью, исключая пѣсенъ плясовыхъ, которыхъ однако же очень немного. Малороссы народъ необыкновенно пѣвучій: вездѣ по деревнямъ, въ поляхъ, въ лѣсахъ вы услышите ихъ заунывные напѣвы; но все это пѣсни, болѣе или менѣе, новѣйшей эпохи. Прежнія, старинныя казацкія пѣсни почти перевелись, потому-что онѣ знакомы были преимущественно только особому классу рапсодовъ—слѣпцовъ-*бандуристовъ*, или *кобзарей*. У этихъ слѣпцовъ существовали особыя школы, гдѣ извѣстный бандуристъ передавалъ слѣпымъ ученикамъ своимъ искусство пѣнія. Теперешнее поколѣніе бандуристовъ знаетъ очень мало старинныхъ пѣсенъ, и то часто отрывками, съ новыми вставками, съ безчисленными ошибками. Напѣвъ этихъ пѣсенъ, извѣстныхъ у насъ въ литературѣ подъ именемъ *думъ*, монотоненъ, печаленъ, но приличенъ героическому ихъ содержанію.

Пляска Малороссовъ не отличается разнообразіемъ: у мужчинъ казачокъ и присядки въ разныхъ видахъ; у женщинъ мѣрное притаптыванье ногами. Общія же танцы: горлица, метелица, для которыхъ есть особые напѣвы.

Возъ Малоросса тяжелъ и неуклюжъ, но крѣпокъ и подымаетъ около ста пудовъ, если запряженъ парой добрыхъ *чумацкихъ* воловъ. *Чумаки*, если хотите, особенная каста, и хотя каждый имѣетъ право *чумаковать*; сколько его душъ угодно, однако есть цѣлыя деревни, населенныя исключительно одними *чумаками*. Это—сословіе извозчиковъ и вмѣстѣ торговцевъ солью и рыбою. *Чумаки* заводятся отличными волами, покупаетъ необыкновенно прочную телѣгу (*чумацкій визъ*), и съ открытіемъ весны, когда въ степяхъ есть уже подножный кормъ, отправляется въ Крымъ за солью или на Донъ за рыбою. *Чумаки* всегда запасаются деньгами изъ дому

на покупку товара; но если ему случится съ мѣста клажа, онъ охотно, за недорогую цѣну, беретъ ее доставить, потому что все равно долженъ везть пустую телегу. Порядочный хозяинъ имѣетъ до десяти и больше возовъ. Чумаки никогда не ѣздятъ въ одиночку, но сговариваются вмѣстѣ и составляютъ *вадку*, избравъ изъ среды себя атамана, который облачается, на время пути, безусловною властью. Въ прежнія времена у чумаковъ было оружіе; но теперь не предстоитъ въ этомъ надобности. На атаманскомъ возу ѣдетъ пѣтухъ — живые часы, который аккуратно кричитъ въ извѣстные часы. Это необходимо чумаку ночью въ степяхъ, когда небо покрыто облаками и неизвѣстно время по созвѣздіямъ. Чумаки производствуютъ воловъ подножнымъ кормомъ, а сами варятъ себѣ обѣдать и ужинать, имѣя для этого всѣ припасы съ собою. Малороссъ, гдѣ бы то ни было, не можетъ обойтись безъ горячей пищи, въ дорогѣ ли, во время ли полевыхъ работъ; даже пастухи въ полѣ раскладываютъ огонь и варятъ себѣ *кулиши* (жидкую кашу), *галушки* или какую-нибудь другую похлебку. Накупивъ соли или рыбы на мѣстѣ по низкой цѣнѣ, чумаки спѣшатъ назадъ, распродаютъ товаръ по ярмаркамъ и снова отправляются, какъ они говорятъ, въ дорогу. Кто нѣсколько лѣтъ занимался этимъ прибыльнымъ промысломъ, тотъ оставляетъ его лишь развѣ уже по особенной причинѣ. Подобная кочевая жизнь, по бѣльшей части въ безлюдныхъ степяхъ, имѣетъ вліяніе и на характеръ человѣка: оттого и чумацкія пѣсни, удерживая общую всѣмъ малорусскимъ пѣснямъ черту — заунывность, заключаютъ въ себѣ какое-то удалство, степной разгулъ и неуловимый отгѣнокъ ироніи надъ судьбою. Всѣ вообще чумаки народъ достаточный, хотя и не занимаются земледѣіемъ, предоставляя это членамъ семейства, остающимся дома.

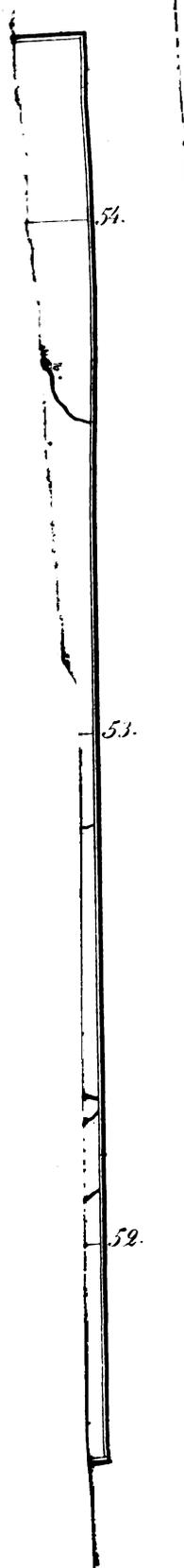
Малороссы вообще рѣдко подвергаются болѣзнямъ, исключая дѣтскаго возраста и болѣзней повальныхъ. Въ каждомъ селеніи существуютъ простонародныя лекарки, которыя пользуют преимущественно травами и кореньями, сопровождая леченіе какими-нибудь таинственными дѣйствіями.

Малороссы часто доживаютъ до глубокой старости и продолжаютъ трудиться по-мѣрѣ силъ и возможности, стараясь не быть въ тягость своимъ семействамъ. Покойниковъ опла-

квиваютъ особеннымъ речитативомъ, импровизируемымъ иногда тутъ же на мѣстѣ. Надъ могилами парней, на крестѣ прибиваютъ маленькій флагъ изъ платка (*хустка*) — очень часто подарка любимой дѣвушки.

Вотъ краткій очеркъ быта малорусскаго крестьянина. Современемъ, когда благодѣтельныя мѣры правительства, принимаемыя къ просвѣщенію низшаго класса, достигнутъ своей цѣли, Малороссъ, конечно, оставитъ свои нѣкоторыя грубыя привычки, займется промышленностью; но дай Богъ, чтобы онъ не измѣнялъ своей доброй, строгой нравственности и продолжалъ вести такую же тихую семейную жизнь, какую ведетъ доселѣ.

ЗАМѢТКИ О ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Замѣтки о западной части губерніи Гродненской состоятъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ разсматриваются историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ началу XIV столѣтія; въ другомъ предлагаются замѣтки о современномъ бытѣ въ-отношеніи къ языку. Такъ-какъ древнѣйшими обитателями означенной страны были до конца XIII столѣтія *Ятвяги*, то на нихъ и обращено главное вниманіе въ первомъ отдѣленіи замѣтокъ. А именно:

1) Изъ разсмотрѣнія историческихъ извѣстій оказывается, что не вся западная часть нынѣшней Гродненской губерніи принадлежала *Ятвягамъ*: южная ея половина находилась во власти князей юго-западной Руси. Этими князьямъ, а не *Ятвягамъ*, принадлежали въ XII и XIII столѣтіи, въ періодъ самостоятельнаго, независимаго бытія *Ятвяговъ*, нынѣшніе города: Брестъ, Кобринъ, Каменецъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Бѣльскъ, т.-е. все пространство по р. Бугу до р. Нарева. Мнѣнія Стрыйковскаго, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей относительно пространства, которое занимали *Ятвяги*, были, кажется, ошибочны.

2) На основаніи историческихъ источниковъ опредѣлено, сколько это было возможно, пространство, которое нѣкогда занималъ этотъ народъ. Пространство это заключалось между средними частями *Нѣмана* и *Наревомъ*, между верховьями

р. Ланки, впадающей въ Бобръ, на западъ, и верховьями рр. Нарва, Свислочи и Ясіолды на востокъ.

3) Наконецъ обращено вниманіе на племенное происхождение этого народа. На извѣстныхъ основаніяхъ дѣлается заключеніе, что основной элементъ, изъ котораго развилась въ-послѣдствіи народность ятвяжская, былъ элементъ не славянской, а чуждый ему. Какое-то не-славянское племя, одно изъ племенъ сарматскихъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, по мнѣнію Шафарика, успѣло пробраться въ Подлясье. Запертое здѣсь въ-послѣдствіи отъсюду народами славянскими, оно не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло потомъ не утратить своей самостоятельности: это племя погибло въ кровавой борьбѣ съ сосѣдями, а народность его была поглощена народностью побѣдителей. Этимъ, кажется, устраняются противорѣчія новѣйшихъ изслѣдователей объ этомъ предметѣ: гг. Шафарика, Шульца, Ярошевича и другихъ, которыхъ мнѣнія имѣютъ только одностороннюю справедливость.

Во второмъ отдѣленіи замѣтокъ бытъ современный разсмотрѣнъ только со стороны языка. При этомъ, согласно требованію программы Русскаго Географическаго Общества, обращено главное вниманіе на мѣстные свойства языка народнаго и приведены собраныя на мѣстѣ образцы его въ двоякой формѣ: а) *прозаической* — три отрывка изъ народныхъ преданій, и б) *стихотворной* — собраніе народныхъ пѣсенъ числомъ 28. Къ образцамъ присоединено нѣсколько замѣчаній филологическихъ и историческихъ, относящихся къ разсматриваемой мѣстности. Для болѣе ясной приложена карта описываемой страны.

Времена, предшествовавшія XIV столѣтію.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію нынѣшняго быта обитателей западной части Гродненской губерніи, необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на времена минувшія: настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго, для сужденія

о первомъ надлежитъ вспомнить послѣднее, одно другимъ дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе. (1)

Означенная страна извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Подлясья*. Древнѣйшими обитателями ея были *Ятвяги*. Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе судьбы этого народа, о которомъ встрѣчаются отрывочныя извѣстія въ русскихъ и польскихъ лѣтописяхъ съ 983 по 1282 годъ. Обратимъ вниманіе только на слѣдующіе два вопроса, находящіеся въ тѣсной связи съ исторіею здѣшняго края, а именно:

- 1) Гдѣ жили и какое пространство занимали Ятвяги?
- 2) Къ какому племени принадлежалъ этотъ народъ?

Относительно перваго вопроса у польскихъ лѣтописцевъ и историковъ находимъ слѣдующія извѣстія. Историкъ первой половины XVI столѣтія *Бѣльскій* (Мартинъ и сынъ его Іоакимъ) говоритъ, что Ятвяги занимали все Подлясье, что Дрогичинъ былъ главнымъ ихъ городомъ, что Ятвягамъ принадлежалъ даже *Новогрудекъ* (въ Минской губерніи.) (2) По словамъ другаго историка второй половины XVI столѣтія, *М. Стрыйковскаго*, Ятвяги простирались отъ Вольни до земли Пруссавъ; столицею ихъ былъ городъ и замокъ Дрогичинъ; *Новогрудекъ* съ окрестными селеніями принадлежалъ къ владѣніямъ Ятвяговъ. (3) Подобныя извѣстія находимъ и у нѣкоторыхъ, предшествовавшихъ Стрыйковскому, писателей, напримѣръ, *Длугоша*, и у большей части историковъ позднѣйшихъ. Слѣдовательно, по мнѣнію упомянутыхъ историковъ и ихъ послѣдователей, Ятвяги жили во всемъ Подлясьи, или, какъ понимали Подлясье въ то время, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ двумя прежними уѣздами Бѣльскимъ и Дрогичинскимъ, съ существующими и въ наше время городами *Бѣльскомъ*, *Бранскомъ*, *Суражомъ*, *Тыкоциномъ*, *Кнышиномъ*, *Наревомъ*, *Васильковымъ*, *Августовымъ*, въ тогдашнемъ Бѣльскомъ, и съ *Дрогичинскимъ*, *Мельникомъ*, *Лосице*, *Морды*, въ Дрогичинскомъ уѣздѣ. (4)

Чтобы видѣть, до какой степени справедливо подобное мнѣ-

(1) Карамзинъ.

(2) Кн. I, изд. 1764 года, стр. 88.

(3) Кн. V, изд. 1766 года, стр. 180.

(4) См. карту и Гвагнина изд. 1768 года, стр. 207 и 208.

ніе, обратимся къ другимъ источникамъ и по нимъ прослѣдимъ судьбу этого края въ періодъ самостоятельнаго существованія Ятвяговъ. У Нестора подъ 983 годомъ читаемъ: «Иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ» ⁽⁵⁾; подъ 1018 годомъ: «Ярославъ же (кн. Новгород.), совокупивъ Русь и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, приде Волюню и сташа оба полъ рѣкы Буга.» ⁽⁶⁾ Далѣе подъ 1038 годомъ: «Ярославъ иде на Ятвягы»; подъ 1040 годомъ: «Ярославъ иде на Литву»; подъ 1041 годомъ: «Иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодьяхъ»; подъ 1047 годомъ: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди ѣ, и князя ихъ уби Моислава, и покори ѣ Казиміру.» ⁽⁷⁾ О преемникѣ Ярослава подъ 1057 годомъ сказано: «Побѣди Изъяславъ Голяди.» ⁽⁸⁾

Эти походы русскихъ князей показываютъ, что въ XI и концѣ X вѣка западная часть нынѣшней Гродненской губерніи находилась во власти святаго Владиміра и его преемниковъ, что владѣнія ихъ примыкали къ землѣ *Голядь*, *Мазовшанъ* и *Литовцевъ*. На западѣ владѣнія русскихъ князей простирались въ это время до Западнаго Буга: не только Несторъ, но Кадлубекъ и Галль называютъ эту рѣку «fluvius utriusque regna limitans.» Труднѣе обозначить тогдашнія границы русскихъ владѣній со стороны Голядь: мы можемъ сказать только, что въ гораздо позднѣйшее время, именно въ XIV столѣтіи, границею земли Голядской, или Голендзинской, со стороны Подлясья были рѣки *Мста* и *Бобръ*. ⁽⁹⁾ Слѣдовательно, Подлясье, земля Ятвяговъ, ограничивалось со стороны Голядь этими рѣками. Но какъ далеко простиралась страна ихъ на востокъ и югъ, означить съ точностью невозможно, за неимѣніемъ объ этомъ предметѣ никакихъ историческихъ данныхъ, и если мнѣнія упомянутыхъ выше историковъ отнести къ этимъ временамъ, то они будутъ одною догадкою, не имѣющею никакого историческаго доказательства.

⁽⁵⁾ Полн. Собран. Русс. Лѣт. Т. I, стр. 33.

⁽⁶⁾ Тамъ же, стр. 62.

⁽⁷⁾ Тамъ же, стр. 66 и 67.

⁽⁸⁾ Тамъ же, стр. 70.

⁽⁹⁾ Pizma D. Szulca 1854, стр. 133 и 134, и слова акта 1358 года, *ibid.*, стр. 181, 182.

Можно даже полагать, что и во времена, предшествовавшія X вѣку, Ятвяги не могли простирасться слишкомъ далеко на югъ внизъ по р. Бугу, потому-что земля, лежащая между р. Бугомъ и Наревомъ, также по р. Припети, издавна заселены были славянскими племенами. Это заключеніе дѣлаемъ мы на основаніи слѣдующихъ извѣстій:

По словамъ Геродота, *Невры* обитали въ его время (около 444 года до Р. Х.) при р. Бугѣ по рр. *Нуриу* и *Нареву*, въ землѣ, которая въ позднѣйшее время и даже теперь называется въ польской исторіи *Нурскою* землею. ⁽¹⁰⁾ Что эти Невры обитали въ означенныхъ мѣстахъ, гдѣ и по настоящее время слышится это имя въ названіяхъ упомянутыхъ рѣкъ и нѣкоторыхъ мѣстечекъ, и что они принадлежали къ племени виндскому, т.-е. славянскому, доказано Шафарикомъ. ⁽¹¹⁾ Эти славянскіе народы обитали здѣсь подѣ тѣмъ же названіемъ *Невровъ* и послѣ Геродота, во времена Р. Х., какъ видно изъ извѣстій о нихъ у *Помпонія Мелы* ⁽¹²⁾, *Плинія* ⁽¹³⁾, а въ-особености *Тацита* (род. 60 г. по Р. Х.). У послѣдняго ⁽¹⁴⁾ извѣстны они подѣ именемъ *Naharwali*, или, какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, *Nahanarwali*, также *Nanaharwali*, *Nadhanarwali* ⁽¹⁵⁾, въ которыхъ явственно слышится трудное для выговора Римлянина и мало знакомое ему славянское названіе *Narwlanie*, *Nadnarwlanie*, т.-е. обитатели по р. Нарвѣ. Этихъ Наревлянъ, потомковъ Городотовыхъ Невровъ, Тацитъ причисляетъ къ многочисленному племени *Лигіевъ* (*Ligii*), и г. Мацѣвскій назначаетъ для ихъ жилищъ все пространство отъ верховьевъ р. Нарева на западъ по ея теченію до р. Вислы и далѣе. Несмотря на всѣ перевороты, которымъ подвергались въ слѣдующихъ послѣ Тацита столѣтіяхъ страны, лежащія между Чернымъ и Балтійскимъ морями, Тацитовыхъ Наревлянъ встрѣчаемъ, между прочими славянскими племенами, у географа Баварскаго въ IX столѣтіи по Р. Х. (между 866—890). Они называются у него *Neriuani*, т.-е. Наревляне,

⁽¹⁰⁾ Геродотъ кн. IV, гл. 51.

⁽¹¹⁾ Slow. Staroz. w Prace 1837. § 10, стр. 164—168.

⁽¹²⁾ II, с. 1. § 7.

⁽¹³⁾ Н. Н. IV, с. 12. § 88.

⁽¹⁴⁾ Tac. Germ. cap. 43.

⁽¹⁵⁾ Pierwotne dzieje Pols. i Litwy Maciejowskiego Warsz. 1846 г. стр. 356.

и, по мнѣнію Шафарика, жили на той же р. Наревѣ, гдѣ и предки ихъ, Геродотовы *Νευροι*.⁽¹⁶⁾ Упомянутый землеописатель говоритъ: *Nerivani habent civitates LXXVIII* ⁽¹⁷⁾; значитъ, они здѣсь обитали съ давнихъ поръ, если уже въ IX столѣтіи имѣли 78 городовъ, или селеній (*civitates*).

Изъ сказаннаго нами видно, что юго-западная часть нынѣшней Гродненской губерніи по рр. Нарвѣ и Нурцу уже въ древнѣйшія времена (съ 450 года до Р. Х. по X столѣтіе послѣ Р. Х.) заселена была славянскими племенами, которыя во времена Геродотовы извѣстны были подъ именемъ *Νευροι*, въ Тацитовы — *Naharvali*, *Nanaharvali*, а въ IX столѣтіи у землеописателя Баварскаго — *Nerivani*. А всѣ эти названія суть только незначительныя видоизмѣненія имени *Наревьяне*.

Какъ далеко простиралось господство этихъ Славянъ на востокъ, неизвѣстно. Изъ словъ Нестора видно, что по р. Припети обитало другое славянское племя *Дреговичи*.⁽¹⁸⁾ Объ этомъ племени, подъ именемъ *Δρουγουβιται*, упоминаетъ и Константинъ Багрянородный подъ 949 годомъ, какъ о племени, подвластномъ кievскимъ князьямъ.⁽¹⁹⁾ Кажется, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что это славянское племя обитало здѣсь, по Припети, не только въ X и IX столѣтіяхъ по Р. Х., но и во времена гораздо древнѣйшія. А потому скорѣе всего Дреговичи примыкали къ Наревьянамъ, между-тѣмъ, какъ далѣе къ югу отъ тѣхъ и другихъ обитали другія славянскія племена: *Бужане*, или Вольняне, а далѣе *Древляне*.

Такимъ-образомъ, по-мѣрѣ того, какъ будемъ удаляться отъ XI вѣка въ длинный рядъ вѣковъ предшествовавшихъ, слабый лучъ историческій постепенно блѣднѣетъ, наконецъ совершенно погасаетъ. Но и эти немногія извѣстія говорить, кажется, довольно убѣдительно въ пользу того, что, задолго до XI столѣтія, страны, лежація по обѣимъ сторонамъ нынѣшней Бѣловѣжской пуци, заселены были славянскими племенами; къ в. и ю.-в. отъ нея по р. Припети обитали *Дреговичи*, къ з., по рр. Нарвѣ и Нурчику, *Наревьяне*. При

⁽¹⁶⁾ *Slow. Star.*, стр. 539 и 938.

⁽¹⁷⁾ *Ibid.*, стр. 981.

⁽¹⁸⁾ *Полн. Собр. Русс. Лѣт.*, т. I, стр. 3, 5.

⁽¹⁹⁾ *Stritter, Mem. popul. II*, стр. 985.

взглядъ на взаимное положеніе пространствъ, занимаемыхъ тѣми и другими, невольно рождается вопросъ: не приходили ли они между собою въ соприкосновеніе? Можетъ-быть, они составляли одну непрерывную цѣпь славянскихъ племенъ, разсѣянныхъ по восточной Европѣ, и, такимъ-образомъ, съ незапамятныхъ временъ заирали Ятвяговъ съ юга въ необозримыхъ равнинахъ подляскихъ, огражденныхъ густыми лѣсами, топкими болотами и большими рѣками.

Происхожденіе въ этой странѣ городовъ должно отнести только ко времени господства надъ нею первыхъ русскихъ князей. Безъ-сомнѣнія, они строили здѣсь укрѣпленія и замки, въ которые поставляли намѣстниковъ, какъ для защиты страны отъ непріятелей, такъ и для собиранія съ жителей дани. Такъ заключаемъ изъ слѣдующихъ мѣстъ Нестора. Подъ 880 годомъ сказано: *Олегъ нача города ставити и устави дани Словѣномъ, Кривечемъ и Мери.....* «Приде (Олегъ) къ Смоленску съ Кривичи; и прія градъ и посади мужъ свой. И взя Любець и посади мужъ свой». ⁽²⁰⁾ Подъ 1032 годомъ: «Ярославъ поча ставити города по Ръси» ⁽²¹⁾ и др. Должно полагать, что и въ рассматриваемой нами странѣ, не менѣе другихъ подвергавшейся нападеніямъ со стороны непріятелей, воздвигнуты были подобнаго рода укрѣпленія, а изъ нихъ въ-послѣдствіи времени и возникли города. Впрочемъ, въ XI вѣкѣ лѣтописи наши упоминаютъ только объ одномъ такомъ пунктѣ въ этой странѣ, именно о *Брестѣ*, можетъ-быть, потому, что мѣстоположеніе его было чрезвычайно важно въ подобномъ отношеніи. Уже Кадлубекъ дѣлаетъ замѣчаніе: *Brestensis urbs tam viris quam arte et loci situ munitissima*. Основаніе Бреста относятъ къ 1018 году ⁽²²⁾; но положительныя извѣстія объ этой странѣ начинаются у Нестора только съ 1097 года. Во время раздоровъ русскихъ князей при в. к. кіевскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ этимъ годомъ говорится: «Святополку обѣщавшюся прогнати Давыда *пouде къ Берестю* къ Ляхомъ; се слышавъ Давидъ, иде въ Ляхы къ

⁽²⁰⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 10.

⁽²¹⁾ Ibid., стр. 63.

⁽²²⁾ *Obraz Litwy przez Jaroszewicza Wilno 1844. T. I, стр. 36.* Но подъ 1019 и 1022 годами у Нестора и подъ 1017 годомъ въ Новгородской

Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: *пойди съ нами Берестью.....* и ту умиримъ тя съ Святополкомъ»; и послушавъ ихъ Давыдъ, *иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу*, и проч. ⁽²³⁾ Далѣе упоминается о немъ полъ 1101 годомъ: *азаратися Ярославъ Ярополчичъ Берестии* и иде на нь Святополкъ и *заста ѿ въ градъ, и емъ ѿ, и окова, и приведе ѿ Кыеву*. ⁽²⁴⁾ Ярославъ успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ Кіева; но не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, схваченный недалеко отъ Бреста, на р. Нуръ. Полъ 1102 годомъ читаемъ: *спрелстивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ятъ ѿ на Нуръ* и приведе ѿ къ отцю Святополку, и оковаша ѿ. ⁽²⁵⁾

Эти мѣста показываютъ, что Брестъ съ окрестными странами на правой сторонѣ р. Буга, въ XI и началѣ XII вѣка, находился во власти князей юго-западной Руси. Онъ принадлежалъ имъ въ XII и XIII столѣтіяхъ до начала XIV, или до распространенія надъ этою странюю господства князей литовско-русскихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи. Полъ 1142 годомъ Ипат. Лѣт. говоритъ о распряхъ между в. к. кіевскимъ *Всеволодомъ* и князьями *удѣльными* и о союзѣ, который заключили между собою послѣдніе противъ перваго съ намѣреніемъ овладѣть лучшими удѣлами. «И позва Всеволодъ братю (Святослава, Владиміра, Изгяслава, Игоря) къ собѣ.... И ѣха Святославъ къ Игореву и рече: «что ти дасть братъ старшій»? и рече Игорьъ: *«дасть ны по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Кльчскъ*, а отчинѣ своеѣ не дасть Вятичъ». ⁽²⁶⁾ Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: «братья моя! возьмите у мене съ любовію, что вы даю, Городечъ, Рогачевъ, *Берестій, Дорогичинъ, Кличскъ* и болѣе не воюетеса

Лѣтописи (Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. III, стр. 1) упоминается не объ этомъ Брестѣ. Первоначальную осѣдлость племенъ славянскихъ на мѣстѣ нынѣшняго Бреста относятъ къ X и IX столѣтіямъ (г. Шпилевскій въ «Путешествіи по Полѣсью» и проч. «Совр.» 1853 г. № VI.

⁽²³⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 114.

⁽²⁴⁾ Ibid., стр. 117.

⁽²⁵⁾ Ibid.

⁽²⁶⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 18.

съ Мстиславичи). ⁽²⁷⁾ Всеволодъ успѣлъ разстроить союзъ братьевъ, послѣ чего «радъ бывъ разлученю ихъ.... да *Берестій, Дорогичинъ и Вѣщизь*, Ормину (вѣроятно, Владиміру или Изъяславу), а братама да Игореву Городечь, Гюргевь и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ и тако разидошася». ⁽²⁸⁾ Въ началѣ XIII вѣка Брестъ принадлежитъ Данилу Романовичу, который въ 1213 году: «возвратившуся къ домови и ѣха съ братомъ и *прія Берестій* и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпче, Комовъ и всю украину. Лестько же великъ гнѣвъ имѣя на Данила; веснѣ же бывши, и ѣхаша Ляховѣ воевать, и воеваша по Бугу». ⁽²⁹⁾ Въ 1227 году Брестъ находится во власти Василька: «братъ же (Даниль Романовичъ) да Василькови Луческъ и Пересопницю, *Берестій же ему бя преже далъ*». Въ этомъ же году Даниль и Василько отражаютъ Ятвяговъ, напавшихъ на Брестскую область подъ предводительствомъ своихъ князей: Монодунича Шутрова, Стегута Зебровича и Небра. ⁽³⁰⁾ Въ 1229 году Даниль, отправившись съ Василькомъ на помощь Конраду противъ Владислава, въ области Берестовской, для защищенія ея отъ нападеній Ятвяговъ, оставляетъ въ Брестѣ князя пинскаго Владиміра. «Сама же (Даниль и Василько) идоста на войну, *остависта же въ Берестіи Володимера Пиньского*; и Угровъчаны и Берестьяны, стеречи землѣ отъ Ятвьязь.» ⁽³¹⁾ Пользуясь ихъ отсутствіемъ, на Брестскую область напали Литовцы, но были истреблены до одного. «И придоша (Литва) ко Берестью.... и изыде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестьяне вси, избиша ѣ всѣ.» ⁽³²⁾ Далѣе упоминаетъ Лѣтопись о Брестѣ подъ 1235 и 1240 годами ⁽³³⁾, какъ о городѣ, находящемся во власти князей русскихъ, а еще яснѣе Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ во второй половинѣ XIII столѣтія, какъ увидимъ ниже.

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій видимъ, что земли, лежащія на лѣвомъ берегу р. Западнаго Буга, гдѣ глав-

⁽²⁷⁾ Ibid., стр. 19.

⁽²⁸⁾ Ibid., стр. 89.

⁽²⁹⁾ Ibid., стр. 160.

⁽³⁰⁾ Ibid., стр. 167.

⁽³¹⁾ Полн. Собр. Русс. лѣт., т. II, стр. 168.

⁽³²⁾ Ibid.

⁽³³⁾ Ibid., стр. 175 и 178.

нымъ пунктомъ былъ городъ Брестъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтіяхъ князьямъ русскимъ. Не безъ основанія можно думать, что онѣ принадлежали имъ и прежде этого времени, т.-е. въ XI и концѣ X столѣтія. Кромѣ приведенныхъ выше словъ Нестора подъ 983, 1018, 1038, 1040, 1041, 1047 и др. годами, такъ думать можно еще и потому, что Западный Бугъ съ древнѣйшихъ временъ считается у лѣтописцевъ пограничною рѣкою, что самъ Длугошъ называетъ этотъ городъ «Brzescie Ruthenicale», что Берестыяне, по словамъ Нарушевича (34), съ давнихъ поръ были послѣдователями православной вѣры и всегда отличались преданностію русскимъ князьямъ. Эти обстоятельства заставляютъ, вопреки мнѣнію Нарушевича, думать, что самое основаніе этому городу положено было населеніемъ русскимъ во времена святаго Владиміра или Ярослава I, тѣмъ болѣе, что уже въ эти времена въ ближайшихъ странахъ на югѣ и востокѣ господствовала національность русская, происшедшая отъ сліянія въ одно цѣлое разнообразныхъ оттѣнковъ славянскаго быта, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской вѣры и единой власти Норманновъ. Если же королямъ польскимъ и удавалось иногда въ эти три столѣтія присвоить себѣ власть надъ этою странюю, при благопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, то господство ихъ здѣсь было непродолжительно. Берестыяне тяготились этою зависимостію, не упускали случая присоединиться къ единокровной Руси, какъ объ этомъ, на примѣръ, заботится во времена Казиміра такъ-называемый Богуфаломъ, princeps Brestensis.

О городѣ *Кобринь* знаемъ изъ грамоты 1493 года, что онъ съ близлежащими мѣстами не только въ концѣ XV столѣтія принадлежалъ русскому князю Ивану Семеновичу, но и гораздо прежде составлялъ владѣніе дѣда жены его князя Андрея Владиміровича. (35) Изъ грамоты же короля польскаго Казиміра 1484 года видно, что Андрей Владиміровичъ получилъ кобринскія помѣстья отъ великаго князя литовскаго Витовта, слѣдовательно, между 1392 и 1430 годомъ. (36) Князь

(34) Narusz. Hist. Nar. Pols. T. IV. Xisęga I, przyp. 58.

(35) Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, т. I. № 3.

(36) Ibid. № 85.

Андрей, равно-какъ и упоминаемый въ той же грамотѣ родной его братъ *Иванъ* были, по всей вѣроятности, дѣти того *Владимира*, который, по извѣстію Стрыйковскаго, палъ въ битвѣ съ Гедиминомъ въ 1321 году, защищая наслѣдственный свой городъ Владиміръ-Вольнскій. ⁽³⁷⁾ Въ такомъ случаѣ, какъ потомки Даниіла Романовича, внуки сына его Льва Даниловича, они были ближайшими наслѣдниками владѣній бездѣтно скончавшагося *Владимира Васильковича*, который въ концѣ XIII столѣтія записалъ Кобринъ съ ближайшими помѣстьями супругѣ своей, княгинѣ Ольгѣ Романовнѣ, какъ это видно, изъ его духовнаго завѣщанія, сохраненнаго Ипатьевскимъ Лѣтописцемъ подъ 1287 годомъ. Въ немъ умирающій князь назначаетъ по себѣ преемникомъ брата своего *Мстислава*, которому отдастъ: «землю свою всю и столный свой городъ Володимеръ»; другою же грамотою: «далъ есмь княгинѣ своей (Ольгѣ Романовнѣ) по своему животѣ, городъ свой *Кобринъ*, и съ людьми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Азъ же далъ есмь ей село свое *Городль* (по другимъ спискамъ, *Городло*, *Городно* — очевидно, нынѣшнее мѣстечко *Городыцъ*, находящееся въ 22 верстахъ отъ Кобрина) и съ мытомъ.... А *Садовое* и *Сомино* далъ есмь княгинѣ своей, и монастырь свой *Апостолы*, иже создахъ ѿ силою своею. А село *Березовичь*.... далъ есмь ко Апостоломъ же» и, проч. ⁽³⁸⁾ Самое построение этого города, которое относятъ къ XII и даже XI вѣку, приписываютъ русскимъ князьямъ изъ дома князей вольнскихъ. ⁽³⁹⁾ Взавъ все это въ соображеніе, нельзя не согласиться, что городъ Кобринъ съ окрестными странами не только въ XIII столѣтіи, но и раньше со времени его основанія находился во власти князей юго-западной Руси изъ дома Романа Мстиславича и сына его Даниіла, потомки которыхъ владѣютъ имъ даже въ концѣ XV столѣтія.

Подымаясь отъ Кобрина и Бреста на сѣверъ, вверхъ по теченію р. Буга, т.-е. по западной части нынѣшней губерніи

⁽³⁷⁾ См. особое примѣчаніе въ концѣ статьи.

⁽³⁸⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 213.

⁽³⁹⁾ Г. Шпилевскій «Путеш. по Полѣсью» и проч. «Совр.» за 1853 годъ. № VII. Отд. II, стр. 7.

Гродненской, встрѣчаемъ на этомъ пространствѣ древніе города: *Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Каменецъ*. О времени ихъ основанія (кромѣ послѣдняго), хотя и не сохранилось точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ, но должно полагать, что они появились вскорѣ послѣ Бреста, около времени Ярослава I, и, безъ-сомнѣнія, изъ укрѣпленій, о которыхъ упоминалось выше. О первыхъ двухъ имѣемъ поводъ такъ думать и по существовавшимъ въ нихъ замкамъ, о которыхъ часто упоминаютъ историки, и остатки которыхъ видны еще и въ настоящее время ⁽⁴⁰⁾. Изъ этихъ городовъ раньше другихъ упоминается о *Дрогичинѣ*, и мы о немъ распространимся здѣсь болѣе, чѣмъ о другихъ городахъ, такъ-какъ онъ обыкновенно считается столицю Ятвяговъ.

Уже выше изъ словъ Ипат. Лѣтоп. мы видѣли, что въ 1142 году Дрогичинъ вмѣстѣ съ Брестомъ былъ отданъ Давидовичамъ в. к. Всеволодомъ. Это древнѣйшее извѣстіе о Дрогичинѣ; что лѣтопись въ этомъ мѣстѣ говоритъ именно о Дрогичинѣ Гродненской губерніи, лежащемъ на Зап. Бугѣ, выше м. Мельника, можно заключить изъ того, что здѣсь говорится о городѣ, ближайшемъ къ Бресту, и что уже въ 1101 и 1102 годахъ страна по р. Нурцу входила въ составъ владѣній русскихъ князей, какъ видѣли мы выше, а въ 1145 году принадлежала имъ даже Визна, городокъ, лежавшій при впаденіи въ Наревъ Бобра; во время похода въ Польшу русскихъ князей въ 1145 году (Игоря, Святослава, Владиміра) князя польскіе отдали ее Игорю: «а Игоревѣ съ братьею даста Визну и тако возвратишася во свояси» ⁽⁴¹⁾. Такимъ-образомъ, вся страна отъ Бреста до Визны, или до впаденія Бобра въ Наревъ, принадлежала въ эти времена «Игоревѣ съ братіею»; слѣдовательно, область Дрогичинская, лежавшая на этомъ пространствѣ, необходимо должна была входить въ составъ ихъ владѣній. И, по всей вѣроятности, подъ 1142 г. въ Ипат. Лѣт. говорится о Дрогичинѣ Гродненской губерніи.

Слѣдующее мѣсто древнѣйшаго историка Кадлубека еще луч-

⁽⁴⁰⁾ Остатки замковъ, находящіеся въ этихъ двухъ городахъ, заслуживаютъ мѣстнаго изслѣдованія и подробнаго описанія. Подобное описаніе имѣло бъ немалую важность для исторіи здѣшняго края.

⁽⁴¹⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 21.

ше подтверждаетъ слѣдующее нами заключеніе, показывая, что и въ концѣ XII столѣтія въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь. Въ описаніи войны, которую велъ съ Ятвягами, или, какъ называется ихъ Кадлубекъ, Полѣсянами, король польскій Казиміръ (царст. отъ 1177—1194 г.), лѣтописецъ говоритъ, что онъ прежде всего устремился на дрогичинскаго князя, желая наказати его за помощь Ятвягамъ въ разграбленіи его земли. «*Notum (т.-е. Pollexianorum) quia latrunculos quidam Ruthenorum Drohicensis Princeps fovere consueverat, primus indignationis excipit aculeos: Urbi siquidem quae sui caput est Principatus (quam Drohiczyn vocant) inclusus obsidionum perurgetur angustiis; non tam deditiois legibus accodere, quam perpetuae servitutis conditioni subesse*» (42). Изъ этого видно, что во второй половинѣ XII вѣка въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь, *quidam Princeps Ruthenorum*, что Дрогичинъ былъ главнымъ городомъ въ его владѣніяхъ, мѣстомъ его пребыванія, *sui caput est Principatus*, и что дрогичинскій князь покоренъ былъ Казиміромъ только въ концѣ XII столѣтія *perpetuae servitutis conditioni subesse*; слѣдовательно, до конца XII столѣтія Дрогичинъ вовсе не принадлежалъ Ятвягамъ.

Но князья рускіе не забывали своихъ правъ на городъ, издавна имъ принадлежавшій и теперь утраченный. Это особенно видно изъ слѣдующаго мѣста Ипатьевской Лѣтописи, подъ 1240 годомъ. По удаленіи Батыя въ Венгрію, Даниилъ Романовичъ возвращается въ этомъ году въ Брестъ изъ Мазовша отъ князя Болеслава, у котораго нашель убѣжище во время оутошенія его владѣній Татарами. «И приде ко граду Дорогычину и восхотѣ внити въ градъ, и вѣстьно бысть ему, яко «не видеши во градъ.» Огорченный такимъ поступкомъ, Даниилъ говоритъ: «*се былъ града нашъ и отецъ нашихъ....*» и отъиде мыслячи, яже Богъ послѣже отъмысте створи *держателю града* того и власть ѣ въ рудѣ Данилу; и обновивъ ѣ созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: «се градъ мой, преже бо пріяхъ ѣ копьемъ» (43). Отсюда Даниилъ отправился въ Брестъ, потомъ въ Холмъ.

(42) Кадлубекъ въ отдѣлѣ своего сочиненія — *de principatu Lesconis Albi*.

(43) П. С. Р. Л., т. II, стр. 179.

Кому же принадлежалъ въ это время Дрогичинъ и кто былъ этотъ «держатель града», не впустившій Данила въ этотъ городъ ?

Извѣстно, что мазовскій князь Конрадъ, тревожимый безпрестанными нападеніями и грабежами древнихъ Пруссовъ-язычниковъ, призвалъ рыцарей тевтонскихъ и отдалъ имъ во владѣніе землю Хелминскую между рѣками Вислою, Држвѣнцемъ и Оссою, также всѣ тѣ земли, которыя они еще завоюютъ отъ Пруссовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы рыцари, кромѣ обращенія этихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, защищали отъ ихъ нападеній Мазовше. Конрадъ получилъ на это соизволеніе императора нѣмецкаго Фридриха II особою грамотою 1226 года, также папы, и 1230 года подписанъ былъ окончательный трактатъ между Конрадомъ и рыцарями. Германъ Балькъ назначенъ былъ провинціальнымъ магистромъ этихъ рыцарей въ зависимости отъ гроссъ-мейстера тевтонскаго ордена. Подъ управленіемъ воинственнаго и храбраго Германа Балькъ рыцари эти, называвшіеся отъ древняго замка на р. Држвѣнцѣ *Добржсиня*, бывшаго главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія, *Братьями Добржсиньскими*, быстро дѣлаютъ завоеванія въ земляхъ язычниковъ-Пруссовъ и въ какіе-нибудь 10 лѣтъ распространяютъ свое господство надъ большею половиною земель Пруссовъ въ Натангія, Бартнія, Варминія, части Голендзя ⁽⁴⁴⁾ и приближаются къ предѣламъ владѣній русскихъ князей. Къ этому времени относится договоръ, заключенный между Конрадомъ Мазовецкимъ и Германомъ Балькомъ 1237 года, найденный въ Берлинскомъ Архивѣ и приводимый у Фойгта. Въ немъ говорится : «*Conferimus et donamus Herm. et fratribus sui ordinis militum Christi domus quondam Dobrzynensis, castrum Drohiczyn, et totum territorium, quod ex eadem castri parte continetur, a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum, salvo jure ecclesiae Masoviensis et nobilium, si quod in praedictis fluminibus hactenus habuerunt, ut Christo, sub ordinis sui debito militantes, ab jactantia paganorum defendant populum Christianum*» ⁽⁴⁵⁾.

⁽⁴⁴⁾ Dzieje Krzyżaków przez L. Rogalskiego Warsz. 1846 г. Т. I, стр. 243—262, также карта при соч. Pisma D. Szulca Warsz. 1854 г.

⁽⁴⁵⁾ Voigt II, стр. 277, 278.

Изъ этого документа видно , что границы русскихъ владѣній въ первой половинѣ XIII столѣтія отодвинуты были на востокъ отъ Дрогичина до р. Нурца, что Дрогичинъ съ землями между Бугомъ и Нурцомъ принадлежали подъ конецъ первой половины XIII столѣтія рыцарямъ , которымъ были отданы Конрадомъ Мазовецкимъ въ замѣнъ за землю Добржиньскую. Если договоръ этотъ состоялся 1237 года, то очень естественно, что «держатель града», не пустившій Даниила Романовича 1240 года въ этотъ городъ , были рыцари нѣмецкаго ордена.

Неизвѣстно съ точностью , какъ долго эти земли находились подъ властью рыцарей. Послѣднія слова вышеприведеннаго мѣста Ипат. Лѣт. «и обновивъ ѿ созда церковь прекрасну святоѣ Богородици», и пр., показываютъ , что уже 1240 года Дрогичинъ былъ во власти Даниила , если онъ въ этомъ году обновилъ еѣо и выстроилъ въ немъ церковь во имя Пр. Богородицы ; но слова эти, стоящія послѣ слова «отъяде», находятся въ противорѣчїи со смысломъ предъидущаго и возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе относительно хронологїи. Если вѣрять хронологїи Ипат. Лѣтописи ⁽⁴⁶⁾, то Даниилъ Романовичъ старался изгнать отсюда рыцарей даже прежде 1240 года, какъ показываетъ слѣдующее мѣсто подъ 1235 годомъ. «Веснѣ же бывши , поидоста на Ятвязѣ и придоستا Берестью ; рѣкамъ наводнившимся , и не возмогоша ити на Ятвязѣ. Данилови рекшу : «не лѣпо есть держати наше отчины крижевникомъ, Тепличемъ (Темпличемъ), рекомымъ Соломоничемъ», и поидоста на нѣ въ силѣ тяжцѣ; приаста градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изоимаша и возвратиса Володимерь» ⁽⁴⁷⁾. Хотя здѣсь Лѣтопись и не говоритъ , какимъ именно городомъ овладѣлъ Даниилъ, а Карамзинъ упоминаетъ только , что Даниилъ ратоборствовалъ съ Нѣмецкимъ Орде-

⁽⁴⁶⁾ Хронологія Ипат. Лѣт. во многихъ мѣстахъ сбивчива, запутана и не всегда согласна съ хронологїею другихъ лѣтописей. А потому повѣствуемое въ ней подъ 1235 годомъ о рыцаряхъ и предводителѣ ихъ, Брунѣ, не будетъ ли относиться къ 1240 или къ одному изъ ближайшихъ къ нему годовъ? Въ такомъ случаѣ прояснилось бы сомнительное мѣсто въ ней относительно того , когда Даниилъ отнялъ Дрогичинъ отъ рыцарей.

⁽⁴⁷⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 178.

номъ, «заваншимъ какіи-то изъ нашихъ древнихъ владѣній»⁽⁴⁸⁾; но, основываясь на предъидущемъ, можно думать, что здѣсь дѣло идетъ о Дрогичинѣ. «Старѣйшина же Брунъ», упоминаемый въ этомъ мѣстѣ Лѣтописи, есть начальникъ тѣхъ 14 рыцарей, которые были посвящены въ это званіе епископомъ прусскимъ еще прежде 1226 года, и которымъ Конрадъ Мазовецкій далъ во владѣніе, кромѣ замка Добржина въ землѣ Хелминской, еще и Свѣдецъ въ Куявахъ⁽⁴⁹⁾. Потому очевидно, что въ это время земли по Бугу принадлежали рыцарямъ.

Какъ бы то ни было, но что вскорѣ послѣ 1240 года эти земли были уже во власти Даниила, видно изъ описаній войнъ, вѣданныхъ Данииломъ въ половинѣ XIII столѣтія съ Ятвягами. Чтобы наказать Ятвяговъ за безпрестанныя набѣги и грабежи, князья юго-западной Руси предпринимаютъ походы въ ихъ землю въ 1250 и 1251 годахъ. Въ 1250 году отправились Василько и Конрадъ Мазовецкій, но дошли только до р. Нурца и должны были возвратиться съ дороги; «падшу свѣгу и серену не могоша ити и воротиса на Нурѣ»⁽⁵⁰⁾. Слѣдовательно, вся страна Дрогичинская до р. Нурца уже въ 1250 году принадлежала князьямъ русскимъ. Яснѣе это видно изъ описанія похода 1251 года, въ которомъ многочисленная рать Даниила, Василька, Семовита Мазовскаго и Болеслава отправляется противъ Ятвяговъ. Войска выступаютъ изъ Дрогичина. «И снхася во Дрогичинѣ и поидоша (въ землю Ятвяжскую) и преидоша болота (безъ-сомнѣнія, болота Наревскія, которыя и теперь тянутся по теченію этой рѣки) и наидоша на страну ихъ»⁽⁵¹⁾. Ужасное опустошеніе было произведено во всей странѣ Ятвяжской до р. «Олгъ», называемой иначе «Лѣкъ». «Оттуда же князь Даниилъ приде ко Визькѣ и преиде рѣку Наровь... и придоста со славою на землю сою...»⁽⁵²⁾. Слѣдовательно, переправясь чрезъ Наревъ, при Визнѣ, Даниилъ былъ уже въ своихъ владѣніяхъ, «на землѣ своей»; иначе,

⁽⁴⁸⁾ Кар. Ист. Гос. Рос., изд. Эйп., т. III, стр. 164.

⁽⁴⁹⁾ Dz. Krzyż. p. Rogals. t. I. str. 243.

⁽⁵⁰⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 175.

⁽⁵¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 185.

⁽⁵²⁾ Ibid. стр. 187.

р. Наревъ въ это время отдѣляла его владѣнія отъ Ятвяговъ.

Около этого же времени Лѣтопись начинаетъ упоминать и о другихъ городахъ на означенной мѣстности между Бугомъ и Наревомъ: *Мельникъ*, *Каменць* и *Бльскъ*. О первомъ хотя упоминается въ Лѣтописи только подъ 1247 годомъ; но по древности онъ едва ли уступаетъ Дрогичину, судя по остаткамъ старины, замѣтнымъ въ немъ и въ настоящее время, а также и по самому его географическому положенію между двумя древними пунктами — Дрогичиномъ и Брестомъ. Подъ 1247 годомъ упоминаетъ о немъ Лѣтопись Ипат. по-случаю опустошительныхъ набѣговъ Литвы, простиравшихся до этого города ⁽⁵³⁾. Далѣе та же лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1260 годомъ, когда татарскій предводитель, Бурундай, отправляясь на войну въ Литву, звалъ и Данила отправиться вмѣстѣ съ нимъ. «И ѣха Василко за брата и проводи его братъ до Берестья и посла съ нимъ люди своя; и помолився Богу святому Спасу Избавнику, яже *есть икона, яже есть въ городѣ Мльницѣ во церкви святоѣ Богородицѣ* и нынѣ стоитъ въ велицѣ чести, обѣща ему Данило Король украсити ѣ» ⁽⁵⁴⁾. Въ 1262 году Литва снова произвела опустошенія въ окрестностяхъ Мельника, гдѣ «взяша полона много»; но Василько съ сыномъ Владиміромъ нанесли имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ спастись ⁽⁵⁵⁾. Подъ 1281 г. упоминается о Мельникѣ по-случаю перелвиженія чрезъ него войскъ, которыя шли на помощь кн. мазовскому Конраду, воевавшему съ братомъ своимъ Болеславомъ. Мельникъ служилъ сборнымъ пунктомъ, откуда выступилъ съ соединенными полками Василько въ Мазовше ⁽⁵⁶⁾. Въ 1282 г. Мельникъ принадлежитъ Юрію Львовичу. «*Быша (Юрій) въ Мльницѣ* и присла къ нему отецъ его Левъ, река ему тако: «сыну мой Юрь! не ходи самъ съ Литвою (на Болеслава, мазовскаго князя)... Юрь же не поиде по отнѣ словѣ, но посла рать свою...» ⁽⁵⁷⁾ Тому же

⁽⁵³⁾ Ibid. стр. 182.

⁽⁵⁴⁾ Ibid., стр. 197.

⁽⁵⁵⁾ Ibid., стр. 200.

⁽⁵⁶⁾ Ibid., стр. 209.

⁽⁵⁷⁾ Ibid., стр. 211.

Юрію принадлежит Мельникъ и въ 1288 году вмѣстѣ съ Дрогичиномъ, какъ увидимъ ниже.

Земли къ востоку отъ Дрогичина и Мельника и къ сѣверу отъ Бреста лежали въ запустѣніи 80 лѣтъ послѣ Романа. «Сія же страна бѣше пустѣла 80 лѣтъ по Романѣ.» Только Владиміръ Васильковичъ (1272 — 1289 г.) выстроилъ здѣсь на р. Льстиѣ (Лесѣ) городъ *Каменецъ*, подробности построения котораго сообщаетъ Лѣтопись подъ 1276 годомъ⁽⁵⁸⁾. Выстроенный имъ каменный «столпъ», высотой въ 17 сажень, стоитъ въ теченіе почти шести вѣковъ и въ настоящее время въ его первоначальной формѣ и размѣрахъ, равно-какъ и церковь Благовѣщенія. «Създа же въ немъ столпъ камень, высотой 17 сажней, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ на нь; и церковь постави Благовѣщенія святѣя Богородицы и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя сребрены», и пр.⁽⁵⁹⁾

Раньше чѣмъ о Каменцѣ упоминаетъ лѣтопись о *Бѣльскѣ* въ странахъ, простиравшихся на сѣверъ отъ Дрогичина и Каменца до р. Наревъ, которыя не только въ 1250 году, но и гораздо раньше принадлежали Даніилу Романовичу и его предшественникамъ. Первое о немъ извѣстіе находимъ подъ 1253 годомъ; но лѣтописецъ упоминаетъ здѣсь о немъ уже какъ объ общеизвѣстномъ, а не какъ о новомъ, недавно выстроенномъ городѣ⁽⁶⁰⁾. Потомъ упоминается о немъ въ княженіе Владиміра Васильковича, слѣдовательно, между 1272 — 1289 годомъ. Лѣтописецъ, повѣствуя о благочестивой ревности сего князя къ строенію церквей и снабженію ихъ золотыми иконами, серебряными сосудами, крестами, также книгами и пр. въ Брестѣ, Каменцѣ и другихъ церквахъ, говоритъ: «также и у *Бѣлску* построи церковь иконами и книгами»⁽⁶¹⁾. Но къ которой изъ бѣльскихъ церквей относится это замѣча-

⁽⁵⁸⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 206 и 222.

⁽⁵⁹⁾ Впрочемъ, нынѣшняя каменецкая церковь Благовѣщенія деревянная, а потому, можетъ-быть, одно только названіе ея сохраняется по настоящее время отъ 1276 года.

⁽⁶⁰⁾ Ibidem.

⁽⁶¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 222.

ніе лѣтописца, мѣстный изслѣдователь рѣшить этого не можетъ ⁽⁶²⁾.

Въ-теченіе всей второй половины XIII столѣтія до времени распространенія надъ западною Русью господства Литвы и Польши, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами Дрогичиномъ, Мельникомъ, Каменцомъ, Бѣльскомъ и др. находились постоянно во власти Данила Романовича (который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже короновался 1255 года въ этомъ Дрогичинѣ), а по смерти его—во власти его преемниковъ. При Василькѣ, братѣ и преемникѣ Данила, Дрогичинская область принадлежала *Шварну Даниловичу* до 1267 года, а по смерти сего послѣдняго перешла къ *Льву Даниловичу*, владѣтелю Галича и Холма, и оставалась въ его власти чрезъ все время княженія *Владимира Васильковича* (1269—1289 г.). Послѣдній, не имѣя дѣтей, назначилъ въ духовномъ завѣщаніи своимъ наследникомъ *Мстислава Даниловича*, мимо старшаго его брата *Льва Даниловича* и сына *Юрія*, которыхъ набожный и добродушный Владимиръ не любилъ за ихъ лукавые происки. Оскорбленный Левъ Даниловичъ хотѣлъ выпросить у него по-крайней-мѣрѣ *Брестъ*; но и это ему не удалось. Не удалась также и хитрость сына его *Юрія*, властвовавшего въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ притворною печалью жаловался Владимиру на своего отца, говоря: «Господине, строю мой!... отецъ мой... отнимаетъ у мене города, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червень, и Холмъ, а велить ми быти въ *Дорогичинъ* и въ *Мълницъ*; а бью челомъ Богу и тобѣ, строєви своему, дай ми, господине, *Берестій*, то бы ми сполу было» ⁽⁶³⁾. Владимиръ не смягчился просьбою своего племянника и не далъ ему Бреста. Тогда Юрій прибѣгнувъ къ другимъ мѣрамъ. Еще при жизни Владимира онъ склонилъ на свою сторону Берестьянъ, которые, по словамъ лѣтописца, «учинили коромолу..... ѣхавше къ Юрьєви князю цѣловаше крестъ на томъ, рекуче: «како не достанеть стрыя твоего (Владимира) ино мы твои и городъ твой, а ты нашъ князь» ⁽⁶⁴⁾.

⁽⁶²⁾ Г. Ярошевичъ, въ ст. о прав. церк. въ Бѣльскѣ — см. «Гродн. Губ. Вѣд.».

⁽⁶³⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 218.

⁽⁶⁴⁾ Ibid, стр. 223.

И дѣйствительно, какъ-только не стало Владимира Васильковича, Юрій сталъ властвовать въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ; но еще въ томъ же 1289 году былъ изгнанъ изъ этихъ городовъ Мстиславомъ и бѣжалъ съ своими приверженцами въ Дрогичинъ. Мстиславъ повсюду былъ встрѣчаемъ съ живѣйшею радостью и овладѣлъ *Брестомъ, Каменцомъ и Бѣльскомъ*. «Поѣха Юрьи вонъ изъ города съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ дома стрыя своего, и не остася камень на камени въ *Бересты*, и въ *Каменци*, и въ *Бѣльски*.... ради ему (Мстиславу) быша вси людье; утвердивъ людій, засаду посади въ *Бѣльски* и въ *Каменци*....» Берестыянъ же обложилъ онъ тяжкою данью за ихъ коромолу⁽⁶⁵⁾. Миръ и спокойствіе царствовали въ этихъ странахъ подъ управленіемъ Мстислава, потому что князь «миръ держа съ околными сторонами, съ *Ляхы* и съ *Нѣмци*, съ *Литвою*, одержа землю свою величествомъ оныи по Тотары, а сѣмо по *Ляхы* и по *Литву*.» Ятвяги также не тревожили уже этихъ земель своими набѣгами, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ они были совершенно истреблены.

Изъ сдѣланнаго доселѣ обзорѣнія историческихъ извѣстій оказывается :

1) Что нынѣшніе города Брестъ, Кобринъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ въ XIII, XII, отчасти XI столѣтіяхъ находились во власти князей юго-западной Руси, и, слѣдовательно, все пространство, на которомъ они находились, т.-е. земли между Западнымъ Бугомъ и р. Наревомъ, принадлежали этимъ князьямъ (иногда Польшѣ), а не Ятвягамъ. Мы видѣли также, что и во времена, предшествовавшія XI столѣтію, это пространство заселено было славянскими племенами, а не Ятвягами.

2) Что касается столицы Ятвяговъ, Дрогичина, то изъ разсмотрѣнія историческихъ о немъ извѣстій оказывается, что этотъ городъ находился во власти князей русскихъ, иногда переходилъ къ Польшѣ и съ самаго появленія его до времени распространенія нагъ западную Русью господства Литовцевъ рѣшительно нельзя найти такого момента времени, въ который бы можно было допустить подобное въ немъ господство Ятвяговъ. Нельзя этого сказать и о Дрогичинѣ Кобрин-

⁽⁶⁵⁾ И. С. Р. Л., т. I, стр. 224 и 225.

скаго уѣзда, который если бы и существовалъ въ эти времена (чего, впрочемъ, и предполагать невозможно), то постоянно находился во власти князей кобринскихъ или пинскихъ; а еще менѣе можно это думать о Дрогичинѣ вольинскомъ, признаваемомъ Нарушевичемъ⁽⁶⁶⁾ за столицу этого народа. Такимъ-образомъ, господствующее еще и въ настоящее время мнѣнiе, по которому Дрогичинъ былъ столицею Ятвяговъ, оказывается ложнымъ.

3) Уже въ XIII столѣтiи находимъ на означенномъ пространствѣ, какъ-то: въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ, Бѣльскѣ и др., православныя церкви, которыя, быть-можетъ, существовали въ этихъ мѣстахъ и гораздо раньше. Это показываетъ, что уже во времена, предшествовавшiя ихъ появленiю, было немалое число послѣдователей православной вѣры на этомъ пространствѣ; иначе, кѣмъ и для кого онѣ строились бы? Появленiе же въ XV и XVI ст. православныхъ церквей и монастырей въ дальнѣйшихъ пунктахъ на сѣверѣ, какъ-то: въ Гродкѣ, Заблудовѣ, Супраслѣ, Нарвѣ и др. ⁽⁶⁷⁾, при всѣхъ

⁽⁶⁶⁾ Hist. Nar. Pols. Warsz. 1803 г. Т. IV, str. 61.

⁽⁶⁷⁾ 1. Въ Бѣльскѣ въ XV и XVI столѣтiяхъ было уже 5 православныхъ церквей (см. статью г. Ярошевича въ «Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Объ одной изъ нихъ — Пречистенской, или Замковой, въ которой положено тѣло княгини Вассы Михайловны, упоминаетъ грамота короля польскаго Александра, данная 1504 года (ibid.).

2 Нынѣшнiй православный *Супрасльскiй* монастырь (въ 16 верстахъ отъ Бѣлостока) основанъ былъ первоначально, въ 1498 г. Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ мѣстечкѣ *Гродкѣ*, оттуда 1500 г. перенесенъ былъ въ м. Супрасль, гдѣ и теперь находится. Это отчасти подтверждаетъ и слѣдующая надпись на портретѣ основателя (во весь ростъ), стоящемъ въ церкви Супрасльскаго монастыря: «Alexander Chodkiewicz Wojewoda Nowogrodzki i Marszałek W. X. L. ufundował Supraśl na Choroszczu r. 1506, a zamiana stała Choroszczu na Chorostow r. 1533 d. 30 X br.» Въ другой надписи на портретѣ митрополита Юсефа Солтыка сказано: «Jozef Soltyk Marszałek Nadworny W. X. L. Posłem obrany od Synodu Ruskiego a od Alexandra approbowany do Syxta IV Papieża. z wyznaniem stolicy S. Apostolskiej posłuszeństwa in religione S. B. M. Josephikus wprzod Arcy-Biskupem Smoleńskim a potem w r. 1497 został Metropolita całej Rusi. Dobrazastugach w sobie od Króla Alexandra nadane Klasztorowi Supraślskiemu aplikował. Umarł. roku 1515.»

3. Православная церковь въ *Заблудовѣ* основана 1597 года Григорiемъ Ходкевичемъ, сыномъ упомянутаго Александра, основавшаго монастырь Супрасль Въ фундашевой записи основатель говоритъ: «все подданные

неблагопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, показываетъ ту постепенность, съ которою свѣтъ христіанской вѣры распространялся изъ Кіева по западнымъ частямъ губерніи Гродненской съ юга на сѣверъ, между массами народонаселенія. Все это ведетъ къ тому заключенію, что страны эти давнымъ-давно освободились (если когда-нибудь и были въ ихъ власти) отъ такихъ полукочевыхъ дикарей, каковыми были Ятвяги, коснѣвшіе въ язычествѣ во всѣ времена своего существованія.

Послѣ такого положительнаго свидѣтельства исторія можно ли согласиться съ вышеприведенными мнѣніями Стрыйковского, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей, утверждающихъ, что Ятвягамъ принадлежала вся страна отъ земли древнихъ Прусовъ до Волыни, что столицею ихъ былъ городъ Дрогичинъ? По-крайней-мѣрѣ, относительно тѣхъ временъ, о которыхъ сохранились несомнѣнныя историческія извѣстія, т.-е. съ X по XIII столѣтіе, ошибочность подобныхъ мнѣній обнаруживается какъ нельзя яснѣе.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего вопроса: обозначенію пространства, занимаемаго Ятвягами.

Уже изъ сказаннаго доселѣ явствуетъ, что Ятвяговъ не должно искать въ странахъ, лежащихъ къ югу отъ р. Наревъ, ибо съ юга почти до этой рѣки простирались владѣнія князей юго-западной Руси въ XIII столѣтіи и раньше. Ихъ должно

наши того имени нашего Заблудовского... повинни будут на год давати десятины зволокы зуполное жыта полковы ячменю полковы итакто есмо насес час подлуг волок тепер оседлых окром того што еще вапрод осести могут и шацовали ижъ вчинит тоє десятины с поддакых жыта копъ двесте а ячменю копъ двесте нагод..... (Собр. грам. и акт. Мивской губер., № 138) Одна половина этой десятины давалась «Свещеннику и дякону Рускому», а другая «плебану до костела Римского». Слѣдовательно, въ XVI столѣтіи въ окрестностяхъ мѣстечка было уже 400 волокъ (т.-е. не менѣе 6,000 десятинъ) земли, обработанной и заселенной послѣдователями «закону Грецкого и Римского», и первыхъ было въ это время не менѣе половины.

Все это показываетъ, что около Супрасля, Гродка, Заблудова, Наревы, Бѣльска было большое число исповѣдовавшихъ православную вѣру въ XV столѣтіи, т.-е. черезъ два столѣтія послѣ того, какъ лѣтописи начинаютъ упоминать о православныхъ церквахъ, возникшихъ въ странахъ между р. Наревомъ и Бугомъ, въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ и др.

искать на правомъ берегу этой рѣки. Въ 1279 году, когда голодъ распространился въ Руси, Польшѣ, Литвѣ и въ *странѣ Ятвяжской*, Владиміръ Васильковичъ, по просьбѣ Ятвяговъ, посылаетъ въ ихъ страну хлѣбъ для продажи. «Володимерь изъ Берестья посла къ нимъ жито, въ лодьяхъ, по Бугу..... Идущимъ же имъ по Бугу, и тако *возидоша на Наревъ* и *подоша по Нарови* и *придоша подъ городъ подъ Полтовескъ»* (68). Но подъ этимъ городомъ, принадлежавшимъ въ то время мазовскому князю Конраду, везшіе хлѣбъ были перебиты ночью неизвестно кѣмъ, хлѣбъ расхищенъ и не доставленъ по назначенію въ землю Ятвяжскую. Изъ этого мѣста Лѣтописи видно, что въ Ятвяжскую страну ходили по р. Наревъ, слѣдовательно *земля Ятвяжская примыкала къ Нареву съ правой стороны*. А такъ-какъ съ лѣвой стороны примыкали къ этой рѣкѣ владѣнія русскихъ князей — область Бѣльская и Визна, то, безъ-сомнѣнія, только эта рѣка и тянушіяся по ея теченію большія болота отдѣляли однихъ отъ другихъ. Слѣдовательно, *р. Наревъ отдѣляла Ятвяговъ отъ владѣній князей юго-западной Руси*.

На сѣверо-западѣ страна Ятвяжская въ древнѣйшія времена, въ XI столѣтіи, примыкала къ землѣ *Голядской*, или *Голендзинской*. Это видно изъ Несторовой Лѣтописи, въ которой говорится, что Ярославъ I въ 1038 году покорилъ Ятвяговъ, а сынъ его Изъяславъ одержалъ побѣду 1057 года надъ сосѣдями ихъ «Голядью». Съ этимъ же народомъ граничили Ятвяги и въ XIII столѣтіи. Земля же Голендзкая простиралась въ XIII и XIV столѣтіяхъ до верховьевъ рѣки Мсты (теперь Нетта), до верховьевъ рѣки Лэнки; а отъ Мазовша отдѣляла ее р. Винцента, какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ и актовъ (69). А потому на сѣверо-западѣ земля Ятвяжская примыкала къ землѣ Голендзинской при верховьяхъ Нетты и Лэнки, а отъ Мазовша отдѣлялась р. Винцентою. Это подтверждаетъ отчасти и слѣдующее мѣсто Ипатьевской Лѣтописи. Въ описаніи похода Давида Романовича на Ятвяговъ 1251 г. сказано, что войска выступили изъ Дрогичина, перешли р. Наревъ и опустошили землю Ятвяжскую до р. Лэнки. «И

(68) П. С. Р. Л., т. II, стр. 208.

(69) См. Pisma D. Szulca 1854 г., стр. 133 — 135.

гнаша Русь и Ляхове по нихъ (Ятвязехъ), и мнози князи Ятвязьскіи избѣени быша; и гнаша ѣ до рѣкы Олга, и прета брань..... Идущимъ же имъ и плѣвающимъ и жгущимъ землю ихъ, *пришадшимъ же имъ рѣку Олегъ.....* (70) Разумѣется, что эта «рѣка Олгъ, Олегъ», называемая въ другомъ мѣстѣ «Лькъ», есть нынѣшняя Лѣнка (Łeka, Łesna), впадающая въ Бобръ выше Говіондза. На другой день по переходѣ чрезъ эту рѣку напали на Ятвяговъ сосѣди ихъ Пруссы и Борты. Это были рыцари, покорившіе уже въ это время большую часть земли Голендэкой, какъ видно изъ описанія ихъ вооруженія. «*Щитъ же ихъ яко зоря бѣ, шеломи же ихъ яко солнцю восходящую, копіемъ ихъ дръжачимъ въ рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣльцемъ же обанолъ идущимъ, и держащимъ въ рукахъ ражанци своѣ.....*» (71). Итакъ, *къ сѣверо-западу отъ р. Наревъ, выше Визны, страна Ятвяжская простиралась за р. Бобръ до истоковъ р. Лѣнки, Нетты и Винценты, которыя отдѣляли ихъ съ одной стороны отъ Мазовша, съ другой отъ земли Голендэкой (Голядской) и отъ Пруссовъ, Бортовъ и рыцарей* (72).

(70) П. С. Р. Л., т. II, стр. 186.

(71) Ibid.

(72) Еще и въ настоящее время въ этихъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ р. Бобра, замѣтны нѣкоторые слѣды пребыванія Ятвяговъ. Къ нимъ принадлежатъ: 1) Два селенія на лѣвомъ берегу р. Бобра (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ мѣст. Суховоли), изъ которыхъ одно называется *Ятвезъ стара*, другая—*Ятвезъ нова*. Это названіе сохранилось, безъ-сомнѣнія, отъ Ятвяговъ. Стрыйковский, вѣроятно, указываетъ на эти селенія, говоря объ остаткахъ Ятвяговъ около Райграда (изд. варш., 1766 г., на стр. 181). Что селенія эти могли существовать въ его время, доказательствомъ тому можетъ служить одинъ деревянный домъ, находящійся и въ настоящее время недалеко отъ этихъ селеній, въ которомъ на одномъ бревнѣ вырѣзанъ 1619 годъ, означающій время его построения. О другихъ селеніяхъ упоминаемъ ниже. 2) Недалеко отъ этихъ селеній, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, находится вѣчто въ родѣ кладбищъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ обитателей даже называютъ ихъ *Ятвяжскими кладбищами* (mogilki Jadźwingowskie) и говорятъ, что на камняхъ, находящихся во множествѣ на этихъ кладбищахъ, видѣли вырѣзанныя земледѣльческія орудія, какъ-то: серпы, косы, топоры и пр. Пишущему это случилось видѣть только одно подобнаго рода кладбище, находящееся въ полуверстѣ отъ Ятвези. Оно находится среди вспаханныхъ полей, занимаетъ пространство около 150 шаговъ длины и около половины того

На востокъ отъ истоковъ Ланки и Нетты предѣлы страны Ятвяжской *простирались подъ Гродно и примыкали къ Нѣману и Литвь*. Это видно изъ Дузбурга ⁽⁷³⁾ и Длугоша ⁽⁷⁴⁾, которые, впрочемъ, ошибочно считаютъ обитателей между Нѣманомъ и Наревомъ Литовцами, а не Ятвягами. Стрыйковскій также говоритъ, что Ятвяги поражены были въ 1282 году Лешкомъ Чернымъ «*между Наревомъ и Нѣманомъ*» ⁽⁷⁵⁾; а Хвальчевскій (писавшій въ 1549 г.), что они жили на границахъ Литвы, при Мазовши, иначе между Мазовшемъ и Литвою ⁽⁷⁶⁾. Кромеръ также назначаетъ имъ съ этой стороны границу Литву, говоря, что «Ятвяги занимали пространство между Польшею, Русью, землею Пруссомъ, жили при границахъ литовскихъ» ⁽⁷⁷⁾. Впрочемъ, и за Нѣманомъ, въ Лидскомъ уѣздѣ (Виленск. губер.), между мѣстечкомъ Каменкой и Щучинимъ, есть еще и теперь два селенія, называющіяся *Ятвескъ*; а недалеко отъ этихъ селеній, на берегахъ рр. Котры и Пѣласы, живутъ *Иодвезжаи*, потомки Ятвяговъ, между которыми и по настоящее время сохранились нѣкоторыя свойства ихъ предковъ ⁽⁷⁸⁾; но это, безъ-сомнѣнія, переселенцы съ лѣваго берега Нѣмана, а границы Ятвяговъ едва ли могли прости- раться за Нѣманъ до этихъ мѣстъ.

ширины. На немъ находится до 100 большихъ, необтесанныхъ камней, плитообразныхъ, продолговатыхъ, — всѣ въ стоячемъ положеніи. Ни на одномъ изъ нихъ не было замѣчено упоминаемыхъ изображеній. Жители не берутъ ихъ съ мѣста, ибо часто случалось, что поселянъ, бравшихъ эти камни для какого-либо употребленія, тревожили страшныя сновидѣнія; они избавлялись отъ нихъ, коль-скоро возвращали взятые камни на прежнее мѣсто. Оттого съ давнихъ временъ камни остаются нетронутыми. Къ какому времени отнести появленіе этихъ кладбищъ? Не имѣютъ ли они какой-нибудь связи съ походомъ Данила Романовича, который 1231 г. былъ за Ланкою, и гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ, между Райгродомъ и Ятвезью, происходили кровавыя битвы?

⁽⁷³⁾ Изд. Гартк., стр. 331.

⁽⁷⁴⁾ Т. I. X, стр. 43.

⁽⁷⁵⁾ Варш. изд., стр. 182.

⁽⁷⁶⁾ Изд. варш., 1829, на стр. 49: «*Jaczwyngowye sza to ludzyc okrutny na granyczach lithewskych podla mazowsza myeskaya..... myedsy lythwa swyt yezykem towuacz.*»

⁽⁷⁷⁾ Изд. варш., 1767, стр. 91, кн. IV.

⁽⁷⁸⁾ См. Ист. Нарбута, также Шафар. «Слав. Древн.», пер. Бодянк., т. II, стр. 291.

Труднѣе отыскать *восточные предѣлы* страны Ятвяжской по направленію къ югу отъ Нѣмана. Съ этой стороны она граничила съ Русью и Литвою. Въ лѣтописи подъ 1256 годомъ говорится, что во время похода Данила Романовича на Ятвяговъ къ нему присоединился съ своею дружиною «Романъ съ Новгородцами (Новогрудекъ), и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскимъ» (79). Можетъ-быть, Изяславъ имѣлъ свои владѣнія на р. Свислочь, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Свислочь; потому онъ по ошибкѣ переписчиковъ и названъ «со Вислочьскимъ», также «съ вислоческимъ», вмѣсто «Свислочьскимъ». О Слонимѣ и Волковискѣ также упоминается въ Лѣтописи подъ 1252 и 1256 гг., какъ о ближайшихъ пунктахъ къ странѣ, занимаемой Ятвягами и имъ не принадлежавшихъ. Слѣдовательно, ни Слонимъ, ни Волковискъ, можетъ-быть, даже земли, находящіяся у верховьевъ р. Свислочи, не были въ XIII столѣтіи во власти Ятвяговъ. Но что селища ятвяжскія распространялись даже подъ мѣстечко Свислочь, доказываетъ нынѣшняя деревня *Ятвескъ* (Jatwesk), находящаяся въ 7 верстахъ отъ этого мѣстечка и которая есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ поселеній ятвяжскихъ, сохранившій отъ древнихъ временъ одно только названіе. Вѣроятнѣе всего, что къ сѣверу отъ этого селенія полоса лѣсовъ между рр. Свислочью и Россою была границею, стѣною, ограждавшею Ятвяговъ съ восточной стороны отъ Руси и Литвы; а къ югу, по направленію къ мѣстечку Каменцу и къ Пружанамъ, подобною же границею служила нынѣшняя Бѣловежская пуца (80). Въ такомъ случаѣ поселенія ят-

(79) П. С. Р. Л., т. II, стр. 192.

(80) Какъ велики были нѣкогда въ этомъ мѣстѣ лѣса, видно изъ одного мѣста договорной грамоты великихъ князей литовскихъ Кейстута и Ягеллы съ рыцарями въ 1379 г., гдѣ сказано: «Обитателямъ земли Гродненской для рыбной ловли, для охоты, также на строеніе жилищъ и другія потребности назначается пространство лѣсовъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, начиная за милью отъ Пржеломки до того мѣста, гдѣ сходятся границы земли Гродненской съ границами округа Волковыскаго. Къ югу и ю.-з. отъ Нѣмана, по направленію къ землѣ Прусской, Ельзской и Волковыской позволяетя пользоваться этимъ лѣсами на разстояніи 6 миль; съ другой стороны Нѣмана на такое же пространство.» (См. *Kodex Litwy Raczynskiego*; также *Voigt'a t. X.*) Слѣдовательно, пуца въ этомъ мѣстѣ имѣла въ ширину не менѣе 12 миль; нынѣшняя Бѣловежская пуца была ихъ продолженіемъ.

явжскія выступали у верховьевъ р. Нарева къ югу отъ этой рѣки (на пространство d e f., см. карту) по направленію къ Каменцу и Пружанамъ до того мѣста, гдѣ начинались владѣнія русскихъ князей. — Непроходимые лѣса Бѣловежской пуши служили, безъ-сомнѣнія, для воинственныхъ хищниковъ главнымъ притономъ, откуда они предпринимали отважныя набѣги на сосѣдственныя страны земледѣльческихъ Славянъ, съ цѣлю грабежа. Такимъ-образомъ, на югѣ они часто нападали и грабили область Брестскую, вторгались нерѣдко даже на Водынь; на востокъ проникали, можетъ-быть, до самаго Новогрудка. Это дало Стрыйковскому и другимъ поводъ думать, что Новогрудекъ съ окрестными селеніями находился въ ихъ власти, и назначать подъ жилища этого племени столь обширныя пространства.

Итакъ, *Ятвяги занимали въ XIII столѣтіи пространство между двумя большими рѣками: на сѣверъ — Нѣманомъ, на югъ — Наревомъ; на сѣверо-западъ страна ихъ простиралась до верховьевъ рр. Ланки и Нетты, на востокъ — до верховьевъ р. Нарева и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки.* Такимъ-образомъ, мѣстность a b c d e f g (см. карту) будетъ означать пространство, занимаемое Ятвягами, съ приблизительнымъ означеніемъ границъ ихъ страны. На этомъ пространствѣ должно искать упоминаемыхъ въ лѣтописи подъ 1256 г. и другихъ слѣдующихъ селеній ятвяжскихъ: «вси Болдикища, Привища, Тайсевиче, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, села Корковичи, Жебровичи»⁽⁸¹⁾. Въ недавнее время слѣланы попытки къ отысканію нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній ятвяжскихъ, самыхъ древнихъ въ здѣшнемъ краѣ, и г. Шульцъ⁽⁸²⁾ находитъ: Раймоче въ нынѣшнемъ селеніи *Ражоты*, недалеко отъ р. Бобра; Жебровичи—въ нынѣшн. *Жебрахъ, Жебркахъ*, тамъ же; Буряля—въ *Добржыяловъ*, выше Визны; Корковичи — въ *Коробице*, недалеко отъ Домбровы⁽⁸³⁾.

Эта непрерывавшаяся въ то время полоса лѣсовъ отъ Нѣмана до Каменца была границею страны Ятвяжской на востокъ.

⁽⁸¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 192 и 193.

⁽⁸²⁾ Pisma..... стр. 143.

⁽⁸³⁾ *Коревичи*—селеніе въ 14 верстахъ отъ Свислочи мѣст.—и *Куриломичи* за Волковыскомъ еще ближе подходятъ подъ лѣтописное названіе *Корковичи*; но на одномъ сходствѣ названій, которое можетъ быть и

На означенное нами пространство должно, впрочемъ, смотрѣть только какъ на главное гнѣздо Ятвяговъ, и мы означаемъ здѣсь границы ихъ страны только приблизительно: въ строгомъ же смыслѣ этого слова ихъ не должно искать. Да ихъ и не могло быть въ такомъ смыслѣ у народа полудикаго, полукочеваго, занимавшагося не земледѣльемъ, а грабежами, разбоями, безпрестанными набѣгами на сосѣдственныя страны. Такому народу сама природа поставляетъ границы въ высокихъ горахъ, большихъ рѣкахъ, непроходимыхъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ. Означенное здѣсь пространство показываетъ вмѣстѣ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ было замкнуто это полукочевое племя въ послѣднія времена своего существованія племенами славянскими, племенами земледѣльческими, которыя, бывъ выведены изъ терпѣнія безпрестанными грабежами и хищничествомъ дикарей, какъ бы съ общаго согласія, рѣшили истребить ихъ совершенно. И они достигли своей цѣли. Исподоволь ослабленные ими Ятвяги погибли отъ мстительнаго оружія озлобленныхъ сосѣдей. Лешекъ Черный 1282 года нанесъ имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не возвратился съ поля кровавой битвы. Съ этого времени самое имя Ятвяговъ исчезаетъ изъ лѣтописей, изглаживается изъ памяти народной, и только весьма немногіе остатки вещественныхъ памятниковъ напоминаютъ въ настоящее время о Ятвягахъ и кровавыхъ битвахъ съ ними.

Что же это былъ за народъ, который находился въ постоянной враждѣ съ сосѣдями своими — Русью, Польшею, Литвою, Пруссамы, не могъ ужиться въ мирѣ ни съ однимъ изъ нихъ и погибъ наконецъ какъ бы очистительною жертвою въ отчаянной борьбѣ съ ними?

Объ этомъ предметѣ какъ у историковъ древнѣйшихъ, такъ и у новѣйшаго времени изслѣдователей встрѣчаемъ мнѣнія разнообразныя, однѣ съ другими несогласныя. Мы уже видѣли, что Ятвяги жили между Пруссамы и Литвою, между Польшею и Русью: этого достаточно было для писателей, чтобы выводить ихъ происхожденіе отъ одного изъ этихъ на-

случайнымъ, не подтвержденномъ другими историческими доказательствами, утверждать этого не можемъ.

родовъ, именно отъ того, съ которымъ, какъ имъ кажется, они имѣютъ наиболѣе сходства.

Такимъ-образомъ, *Длугошъ* считаетъ Ятвяговъ за одно племя съ *Литовцами* и *Пруссами*, потому-что между языкомъ и нравами Ятвяговъ и этихъ народовъ замѣчается много сходства ⁽⁸⁵⁾. Того же мнѣнія держатся *Кромель*, *Стрыйковский*, *Бльскій*. Послѣдніе два увѣряютъ, что Ятвяги были одного происхожденія и языка съ *Литвою*, *древними Пруссами*, *Половцами*; что они, подобно Литвѣ, произошли изъ смѣшенія *Готовъ* съ остатками *Кимеровъ* ⁽⁸⁶⁾. Кадлубекъ говоритъ о Ятвягахъ: «Sunt autem Pollexiani (т.-е. Ятвяги), *Getharum seu Prussorum genus*, и, какъ бы въ подтвержденіе своей догадки, дѣлаетъ далѣе слѣдующее замѣчаніе объ одномъ вѣрованіи Ятвяговъ: «est enim omnium Getharum communis dementia, exutas corporibus animas, nascituris infundi corporibus quasdam etiam in brutorum assumptione corporum brutescere ⁽⁸⁷⁾».

Другое мнѣніе, совершенно противоположное упомянутымъ, находимъ у *Сарницкаго* и *Нарушевича*. Первый, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ географовъ, выводитъ Ятвяговъ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Второй дѣлаетъ замѣчаніе, что если и было сходство языка ятвяжскаго съ языкомъ Литовцевъ и древнихъ Пруссовъ, то это еще не доказываетъ одного съ ними происхожденія, ибо это сходство могло произойти отъ сосѣдства и сношеній съ ними. Онъ доказываетъ далѣе, что этотъ народъ былъ совершенно отличенъ какъ отъ Литвы и древнихъ Пруссовъ, такъ и отъ Славянъ и, вмѣстѣ съ *Сарницкимъ*, выводитъ ихъ отъ племенъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Нынѣшнихъ Цыганъ считаетъ онъ потомками древнихъ Ятвяговъ; а изъ отвѣта ихъ на вопросъ: кто ты? *Я Цыганъ*, объясняется,

⁽⁸⁵⁾ Т. I, p. 394. Pens Jacvingorum natione, lingua, ritu, religione et moribus magnam habebat cum Litvanis, Pruthenis et Samogitis conformitatem, cultui idolorum et ipsa dedita. Въ другомъ мѣстѣ: Jacvingorum natio... cum Pruthenica et Lithvanica lingua habens magna ex parte similitudinem et intelligentiam.

⁽⁸⁶⁾ Кром. кн. IV, стр. 8; Стрыйск., стр. 180; Бльск., стр. 88.

⁽⁸⁷⁾ Кадлуб. въ отд. своей хроники: «de principatu Lesconis Albi».

по мнѣнію его, и самое названіе ихъ : *Яцыги, Языги* (Jazygas), т.-е. *Ятвяги* ⁽⁸⁸⁾. Но это совершенно ложно.

Отсюда видимъ, какъ сбивчивы и несогласны мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ. По мнѣнію однихъ, Ятвяги были Литовцами, Готами, древними Пруссами; по мнѣнію другихъ, они не были ни первыми, ни вторыми, ни третьими, а племенемъ особымъ, одинаково чуждымъ всѣмъ тремъ. Не будемъ входить въ подробный разборъ справедливости каждаго изъ этихъ мнѣній; рассмотримъ здѣсь только результатъ, полученный позднѣйшими изслѣдователями изъ разбора этихъ разнообразныхъ свидѣтельствъ, на которомъ основаны мнѣнія, въ настоящее время господствующія объ этомъ предметѣ.

Изслѣдованія ученыхъ новѣйшаго времени привели ихъ не къ одинаковымъ результатамъ. Г. *Ярошевичъ* считаетъ Ятвяговъ народомъ одноплеменнымъ съ Литвою, основываясь преимущественно на свидѣтельствѣ Длугоша ⁽⁸⁹⁾. Но другой изслѣдователь, г. *Шульцъ*, доказавъ ошибочность Длугошева мнѣнія (между-прочимъ, на основаніи рукописнаго экземпляра Хроники Богуфала, найденнаго въ Крелевецкомъ архивѣ, въ которомъ фраза Кадлубка *Getharum seu Prussorum genus*, перемѣняется въ *Lechitarum seu Prussorum genus*), опровергаетъ тѣмъ и мнѣніе г. Ярошевича и приходитъ къ тому заключенію, «что эти Ятвяги не были Литвою, ни Русью, ни Молдаванами; что они называются *Польсянами* у Кадлубка, *Лехитами* у Богуфала; что только господство надъ ними то Литвы, то Руси, которые иногда покоряли этотъ народъ своей власти, сдѣлало ихъ племенемъ чуждымъ, отличнымъ отъ Лехитовъ, и дало поводъ считать ихъ то Литвою, то Русью. «Ходъ событій, лучшее уразумѣніе лѣтописей, папскія буллы, точнѣйшее означеніе границъ *доказываютъ несомнѣннымъ образомъ ихъ происхожденіе польское.*» А потому Ятвяги, по словамъ изслѣдователя, не должны быть привидѣніями въ исторіи здѣшняго края, не должны никого пугать суровыми чертами своего лица, ибо это *Польсяне, Лехиты*, подъ маскою литовскою ⁽⁹⁰⁾. Такимъ-образомъ, выходитъ по этому

⁽⁸⁸⁾ Hist. Nar. Pol. T. IV, примѣч. 115 къ кн. I.

⁽⁸⁹⁾ Obraz Litwy. Wilno. 1844. T. I, str. 12, § 5.

⁽⁹⁰⁾ Pisma D. Szulca Warsz. 1853. стр. 23, также 140—151.

мнѣнію, что никакихъ Ятвяговъ не было; а, между-тѣмъ, исторія этого народа представляетъ слишкомъ ясныя и убѣдительныя доводы противнаго.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчаемъ другое, совершенно ему противоположное и тѣмъ болѣе замѣчательное, что принадлежитъ ученому, отличающемуся всестороннимъ изслѣдованіемъ и глубокимъ знаніемъ нашихъ древностей. Говоримъ объ авторѣ «Славянскихъ Древностей». Въ отдѣлѣ этого сочиненія о народахъ сарматскаго племени Шафарикъ⁽⁸¹⁾ говоритъ, что это азіатское племя, переселенное скинскими царями (около 633—605 г. до Р. Х.) изъ Мидіи въ страну, лежащую между Волгою, Дономъ и Меотійскимъ заливомъ, стало распространяться отсюда на западъ за Донъ, въ III вѣкѣ до Р. Х. подвинулось къ самому Днѣпру, а въ I вѣкѣ (между 60—55 г. до Р. Х.) является уже на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. до конца IV Сарматы господствуютъ во всемъ Черноморскомъ и Придунайскомъ краѣ до р. Тиссы въ видѣ отдѣльныхъ племенъ: *Яксаматовъ*, обитавшихъ при устьяхъ Дона съ восточной стороны; *Роксоланъ* — между Дономъ и Днѣпромъ (истреблены Готами и Гунами); *Аланъ* и *Языговъ*. Одна вѣтвь этихъ послѣднихъ, скитавшихся въ 7—17 г. по Р. Х. по нынѣшней Бессарабіи и Валлахіи, проникла отсюда, около половины I столѣтія, за Карпатскія горы, въ Венгрію на берега Тиссы; другая успѣла пробраться въ Подлясье и дѣлается извѣстною въ исторіи только въ концѣ X столѣтія подъ именемъ *Ятвяговъ*, или *Ятвези*, *Яцвези*. Прибытіе ихъ въ эти покрытыя травой и лѣсомъ пустыни скрывается, по мнѣнію изслѣдователя, въ глубокой древности. Основываясь на свидѣтельствѣ Иорнанда, Мелы и Плинія, глубокомысленный изслѣдователь, вопреки Нарбуту и Нарушевичу, относящихъ прибытіе ихъ въ эту страну къ IV столѣтію съ береговъ Тиссы, думаетъ, что «сарматскіе Языги проникли сюда уже въ I вѣкѣ по Р. Х. со стороны Днѣпра и черноморскихъ краевъ, раскинули здѣсь свои станы среди Славянъ и питались либо данью и платой, валагаемой ими на незначитель-

(81) Slowanské Starozitnosti, w Praze. 1837, str. 274—295, § 16; перев. Бодявск. II, стр. 266—312.

ные окружные народы, либо грабежемъ, опустошеніемъ и раззореніемъ сосѣднихъ земель.» Возможность этого подтверждается, между-прочимъ, еще и тѣмъ, что около того же времени и братья ихъ *Алае* пробрались далеко на сѣверъ чрезъ мирныя славянскіе и чудскіе народы и для своихъ жилищъ заняли мѣсто около истоковъ Волги, Двѣпра и Западной Двины.

Такимъ-образомъ, кромѣ мнѣнія, по которому Ятвяги считаются племенемъ *литовскимъ*, господствуютъ въ настоящее время еще слѣдующія два мнѣнія, одно другому противоположныя: одно — по которому Ятвяги считаются *Мазовшанами*, слѣдовательно, племенемъ чисто *славянскимъ*; другое — по которому они были *Сарматами*, слѣдовательно, племенемъ совершенно отличнымъ отъ славянскаго. Принявъ безусловно первое мнѣніе, нужно совершенно отказаться отъ втораго, совершенно уничтожить Ятвяговъ и вѣрить, что ихъ вовсе не было, между-тѣмъ, какъ второе имѣетъ сильное доказательство въ сохранныхъ лѣтописцами чертахъ народнаго быта и во всей исторіи этого народа. Кому же вѣрить? которое мнѣніе справедливо?

Подобная противоположность мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ показываетъ, что истина должна заключаться въ чемъ-то среднемъ между этими крайностями, и вмѣстѣ обнаруживаетъ односторонность приведенныхъ мнѣній. Не отказывая ни тому, ни другому мнѣнію въ односторонней справедливости, нельзя не согласиться съ Шафарикомъ, что въ отдаленныя времена, какъ онъ полагаетъ, въ I вѣкѣ по Р. Х., племя не-славянское, чуждое ему, успѣло пробраться сквозь племена славянскія въ пустынное или малонаселенное Подлясье, гдѣ нашло много удобствъ для правильной кочевой жизни въ равнинахъ и тучныхъ пастбищахъ этой страны, огражденной большими лѣсами, рѣками и болотами. Такое племя дало начало племени Ятвяговъ, не-славянское происхожденіе которыхъ ясно обнаруживаютъ не только безпрестанная борьба съ окружающими и чуждыми ему племенами, но и черты народнаго быта, сохранныя лѣтописцами въ языкѣ, отличномъ отъ славянскаго ⁽⁹²⁾, въ полукочевой жизни на по-

(92) Всѣ историки единогласно утверждаютъ, что языкъ ятвяжскій

возвахъ («колымагахъ»), воинственномъ духѣ, образѣ веденія войны и пр. Если лѣтописцы начинаютъ упоминать о нихъ только съ конца X вѣка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы они появились только теперь. Напротивъ, Ятвяги могли здѣсь существовать задолго до этого времени, и сохранившіяся въ лѣтописяхъ извѣстія съ конца X до конца XIII вѣка относятся только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія. Предшествовавшія же X столѣтію времена представляютъ широкую, пустынную степь, въ которой взоръ историка теряется въ туманной дали. Въ-послѣдствіи это племя заперто было отсюда другими племенами, мало-по-малу разселявшимися, такъ-что не имѣло куда выхода. Оттого по необходимости должна была завязаться упорная борьба, борьба на жизнь и смерть, которая и оканчивается въ концѣ XIII столѣтія совершенною гибелью Ятвяговъ.

Окруженное отсюда племенами другаго происхожденія, болѣею частью славянскими, находясь въ безпрепятномъ соприкосновеніи съ ними, это чуждое по своему началу племя не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло долго сохранять свою національность въ чистотѣ безпримѣсной. Въ-теченіе нѣсколькихъ столѣтій сгладились рѣзкія формы національности не-славянской, и лишь двѣ-три отличительныя черты ея изъ послѣднихъ временъ существованія Ятвяговъ успѣли захватить и внести въ свои сочиненія лѣтописцы. Во второй же половинѣ XIII столѣтія, т.-е. въ послѣдніе полъ-вѣка изъ жизни, остатки эти были уже такъ незначительны, слабы и едва замѣтны, что г. Шульцъ, по разсмотрѣніи источниковъ, относящихся болѣею частью только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія, имѣетъ справедливую причину считать ихъ *Лехитами* («Поляками»), ибо

былъ совершенно отличенъ отъ славянскаго. Кромѣрь (IV кн.) говоритъ. «Feruntur adhuc tenues eorum reliquiae superesse in Lithuania et Russia diversa prorsus a Slavis et Lithvanis lingua utentes. Мы уже выше привели нѣсколько названій селеній ятвяжскихъ, отличныхъ отъ славянскихъ. Изъ предводителей упоминаются въ лѣтописи подъ 1227 г.: «Мошдунячъ Шутръ, Стегуть Зебровичъ», подъ 1251 г. — «Яшелтъ, Небастъ, Стекинтъ, Комать», подъ 1256 г. — «Юндилъ». Изъ племенъ ятвяжскихъ извѣстны: «Злинци, Крисменцъ, Поквнцъ», упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1256 годовъ.

уже въ это время элементъ славянскій (Мазовшане) преобладалъ въ странѣ Ятвяжской. Можно доказать, что въ такомъ же точно смыслѣ Ятвяги могутъ быть племенемъ *литовскимъ*. Напротивъ-того, авторъ «Славянскихъ Древностей», обращавшій болѣе вниманія на это племя во времена гораздо древнѣйшія, видитъ въ нихъ *Сарматовъ*. Думаемъ, что отъ такого воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ различныхъ сторонъ, отъ устремленія усиленнаго вниманія на два крайніе пункта произошла подобная противоположность во мнѣніяхъ и изслѣдователи получили неодинаковые результаты.

Самое названіе этого народа остается до сихъ поръ нерѣшенною загадкою: ибо мнѣніе объ этомъ предметѣ Нарушевича, производящаго это названіе отъ «*ia Cugan*», Сарницкаго, выводящаго его отъ греческаго ζύγον (яро), равно-какъ г. О. Булгарина⁽⁹³⁾ и отчасти Нарбута⁽⁹⁴⁾, объясняющихъ это названіе словомъ *языки*, которымъ называлъ себя будто бы этотъ народъ въ отличіе отъ *безъязычныхъ*, т.-е. *Нѣмцевъ*, также словомъ *язычники* (Czestobohi) т.-е. идолопоклонники, и другія мнѣнія давно потеряли свой вѣсъ и въ настоящее время не имѣютъ смысла. Различныя формы этого названія у сосѣдственныхъ съ Ятвягами племенъ славянскихъ: у Русскихъ, Поляковъ, также у Литовцевъ (въ русскихъ лѣтописяхъ они называются: *Ятвяги*, *Ятвязь*, *Ятвезь*; въ польскихъ: *Jatweż*, *Jaćwież*, также *Jaćwing*, *Jaźwing*, *Jadźwing*, *Jacźwing*, во множественномъ числѣ *Jadźwingowie*; у Литовцевъ *Jatwezy*, *Jodweżaj*), показываютъ, что всѣ они происходятъ изъ одного источника. Намъ кажется довольно правдоподобнымъ выводъ этого названія отъ *язвецъ*, *язвикъ*, общеупотребительнаго слова во всѣхъ нарѣчіяхъ языка славянскаго, особливо въ древнія времена — въ XII столѣтіи и раньшее.⁽⁹⁵⁾ Въ кожи этихъ звѣрей одѣвались нѣкогда дикіе обитатели лѣсовъ подляескихъ; наружность эта рѣзко бросалась въ глаза ихъ сосѣдей: это и дало поводъ къ названію народа. Что кожи этихъ животныхъ были здѣсь въ

⁽⁹³⁾ «Россія» и проч., т. II, стр. 289.

⁽⁹⁴⁾ Dzieje Star. Ngr. Litews. Wilno 1837. o jadźw. § 172.

⁽⁹⁵⁾ См. словарь Лянде, изд Варш. 1808 года. Т. I. Часть II, стр. 871: «*Jaźwiec* wca. т. Bh. *gezwec*; Slo. *gazwec*; Sr. 2. *jahs*; Sr. 1. *Swincz*;

немаломъ употребленіи въ древнія времена, это доказываетъ не только употребленіе ихъ на нѣкоторые предметы въ настоящее время жителями этой страны ⁽⁹⁶⁾, но и свидѣтельство Ипатьевской Лѣтописи. Въ этой послѣдней подъ 1241 годомъ говорится: «Андрей же..... удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздраны, и прилбиць ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутьного пѣвца Митусу..... не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы связонного приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: «буесть дому твоего сокрушиться, бобръ и волкъ и язецъ сльдаться». Изъ другаго мѣста той же Лѣтописи подъ 1279 годомъ видно, что вообще мѣха животныхъ составляли важную статью въ народной промышленности и торговлѣ; Ятвяги говорили Владиміру Васильковичу: «пошли господине къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бѣлы ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы». ⁽⁹⁷⁾ Слова Лѣтописи подъ 1235 годомъ: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идыше на Борзсуковѣдпль»..... ⁽⁹⁸⁾ также намекаютъ на этихъ животныхъ, несмотря на поврежденіе послѣдняго слова переписчиками. Что слово *язецъ*, *яцезъ*, *яцьвезъ*, *яцьвпъ* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *ятвязь*, *ятвезь*, *ятвягъ*, *ятвязи* и наоборотъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это произошло вслѣдствіе того правила, по которому буква польскаго языка *ц* (*c*) перемѣняется въ русскомъ языкѣ въ букву *т*. Такимъ-образомъ, *Brzeście*, *Brześć*, *Połock*, *Maciej*, *dać*, *znać*, *cień*, *cierpieć* и мн. др. перемѣнились въ языкѣ русскомъ въ *Берестье*, *Брестье*, *Брестъ*, *Полотскъ*, *Полотескъ*, *Матвей*, *дать*, *знать*, *тнь*, *терпть* и проч. По этому же самому и *Яцьвпъ* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *Ятвизь*, *Ятвязь* и др. Что же касается до названій: *Jaćwing*, *Jadźwing*,

Срн. *jasbez*; Vd. *jasbez*, *jasbíz*; Cro. *jazvěcz*; Dl. *jazavacz*; Нг. *borz*; Sla. *jazavac*; Rg. *jázavaz*; Bs. *jazvaç*, *jazovaç*; Росс. *язецъ*, *яземкъ*, *borsuk*, подобно со до kształtu do niedźwiédzia małego.»

⁽⁹⁶⁾ Особенно часто теперь встрѣчаются у лѣсныхъ жителей здѣшняго края охотничьи сумки («стрѣлцїя торбы»), также шапки и нѣкоторые другіе предметы, которые дѣлаютъ изъ барсуковыхъ кожъ.

⁽⁹⁷⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 207. 208.

⁽⁹⁸⁾ Ibid. стр. 175.

Jadźwingowie и *Ятвягъ*, которыя при первомъ взглядѣ могутъ показаться кому-нибудь совершенно отличными другъ отъ друга, то всякое различіе между ними исчезнетъ, если припомнимъ себѣ, что въ древнихъ рукописяхъ славянскихъ, напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи, писанномъ въ 1056 году, буква я стоить вездѣ тамъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ *ia*, *ie*, а въ другихъ языкахъ ей соотвѣтствуетъ и, м. А потому какъ слова *има*, *теля*, *племя*, *пять*, *ма*, *та*, *любя*, *сѣла* и др. перемѣнились въ *imie*, *ciele*, *plemie*, *piec*, *mie*, *cie*, *lubiac*, *siedzac*, такъ и слово *Ятвягъ* перемѣнилось въ *Jatwiag*, *Jatwieg*, *Jacwieg*, т.-е. *Jatwiong*, *Jatwieng*, *Jacwieng*, или, по замѣненіи *с* букв. *dz*, *Jadźwieng*, *Jadźwing*, во множественномъ числѣ *Jadźwingowie*; слѣдовательно, *Ятвяги* и *Jadźwingowie* суть однѣ и тѣ же слова.

По замѣчанію Нарбута, Литовцы называли Ятвяговъ *Jatwezy*, т.-е. *Jodweżaj*. Послѣднее слово означаетъ въ языкѣ литовскомъ «черные раки» и употреблялось у Литовцевъ для означенія не однихъ только Ятвяговъ, но и русскихъ поселенъ, обитавшихъ недалеко отъ города Гродно при р. Пѣласѣ. Названіе это дано имъ, по мнѣнію Нарбута, оттого, что они любили носить одежду чернаго цвѣта. ⁽⁹⁹⁾ Можетъ-быть, въ названіяхъ *Jacwież*, *Jatweż*, *Jatwezy* и *Jodweżaj* заключается только случайное сходство, и послѣднее слово едва ли можетъ похвалиться такою общеизвѣстностью въ земляхъ славянскихъ и такою глубокою древностью, какъ три первыхъ; во-всякомъ-случаѣ, оно подтверждаетъ народныя обыкновенія называть своихъ сосѣдей и по наружности, по ихъ наряду, особливо во времена патріархальной простоты нравовъ и низкой степени народной образованности, чему можно было бы представить множество примѣровъ. ⁽¹⁰⁰⁾ Если никого не удивляетъ, что *Лонгобарды* получили это названіе отъ своего оружія *hallabard*, или отъ длинныхъ бородъ *longa barba*; Франки —

⁽⁹⁹⁾ Dzieie Staroż. Nar. Litews. Wilno 1837 г. Отд. о Jadźwingach. § 172.

⁽¹⁰⁰⁾ Указываемъ здѣсь на замѣчательное въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто одной рукописи болгарской, относящейся къ началу XIII столѣтія. (См. Slow. Star. Szafar., стр. 996 и 997), въ которой говорится: «фрагъ (Francus) есть лавъ. аламанинь (аллеманъ) орель. саракининъ вепрь. тоурчинъ змяя ярменинь коущерь. индіанинь голябъ. сиріанинь

отъ *franc* (вольный), или отъ *frach, vrek, vrang* (наглый, дерзкій, врагъ), или же отъ *fratée* (копье)); *Саксы* — отъ *sachs, sahs* (короткій мечъ); *Севвы* — отъ *swee, see* (море); *Вандалы* — отъ *wand* (вода); если самые сосѣди Ятвяговъ, Геродотовы Невры превращались въ волковъ ⁽¹⁰¹⁾, а по словамъ одной рукописи XIII столѣтія «Русинъ есть выдра, Литвинъ — туръ, Болгаринъ — быкъ, Сербинъ — волкъ», и проч., то послѣ всего этого насъ нисколько не должно удивлять, если и Славяне своихъ безпокойныхъ сосѣдей-грабителей, вырывавшихся изъ своихъ лѣсовъ и нападавшихъ на ихъ мирныя селенія, также называли, по той характеристической наружности, которая рѣзко бросалась имъ въ глаза, *язвцами, яцвезами, ятвезами, ятвезью, язвиками*, и съ этимъ именемъ соединили понятіе *хищникъ, грабитель, разбойникъ*. Это подтверждаетъ нѣсколько и слѣдующая народная пословица подлясская: «выгляда якъ Ядвинга», что означаетъ: выглядываетъ изъ-за угла, какъ разбойникъ (*lotr, latro*), а еще больше то обстоятельство, что когда съ XIII столѣтія не стало грабителей или, по крайней-мѣрѣ, эти *язвцы, язвики* были уже до такой степени ослаблены, что не могли больше *язвить* славянскихъ племенъ, не могли больше наносить ихъ селеніямъ такихъ глубокихъ и тяжкихъ *язвъ*, какъ прежде, то и самое имя ихъ было совершенно забыто и дотого изгладилось изъ памяти народной, что мы его даже не знали бъ, если бы оно не было сохранено русскими и польскими лѣтописцами древнѣйшими, ибо позднѣйшіе также молчатъ о немъ.

Если теперь однимъ взглядомъ окинемъ времена минувшія и все сказанное доселѣ сведемъ къ одному результату, то увидимъ, что во времена, предшествовавшія XIV столѣтію, двѣ

или нагомядръ, рыба. иверинъ овень. татаринъ загаря (*ζαυδριον, canis venaticus* etc.). команинъ пардось. роусинъ видра. литванъ тоуръ. болгаринъ быкъ. влазь котка. сръбинъ вькъ. язиринъ рись. хизинъ (мало извѣстное славянское племя въ Македоніи) вѣверица. ясинъ (Осетинъ) елень. сасинъ настоухъ. вѣмьць сврака. чехъ норечь. евремъ язвечь. арбанасинъ бибрь. егуптенинъ козель. хоунавъ заецъ. сакоулатинъ канѣ. чернесь биволь. персѣинъ жеравъ или вранъ. харватинъ аспида или сова. цаковъ язь, гркъ лисица. Въ словахъ фрягъ и проч. и язиринъ не я, а юсь.

⁽¹⁰¹⁾ Геродотъ, кн. IV.

національности, отличныя одна отъ другой, два враждебныя другъ другу элемента приходили между собою въ соприкосновение въ западной части нынѣшней губерніи Гродненской: національность, занесенная племенемъ чуждымъ славянскому, — племенемъ, извѣстнымъ у славянскихъ народовъ подъ именемъ *Ятвяговъ*; другая народность — *русская*, проникшая сюда и распространившаяся съ юга и юго-востока. Другіе элементы, отличныя отъ этихъ двухъ, проникали сюда особливо въ слѣдующихъ столѣтіяхъ съ запада и сѣвера, именно: *польскій, литовскій, германскій*, а въ послѣдствіи *Евреи* наводнили собою города и мѣстечки здѣшняго края. Это показываетъ, сколь разнообразныя элементы приходили между собою въ столкновение на означенной мѣстности. Все пространство отъ Бреста до Гродно, широкую полосу земель, заключающуюся между двумя большими рѣками — средними частями Нѣмана на сѣверѣ и средними частями Западнаго Буга на югѣ, можно назвать воротами европейскими, въ которыхъ съ древнѣйшихъ временъ сталкиваются цивилизаціи восточно-европейская и западно-европейская. Поперемѣнный приливъ и отливъ то одной, то другой, борьба съ древнѣйшихъ временъ разнородныхъ стихій не могли не сообщить народонаселенію этой страны особеннаго характера. Этотъ характеръ обнаруживается въ величайшемъ разнообразіи, господствующемъ въ настоящее время во всѣхъ классахъ и сословіяхъ народонаселенія, во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, разнообразіи языка, религіи, нравовъ, обычаевъ, и проч. и проч. Такимъ-образомъ, отсутствіе единства и величайшее разнообразіе, какое, быть-можетъ, не встрѣчается ни въ одной странѣ обширнаго отечества нашего, составляютъ въ настоящее время отличительную черту этого края, жизнь котораго сложилась изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ. Подобнаго разнообразія, выработаннаго ходомъ историческихъ событій, не долженъ упускать изъ виду изслѣдователь современнаго быта означенной страны, ибо оно объясняетъ очень многое.

Быть современный.

А. Я з ы к ъ.

Разсмотрѣвъ историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію, переходимъ къ разсмотрѣнію быта современнаго и прежде всего приступаемъ къ разсмотрѣнію народной рѣчи. Для этого приводимъ здѣсь образцы языка, живущаго въ настоящее время въ устахъ многочисленнаго класса народа, издавна здѣсь осѣдлаго, — языка низшаго сословія, простонароднаго. Образцы эти приводятся здѣсь въ двойной формѣ: *прозаической* и *стихотворной*. Они списаны со словъ простолюдиновъ, при чемъ главнѣйшее вниманіе обращено было на то, чтобы сохранить какъ можно вѣрнѣе звуки дѣйствительной рѣчи: никакихъ измѣненій (кромѣ разстановки знаковъ препинанія) не дѣлано. Для перваго отдѣла, кромѣ образца языка разговорнаго, удалось записать два преданія, сохраняющіяся въ народной памяти и относящіяся къ извѣстной мѣстности; для втораго удалось списать на мѣстѣ нѣсколько пѣсенъ. Последнія приводимъ здѣсь безъ разбора, хотя бы содержаніе ихъ было и неважно. Нельзя, однако, не пожалѣть, что не можемъ представить здѣсь самаго напѣва, чрезъ что теряется самая характеристическая черта ихъ. Изъ него яснѣе были бы видны характеръ и душевныя свойства самаго народа: тихая сердечная грусть, сердечный ропоть (пѣсни 2, 4, 7 и друг.), печаль (пѣсня 15), влеченіе сердца, надежды и проч.

а) *Образцы рѣчи прозаической, разговорной и повѣствовательной.*

1.

А! што-жь, сѣколе, за-морозъ! здаѣцѣ (1) вѣтой зимы щѣ й-разу нѣбыло таконо, якъ нѣника! (2)

(1) Кажется. Польск. *zdaię się*.

(2) Сегодня. — Слова *іоно* и нѣкоторыя другія въ рукописи написаны неодинаково; такъ они и напечатаны. *Ред.*

Морозъ то шэ й-нѣ-вѣльми ⁽³⁾ вѣлики, оно вјѣцѣрь, кобъ ⁽⁴⁾ iohò наворнуло, якъ онѣмъ смалитъ.

Прауду й-кажэшъ, Яську. Морозъ нѣхай собуѣ будзѣ хоць и найбуольшы, алѣ коли нимà вјѣтру, а якъ шэ соунычко брызѣ, тоhdы усѣнько ⁽⁵⁾ бѣйка. Пля! то-жѣ нѣ-дѣромъ показують, ⁽⁶⁾ што дзѣсь ⁽⁷⁾ йшоу разѣ собуѣ одзюнь чоловјѣкъ и судосіу ⁽⁸⁾ на дорозѣ соунычко, морозъ и вјѣцѣрь. Ото-жѣ-то споткаушисѣ ⁽⁹⁾ зъыми, сказау вуонъ имъ «похвалюны» ⁽¹⁰⁾ — Кому вуонъ оддау похвалюны? — Соунычко собуѣ кажэ што мнѣ, кобъ я iohò нѣ пѣкло; а морозъ собуѣ кажэ, што мнѣ, а нѣ тобѣ, бо вуонъ цѣбѣ нѣ-такъ бойцэ, якъ мѣнѣ. О-то-жѣ-бо лжэцѣ! нѣпрауда! кажэ наресьци ⁽¹¹⁾ вјѣцѣрь; той чоловјѣкъ оддау похвалюны нѣ-вамъ, а мнѣ. Почали мижи собою ажѣ сѣбрацисѣ, ⁽¹²⁾ сваріцисѣ ⁽¹³⁾ й онòшто, ⁽¹⁴⁾ соколе, за чубы нѣ побралисѣ.... (Ну, ну, лжі дѣлѣй, бо-уже

⁽³⁾ Очень, весьма. См. П. С. Р. Л., т. I, стр. 9: «дѣтскѣ *вѣльми*.»

⁽⁴⁾ Чтобъ.

⁽⁵⁾ Все. Употребляется также усѣнюльнько, усѣнютко и пр.

⁽⁶⁾ Рассказываютъ, точнѣе: повѣствуютъ.

⁽⁷⁾ Польск. gdzieś, гдѣ-то.

⁽⁸⁾ Встрѣтилъ, повстрѣчался (см. Ипат. Мѣт. подлѣ 1241 г.: «удоси владыку» и проч.).

⁽⁹⁾ Тоже. Польск. spotkawszy się.

⁽¹⁰⁾ При встрѣчѣ съ знакомымъ или незнакомымъ лицомъ, также при входѣ въ чужой домъ и пр. крестьянинъ имѣетъ обыкновеніе, въ видѣ привѣтствія, почтенія, говорить: «Нѣхъ бѣндзѣ похвалюны Іезуусъ Христусъ;» другой долженъ отвѣтить: «на вѣки, вѣковъ Амѣнъ.» Замѣчательно, что этотъ обычай сохраняется и у Славянъ западныхъ. По словамъ одного путешественника, въ Иллиріи, въ 3 миляхъ отъ Лайбаха, наши единоплеменники также при встрѣчѣ привѣтствуютъ словами: «Chwalon bud'Jezu Krist;» другой отвѣчаетъ: «Amen na wieczne czasy.»

Примѣчаніе. Всѣ буквы въ приводимыхъ образцахъ читаются безъ всякой перемѣны; такъ, напр., буква *o* нигдѣ не читается, какъ *a*; *h* читается какъ лат. *h*; *g* какъ лит. *g*; *j* какъ лит. *j*; курсивные буквы *u* и *j* замѣняютъ *ū* и *ĵ* съ краткимъ знакомъ; этотъ краткій знакъ имѣетъ то же значеніе, какъ въ русск. надъ и (й) - *буу*, *соунычко* и пр.; черта надъ словами означаетъ удареніе.

⁽¹¹⁾ Наконецъ. Польск. nareszcie.

⁽¹²⁾ Отъ споръ, преніе.

⁽¹³⁾ Браниться.

⁽¹⁴⁾ Чуть-чуть, чуть-не....

мўситъ (15) нѣ одзiонъ килишокъ махнуу). Ну, колижъ такъ, то спытаймосъ (16) jobò, кому вуюнъ оддау похваляоны мнѣ, чи вамъ. Доновили тоhò чоловѣка, спытали; ажъ вуюнъ сказау — вѣтревѣ.—«А што, бачъ, (17) нѣ казѣу (18) я што мнѣ.» — Постуой же ты! я цѣбѣ, ракару спѣку! — кажэ слонцэ; покўмишь ты мѣнѣ. — Ажъ-но вѣцѣрь кажэ: «нѣ-буосъ, нѣ спѣчэ; я буду вѣяу и охолоджаца буду jobò.» — Такъ я-жъ цѣбѣ, вѣцлю, заморожу — кажэ морозъ. — Нѣ лѣкайсѣ, (19) нѣбóжэ, тоhды я нѣ буду вѣяца и вуюнъ тобѣ ничóо нѣзрòбитъ, безъ вѣтру нѣзаморòзитъ. — Ото-жъ-то, дзѣцюкѣ, такъ и цѣпѣрь: хоць морозъ й-нѣ-такъ-то вѣлѣки — онò вѣцѣрь ажъ до косьцѣй проймаѣ.

Алѣ-жъ бо тэнго (20) лжэ, такъ ладко якъ зъ писаноhò бѣрэ!

Што праўда, то праўда. А ну-жъ-бо, Олѣксо, щэ што-лѣнь (21) полжѣ; бо якъ хто ладко умѣѣ полѣаца то-й послухаца добрэ.

Э, коли бо, дзѣцюкѣ, нима й-часу лѣаца, пришла рыба до ѣаца, людзи нѣсуть, вѣзуть, а я побѣhу хучѣй (22) хоць торбочку набѣру.

лѣтымъ насъ ужэ нѣ пудманѣшь, (23) бы-той Лицьвинъ своhò Пана!

А якъ же вуюнъ jobò пудмануу?

лѣ! то-жъ показують, што дзѣсь одзiонъ Панъ споткаўши якòносъ Лицьвина, што добрэ лѣау, бы нѣто ты кажэ йому: «а ну, Михалку, Одрѣй (чи якъ тамъ jobò звали) золжѣ мнѣ што-лѣнь.» — «А калиба нѣта, Панóчку, кажэ Лицьвинъ, нѣмаю цяпѣрь часу лѣаца, ба пришла рыба да ѣаца, людзи нѣсуть, вѣзуть, а я пабѣhу хучѣй хаць тарбѣнку набѣру.» —

(15) Вѣрно, вѣроятно; польск. musi być.

(16) Спросимъ. Польск. spytaamy się.

(17) Бачъ, бачица — малоросійское; видѣть.

(18) Говорить.

(19) Польск. nie lekać się.

(20) tego Польск.

(21) Что-нибудь.

(22) Хутко, хучѣй, хувѣнько, хуцòтко—скоро, скорѣй и пр.

(23) Обманывать.

Пань почууши ⁽²⁴⁾ тако́ѣ дзѣво, казѣу хучей запра́нци ко́ни, во́лы, и натѣхмястѣ вѣрушиу до на́ци, кобѣ забра́ци усѣньку рыбу. Коли-жѣ-но прѣжджаѣ туды, ажѣ тамѣ якѣ ничо́но нѣбыло́, такѣ ничо́но й-нѣма́. И уже по часи оглѣдзѣусѣ той Пань, што јо́но той Лицьвѣнѣ пудмануу.

— Алѣ-жѣ, пѣуно, ⁽²⁵⁾ потуомѣ до́брѣ попо́бу за тоѣ то́но дхунѣ!

— За-што! коли-жѣ вуонѣ самѣ казѣу јо́му што-лѣнь-ка золна́ци, такѣ вонѣ и золна́у. Ко́ли-бо цѣпѣрѣ я́косѣ и Пануо́у кры́ха ⁽²⁶⁾ спы́нѣли.

— А нѣбуо́сь такѣ N. бо́да́й крѣху прохворосѣцѣли. Алѣ-жѣ-бо й варто! ⁽²⁷⁾ Штобѣ-то-й было, кобѣ на́шому бра́ту дау во́лю! Гля! тожѣ якѣ N. прода́у волѣ, то цыэ́лы тѣдзѣнь нѣ-ворочаусѣ зѣ мѣста до до́му, и усѣ пѣу, да-пѣу.... (Сокóлику ты муой!) Якѣ-же уже нѣ-стало за-што́ пѣци, то то́да́ѣ пришо́у до хѣты и Панѣ казѣу јо́но до двора привѣсѣцѣ на спра́ву. «Гдѣ ты, кѣже, лайда́ку, препѣдалѣ до вѣтуль?» — «Пиу, кѣжѣ, Паночку.» — «А пѣвѣнды зкондѣ взѣо́л?» — «Гля! тожѣ волѣ, Паночку, прода́у, той ста́ло на якѣсь часѣ...» — «Луозѣ на лайда́ка!» — «Ой до́брѣ, Паночку, до́брѣ, бо й варто; алѣ штожѣ, кѣжѣ, Панѣ, робѣци, ко́ли ужѣ Буо́нѣ свѣцѣньки дау такѣю на́туру собѣчю. Якѣ штосѣ лихѣѣ навѣя́жѣѣ, то ужѣ ни якѣ нѣ-утрѣваѣшь; ⁽²⁸⁾ пиу-бы й пиу Буо́нѣ вѣдаѣ докуо́ль, кобѣ оно́ было за-што.»

Ну, бо́дзи, ⁽²⁹⁾ хлѣпцы, тутѣ бала́каци; ⁽³⁰⁾ једзѣмо до до́му покуо́ль шѣ вѣдно, кобѣ до до́му хоѣ на вѣчѣру поспѣци; а то лю́дзи й нуочѣ розбѣру́тъ.

2.

Пока́зуютѣ старѣе лю́дзи, што на туомѣ мѣ́сту, дзѣѣ ⁽³¹⁾ цѣпѣрѣ Заблудуо́вѣ, бы́ли ко́лись ⁽³²⁾ вели́кие лѣсы́. То-жѣ

⁽²⁴⁾ Послышавши.

⁽²⁵⁾ Вѣроятно, вѣрно; польск. *rewnie, zarownie*.

⁽²⁶⁾ Крѣха, крѣшку, крѣшечку — немного, немножко; польск. *trochę*.

⁽²⁷⁾ Стоитѣ; польск. *warto*.

⁽²⁸⁾ Не утерпишь, не удержишься; польск. *nie wytrwasz*.

⁽²⁹⁾ Довольно.

⁽³⁰⁾ Балагурить, болтать и т. п.

⁽³¹⁾ Гдѣ.

⁽³²⁾ Когда-то, въ давнія времена.

лони⁽³³⁾ бодай, чи по-залони N. выкопау въ болоти Ш. бѣрзовы пѣнь. На јуомъ щѣ ѡ нѣзоусимъ корѣ згвила. То зноу N.' тогѣ-жъ, бодай, року выцягнуу у туомъ же мѣсцу зъ болѣта вѣлизны сосновы вѣрхъ, такъ што лѣдза⁽³⁴⁾ парукѣоньми привьюбѣзъ до дому. Або зноу нѣдалѣко одъ Ш. за вѣрстѣ такъже мижи болотами лѣтось⁽³⁵⁾ выцягнуу N." зъ воды вѣлизноо⁽³⁶⁾ дѣба. Муѣцны Боже! хтобъ муогъ сподзвивѣцисѣ, ⁽³⁷⁾ што у нѣтыхъ мѣсцахъ, дзѣ цѣпѣръ такіе болѣта и топѣлицы были колісь—цака вѣльки лѣсы.

Гля! то-жъ щѣ бѣцко, ⁽³⁸⁾ чи дзѣдъ старѣо N." кѣмиу, ⁽³⁹⁾ якъ у нѣтомъ мѣсцу вывѣдзисѣ нѣдзвѣдзи. Покѣзѣвау, што дзѣсь за хорѣдами, коло мѣнилокъ⁽⁴⁰⁾ у туомъ мѣсцу, дзѣ цѣпѣръ щѣ стоить шыѣсьць, чи сѣмъ сосѣонъ (хвојѣкъ) нѣдзвѣдзица вѣвѣла дзѣцѣй.

— Або-жъ зноу у лѣси K. щѣ ѡ цѣпѣръ ѣ одна сѣсна, што зѣвѣцѣ нѣдзвѣджѣо. Хоць уже ѡ зацягнуло оболѣнѣю, алѣ щѣ такі ѡ цѣпѣръ знаць, што до половіны борць была вѣлупляна колісь нѣдзвѣдзѣомъ. Кажуть, што-то колісь нѣдзвѣдзѣ вѣнлодау, добираѣучисѣ до пщѣолъ. То мѣситъ-то колісь были тутъ нѣмалыѣ лѣсы, коли ажъ нѣдзвѣдзи вывѣдзисѣ.

— Ото-жъ то у тыхъ вѣлѣкихъ лѣсахъ ѣдзиу разъ собѣѣ по полѣваню якісь⁽⁴¹⁾ мѣгнать, чи Ксѣонжѣ и заблудѣу у лѣси. Блудѣу вѣонъ по лѣси блудѣу и ни якъ нѣ муѣнъ никуды вѣѣхаци. Нарѣсьци змѣнчѣушисѣ зхоцѣлѣосѣ јѣму и јѣсьци: такъ вѣонъ пообѣѣдау на дубовомъ пню и у туомъ мѣсцу было побудѣвано цѣпѣрешнѣѣ мѣсто Заблѣдоу. То-жъ одъ тоѣо, кажуть, ѡ Заблѣдѣѣомъ зѣвѣцѣ, што у нѣтумъ мѣсцу заблудѣу той Ксѣонжѣ. Дзѣсь, бодай,⁽⁴²⁾ и у ѣписяхъ

⁽³³⁾ Въ прошломъ году.

⁽³⁴⁾ Едва, польск. ledwie.

⁽³⁵⁾ Сего-лѣта.

⁽³⁶⁾ Очевъ великій, величайшій.

⁽³⁷⁾ Надѣяться, польск. spodziewać się.

⁽³⁸⁾ Отець.

⁽³⁹⁾ Помнить, памятовать.

⁽⁴⁰⁾ Кладбище, польск. mogiłki.

⁽⁴¹⁾ Какой-то, польск. jakiś.

⁽⁴²⁾ Кажется.

(т.-е. въ книгахъ) ѣ, што «място Заблудоу стои надъ рѣко Мѣлстыно, а побудовано на дѣнбовомъ пню.» Щѣ нѣдауно, за нашеи пѣмѣци быу у мѣсьци замокъ и стоиу тамъ дзѣ цѣпѣръ двурѣ. Иншыѣ щѣ кѣмлятъ, якъ у јуомъ жиу Ксионжѣ Радзивиль. Лѣтъ бѣдѣ мѣжѣ зо двацець, якъ роскѣдали той пѣлаць.

3.

— Мѣжѣ то щѣ у тыхъ лѣсахъ жила колѣсь и тѣя *Татѣрка*. То-жѣ и цѣпѣръ щѣ колѣ З. у лѣси К. тоѣ мѣсьцѣ зовѣцѣ «Татѣркою.» Показуѣтъ лѣдзи, што то была якѣясь ⁽⁴³⁾ розбуойница, чи вѣдѣма, алѣ то ужѣ вѣлыми дѣуни чѣсы. Вона жила у лѣси при дорѣзи и якъ онѣ хто йшоу, чи јѣхау вона зарезѣ ⁽⁴⁴⁾ вѣбѣжитъ зѣ лѣса, перепѣнитъ ⁽⁴⁵⁾ и забѣе. Якось цѣцкою, кажутъ, удѣрытъ и одѣ-разу забѣе чоловѣка. Алѣ одзѣонѣ жоунѣръ ⁽⁴⁶⁾ ухитрѣусѣ и забиу ѣѣ самую. Былѣ-то такѣ. Послѣли јоѣо кудѣсьцика ⁽⁴⁷⁾ зѣ листомѣ, чи зѣ чимъ иншымѣ ⁽⁴⁸⁾ и трѣба ⁽⁴⁹⁾ јоу было јѣхаци коло Татѣрки. Такѣ вуонѣ узѣу, зрѣбиу зѣ солѣмы бы чоловѣка и посадзиу јоѣо на конѣ, а самѣ набѣуши фузыѣо срыѣбноу кѣлѣю, чи срыѣбнымѣ гузикомѣ (бо, кажутъ, злѣи мѣцы лѣдаякѣя кѣля нѣ ѣзмѣ, онѣ срыѣбна) зачайусѣ за хвѣю. ⁽⁵⁰⁾ Якъ же Татѣрка вѣбѣхла до тоѣо конѣ зѣ кѣлѣомѣ солѣмы, подѣумауши што-то јѣдѣзѣ чоловѣкѣ на конѣви, вуонѣ зѣ-за-хвѣи вѣстрѣлиу у розбуойницу и забиу тѣю вѣдѣзму. Вона разлилѣсѣ у смѣлу, сказѣуши тѣолько : «цѣпѣръ же ѣдѣзи мѣѣ жици и лѣдзѣи ѣубѣци; ты мѣнѣ перѣхитрѣу.» Кажутъ зноу, што передѣ смѣрѣцѣю показѣла јоу усѣнѣки своѣѣ скѣрбы и потѣомѣ ужѣ сконѣла дзѣсѣ у лѣохахѣ. (То-жѣ и цѣпѣръ щѣ знаѣцѣ у тѣомѣ мѣсьцу цѣглы ⁽⁵¹⁾ и бы-скѣпы, хоѣцѣ ужѣ тоѣ мѣсьцѣ й-зарѣслѣ

⁽⁴³⁾ Какѣя-то.

⁽⁴⁴⁾ Тотѣчасѣ, польск. *za razem*.

⁽⁴⁵⁾ Останавлѣиваетъ, задерживаетъ.

⁽⁴⁶⁾ Польск. *zołnierz*.

⁽⁴⁷⁾ Куда-то.

⁽⁴⁸⁾ Сѣ чѣмѣ-то другимѣ.

⁽⁴⁹⁾ Нужно, польск. *trzeba*.

⁽⁵⁰⁾ Сосна.

⁽⁵¹⁾ Кирпѣчи.

сосна́ми, што ма́ють⁽⁵²⁾ по лѣтъ дзвѣ́сцѣ, або й бубольшѣ. Можэ тамъ дзѣ́льнѣ⁽⁵³⁾ узѣмлі́ѣ й лі́охи ѣстукѣ зъ скѣрба́ми; кобъ попокопа́у дзёно́ъ зъ кы́лька може-бъ и нашбу́-бы червунцо́у зъ коціо́ль.) — Алѣ й-по смѣрци злѣ́я-муоцѣ нѣдава́ла лю́дзямъ споко́ю. Особлі́вѣ якъ у-ночѣ́ѣ хто йдзѣ́, чи ѣдзѣ́, то у нѣтуомъ мѣ́сцу прывѣ́язуѣцѣ лихо́ѣ. Быва́ло ка́жды хто йдзѣ́, чи јѣдзѣ́ кінѣ́ на тоѣ мѣ́сцѣ трѣ́ску, патѣ́кѣ, або гуо́льку⁽⁵⁴⁾ на-забитка́, кобъ лихо́ѣ нѣпричепла́досѣ. Щѣ нѣда́уно за на́шей памѣ́ци лежа́ла тутъ бу́рба патыкуо́у и нольѣ́ зъ то́о, што наскида́ли, сажо́нъ (и сажніо́у) зѣ́-два высо́кая. Коло тридзѣ́сто́о, бода́й, ро́ку спали́ли оста́тнюю гу́рбу и одъ тобо́ ча́су уже́ пѣреста́ли скида́ци. Цѣ́пѣрѣ́ уже́ нѣ-такъ часто прывѣ́язуѣцѣ тутъ лихо́ѣ; алѣ усѣ́-такі́ якъ идзѣ́шь коло то́о мѣ́сца у-вѣ́чери а тымъ ба́рдѣ́й у-ночы́ѣ то я́косъ стра́шно роби́цѣ и бы́ морозъ по цѣ́ли подзи́раѣ́.

б) *Образцы рѣчи стихотворной.*

ПѢСНИ ВЕСЕННІЯ.

1.

Полѣ́цѣу соко́ликъ ва́ снѣи о́зёра —
Жаль-же мѣ́ѣ со́кола, поліо́гу јо́о.
Нима́ со́кола рочо́къ и дру́ки —
Жаль-же мѣ́ѣ со́кола, полѣ́ту јо́о.
На тре́ци рочо́къ со́коликъ лѣ́цятъ —
Жаль-же мѣ́ѣ со́кола, полѣ́ту јо́о.
Со́коликъ лѣ́цятъ, уто́ньку вѣ́ѣ —
Жаль-же мѣ́ѣ у́то́ньки, рабо́о пѣ́речка.
По́ѣхау Ясѣ́нько́ я у чу́жыѣ́ лю́дзи —
Жаль-же мѣ́ѣ Ясѣ́нька, по́ѣзду јо́о.
Нима́ Ясѣ́нька дзѣ́ніо́къ и дру́ги —
Жаль-же мѣ́ѣ Ясѣ́нька по́ѣзду јо́о.
На тре́ци дзѣ́ніо́къ Ясѣ́нько́ јѣ́дзѣ́ —
Жаль-же мѣ́ѣ Ясѣ́нька, по́ѣзду јо́о.
Ясѣ́нько́ јѣ́дзѣ́, Ма́рысю́ вѣ́ѣ —
Жаль-же мѣ́ѣ Ма́рыси, русо́в куосо́вныи.

(52) Имѣють.

(53) Глѣ-нибудь.

(54) Вѣтъ, польск. gałęź, gałązka.

Искала, искала цисовою дреуца
Коло хорола, искала.
Нѣзнашла, нѣзнашла циса-дзѣреуца
Коло хорола, нѣзнашла.
Кинула, ѿ махнула трусаво пѣурца ⁽⁶¹⁾
О сухо дреуца, ѿ кинула.
Розбисѣ, розсыпсѣ трусаво пѣурца
О сухо дреуца, розсыпсѣ.
Коли вѣтъ, коли вѣтъ циса-дзѣреуца
Гавѣздзѣчко вици, коли нѣтъ.
Ходзѣла, блудзѣла красна Касѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ, ходзѣла.
Искала, искала свою Ясѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ, искала.
Нѣзнашла, нѣзнашла свою Ясѣнька
У чужихъ людзяхъ, нѣзнашла.
Кинула, махнула золоты пѣрсѣцьнѣ ⁽⁶²⁾
Объ цисовы стуолѣ, кинула.
Розбисѣ, розсыпсѣ золоты пѣрсѣцьнѣ
О цисовы стуолѣ, розсыпсѣ.
Коли вѣтъ, коли вѣтъ мою Ясѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ коли вѣтъ.

5.

Бѣжить рѣчка одъ мѣльничка-ой рано!
Бѣжить рѣчка одъ мѣльничка-й рано.
А друная одъ Дуная-ой рано! (2 р.)
На туой рѣчцы човьонѣ ⁽⁶³⁾ плывѣ-ой рано! (2 р.)
Бѣлѣ-моладзѣцѣ красны-Стасѣнько-ой рано! (2 р.)
Стружѣ стрыэлѣи зѣ калиновки-ой рано! (2 р.)
Што просѣцѣйши у човьонѣ кладѣ-ой рано! (2 р.)
Што кривѣйши на Дунай жѣцѣ-ой рано! (2 р.)
Плывѣцѣ стрыэлѣи до моѣ дзѣвуки-ой рано! (2 р.)
Моя дзѣвука..... нѣка (по имени деревни)-ой рано! (2 р.)
Моя дзѣвука Касюльвѣка-ой рано! (2 р.)
Нѣхай празѣ на подарка-ой рано! (2 р.)
Нѣхай празѣ цѣнюсѣнько-ой рано! (2 р.)
Нѣхай бѣлѣитѣ бѣлюсѣнько-ой рано! (2 р.)

6

— Ой бѣлѣньки, ты лѣбѣдзю!
Чи бывау ты на мору?

⁽⁶¹⁾ Уменьш. перо.

⁽⁶²⁾ Кольцо.

⁽⁶³⁾ Лодка.

Чи бывау ты на мору,
Чи видзѣу ты лѣбьюдку?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видзѣу!
Скоро я на муостъ злѣцѣу,
Лѣбьюдка у ситникъ упала.
Лѣбьюдка у ситникъ упала.
Ситничокъ полонала.
Ситничокъ облѣнала,
Быструю воду розонвала.
— Молодзѣньки Ясьню!
Чи бывау ты у Н. (имя деревни)?
Чи бывау ты у Н.
Чи видзѣу ты Марысю?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видзѣу?
Скоро я на двурѣ въ/вхау,
Марыся зъ сѣньнѣй выбѣкла.
Марыся зъ сѣньнѣй бѣжить,
Пудъ ёю зѣмля стучить.
Пудъ ёю зѣмля стучить,
А на јуой сукни шасьцяць.
А на јуой сукни шасьцяць,
Коло поѣса ключи брасчаць.
Ой на јуой зѣлѣньнѣ.
Коло поѣса золотыѣ.

Пѣсни лѣтнїя и преимущественно «жнїуныѣ.»

7.

Ой стойть-стойть вѣрбонька надъ водою,
Зимная вода крыница пудъ тобою.
Ни ѣјѣ пици, ани јѣсьци варици.
Ой оно туолько козаченькою чарици.
— Ой очарила, дзѣвонько, очарила,
Сјѣу вѣчераци-вѣчеровька нѣ мила.
— Болей ты нѣ звау, якъ коника сѣдлаци,
Якъ я нѣзвау чимъ цѣбѣ чароваци.
Ой очарила лихими чароньками
Бјѣлымъ личенькомъ, чорнѣнькими очами.

8.

Пойду я пойду горею-долянною
Ой чи нѣзваяду кѣјѣтоньки зъ каляною.
Ой ставу же я каляноньку ломаци,
Ой стануть мепѣ думоньки ⁽⁶⁴⁾ ошибаци.

(64) Думы, уменьшит.

Сама нѣзнаю, што на свѣтци робици,
Чи замужъ выйци, чи Павѣнкою быци.
Замужъ пошечи клопотъ голуовоньку ссушитъ,
Панвою быши лихая молва згубить.
Кать вѣѣ бѣри съ чужою помолвкою
Лѣпѣй же ⁽⁸⁵⁾ быци красною Павѣнкою.

9.

Пойду я пойду, куды лѣвтомъ ходила,
Ой чи нѣзнайду, кого вѣрѣвѣ любила.
Ой хоць вѣ того, то товариша жоно
Запытаюсь здорувѣчка одъ жоно.

10.

Мала пташечка, вѣ вѣлкая,
По бадывинцы скачѣ:
Дурна дѣвучина, вѣ разумная,
По кавалѣру плачѣ.
— Якъ мѣѣ вѣ плакаць (2 р.)
Сами слюозоньки лѣюць:
Ой одъ любоѣо листовькоу ⁽⁸⁶⁾ нѣма,
Одъ нѣлюбоѣо шлюцѣ.
Ой волю-жѣ моѣ, дай половыѣ
Чому-жѣ вы вѣ ораць?
Ой лѣвта-жѣ моѣ, дай молодыѣ,
Чому-жѣ вы марнѣ й дѣвѣцѣ?
Ой हुкну-жѣ я (2 р.)
На волю половыѣ:
Чи вѣ вѣрмуцѣ (2 р.)
Лѣвѣчна молодыѣ!

11.

Бѣѣлѣ молодыѣцѣ (2 р.) сѣвно косить,
Млода удова јѣсьци носить
Нѣсла (4 р.) вѣдовѣсла,
Сѣѣла собѣѣ й започила.
Сѣѣла собѣѣ (2 р.) й започила
Бѣѣла сына породѣла,
Породѣвши (2 р.) й окупала
Й окупавши уповѣла.
Й уповѣвши (2 р.) говорила:
— «О муой сыну бѣлюсѣньки,
«Муой Дунаю быструсѣвѣки;
«Ой чи цѣбѣ утопици,

⁽⁸⁵⁾ Лучше, польск. lepiej.

⁽⁸⁶⁾ Уменьш. польск. list, письмо.

«Ой чи цѣбѣ й годовани,
«Й утопиши (2 р.) одъ Бога хривѣхъ,
«Подуючи одъ людѣй смѣхъ.» —
Чуѣ тоѣ (2 р.) бѣлѣ молодѣцѣ
Кинуу косу у повоосу,
Самѣ поскочу до удовоньки:
— «Чи ты, удово (2 р.) ошалѣла
«Чи розуму мало мѣла?
«И насѣ matka (2 р.) годовала
«И поцѣхи дожидала.
«И мы будѣмъ (2 р.) годовани
«И поцѣхи дожидани.» —

12.

Хто-жѣ по бору лука? (2 р.)
— Кася Ясѣвка шука.
— Выдзи, Ясѣвку, зѣ бору (2 р.)
До мѣнѣ на розмову.
— Нѣ буду выходѣнци (2 р.)
Й до цѣбѣ ховорици.
— Вытни, Ясѣвку, липку (2 р.)
Дзипяци на колыбку.
— Нѣ буду липки цяци (2 р.)
Для чужоѣ дзипяци.
— Дамѣ ни вола-роляка (2 р.)
Повядай на дворака.
— Нѣ буду й вола браци (2 р.)
Й на дворака казаци.
— На ни кровѣ зѣ цѣцѣнцѣмъ (2 р.)
Идѣ до лиха зѣ дѣцѣнцѣмъ.

ПѢСНИ ОСЕННЯ.

13.

Ой за лѣсомъ, за боромъ,
Ой за синимъ озіоромъ.
Ой тамѣ соунычко йграѣ
Зѣ мѣсяцомъ розмоуляѣ.
 Пытаю цѣбѣ, мѣсяцу, (2 р.)
 Чи ранѣвко ты зходзишь
 Чи позьнѣвко заходзишь?
Што тобѣ, соунычко, до тоѣ (2 р.)
До зыходу моѣо,
Я зыду змѣркаючи,
А зайду свѣтаючи.

Освѣчу нѣбо и зѣмлю (2 р.)
И тоѣ ново сполко —
Ой у тоумъ новомъ сѣлѣ
Марыса зѣ Ясіомъ розмоуляѣ.
Пытаю цѣбѣ, Ясѣньку, (2 р.)
Чи мноуо конѣй маѣшь?
— Олвого й-ковя маю (2 р.)
И тоно вѣззымаю.
Побѣнѣ куонѣ до крынцы (2 р.)
До здроювои волзны.

14.

Сѣвю-бы лѣнѣ пудѣ боромѣ : (2 р.)
Алѣ вѣмаю кому,
Нѣ-кому лѣнку рвала, —
Вѣрнуѣ до дому.
Сѣвю бы матцы своююй : (2 р.)
Матонька вѣльни стара,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуѣ до дому.
Сѣвю бы сѣстры своюй; (2 р.)
Сѣстра барзо мала,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуѣ до дому.
Сѣвю бы жуонцы своююй,
Жуонка вѣльни млада,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуѣ до дому.

15.

Ой пойду я мутлавою,
Нѣма азѣ воды пици;
Бѣдна-жѣ моя голуовонька!
Нѣма азѣ прихляци.
Прихлюѣ до дубочька —
Дубочокъ нѣ-ойчѣнко;
Бѣдна-жѣ etc.
Прихлюѣ до бѣруозки —
Бѣруозка нѣ матонька;
Бѣдна-жѣ etc.
Прихлюѣ до хвуоѣчки —
Хвуоѣчка нѣ-сѣструонька;
Бѣдна-жѣ etc.

16.

Бѣжитъ коничокъ, сну-лѣвѣлчотъ —

Калина!

Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.

За тымъ коникомъ Ясѣнько бѣжитъ —

Калина!

Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.

Наупроцву јоно, Марыся јоно —

Калина!

Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.

Марысю моя, зупыни коня

Калина!

Калино моя, тобою вода лѣлѣѣ.

Ой рада-бъ я.....

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ («ВѢСѢЖѢЛЬНЫѢ»).

Поются на «заручины».

17.

Дозволяистъ дѣвоньки

У Марысиной матоньки :

Ой чи скажѣ, чи позволить,

Вѣсѣлѣ засыпыващи ?

— Спивайцѣ, дѣвоньки, спивайцѣ,

Й вы, молодэицы, зачывайцѣ ;

Нѣ рукъ, нѣ два мы тоно ждали,

Марысю ходовали.

18.

Зѣлена рутонька жоуты-цајѣтъ

Чомъ цѣбѣ, Ясѣньку, доуго вјѣтъ ;

Зѣлена рутонька, зѣлена,

Доукола сѣрлѣнька дробѣнька ;

Доукола сѣрлѣнька дробѣнька

Нѣ сѣлзи, Касѣньку, смутѣнька.

19.

Чомъ соловѣйки нѣшѣбѣтали,

Якъ салы зацѣвѣтали ?

Чомъ ты, Касѣньку, нѣзаплакала,

Якъ цѣбѣ заручали ?

Поются, когда отъезжают «до шлюбу».

20.

Чомъ, Марысьвѣкку, такъ сѣзавишь,
На доруожѣнѣкку вѣ-лѣдзавишь?
Уже-жъ коліоса заточоны,
Коники заложоны.
Кажу й-коникомъ обруокъ даць,
Нѣхай коники постоятъ;
Пуоки приездъ моя матонька
Эъ-саду-винограду.

21.

Клавыйсѣ, Марысю, клавыйсѣ,
Клавыйсѣ старому й-малому;
Старому й-малому до ручокъ,
Своей матоньцы до ножекъ.

22.

Ой одъ вина доруожѣнѣка, одъ вина,
Зѣвжджавѣцѣ Ясѣнькова родзавна.
А Ясѣнько свое матоньки пытаѣ:
На што-жъ тая родзавонька зѣвжджавѣ?
— Ой на тоѣ, моѣ дзѣпатко, на тоѣ,
Ой на твоѣ вѣсѣвѣчко слауноѣ.
А Ясѣнько свое сѣструонки пытаѣ:
На што-жъ и пр. (какъ выше)
А Ясѣнько свое брѣццика пытаѣ:
На што-жъ и пр.

23.

Черезъ двурѣ новы, мурау зѣлены
Золотомъ потрушонны,
Ой туды бѣвѣла красна-Марыся
Эъ своими дружѣчками.
Наупроциу вѣѣ, матонька вѣѣ
Эъ своими поуочками:
— «Витамъ, дзѣпатко, витамъ, родзавнѣкко,
Эъ твоими дружѣчками.»
Вона молода й-хордая была,
Привѣвѣту нѣ приняла;
За слѣзоньками, за друобѣвнѣккими
Матоньки нѣ-познала.

Поются во всякое время.

24.

Служила Кася во Львови, (2 р.)
А Ясвнко у Кракови.
Кася до Яся тужила, (2 р.)
Пару вѣнчкоу увила.
Пару вѣнчкоу увила, (2 р.)
На быстры Дунай пусьцила.
— Плывыць, вѣнчки, до млина: (2 р.)
Тамъ муой Ясвнко пребыва.
Тамъ же уоувъ васъ поймаѣ, (2 р.)
Мою работу познаѣ.
— То моѣ Кася работа (2 р.)
Пара вѣнчкоу, якъ злота.
Плывыць, вѣнчки, тамъ назадъ,
До моѣ Кася на обѣдъ.
Кася обѣдзѣць хотуѣ, (2 р.)
Ясь на коннику вѣдруѣ.
Кася обѣдзѣць выдзѣ, (2 р.)
Ясь на коннику омлѣваѣ.
Скочила Кася до хаю, (2 р.)
Копаци зиуолка-розмаю.
Эй, зиуолко зиуолко-розмаю; (2 р.)
Копая цѣбѣ, вѣзнаю.
Ѣ у розмаю жоуты цвѣтъ (2 р.)
У мою Ясвнку луху вѣтъ.
Нѣходзи, Касю, у зѣлѣни (2 р.)
То пуойдзѣшь замужъ у ѣсѣни.
Ходзи, Касвнку, бѣлѣнко, (2 р.)
То пуойдзѣшь замужъ хуцѣнко.

25.

У сусѣда хата бѣла
У сусѣда жуовка мила,
Нуожки бѣлы, вѣвѣлички,
Носить жоуты черѣвички.
Вона устанѣ ранюсѣнко,
Прибѣрѣцѣ чупурѣнко,
На сѣданѣ пирожки,
Галушки, да-й пампушки.
А къ обѣду баршь зѣ сѣтаной,
Ѣще у мисцы поливануой,
Гарбузь, буза, зубцы, квата
Зѣ скварками ячна каша.

А у мѣнѣ хата чорна,
Жуонка, брыдка, нѣ позуорна,
Усѣ-но спить, да лѣжить,
И нѣ хоче ницъ робиць.
Скажешъ : Гапко! уставъ раиѣнко, —
Прибѣрнѣсь чупуриѣнко» —
Вова й-слухаць мнѣ нѣ хоче,
Обѣрнѣне дай буркочэ.
Якъ буркочэ, такъ буркочэ,
Говориць зо мной нѣ хоче,
Обѣрнѣне до куточка,
Да-й смѣѣне, суча дочка.
Тамъ бѣжить на вѣчэрнцы,
Дажѣ зайграюць на скрыпнцы,
Скочно, харно потанцуѣ,
Зѣ Москаляма пожартуѣ.
Было нѣ сватаць у ноци,
Нѣ выѣтали тобѣ очи,
Было мѣнѣ сватаць у дзѣнь,
Розпытаннѣсь людзѣй.
А у насъ людзи нѣ-таковы,
Воны-бѣ тобѣ розказали,
Чи хороша, чи приножа,
Чи подуобна до людзѣй.

26.

Ой стояла на мосьци,
Кланяласѣ старосьци:
— Кланямъ, кланямъ, старосто, Ясѣнску,
Цо тамъ слыхаць у Торуню на рынку?
— Ой тамъ слыхаць новине:
Бѣздзѣшь мала дзѣцине.
— О болай ты, Ясю, каркѣ скрѣнциль,
Якъ ты моѣ срдлѣнью засмѣнциль.
— Не засмѣнциль я тобѣ —
Засмѣнцили ци оцѣць, маць,
Цо нѣхцѣли цѣ за мнѣ одлаць
А допѣро за мнѣ одлаѣ,
Якъ на тобѣ шнуручки нѣ стаѣ.
— Я доточэ стонжэчко,
Таки бѣда дзѣвэчко.
— О жэбы ты й-злотэмъ доточила,
Южъ нѣ бѣздзѣшь яка пѣрвѣй была.

27.

Калина-малина, чэрвона ягода,
Чэго заплакала дзѣвучинька ягода? (2 р.)

— Заплакала того вьянка रुपяного
По страшила ёго для цѣбѣ молодого (2 р.).
Страциламъ, страциламъ эъ тавячку иловцы,
Тысь зналазъ, Ясѣньку, эъ вочлѣбу ядовцы. (2 р.)
— Ты муовѣшь, Касѣньку, помъ я вьянѣк укралъ,
Якъ ты воде брала у студзѣрѣчкѣ упадъ (2 р.).
Доставай, Касѣньку, право рончко до дна:
Якъ доставѣшь до дна, бѣдавѣшь ёго годна. (2 р.)
— Достала, достала, алъ вѣ цѣдего,
Чѣты румянѣчки южъ выпадло эъ ёго. (2 р.)
Повѣсила ёго у коморы за дрѣями,
По спуюры матовька облѣва сѣлами. (2 р.)
— Уважай, Ясѣньку, на моѣй матки плачъ,
Або ты мнѣ вѣзь, або ты мнѣ заплацъ! (2 р.)
— Я цѣ браць вѣ бѣдѣ и цлацидъ вѣ мыслѣ
Сювѣ на коника поядъ до ивцѣй. (2 р.)
Посыпалъ Ясѣньку талары на столѣ:
— «Уважай, Касѣньку, чи бѣдѣ за твоѣ?» (2 р.)
— Нѣ бѣдѣ, вѣ бѣдѣ хопьбы ёдѣ эъ тысонцъ
Мусишь, Ясюлѣньку, предъ олтаромъ присюндазъ. (2 р.)
— Присѣвѣзъ, присѣвѣзъ алъ я нѣ тобѣ,
Тылько тѣй чѣпѣцѣ до вощѣ на гловѣ. (2 р.)
Здарѣла Касѣнька талары у фартушкѣ,
Устала, заплакала, унадла до подушкѣ, (2 р.)
Подушѣчки моѣ, цѣвѣньки, бѣлѣньки,
Чѣму нѣ муовицѣ-дзѣвѣ добры, павѣвцы. (2 р.)
Тылько вы мовицѣ мнѣ-дзѣвѣ добры, павѣ,
А я мѣнжа нѣмамъ облѣвалъ сѣ лзами. (2 р.) (*)

Не дѣлая здѣсь дальнѣйшихъ выводовъ изъ приведенныхъ образцовъ, ограничимся на этотъ разъ только немногими замѣчаніями, именно: о нѣкоторыхъ свойствахъ этого языка, о важнѣйшемъ пунктѣ того пространства, на которомъ онъ употребляется, и о границахъ, въ которыхъ заключенъ. По наружной формѣ важнѣйшія отступленія въ немъ отъ общеупотребительнаго, грамматическаго языка русскаго заключаются въ слѣдующемъ.

(*) Послѣднія двѣ пѣсни, 26-я и 27-я, не туземнаго происхожденія. Онѣ занесены сюда изъ Польши, судя по ихъ языку и мѣсту дѣйствія первой.

1) Буква л переходит послѣ гласной въ букву у въ концѣ и срединѣ словъ: а) въ концѣ — во всѣхъ глаголахъ, оканчивающихся этою буквою, и, вмѣсто былъ, бывалъ, зналъ, стоялъ, употребляется: *быу, бывау, знау, стоюу, бачюу, казау, пу, читау*; *покляусѣ, зогривусѣ, зогнуусѣ* и проч.; б) въ срединѣ вмѣсто столпъ, волкъ, волна, полно и др. употребляется: *стоупъ, воукъ, вѣуна, поуно, поуночь, жоуты, тоуку, тоукачь, доуго* (пѣсни 3 и 19), *жоунѣръ, коунѣръ* и проч. Въ эту же букву измѣняется и *е* въ началѣ и срединѣ словъ, если она слѣдуетъ послѣ гласной: *вмѣсто бывши, сказавши, говорится: быуши, сказауши, зробиуши, пошоуши, устауши, пѣуны, прауда* и проч.

2) Буква т часто перемѣняется въ ц. а) Въ концѣ словъ во всѣхъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ, имѣющихъ форму, похожую на славянскую; вмѣсто быть, ѣхать, знать, стоять употребляется: *быци, јѣхаци, стояци, знаци, бачици, казаци, сјѣяци, ораци, плакаци; смѣяцисѣ, гнѣвацисѣ, знацисѣ, знакомицисѣ* и проч. Въ повелительномъ наклоненіи: *стуойць, знайць, пльнйць, слухайць, скапсыэць* и проч. Но въ изъявительномъ наклоненіи въ третьемъ лицѣ буква т никогда не перемѣняется, какъ въ другихъ отгѣнкахъ бѣлорускаго языка, въ ц: употребляется здѣсь всегда *бѣжитъ, бѣгутъ, бачитъ, бачатъ, кричитъ, кричатъ*, а не *бѣжиць, бѣгуць*, и пр. *бачиць* и проч. б) Въ срединѣ въ словахъ: *вѣтеръ, дитя, батько, дяцько, мать, стѣна, мѣсто*, употребляется: *вјѣцѣръ, дѣция, бацько, дяцько, маци, сѣпна, мјѣсцѣ, смѣрць, старосць, пусцици* и проч. в) Въ началѣ словъ: вмѣсто теперь, тѣсто, употребляется *цѣльрѣ, цјѣсто, цјѣсно, цјѣвнъ, цѣля, цјѣло, цѣмно, цѣжко, цѣгнуци, цѣърды, цѣврозы* и проч.

Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ сходство съ языкомъ польскимъ. Это внѣшнее сходство съ языкомъ польскимъ замѣчается еще и въ томъ, что

3) *Послѣ буквы д во многихъ словахъ вставляется з.* Вмѣсто: *день, недѣля, дитя, дѣдъ*, употребляется: *дѣпнъ, нѣдзѣля, дѣция, дзѣдъ, дзѣцько, будзѣ, ходзици, јѣздзици, гнѣдзѣци, грудзи, дзѣука, злѣдзѣй* и проч.

4) *Отбрасывается:*

а) *Всегда на концѣ буква т въ изъявительномъ наклоненіи, наст. вр., 3 лица ед. ч., въ глаголахъ 1-го спряженія* (по грам.

Востокова). Въсто читаетъ, знаетъ, употребляется: *читать*, *знаѣ*, *бѣгаѣ*, *маѣ*, *кажѣ*, *идѣ*, *ѣздѣ* и проч. Но въ словахъ: *гнѣвается*, *сердятся*, *смѣется*, употребляется: *гнѣваѣца*, *спрѣдѣ*, *смѣца*, *клинѣца*, *божица* и проч.

Но не отбрасывается т въ глаголахъ 2-го спряженія (на ишь) и всегда употребляется *кричитѣ*, *ходѣтъ*, *гнѣдѣтъ*, *бачѣтъ*, *чорнитѣ*, *скрипитѣ*, *рыпитѣ* и проч.

б) Въ прилагательныхъ именахъ—й, и всегда употребляется *добры*, *милы*, *бѣлы*, *свѣты*, *сѣны*, *гурьки*, *солодки* и проч.

в) Выбрасывается т въ нѣкоторыхъ словахъ въ срединѣ и говорится: *скло*, *склянка*, *скляны*, *срочи* и проч.; г въ словахъ *гдѣ*, *гдѣ* *вибудѣ* и говорится *дзѣѣ*, *дзѣльнѣ*; с въ словѣ сколько и говорится *куолько*, *килькоро* и проч.

5) Прибавляется:

в въ мѣст. онѣ и гов.: *вуонѣ*, *вонѣ*, *вонѣ* *вонѣ* и проч.

г въ мѣст. *этой* и говор.: *этой*, *эта*, *это*, *эты*;

э-этуль, *э-этуля* (отселѣ) и проч.

Не распространяемъ на этотъ разъ о другихъ особенностяхъ и свойствахъ языка, которыя можно будетъ лучше и яснѣе видѣть изъ сравнительнаго обзора собранныхъ нами образцовъ съ образцами другихъ нарѣчій.

Относительно границъ замѣтимъ, что рассматриваемый нами языкъ примыкаетъ на западъ къ языку *мазовецкому*. Послѣдній простирается отъ *Дрогичина* до мѣст. *Домбровы* и *Липска* и идетъ по западной части Гродненской губерніи, мимо *Цѣхановца*, *Бранска*, *Суража*, *Хороши*, *Кнышина*, *Суховоли*. На картѣ чертою Е F приблизительно означаемъ его направление и границу. Это означеніе основываемъ мы не только на собственномъ опытѣ, но и на показаніи г. Шульца (1) и г. Ярошевича. (2)

На югѣ рассматриваемый языкъ примыкаетъ къ особенному отѣнку русскаго языка, который у здѣшнихъ жителей называется «*королѣускимъ*». Онъ употребляется въ окрестностяхъ мѣст. *Нарева*, простирается подъ *Бѣльскъ* и между прочими особенностями отличается отъ рассматриваемаго языка тѣмъ, что въ немъ нѣтъ вставочной з послѣ д. Такимъ-обра-

(1) Pisma D. Szulca Warsz. 1853 v., str. 26.

(2) Obraz Litwy, t. I, str. 206 prsp. 13.

зомъ не говорятъ *пуойдзъ, поьдзъ, будзъ*, но *пуойда, поьда, буда* и проч. Оттого сосѣди и прозываютъ одни другихъ въ насмѣшку «*дэкалами*» и *дзлкалами*.»

На востокъ и сѣверо-востокъ онъ граничитъ съ языкомъ собственно бѣлорусскимъ, который у здѣшнихъ жителей называется «*литоускимъ*». Этимъ языкомъ говорятъ уже около Сви-слочи, Крынокъ, Яловки и около мѣст. Гродка, при которомъ встрѣчаются эти два отгѣнка. Смѣшнымъ въ немъ кажется для здѣшняго жителя употребленіе вмѣсто *идуть, јѣдутъ*, знаютъ и проч. *идуць, јѣдуць, знаюць*; также постоянное въ немъ произношеніе *о* за *а*, вмѣсто *пошоу, говориу, хочу, мой, свои, чого* и проч. *пашоу, гавариу, хачу, маи, сваи, чаго*; вмѣсто *вуонъ, вона, јого* употребленіе *уонъ, янд, яго*. Яснѣе можно видѣть различія этихъ двухъ отгѣнковъ русскаго языка изъ сравненія одного изъ приведенныхъ нами образцовъ съ другими образцами, на примѣръ, хотъ пѣсню, приводимую въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 11., библ., стр. 26, или же съ другою въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 7., отд. II, стр. 17.

Разумѣется, что невозможно съ математическою точностію означить границы разсматриваемаго нами языка отъ сейчасъ упомянутыхъ, смежныхъ съ нимъ отгѣнкокъ, къ которымъ онъ примыкаетъ на востокъ и западъ, югъ и сѣверъ. Въ самой натурѣ, въ дѣйствительности едва ли существуетъ такой переломъ, такой рѣзкій переходъ одного отгѣнка въ другой, чтобы можно было это обозначить на картѣ съ строгою точностію. По-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на чертѣ EF мы имѣли случай удостовѣриться, что житель такъ же почти свободно объясняется и по-русски, какъ и по-мазовецки. Утвердительно можемъ сказать только то, что на всемъ пространствѣ *m p o r s* (*) живетъ въ настоящее время въ устахъ народа (низшаго сословія, издавна здѣсь осѣдлаго) языкъ, какой мы видимъ въ приведенныхъ образцахъ,—языкъ вездѣ одинаковый, безъ всякихъ отгѣнковъ, или же съ отгѣнками ничтожными, вовсе незамѣтными. Слѣдовательно, границы разсматриваемаго языка почти совпадаютъ съ границами при-

(*) См. карту. На этомъ пространствѣ находится болѣе 40 деревень и селеній; названія ихъ приведены выше.

ходовъ Заблудовской Православной церкви и Заблудовскаго Римско-Католическаго костела, съ небольшими только, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступами.

Замѣчательнѣйшимъ пунктомъ на означенномъ пространствѣ среди многоядныхъ селеній есть *мѣстечко Заблудовъ*. Мы привели выше преданіе, хранящееся въ народной памяти, объ основаніи этого мѣстечка. Это преданіе, равно-какъ и то, что всю страну покрывали нѣкогда непроходимые лѣса, подтверждается и лѣтописными извѣстіями, и самымъ взглядомъ на современную культуру этой мѣстности (не говоря уже о доказательствахъ, упоминаемыхъ въ третьемъ и особенно во второмъ образцѣ рѣчи прозаической). Такъ, еще Кадлубекъ объ этой странѣ говоритъ: *Pollexiani.... propter vastissimas solitudinum intercapedines, propter concretissimas nemorum densitates, propter bituminata inaccessibilis palustria* ⁽¹⁾; а нынѣшніе лѣса, разбросанные въ 6 или 7 мѣстахъ, на пространствѣ *in ois*, среди обработанныхъ полей, очевидно суть только скудные остатки прежнихъ, нѣкогда составлявшихъ одну сплошную массу. Мало-по-малу, по-мѣрѣ увеличивающагося народонаселенія, они были истреблены и обращены въ пахотныя поля рукою человѣка, находившаго въ землѣ единственный источникъ удовлетворенія своимъ нуждамъ. Самое дѣйствіе преданія, т.-е. самое основаніе мѣстечка, относится къ XV или началу XVI столѣтія. Такъ заключаемъ изъ словъ документа XVI вѣка (1597 года), въ которомъ гетманъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*, записывая *фундушъ* Заблудовской православной церкви Успенія и Св. Николая, говоритъ о духовенствѣ и служащихъ при церкви и костелѣ: «а они зато послуги своее костелное мают быт пыльны и ктому мают на науцѣ дѣтей держати, надто *што есмо еще засажываючи знову мѣсто наше Заблудовское* так есмо поставили и на листе на дате нашей им даной то описали, ижъ мают и повинни будутъ все мещане зъ домов их мѣстских платити..... ⁽²⁾

⁽¹⁾ Изданіе 1824 года, стр. 86.

⁽²⁾ «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138, стр. 297

Слѣдующее извѣстіе, подтверждая сдѣланное нами заключеніе, имѣетъ еще и другой интересъ. Извѣстно, что при царѣ Іоаннѣ IV, въ Москвѣ, заведена была, въ 1553 году, первая типографія подѣ руководствомъ двухъ мастеровъ: діакона Ивана *Федорова* и Петра Тимоѣева *Мстиславцева*, напечатавшихъ въ 1564 году первую книгу *Дьянія* и *Посланія* Апостоловъ. Злые люди и суевѣры, изумленные новостью изобрѣтенія, не дали распространиться благому дѣлу, и Федоровъ съ товарищами, какъ мнимые еретики, должны были удалиться изъ Москвы отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Въ послѣдствіи времени они нашли убѣжище на Волыни, у Константина Острожскаго, который завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ, и здѣсь, въ 1580 году, напечатаны были *Новый Заветъ* и *Псалтырь*, а въ слѣдующемъ 1581 году—*вся Библия*. Прежде этого Иванъ Федоровъ жилъ во Львовѣ и здѣсь напечаталъ, въ 1573 году, *Апостолъ* (*). Гдѣ же Федоровъ и Мстиславцевъ провели прежніе 9 лѣтъ по удаленіи изъ Москвы, т.-е. съ 1564 по 1573 годъ и не напечатали ли въ это время какихъ книгъ, о томъ ни слова не говорятъ ни Карамзинъ, ни Сопиковъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время начинаетъ проясняться. Самъ Иванъ Федоровъ говоритъ о себѣ и товарищахъ въ «Послѣсловіи» книги Апостолъ, напечатанной имъ во Львовѣ 1573 года, слѣдующее. «Зависть и ненависть..... насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо преидохомъ..... воспріяша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Августъ кромь Польскій..... Въ то же время со тцаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*..... *прія насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, и упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребами телѣсными удошевляше насъ, еще и сіе недовольно ему бѣ еже тако устроити насъ, и весь не малу дарова ми на успокоеніе мое. Намъ же работающимъ по воли Господа нашего Ісуса Христа, и слово его по вселеннѣй разсѣвающе; егда же пріити ему въ глубину старость, и начастѣ главѣ его болезнѣю одержимъ быти, по-*

(*) Опытъ Росс. Библіографіи, В. Сопикова. Ч. I, стр. LX—LXV и др.; «Истор. Государ. Росс.» Карамзина, изд. 1837 года, т. IX, стр. 47, 48 и прим. 87 къ гл. I.

ведь намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положить, и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати..... но имамъ убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселѣннѣй разсѣвати..... И сего ради понудихся ити отсюда, и въ путь шествующи ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу и просто рѣщи вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божіа челоуѣколюбія до богоспасаемаго града, нарицаемаго Львова придохъ.....»

Въ какомъ именно мѣстѣ пребывалъ у Ходкевича Федоровъ съ своими сотрудниками и чѣмъ занимался («намъ же работающимъ.... повелѣ намъ работанія сего престати»), лучшимъ отвѣтомъ тому будетъ слѣдующее заглавіе книги, хранившейся прежде въ Вроцлавѣ, въ Редигеровской библіотекѣ (*): «Книга зовомая *учительное* (Евангеліе?) отъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ избрана и отъ многихъ божественныхъ писаний... выдрукована за счастливого панованя найяснѣйшаго господаря нашего Зыгмонта Августа б. м. короля Польскаго.... а при архіепископѣ б. м. митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Руссіи и *выдана есть въ отчизномъ имену пана Виленскаго гетмана* найвыжшаго Вел. Кн. Литовскаго.... пана Григорія Александровича Ходкевича *въ мѣсть зовомомъ Заблудовью* власнымъ накладомъ его милости, а *началася книга сія друковати по воплощенію Слова Божого року 1568 мѣсяца юля, а свершился 1569 мѣсяца марта 31*», и проч. (399 листовъ).

Знаемъ еще одну книгу, напечатанную также въ этомъ мѣстечкѣ Заблудовѣ тѣмъ же Ив. Федоровымъ, иждивеніемъ гетмана Ходкевича. Это *Псалтирь* in folio, напечатанная въ слѣдующемъ, 1570 году, хранищаяся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила изъ Москвы изъ древлекранилища Погодина (**). Современемъ, быть-можетъ, окажутся еще и другія книги той же типогра-

(*) См. *Historya drukarni Krakowskich, Bandkie wyd. 1815 г. str. 174; «Архивъ Юрид. Саѣднѣй» Калачева, кн. I, въ Матер. для исторіи.*

(**) «Современникъ» за 1853 годъ, октябрь, Библиогр., стр. 22.

ѳи. Но уже и изъ этихъ ясно видно, что первые московскіе типографщики Федоровъ и Мстиславцевъ въ означенныхъ годахъ пребывали у Ходкевича въ Заблудовѣ, напечатали здѣсь двѣ (а можетъ-быть и болѣе) книги, составляющія теперь библиографическую рѣдкость: *Евангеліе учительное* 1569 г. и *Псалтирь* 1570 года. Слѣдовательно, въ исторіи книгопечатанія въ Россіи промежутокъ времени отъ 1565 г. по 1573 г., о которомъ доселѣ умалчивалось, долженъ быть пополненъ этими извѣстіями. Съ другой стороны эти извѣстія показываютъ, что приведенныя выше слова Ходкевичевой грамоты «*што есмо еще засаживаючи знову место наше Заблудовское постановили....*» могутъ быть отнесены ко временамъ, предшествовавшимъ 1568 году, а самое начало народнаго преданія объ основаніи мѣстечка — къ гораздо древнѣйшимъ временамъ.

Не можемъ здѣсь умолчать еще объ одномъ извѣстіи, умиленномъ для всякаго добраго сына православной церкви, извѣстіи, относящемся къ исторіи заблудовской церкви, бывшей непоколебимою въ православіи среди всѣхъ потрясеній Уніи. Сто-тридцать-четыре года тому назадъ въ Заблудовскомъ монастырѣ почивали нетлѣнные мощи младенца Гавріила. По монастырскимъ запискамъ, Гавріилъ родился 1684 года, въ селѣ Звѣркахъ (въ 3 или 4 верстахъ отъ Заблудова; существуетъ и теперь). Въ 1690 году шестилѣтній отрокъ былъ похищенъ того жъ села жидомъ арендаторомъ въ *Бьломъ стану* (вѣроятно въ *Бьломъ стоку*, т. е. въ Бѣлостокѣ), замученъ и выброшенъ въ поле на съѣденіе птицамъ. Родители сыскали тѣло невиннаго страдальца и погребли въ православномъ Заблудовскомъ монастырѣ. Черезъ 30 лѣтъ обрѣтены были нетлѣнные мощи младенца Гавріила и поставлены въ церковный погребъ, гдѣ почивали съ небольшимъ 50 лѣтъ. 1775 года, мая 9, они были перенесены изъ Заблудова въ Слуцкій монастырь архимандритомъ Казачинскимъ; теперь же почиваютъ въ Слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, находящемся близъ уѣзднаго города Слуцка (*).

По немногимъ приведеннымъ здѣсь историческимъ фактамъ о главнѣйшемъ пунктѣ разсматриваемой мѣстности, мы

(*). См. «Словарь Историч. о Святыхъ, прославленныхъ въ росс. церкви», стр. 71, или же «Энци. Лексиконъ».

имѣемъ возможность подняться къ началу XVI и къ концу XV столѣтій. По нимъ можно сдѣлать заключеніе, что хотя и въ эти времена, такъ же, какъ и теперь, низшій слой народонаселенія означеннаго пространства дѣлился по вѣроисповѣданію на двѣ большія половины: православную и римско-католическую (ибо Григорій Ходкевичъ для означеннаго пространства учреждаетъ въ Заблудовѣ, 1597 г., настоятелей при православной церкви и римско-католическомъ костелѣ съ совершенно одинаковыми для того и другаго правами и преимуществами)(*), однако, обѣ половины, безъ всякаго сомнѣнія; и тогда, т.-е. 300 лѣтъ тому назадъ, употребляли языкъ совершенно такой же, какой живетъ въ устахъ народа обѣихъ половинъ и въ настоящее время. Какъ мало этотъ языкъ измѣнился въ послѣднія 300 лѣтъ, мы могли бы яснѣе это видѣть, если бы имѣли образцы для сравненія тогдашняго языка съ нынѣшнимъ. За неимѣніемъ таковыхъ, предлагаемъ здѣсь для сравненія съ приведенными выше образцами нынѣшняго языка хоть слѣдующее, на примѣръ, мѣсто упомянутой фундашевой записи Ходкевича второй половины XVI вѣка, гдѣ основатель налагаетъ слѣдующія обязанности на духовенство основанной имъ церкви въ Заблудовѣ.

.... «зволек испляцов наоселене попу плебану илиякону однас даныхъ немають, инебудут повинни цыншу або плату никоторого нанас платити илавати; але будут повинни ужываючы того хлеба справы церковныя яко насвещеников прыслушити быти пилны аза господара Бга Милостивого просити; а людей дотое Божей церкви идокостела прыходящих немают навих незбожных вымыслов вымышляти надпроводу, также подупису немают помногу брати але побожне як подиншых речей духовных маютсе такъ заховати.... тымже обычаем ивыншыхъ речех асправахъ духовныхъ заховатисе мают, авубогихъ людей, которыбы немелъ чего дати, яко отпроводу, отвенчаня, одхрещеня дитяти подиншыхъ духовныхъ справ, тогды товсе повиненъ будетъ священникъ безплаты чинити; аотместца якопервей вымыслы чынивано потося торговывано прыпохо-

(*) См. «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138.

ваню змерлых людей тела , тогда то вже болше немаеть быт чынено....» (*)

Сличивъ этотъ языкъ съ нынѣшнимъ (вышеприведенными образцами), замѣтимъ между ними разницу небольшую, и, слѣдовательно, въ 300 лѣтъ, несмотря на всѣ измѣненія и перевороты, которымъ подвергался народъ въ другихъ отношеніяхъ, въ языкѣ его не произошло никакихъ перемѣнъ, или же эти измѣненія совсѣмъ незначительны. Если въ эти 300 лѣтъ онъ не измѣнился, то нѣтъ достаточной причины допускать въ немъ какія-либо измѣненія и для временъ древнѣйшихъ, для двухъ, трехъ столѣтій предшествовавшихъ. Поколѣнія, отживъ свой вѣкъ, нисходятъ въ могилу, ихъ смѣняютъ новыя, а языкъ живетъ неизмѣнно; переходилъ и переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и хранится отдаленнымъ потомствомъ, какъ завѣтная святыня, хотя совершенно безъ вѣдома и воли завѣщателей и хранителей.

Здѣсь оканчиваемъ наши замѣчанія, коснувшись въ нихъ двухъ противоположныхъ концовъ: быта современнаго, со стороны языка, и временъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію. Въ послѣднемъ случаѣ по историческимъ источникамъ приблизились мы къ концу XIII и началу XIV вѣка; въ первомъ поднялись изъ одного пункта на 300 лѣтъ и приблизились къ началу XVI столѣтія. Взявъ въ соображеніе сказанное въ первомъ и второмъ случаяхъ, будетъ уже замѣтна нѣкоторая связь, общая цѣпь, соединяющая чрезъ длинный рядъ столѣтій миновавшихъ два противоположные конца — настоящее и прошедшее. Можетъ-быть, когда-нибудь въ другое время, будемъ имѣть возможность обнаружить болѣе очевиднымъ образомъ, что эта цѣпь не прерывается въ-теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, о которыхъ мы здѣсь еще ничего не говорили, т.-е. въ-теченіе XIV, XV и другихъ столѣтій.

(*) «Собр. акт. и гр. Минск. губ.», № 138, стр. 298.

Списокъ деревень и селеній, находящихся на пространствѣ
т п о г с.

По противоположенію польскому.

1. Zabłudow m.
2. Kucharówka
3. Zwierki
4. Protásy
- 5.
6. Borowiki
7. Rafalówka
8. Dobrzyniówka
9. Folwarki
10. Tylwica
- 11.
- 12.
- 13.
14. Ochremowicze
15. Siéski
16. Hnieniuki
- 17.
18. Kozliki
19. Lászki
20. Krynickie
21. Pasynki
22. Solniki
23. Ostrówki
24. Kowalówce
25. Łubniki
26. Skrybice
- 27.
28. Karakule
29. Bagnówka
30. Grabówka
- 31.
32. Zasciánki
33. Kamionka
- 34.
35. Łukjány
- 36.
37. Tatarówce
38. Rudnica
- 39.
40. Ziédna
41. Topolanie
42. Hereminów

По произношенію простонародному.

- Заблудове — вѣсто.
Кухарука, Кухары.
Звѣрки.
Протасы.
Kurjany.
Ворвики.
Рохвалюка.
Добрыніюка.
Полварки.
Цильвічи.
Potoka.
Małynka.
Olszanka.
Охрыёмовичи.
Сѣський.
Гвицькѣ.
Олѣксичи.
Куозьлики.
Лашкѣ.
Криніцкіе.
Пасынки.
Сальники.
Оструоуки.
Коваліоуцы.
Лубники.
Скрѣбичи.
Загрушане.
Каракули.
Багнуоука.
Грабуоука.
Sobolewo.
Засціѣнки.
Камѣнка.
Zajeziércy.
Лувляны.
Bobrówka.
Татароуцы.
Рудница.
Zauma.
Зѣднѣя.
Тополаны.
Гареймѣво, Гарминѣво.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Князья Андрей и Иванъ Владиміровичи, упоминаемые въ судной грамотѣ польскаго короля Казимира, 1484 года, августа 25, были дѣти князя Владиміра Ольгердовича, внука Гедиминова. Въ грамотѣ этой, между прочимъ, сказано: «присудилъ есмо: тые имѣнья, *Айну, а Могильную, а Словенскъ, а Илемьницю, а Полоное* княгини Ивановой Семеновича Кобринскаго, княгини Федець, *снучъ князя Андрея Владиміровича*, вѣчно съ всеми тымъ, што къ тымъ имѣньямъ здавна слушаетъ, потому какъ держалъ небожьчикъ князь Андрей Володимировичъ». Что этотъ небожьчикъ князь Андрей Владиміровичъ былъ внукъ Ольгерда, видно изъ духовной его грамоты 1446 года, юня 16. въ которой читаемъ: «се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, пріѣздилъ есмь въ Киевъ, съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя... и поклонихомся отца своего гробу князя Владиміра Ольгердовича... и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ и еѣ дѣтемъ, свою отчину и свою выслугу... имѣніе прѣшное, *Айну, Словенскъ, Могиловое, Каменецъ, Логожескъ, Илемьницю и Полоное*, т.-е. то самое имѣнье, о которомъ былъ споръ въ 1484 году между княземъ Семеномъ Ивановичемъ, внукомъ князя Владиміра Ольгердовича, и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ, который былъ женатъ на внучкѣ князя Андрея Владиміровича. А что князь Иванъ Владиміровичъ, упоминаемый въ судной грамотѣ 1484 года, былъ тоже сынъ Владиміра Ольгердовича, то это очевидно изъ содержанія той же грамоты; онъ называется въ ней братомъ князя Андрея Владиміровича Ольгердовича, а этотъ послѣдній дядькомъ (дядею) князя Семена Ивановича Владиміровича. Въ родословіи князей Бѣльскихъ князь Иванъ Владиміровичъ показанъ бездѣтнымъ (см. Барх. Кн. 1. 47), между-тѣмъ, какъ изъ грамоты 1484 г. оказыѣается у него сынъ Семень. Изъ духовной грамоты князя Андрея Владиміровича мы узнаемъ еще, что у него въ 1446 году были дѣти сынъ Глѣбъ и дочь дѣвица Евдокія, а изъ судной грамоты 1484 г. видимъ, что княгиня Феодора (Федця), жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго, была внука князя Андрея Владиміровича Ольгердова и наследовала всѣ его имѣнія, кромѣ Каменца и Логожска. Но кто же такой былъ князь Иванъ Семеновичъ, которому въ концѣ XV вѣка принадлежалъ городъ Кобринъ и который поэтому назывался Кобринскимъ? Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій происходилъ, кажется, къъ и жена его, отъ великаго князя литовскаго Гедимина, она отъ князя Ольгерда Гедиминовича, а онъ отъ князя Любарта Гедиминовича. По-крайней-мѣрѣ, въ «Бархатной Книгѣ» сказано, «7 сына Гедиманова Любарта Волынской князь взялъ къ дочери на свое

мѣсто на княжество. У Любарта сынъ Феодоръ, и отъ того пошли Санкушковскіе князи да Карбинскіе (читай Кобринскіе) князи. Изъ составленныхъ нами и предлагаемыхъ здѣсь родословныхъ таблицъ яснѣе можно видѣть наше мнѣніе.

Федця (Феодора)
(чья была дочь Фед-
ця, Глѣба Андре-
евича или сестры его
Евдокіи, намъ неиз-
вѣстно).

Симеонъ (положительныхъ дан-
ныхъ, что Симеонъ
Иванъ, кн. былъ внукъ Любарта,
Кобринскій мы не имѣемъ, но зна-
емъ, что князья Ко-
бринскіе пошли отъ
Феодора Любартови-
ча).

Редакторъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВИЛЕНСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

ВВЕДЕНІЕ.

Желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, согласно программѣ, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, считаю необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о географическомъ и статистическомъ положеніи губерніи.

Она лежитъ подъ среднею географическою широтою: $54^{\circ} 36'$; крайнія широты суть: на сѣверѣ $55^{\circ} 50'$, на югѣ $53^{\circ} 23'$; крайнія долготы, или меридіаны отъ Парижа: на западѣ $21^{\circ} 34'$, на востокѣ $26^{\circ} 4'$. Сѣверные уѣзды ея: Виленскій, Свенцянскій и Дисненскій, граничатъ съ Ковенскою, Курляндскою и къ сѣверо-востоку съ Витебскою губерніями; отъ послѣдней отдѣляются они рѣкою Двиною. Западные уѣзды, Трокскій и Лидскій, граничатъ съ царствомъ Польскимъ (край Запущанскій), отъ котораго отдѣляются рѣкою Нѣманомъ, и къ юго-западу — Гродненскою губерніею. Южные, Лидскій, Ошмянскій и Вилейскій, — съ Гродненскою и Минскою губерніями. Восточные, Вилейскій и Дисненскій, — съ Минскою и Витебскою.

По исчисленіямъ Виленской астрономической Обсерваторіи, протяженіе всей поверхности губерніи составляетъ 73,159 квадр. верстъ, или 768,0 квадр. геогр. миль.

По прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ границы Свенцянскаго уѣзда съ Ковенскою губерніею, выше селенія Сянишки, до границы Ошмянскаго уѣзда ниже селенія Севявская

слобода, заключается 220 верстѣ. Съ востока же на западъ отъ границы Вилейскаго уѣзда съ Минскою губерніею, вблизи мѣстечка Крайска до рѣки Нѣмана, на границѣ Трокскаго уѣзда отъ царства Польскаго, близъ мѣстечка Бирштаны, 224 версты.

Виленская губернія представляетъ песчаную равнину; въ ней нѣтъ ни одной цѣпи горъ. Живописные берега орошающихъ ее рѣкъ, и преимущественно Виліи и Нѣмана, увѣнчаны холмами, какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ углубленія рѣкъ, но не представляютъ постоянной гряды горъ.

Въ городѣ Вильно уровень рѣки Виліи надъ моремъ составляетъ 55½ саж., или 386 футовъ.

Самая возвышенная гора надъ морскимъ горизонтомъ, близъ деревни Цюпишки, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, составляетъ 147 саж.

Въ геологическомъ отношеніи въ Виленской губерніи явственны признаки поздняго наноснаго происхожденія почвы. Она вообще песчаная и глинистая, но перемѣшанная съ нѣкоторыми посторонними веществами органическими и неорганическими, и въ-особенности черноземомъ, почти вездѣ способна къ воздѣлыванію, при тщательномъ удобреніи. Ленъ и пенька произрастаютъ съ успѣхомъ. Лѣсъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ богатствъ губерніи. Вообще подъ лѣсомъ полагается 1,331,717 десятинъ. Наводненія рѣкъ имѣютъ большое вліяніе на урожай, занося землю иломъ и способствуя къ ея удобренію.

Главныя рѣки : 1) *Нѣманъ*, имѣющій 15 пристаней для причала судамъ и плотамъ. Въ Нѣманъ впадаютъ, съ правой стороны : Вилія, Страва, Вержня, Меречанка, Ротничанка, Котра, Турія, Свѣнница, Деражная, Линичанка, Лебіода, Нѣманокъ, Зарѣчанка, или Ельненка, Дзятва, Наревъ, Гавія, Березина, Быстрая, Усса, Черная и Сула; съ лѣвой стороны : Щара, Мовчатъ, Прудовая и Черновка. Всѣхъ вообще рѣкъ, протекающихъ по Виленской губерніи и впадающихъ преимущественно въ Нѣманъ и Вилію и другія, считается 116.

Виленская губернія богата озерами : ихъ считаютъ до 330. Самыя большія, въ *Свенцянскомъ* уѣздѣ : *Нарочъ* имѣетъ 11,500 сажень длины, 7,500 ширины, 15 глубины; *Эйсаты* имѣютъ 10,000 саж. длины, 1,500 ширины, 14½ глубины,

Свирь 7,000 длины, 1,500 шир., 3 глуб.; въ *Дисненскомъ*: *Переводъ* 4,000 длины, 3,000 шир., 18 глуб., *Укма* 4,000 длины, 1,500 шир., 14 глуб.; въ *Трокскомъ*: *Трокское*, или *Гальва*, 3,000 длины, 1,000 шир. 20 глуб., *Окмяна* 2,500 длины, 1,500 шир., 12 глуб., *Давги* 7,000 длины, 1,000 шир., 15 глубины; въ *Виленскомъ*: *Дунки* 10,000 длины, 500 шир., 20 глубины.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, по манифесту 14 декабря 1795 года, четырнадцатая часть Литовскаго княжества, или воеводства Виленское, Трокское и княжество Самогитія, т.-е. Жмудь, присоединены къ Россіи, и изъ нихъ образованы двѣ губерніи: Виленская и Слонимская. 12 декабря 1796 года эти двѣ губерніи соединены въ одну, подъ названіемъ Литовской губерніи. 9 сентября 1801 года эта губернія раздѣлена на двѣ: на Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую. Въ первой были уѣзды: Виленскій, Трокскій, Завилейскій (Свенцянский), Ошмянскій, Вилкомирскій, Ковенскій, Брацлавскій (Ново-Александровскій), Упитскій (Поневежскій), Шавельскій, Тельшевскій и Россіенскій, и заключала, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ городовъ, 191 мѣстечко. 24 декабря 1839 года Трокскій уѣздъ былъ упраздненъ, и губернія составлена изъ 10 уѣздовъ. 18 іюля 1840 года повелѣно именовать литовскія губерніи отдѣльно: Виленскою и Гродненскою. Наконецъ 1 іюля 1843 года (на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 декабря 1842 года) изъ семи уѣздовъ Виленской губерніи образована Ковенская губернія, въ составъ которой вошли слѣдующіе уѣзды: Вилкомирскій, Поневежскій, Ново-Александровскій, Шавельскій, Тельшевскій, Россіенскій и часть Ковенскаго, съ назначеніемъ города Ковно губернскимъ городомъ. Южная же половина, т.-е. уѣзды Виленскій, Ошмянскій и Свенцянский, оставлены въ составѣ сей губерніи; въ замѣнъ же отошедшихъ уѣздовъ отдѣлены отъ Минской губерніи Вилейскій и Дисненскій и отъ Гродненской губерніи Лидскій уѣзды и восстановленъ Трокскій уѣздъ, къ которому приписано все пространство бывшаго Ковенскаго уѣзда до черты мѣстечка Румтишекъ.

Виленскій, Трокскій и Свенцянский уѣзды, а также часть Ошмянскаго и Лидскаго, составляютъ древнее достояніе Литвы и принадлежали постоянно до 1795 года къ великому княже-

ству Литовскому. Въ 1413 году образовано было Виленское воеводство, въ составъ котораго входили нынѣшніе уѣзды Виленскій, Свенцянскій и Ошмянскій; Трокскій же составлялъ особое воеводство, образованное въ томъ же 1413 году. Вилейскій уѣздъ и юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда принадлежали къ Минскому княжеству — отчизнѣ Славянъ-Кривичей, съ 1300 года постоянно находившихся подъ властію князей литовско-русскихъ; въ послѣдствіи уѣзды эти вошли въ составъ Виленскаго воеводства. Дисненскій уѣздъ былъ древнимъ достояніемъ Полоцкаго княжества, подчиненнаго владычеству Литовской Руси въ первой половинѣ XIII столѣтія, изъ котораго въ 1500 году образовано было особое воеводство. Наконецъ Лидскій уѣздъ, состоящій изъ бывшаго Дейновскаго княжества (*), частію Литовцевъ и Славянъ, занимающихъ южную часть уѣзда, во время Ольгерда составлялъ особое удѣльное княжество, причисленное потомъ къ Виленскому воеводству. Вилейскій и Дисненскій, послѣ втораго раздѣла Польши, съ 3 мая 1795 по 1 іюля 1843 принадлежали къ Минской губерніи. Лидскій уѣздъ съ 1795 года принадлежалъ къ Слонимской губерніи, потомъ съ 1801 къ Гродненской, а наконецъ съ 1 іюля 1843 года къ Виленской.

Населеніе губерніи по 9-й переписи къ 1855 году составляло

въ городахъ	39,170 муж.	39,212 жен.
— уѣздахъ	364,365 —	372,315 —
а всего	403,535 муж.	411,527 жен.
		(815,062)

Въ томъ числѣ:

неподатныхъ	44,342 муж.	31,956 жен.
податныхъ	359,193 —	379,571 —

Противъ 8 народной переписи въ-теченіе 16 лѣтъ (съ 1834—1850) населеніе губерніи въ мужескомъ полѣ уменьшилось на 996 душъ, а въ женскомъ увеличилось на 27,544 души.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, населеніе губер-

(*) Дейновское княжество граничило съ Гродненскимъ княжествомъ, по р. Котру, съ нынѣшними уѣздами Волковыскимъ, Новогрудскимъ и Ошмянскимъ.

ни по вѣроисповѣданіямъ представляетъ слѣдующіе выводы, въ общемъ итогѣ несогласные съ вышеприведенными свѣдѣніями, взятыми изъ дѣлъ Казенной Палаты :

православнаго.	92,181 м.	91,276 ж.	=	183,457
римско-католическаго.	313,551	— 321,138	— =	634,689
евангелическаго.	458	— 456	— =	914
старообрядческаго	6,630	— 6,147	— =	12,777
магометанъ	1,299	— 1,031	— =	2,330
караимовъ.	257	— 259	— =	516
евреевъ	30,151	— 40,506	— =	70,657

440,174 м. 456,744 ж. = 896,918

Исповѣдующіе православную вѣру, съ весьма небольшими исключеніями, и всѣ старообрядцы принадлежатъ къ славянскому племени; бѣольшая часть р.-католиковъ — къ литовскому племени.

Магометанскую вѣру исповѣдуютъ Татары, которые, равно какъ Караимы, поселены здѣсь вел. кн. литовскимъ Витовтомъ. Первые взяты имъ въ плѣнъ въ 1395 году и привезены въ Литву цѣлыми улусами. Послѣдніе, вѣроятно, тогда же или во время втораго похода его въ 1398 году, какъ гласитъ преданіе караимскихъ синагогъ, переселены изъ Крыма въ числѣ 383 семействъ.

Евреи пришли сюда первоначально изъ Кіева въ XII столѣтіи.

Есть еще небольшое число Цыганъ, пришедшихъ въ эту страну около 1417 года. Сколько ихъ именно, неизвѣстно, потому-что они вошли въ составъ разныхъ сословій.

Такимъ-образомъ, видимъ, что Виленскую губернію населяютъ два главныя племена: славянское и литовское, различныя между собою происхожденіемъ, языкомъ, бѣольшею частью вѣроисповѣданіемъ и, несмотря на вѣковое сближеніе, еще во многомъ отличающіяся преданіями, нравами и обычаями. Поэтому, желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, мы должны отвѣчать на всѣ вопросы программы двойнѣ, особо о Славянахъ и особо о Литовцахъ, прежде же всего считаемъ необходимымъ представить раздѣленіе губерніи на эти два племена.

Для опредѣленія, хотя приблизительнаго, границъ этихъ двухъ поколѣній и слѣланія, такимъ-образомъ, вывода о числѣ

населенія особа каждаго поколѣнія , представляются два средства : изслѣдовать названіе древнѣйшихъ мѣстъ , рѣкъ , озеръ и т. д. и изъ нарѣчій , къ которымъ принадлежатъ эти названія , опредѣлить границы. Этотъ способъ самый вѣрный , но здѣсь представляетъ особаго рода затрудненія ; ибо сосѣдственныя поколѣнія , при непрерывныхъ столкновеніяхъ и живучи въ близкомъ сосѣдствѣ , а нерѣдко въ одной и той же деревнѣ , перенимали названія , отчего одна и та же мѣстность часто бываетъ наполнена литовскими и славянскими названіями , такъ что весьма трудно провести между ними границу. Другое средство — изслѣдовать преданія народныя , согласить ихъ съ древними хрониками , изучить мѣстность въ-отношеніи правовъ и обычаевъ , обращая вниманіе на нарѣчія , и , такимъ-образомъ , извлечь изъ всего этого общій выводъ.

По этимъ даннымъ представляю хотя приблизительное разграниченіе Виленской губерніи по поколѣніямъ , составленное мною послѣ многолѣтнихъ изслѣдованій и усерднаго изученія мѣстностей , при пособіи и по указаніямъ во многихъ случаяхъ маститаго историка и глубокаго изслѣдователя литовско-русской старины Федора Есимоновича Нарбутта.

Взявъ въ основаніе пунктъ при впаденіи рѣки *Ротвичанки* въ *Нѣманъ* (на сѣверо-южномъ рубежѣ Трокскаго уѣзда) , провести линію вверхъ по теченію Ротвичанки до деревни *Лютъ* , далѣе , по прямому направленію на востокъ , до деревни *Кермуши* ; потомъ по границѣ Гродненской губерніи до озера *Дунь* и деревни *Романовъ* , или *Ромуве* ; отсюда по прямой линіи до впаденія рѣки *Пелюсы* въ озеро того же названія , при деревнѣ *Дубичи* , потомъ вверхъ по рѣкѣ Пелюсъ до устья ея при имѣніи Пелюса , далѣе границею , отдѣляющею приходъ *Заблоцкій* отъ *Радунскаго* , и вверхъ по рѣкѣ *Дзитъ* до впаденія ея въ рѣку *Оссовку* , далѣе по теченію этой рѣки до деревни *Подворонцовъ* , а потомъ на востокъ до деревни *Дайновка* , лежащей на правомъ берегу рѣки *Жижмы* , оттуда вверхъ правымъ берегомъ *Жижмы* до м. *Стокъ* ; съ этого пункта до устья рѣки *Ошмянки* при имѣніи *Граужшишки* и по теченію этой рѣки внизъ лѣвымъ берегомъ до впаденія ея въ *Вилію* ; отсюда лѣвымъ берегомъ послѣдней до м. *Михайлишекъ* , потомъ до сѣвернаго берега озера *Свирь* , затѣмъ на сѣверо-востокъ вверхъ по теченію рѣки *Струны* и *Отры* , а потомъ по

прямой линіи до м. *Поставы*; отсюда по границѣ Дисненскаго уѣзда до границы губерніи Ковенской, далѣе по этой границѣ до Нѣмана и наконецъ по теченію Нѣмана обратно до рѣки Ротничанки. Вся верхняя часть надъ этой полосой, или сѣверо-западная часть губерніи, заселена литовскимъ поколѣніемъ, нижняя часть, или юго-восточная половина губерніи — славянскимъ племенемъ. Такимъ-образомъ, оказывается, что литовское племя занимаетъ цѣлыя уѣзды Виленскій и Трокскій, сѣверныя части Лидскаго и Ошмянскаго уѣздовъ и сѣверо-западную часть Свенцянскаго уѣзда. Остальное пространство губерніи, т.-е. Вилейскій и Дисненскій уѣзды, остальное пространство Свенцянскаго уѣзда населены Славянами-Бѣлоруссами, юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда и все пространство за правымъ берегомъ Дзитвы — Славянами-Кривичами. Въ Лидскомъ же уѣздѣ отъ озера Дупь по границѣ Гродненской губерніи и приходы Лидскій, Новогрудскій и Зблоскій населяетъ племя Чермноруссовъ. Юго-восточная часть уѣзда, и именно приходы: Оссовскій, Жирмунскій, Мытлянскій, Лидскій и Бѣлорусскій, составляла до XIV столѣтія особое княжество, извѣстное подъ именемъ Дейновскаго.

По этому распредѣленію, можно вывести приблизительное заключеніе, что въ Виленской губерніи

Славянскаго племени 177,091 м. 176,200 ж. = 353,290

Литовскаго 195,738 — 192,959 — = 388,697 (*).

I. Наружность.

Въ-отношеніи наружныхъ примѣтъ и физическихъ свойствъ жители Виленской губерніи рѣзко отличаются отъ жителей великороссійскихъ губерній Россіи; но внутри различіе славянскаго племени съ литовскимъ, въ наше время, не всегда и не вездѣ замѣтно. Наружность жителя Виленской губерніи славянскаго племени совершенно сходна съ наружностью Бѣлоруссовъ, обитающихъ въ Минской, Могилевской и Витебской губерніяхъ; болѣе отличительныя черты лица встрѣчаются въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, въ смежной съ нимъ ча-

(*) Вообще Литовскаго племени считаютъ до 2,000,000 человекъ, въ томъ числѣ Литовцевъ и Самогитянъ, или Жмудиновъ, болѣе 1,300,000, Латышей 400,000, Куровъ 300,000.

сти Лидскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленскаго, Свенцянскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, тамъ, гдѣ обитають исключительно Литовцы и гдѣ господствующее — литовское нарѣчіе.

Литовцы, съ рѣдкими исключеніями, имѣють волоса бѣлокурые, въ юности совершенно бѣлые, доходящіе почти до цвѣта жемчуга, въ среднемъ возрастѣ и въ старости немного потемнѣе, но никогда не превращающіеся въ рыжіи цвѣтъ. Глаза выпуклые, полные, голубые. Носъ болѣею частію античный, въ прямой линіи съ челомъ. Вообще лице и тѣло цвѣта совершенно бѣлаго. Женщины литовскія, тамъ, гдѣ обитають одни Литовцы, очень красивы. Правильныя черты, бѣлый цвѣтъ лица, голубые глаза, бѣлокурые волосы и гибкій станъ отличаютъ ихъ отъ прочихъ туземцевъ. Такія красавицы славятся въ-особенности въ Троцкомъ, Ковенскомъ и Вилкомирскомъ уѣздахъ, въ другихъ мѣстахъ ничѣмъ или очень рѣдко разнятся отъ Бѣлоруссиновъ. Бѣлоруссы, или, правильнѣе, Русины, Виленской губерніи отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и Великороссіянъ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, нѣсколько выступающимъ носомъ и худощавостію.

Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы вообще роста средняго, отъ 2 арш. 3 вершковъ до 2 арш. 7 вершковъ; но часто случается видѣть въ 8, 9, 10, иногда и болѣе вершковъ. Ростъ Литовцевъ примѣтно уменьшается въ послѣднее время, ибо извѣстно, что прежде, во время привольной жизни среди лѣсовъ, войны и буйной отваги, между Литовцами попадались великаны. Мои собственные археологическіе поиски неоднократно убѣждали меня въ этомъ. У меня есть голень, вырытая въ Свенцянскомъ уѣздѣ въ курганѣ. Ежели всѣ члены были пропорціональны, то владѣлецъ ея имѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, 16—18 вершковъ; но найденный при томъ черепъ чрезвычайно малъ и не соразмѣренъ съ этимъ ростомъ. Онъ сплюснутъ надъ глазами, такъ-что чела почти нѣтъ. Впрочемъ, еще и теперь случается встрѣтить челоуѣка ростомъ до 14 вершковъ, особенно на берегахъ Нѣмана и Вилин (*).

(*) Во время послѣднихъ пяти рекрутскихъ наборовъ въ Виленской губерніи, произведенныхъ въ 1849—1850, 1852 и двукратно въ 1854 году, принято всего рекрутъ (кромя Евреевъ) 12,841. Въ томъ числѣ было ростомъ

товцами большая рѣдкость. Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы бороду и усы брѣютъ; вѣкоторые, однако, носятъ усы. Волосы носятъ длинные, съ раздѣломъ не пополамъ, но ближе къ правому виску. Литовцы же большею частію подстригаютъ въ кружокъ, съ вырѣзкою на челѣ, безъ всякаго раздѣла.

Крестьяне здѣшніе не отличаются особенною ловкостію и проворствомъ, болѣе безпечны и лѣнны и хотя почти всѣ худощавы, но способны къ перенесенію физическихъ трудовъ самыхъ тяжкихъ, всякаго рода лишеній и недостатковъ. Кромѣ обыкновенныхъ дѣтскихъ болѣзней: оспы, одры, горячки, здѣсь свирѣпствуютъ гнилыя горячки, кровавые поносы, лихорадки и колтунъ. Замѣчательно, что послѣдній рѣдко нападаетъ на Литовцевъ, и тамъ, гдѣ это племя живетъ отдѣльно, безъ смѣшенія и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бѣлоруссовъ, колтунъ почти неизвѣстенъ (*). Колтунъ въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ почитается мѣстною эпидемическою болѣзнію (plaga polonica). Онъ поражаетъ всѣ сословія, не разбирая ни пола, ни состоянія, ни возраста, но только однихъ коренныхъ жителей. Лица, подверженныя какому-либо истощенію тѣла или душевнымъ потрясеніямъ, подвергаются внезапному появленію колтуна, постепенно усиливающемуся и нерѣдко дѣлающемуся наследственнымъ. Болѣзнь эта свирѣпствуетъ въ особенности въ мѣстахъ низменныхъ, хотя нерѣдко, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при одномъ и томъ же источникѣ, жители одной части деревни болѣе подвергаются ей, нежели жители другой части той же деревни.

въ 10 вершковъ	11.
— 9 —	79.
— 8 —	451.
— 7 —	1,424.
— 6 —	2,902.
— 5 —	5,194.
— 4 —	2,319.
— 3 —	461.

(*) Во время вышеприведенныхъ пяти наборовъ, изъ числа представленныхъ рекрутъ обраковано 9,713 человекъ, въ томъ числѣ по слабости сложенія 1,008, за грыжею 434, по обнаруженію колтунной болѣзни 171, прочіе — за неуказнымъ ростомъ, которыхъ, сравнительно, небольшое число, неуказныхъ лѣтъ и за разными случайными тѣлесными недостатками.

Холера свирѣпствовала здѣсь съ 5 апрѣля по декабрь 1831 года, съ 12 юля по 1 декабря 1848 г. и лѣтомъ въ 1853 году, но дѣйствовала весьма слабо. Въ 1848 году въ цѣлой губерніи больныхъ было 14,376 человекъ; изъ того числа умерло 2,822. Самая большая смертность въ-сравненіи съ народонаселеніемъ была въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ. Въ Вильно больныхъ было 2,055 чел. ; изъ нихъ умерло 490. По увѣренію лекарей, холера слабѣе дѣйствовала въ приходахъ литовскихъ, нежели бѣлорусскихъ.

II. Языкъ.

Простой народъ въ Виленской губерніи говоритъ двумя языками: по-литовски или по-бѣлорусски. Литовскій языкъ въ общемъ употребленіи въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, отчасти въ Виленскомъ, почти въ половинѣ Лидскаго, и отчасти въ Свенцянскомъ и Ошмянскомъ, въ остальныхъ мѣстахъ Бѣлорусской. Приведенное нами разграниченіе губерніи по племенамъ яснѣе показываетъ, гдѣ какой языкъ въ употребленіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, ибо среди деревень, заселенныхъ Литовцами, есть мѣста, гдѣ говорятъ и по-бѣлорусски, и, наоборотъ, среди племени славянскаго есть поселенія Литовцевъ. Въ этомъ отношеніи болѣе однообразія въ Трокскомъ уѣздѣ, гдѣ почти исключительно говорятъ по-литовски, и большая часть крестьянъ другаго языка вовсе не знаютъ, а также въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, гдѣ господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе; но и въ Вилейскомъ уѣздѣ есть деревни, жители которыхъ говорятъ по-литовски. Мѣщане, однодворцы и граждане говорятъ по-польски. Въ селеніяхъ, близкихъ къ городамъ, многіе крестьяне тоже знаютъ этотъ языкъ, по-крайней-мѣрѣ примѣшиваютъ много польскихъ словъ къ своему природному языку.

Почти всѣ говорящіе по-литовски исповѣдуютъ вѣру римско-католическую, и, наоборотъ, употребляющіе бѣлорусское нарѣчіе — бывшіе униаты, нынѣ православные, съ небольшими исключеніями.

Бѣлорусское нарѣчіе, употребляемое жителями Виленской губерніи славянскаго племени, составляетъ нѣчто среднее между великороссійскимъ, украинскимъ и польскимъ. Оно нѣсколько разнится и отъ нарѣчія, которымъ говорятъ крестьяне

могилевской и бѣлорусской части Витебской губерніи, ибо тамъ болѣе русскихъ словъ, тогда какъ-здѣсь болѣе польскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, именно то самое, которое употребляли древніе Кривичи. На немъ писаны были литовскіе законы, грамоты и всѣ публичные акты до временъ Стефана Баторія, который, не зная ни по-русски, ни по-польски, сталъ вводить въ употребленіе латинскій языкъ, сдѣлавшійся потомъ, при ревностномъ поборничествѣ іезуитовъ, дипломатическимъ. На бѣлорусскомъ нарѣчій извѣстны слѣдующія, болѣе важныя книги: Статутъ Казимира Ягеллона 1492 г., Статутъ Литовскій, составленный въ 1505 г., исправлявшійся въ 1522, 1529, 1564 и 1588 гг. (печатаемъ былъ въ 1856, 1858 и 1821 г.), Трибуналь великаго князя литовскаго 1581., Лѣтописецъ Литовскій и Русскій (изд. Даниловичемъ въ 1827 г.), Хроника Быховца (изд. Нарбуттомъ въ 1846 г.), Библия, изд. Скоривы въ 1517 (въ Прагѣ, а потомъ, въ 1585 году, въ Вильно), Псалмы, Апостольскія дѣянія, его же, изд. 1525 г., Посланія апост., 1528 г., и много другихъ.

Въ бѣлорусскомъ, или кривичанскомъ, нарѣчій замѣтно сходство съ польскимъ, въ-отношеніи глаголовъ, въ измѣненіяхъ буквъ б на дз, т на цъ. Замѣчательно, однако, что въ глаголахъ для указанія различія лицъ не употребляются измѣненія окончаній самыхъ глаголовъ, но прибавляются мѣстоимѣнія личныя. Напр., Украинецъ, по образцу польскаго языка, скажетъ: *ходилъ, ходила, ходило*; здѣсь же говорятъ, согласно съ правилами великороссійской грамматики: *я хадзіу, ты хадзила, іано (оно) хадзило*. Буква *д* болѣею частію замѣняется звукомъ *дз*; вмѣсто же *л* почти всегда употребляютъ *у*, соединяя ее съ предъидущею гласною. Такъ, напр., *дау* (далъ); *любиу* (любилъ); *пхау* (ѣхалъ) и т. д. То же самое употребляется въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ: напимѣръ, *жауниерь*, съ польскаго *żołnierz* (солдатъ); *кауниерь* — *coźnierz* (воротникъ); *аутарь* — алтарь; *каутунь* — колтунъ; въ окончаніяхъ же нѣкоторыхъ словъ женскаго и средняго рода бук. *л*. не исключается: напимѣръ, *я была, ано было*.

Буква *у* въ соединеніи съ словами, а въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ и отдѣльно употребляется вмѣсто предлоговъ : напри-
мѣръ, *у дворъ, у сель*.

Къ словамъ, начинающимся буквою *o* и нѣкоторыми другими
гласными, почти всегда прибавляется буква *o*: напримѣръ,
оокно (окно), *ооко* (*око*), *оосень* (осень); *оулица* (улица).

Вмѣсто буквы *o* употребляють *x* или *n*: напр., *хвальва-
рокъ* (фольварокъ), *пранцузъ* (французъ), *ахвицеръ* (офи-
церъ), *хвигура* (фигура), *хвига* (съ польскаго *figa*, — кукишь).
Точно также слова, происходящія съ польскаго и начинающіяся
латинскою буквою *g*, замѣняются русскою *g*: напр., *гане-
чекъ* вмѣсто *ganecek* (крылечко). Подобнымъ образомъ въ
словахъ, перешедшихъ съ польскаго, буква *p* замѣняется
буквою *л* или *n*: напр., *левизоръ* вмѣсто *ревизоръ*; *нл-
крутъ* вмѣсто *рекрутъ*; *алендаръ* вмѣсто *арендаръ* (т.-е. арен-
даторъ, *arendarz*).

O очень часто измѣняется въ *a*: *агонь*, *асмина*; если въ
началѣ слова стоитъ буква *e*, то она переходитъ въ *a*: ако-
номъ (экономъ); *ь* и *e* почти всегда переходятъ въ *и*: *нима*
(*nieta* нѣтъ), *элтаецъ* (слетаетъ); *у чисьцинкомъ* (въ чи-
стенкомъ). Точно также русское окончаніе на *ій* замѣняется
одною буквою *и*: *цихи* (тихій), *цѣжки* (тяжкій).

Предлогъ *съ* предъ словами, начинающимися буквами *б л
м н о у з*, замѣняются бук. *з*: *збогомъ* вмѣсто съ Богомъ;
злюдзьми — съ людьми (*z ludzmi*); *змяты* — смятый (*zmięty*);
зняты снятый; *зозера* — съ озера; *зуха* — съ уха; *ззалоўки* —
съ заловки; *збиты* — сбитый; *зсаломы* — изъ соломы.

Измѣненія частей рѣчи такія же, какъ и въ русскомъ языкѣ.
Прилагательныя имена и нарѣчія имѣють три степени сравне-
ненія, съ сокращеніями на концѣ, которыя отличаютъ ихъ отъ
русскихъ выраженій. Въ превосходной степени прибавляется
най (съ польскою *naj*): *найкраснѣйши* — прекраснѣйшій; *най-
лешъ* — всего лучше; *наибольшъ* — всего болѣе.

Въ именительномъ и винительномъ падежахъ имена при-
лагательныя жители береговъ Нѣмана оканчивають на *e*:
бѣлье, *дробные* (мелкіе); жители же береговъ Двины — на *я*:
бѣлья, *дробныя*.

Окончаніе уменьшительныхъ именъ существительныхъ
жители восточныхъ уѣздовъ губерніи произносятъ, какъ Рус-

скіе: *садочикъ, вяночикъ*, а въ западныхъ уѣздахъ: *садочекъ, вяночекъ*.

Въ родительномъ падежѣ мѣстоименій и именъ прилагательныхъ тоже бываетъ разница: одни говорятъ: *да мать миленкаѣ*, а другіе — *да маей миленкой*.

Мѣстоимѣніе себѣ, соединяясь съ глаголами, измѣняется прибавленіемъ къ глаголу послѣ гласной *ся, съ, си*, а послѣ согласной *ца* и *це*: *любице, любичеся*.

Въ именахъ существительныхъ находится двойственное число: *двъ руке, двѣ шкодѣ* (два вреда, убытка).

Глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *ци* или *ць*: *прасци, прасць*; женицисѣ, женица. Въ третьемъ лицѣ единственного числа настоящаго времени говорится *скачець* и *скаче*, *плачець* и *плаче*. То же самое при окончаніяхъ на *ѣць*: *злетаець, злетать*. На берегахъ же Двины, гдѣ *ь* произносится какъ *и*, не отбрасывая, однако, *ц*: *злетаиць, скачиць*.

Въ восточныхъ уѣздахъ въ повелительномъ наклоненіи такая же форма, какъ и въ русскомъ словѣ *итти*: *пошоу робиць* (работать), *пошли тушиць*.

Причастія настоящаго времени оканчиваются на *чи* и *я*, прошедшаго на *уши* (вши), а прилагательныя на *вій, ая, ее*: *паси, робъчи, аручи, жнучи, ходзя; рабъуши, арауши, хадзѣуши; арующій, працюющая, бѣдоваушее*. Давно-прошедшее употребляется по образцу польскаго сказау *бы* (*powiedzieañ-by*), *зробиу бы* (*zrobiłby*).

И здѣсь, какъ въ великороссійскомъ нарѣчїи, перемѣна ударенія измѣняетъ значеніе слова: *кѣня* — хищная птица; *кѣня* — коня, лошади. *Сыры* — сырой; *сыры* — сыры. *Гадзѣина* — часть, *гадзѣина* — змѣй.

Имена существительныя женскаго рода, оканчивающіяся на *га*, въ третьемъ падежѣ оканчиваются на *зѣ*: *спрмяга* — *спрмязѣ*, *присяга* — *присязѣ*, *адвага* — *адвазѣ*. (*)

(*) Замѣчательно, что такой же оборотъ рѣчи употреблялся еще во времена знаменитаго пѣвца древней славянщины. Въ *Словѣ о полку Игоря*, при описаніи кроваваго боя князя Всеслава съ Язславомъ въ 1067 году надъ рѣкою *Нѣмизю*, говорится: *на Нѣмизѣ сновы стелетьъ головами...* (См. пер. Гербеля, стр. 98). Кстати будетъ указать здѣсь на ошибку

Послѣ продолжительныхъ и разнорѣчивыхъ толкованій о происхожденіи Литовцевъ, нынѣ, кажется, никто уже изъ людей просвѣщенныхъ не сомнѣвается, что племя литовское *самостоятельное* и языкъ литовскій *самобытный*.

Множество славянскихъ, греческихъ, латинскихъ и германскихъ словъ, вкоренившихся въ литовскій языкъ, ввело нѣкоторыхъ изыскателей въ заблужденіе насчетъ самобытности литовскаго языка; но кому хорошо знакомы судьбы литовскаго народа, тотъ не будетъ удивляться этому введенію чужеземныхъ словъ. Что языкъ литовскій есть коренной, самобытный, какъ греческій или славянскій, въ томъ убѣждаютъ литовскія названія важнѣйшихъ занятій человѣка, ближайшихъ въ употребленіи предметовъ и даже отвлеченныхъ понятій. Слова эти не заимствованы ни изъ какого извѣстнаго языка и доказываютъ самостоятельность языка литовскаго.

Мы не станемъ приводить здѣсь этихъ словъ въ доказательство нами сказаннаго, но отсылаемъ читателя къ словарю литовскихъ коренныхъ словъ, помѣщенному въ сочиненіи замѣчательнаго изслѣдователя литовскихъ древностей *Богуша: О началѣ народа и языка литовскаго* (1808). Въ этомъ словарѣ помѣщены слова, относящіяся къ военному ремеслу, названія разныхъ предметовъ въ домашнемъ употребленіи, къ мореходству, яствамъ, предметамъ отвлеченнымъ и названія нѣкоторыхъ наукъ, искусствъ и предметовъ, къ нимъ принадлежа-

Карамзина, который думалъ, что *Нѣмиза* значитъ *Нѣманъ* (см. II т., стр. 43, изд. Эйнерлинга). Этому повѣрили переводчики прославленной поэмы Гербель (стр. 102) и Ефлевскій (на польскомъ языкѣ). Но *Нѣманъ*, или *Нѣманъ*, никогда нигдѣ не назывался даже въ простонародьи *Нѣмигою*. *Нѣманъ* отъ мѣста описываемаго боя находится въ 84 верстахъ. *Нѣмига* же текла въ самомъ г. Минскѣ (губернскомъ), въ такъ-называемомъ старомъ городѣ, отчего названа *Нѣмигою* и эта часть города. Рѣка эта нынѣ совсѣмъ высохла; но весною она принимаетъ размѣры большой рѣки, наводняетъ улицы, такъ-что жители сообщаются другъ съ другомъ на лодкахъ. Она вытекала изъ горъ, окружала бывшія укрѣпленія Минскаго замка и впадала въ р. Свислочь. Извѣстный польскій писатель Вл. Сырокомля (*Л. Кондратовичъ*), въ прекрасно написанной хроникѣ г. Минска (см. №№ 127—129 и др. «Газеты Варшавской» 1854 года), весьма логически доказываетъ, что боянъ, воспѣвавшій Всеслава, господствовавшего въ Минскѣ, жилъ, хотя нѣкоторое время, въ царствованіе Ярослава и Святослава, въ *Минскѣ*.

щихъ. Языкъ литовскій довольно богатъ, звученъ, способенъ къ метрическому стихамъ. Смѣшеніе его съ языками славянскимъ и другими, какъ полагаютъ знатоки, не только не придало ему красоты, но ослабило его силу. Земли, осужденныя на частыя столкновенія съ чужеземцами, болѣе исказили языкъ, и оттого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Самогитіи, языкъ литовскій раздѣлился даже на нѣсколько нарѣчій, сродныхъ съ собою, но отличныхъ удареніями и особенностію выраженій. Литовскіе барды, *Vartinikas*, воспѣвали подвиги своихъ вождей, отраженіе кровавыхъ набѣговъ враговъ; изъ рода въ родъ передавали дѣла своихъ предковъ. Жрецы воспѣвали славу своихъ боговъ; странствующие нищіе, гадатели, даже дѣвушки слагали новыя пѣсни или изучали старыя и пѣли при всѣхъ житейскихъ случайностяхъ. Труды и игры, религиозныя обряды и воинскіе набѣги сопровождались пѣніемъ. Эти пѣсни, вѣрный отпечатокъ нравовъ и характера древнихъ Литовцевъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошли до нашихъ временъ въ первобытной чистотѣ. Берега многочисленныхъ озеръ Трокскаго уѣзда, дубовыя рощи, высокіе курганы и нынѣ оглашаются звуками древнихъ литовскихъ пѣсенъ, въ которыхъ нерѣдко встрѣтишь воспоминанія о литовскихъ, еще языческихъ, обыкновеніяхъ, обрядахъ, встрѣтишь даже имена идоловъ, которымъ почти шесть вѣковъ уже народъ пересталъ поклоняться.

Гораздо бѣднѣе письменность на литовскомъ языкѣ. Древнимъ Литовцамъ извѣстны были письмена руническія. Нарбуттъ раздѣляетъ ихъ на три рода: руны, заимствованныя отъ Варяговъ, біармскія и собственно литовскія. Первые два рода рунъ употреблялись на монетахъ и печатяхъ, послѣдніе— жрецами накапищахъ, хоругвахъ и разныхъ священныхъ сосудахъ. Политическія событія, измѣнившія образъ мыслей и направленіе литовскихъ властителей, не дозволили литовскимъ письменамъ ни удержаться въ употребленіи, ниже усовершенствоваться. Названія письменности (*Rasztaš, gaszau*), буквъ или знаковъ (*Raszytine*), знаковъ препинанія (*Zimele-Tarprussznelis*), пѣсни (*Dainos*), преданія, повѣсти (*Lekime*), загадокъ (*Mysles Klausimas*), разсказа (*pasakojimas*), дѣяній (*Nasidawimas*) и т. п. ясно убѣждаютъ, что языкъ литовскій былъ письменнымъ и до XIV столѣтія не только находился въ общемъ употребле-

ни, но даже могъ быть довольно обработаннымъ. Но на этомъ онъ и остановился. Литва со временъ Ольгерда, Гедимина, Ягайлы и Витовта, составляя незначительную часть въ числѣ русскихъ княжествъ, одному князю подвластныхъ, естественнымъ образомъ не могла развить свой языкъ. Литовскій языкъ употреблялся только въ проповѣдяхъ, въ домашнемъ быту народа и даже двора; но дипломатическимъ, официальнымъ и судебнымъ сталъ языкъ русскій, или, лучше, кривичанскій. Дѣла разбирались и судились долго еще по-литовски, но записывались въ книги или акты по-русински. Точно также и въ единоплеменной Пруссiи еще въ 1309 году в. магистръ крестоносцевъ Сигфридъ фонъ-Феухтвагенъ особымъ повелѣніемъ воспретилъ употребленіе природнаго языка. Вотъ почему мы не имѣемъ, кромѣ руническихъ надписей на нѣкоторыхъ идолахъ и монетахъ, никакого письменнаго памятника литовскаго языка.

Лѣтописецъ Альбертъ (*Alberti Chronicon*, p. 527) утверждаетъ, что Вильгельмъ, епископъ моденскій, находясь въ Пруссiи и изучивъ языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната около 1223 года. Но только и знаемъ мы объ этой грамматикѣ. Иезуиты были ревностными поборниками литовскаго языка. Ихъ стараніемъ и трудами переведены въ XVI столѣтіи на литовскій языкъ священное писаніе, псалмы и разныя духовныя пѣсни. Въ 1561 изданъ въ Кёнигсбергѣ катехизисъ на нѣмецкомъ и прусско-литовскомъ языкахъ.

Въ послѣднее время, особенно въ Пруссiи, стали издавать много книгъ на литовскомъ языкѣ, но преимущественно духовнаго содержанія. Въ Пруссiи Бреткунасъ, Хилинскій, Квандтъ, Доналейтисъ, Ругикъ, Мельске и др. много писали по-литовски. Изъ нихъ Доналейтисъ пользуется даже славою поэта (умеръ около 1780 года). Онъ, между-прочимъ, написалъ поему *Четыре Времени Года*, въ которой прекрасно изобразилъ домашній бытъ народа. Поэму эту перевелъ на нѣмецкій языкъ д-ръ Л. І. фонъ-Реза и напечаталъ, вмѣстѣ съ подлинникомъ, въ Кёнигсбергѣ въ 1818 году. Этотъ же Реза собралъ и издалъ литовскія народныя пѣсни. Самогитскій епископъ князь Юсифъ Арнульфъ Гедройць перевелъ на литовскій языкъ *Новый Завѣтъ*. Вотъ его заглавіе по-литовски: *Naujas istatimas Sezaus Christaus Wieszpatices musu, Lietuwiszka lezuwiu iszgul-*

ditas, pas Jozapa Arnulpa-Kunigajkszti Giedrajti Wiskupa Ziemajciu, zenklinika S. Stanisława: Jszspanstas pas Cunugus Missionarius, Wilniuje 1816. Евангеліе это посвящено имени Императора Александра I. Ксендзъ Станевичъ писалъ остроумныя литовскія басни. Кромѣ-того, въ послѣднее время издается много разныхъ сочиненій.

Извѣстнѣйшіе словари литовскаго языка: Ширвида, Милка, Гаака. Императрица Екатерина II въ сравнительномъ словарѣ включила много литовскихъ словъ.

Извѣстнѣйшая литовская грамматика издана была въ Вильно иезуитами, еще въ 1713 году подъ заглавіемъ: *Universitas linguarum Lithvanicas, in principali Ducatus ejusdm dialecto.* Изъ новѣйшихъ грамматикъ извѣстны: Клейна, Шульзена, *Haack'a, Ruhig'a, Mielck'a* и Коссаковскаго.

Собраніе литовскихъ пѣсенъ, переведенныхъ на русскій языкъ П. В. Кукольниковъ, помѣщено въ изданной Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ книгѣ, подъ заглавіемъ «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (Вильно, 1854 г.). Здѣсь мы приведемъ нѣсколько пѣсенъ, а также пословиць и поговорокъ въ подлинникѣ, съ переводомъ:

НА ЛИТОВСКО-ПРУССКОМЪ НАРѢЧІИ .

O wakar wakarati,
Prapule manu owate.
Aj! kas gelbės jėszkoti,
Manu wienturte owate.

Вчера въ вечеру, вчера,
Пропала моя овца.
Ахъ, кто жь мнѣ поможетъ искать
Мою единственную овечку.

Jszejau pas Ausrinnę.
Ausrinne atsilepe:
Až angsti ryt sautelej
Turru prakart ugneti.

Пошла я къ зарѣ.
Заря отвѣчала:
Я должна утромъ солнцу
Огонь разжигать.

Jszejau pas Wakarinnę.
Wakarinne atsilepe:
Az Wakareis Sautetej
Turru klot patalei.

Пошла я къ вечерней звѣздѣ.
Звѣзда вечерняя сказала:
Я должна въ вечеру солнцу
Ложе постигать.

Jszejau pas Meneseli,
Meneselis atsilepe:
Až Kardu perdažutas;
Nuludis mano wejdelis!

Пошла я къ лунѣ.
Луна отвѣчала:
Я разсѣчена мечемъ.
Печалень мой обликъ.

Jszejau pas Sautete
Sautuze atsilepe:
Dewynes dienas jekosn;
O deszimta nej nusilejsu.

Kur paliku deewa sirgi?
Deewa dehli jahdija.
Kur aisjabje Deewa dehli?
Saulės mejtos raudsitees.
Patti Saute atbildeja:
Mazi manni behrnini,
Mazas mannas dahwanas.

Пошла я къ солнцу.
Солнце отвѣчало:
Девять дней будешь искать,
А десятого (я) не буду закаты-
ваться.

Куда дѣвались божіи кони?
Божіи сыны на нихъ поѣхали.
Куда поѣхали божіи сыны?
Искать дочерей солнца.
Солнце само сказала:
Дѣти мои маленькія,
Маленькое ихъ и приданое!

ПО-ЛИТОВСКИ :

Skrindau Kaunis iz tola
Kur wassara umžynoja,
Man pasake Naszaugole
Jog tinaj mejlis karaujoja:
Unt szirwu arklu rejtwažoja,
Su didu izdu nuoptesiu.

Ej sugriže Dewutesiu!
Paimk jus unt sanos sparnos,
Atneszk man jus swejku tiktej,

Ne noru az brungiu diktej,
Gañ man sakos apimirnos.

Prapałtas žmogus,
Kur pasidiesiu?
Kas mana aszaras,
Czion nuramins?
Oj ejsu, asz ejsu,
Ji gila gireli
Ju gita gireli,
Pas tejsu useli
Ten Diewas tejsingas,
Man iszkłausis.
Mana wargus,
Mana bedas
Nuramins....

Летѣлъ Каунисъ (*) издалека,
Гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто.
Этотъ карличокъ мнѣ сказалъ,
Что тамъ воюетъ мой любовникъ,
Приѣдетъ на сивомъ конѣ,
Съ большой добычей дорогихъ
сокровищъ.

О, возвратись, маленькій божокъ!
Возьми его на крылья свои
Да привеси мнѣ его только здо-
роваго.

Не хочу я дорогихъ камней —
Довольно мнѣ его объятій!

Пропавшій человекъ,
Куда я дѣнусь?
Кто моя слезы
Здѣсь осушить?
Охъ, пойду я, пойду
Въ глубокую пушу,
Въ глубокую пушу,
Къ справедливой ясени.
Тамъ богъ справедливый
Меня выслушаетъ,
Моя страданія,
Мои горести
Облегчить....

(*) Каунисъ — литовскій Амуръ, сынъ Мильды, литовской Венеры.
Жилъ въ Ковно.

Вотъ еще языческая пѣсня, которую до сихъ поръ поютъ въ окрестностяхъ Вильно, въ день св. Петра :

Dydisie musu,	Дыдисъ нашъ.
Dewejte musu,	Божокъ нашъ.
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteta, ruteta,	Чутела, рутела,
Musu!	Нашъ! (*)
Dowenok raktus,	Подари намъ ключи,
Nupint wajnikus.	Спѣсти вѣночкы...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteta ruteta	Чутела, рутела...
Wajnikus!	Вѣночкы!
Sujung manis,	Соедини насъ,
Priglausk mumis.	Приголубь насъ...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteta ruteta,	Чутела, рутела...
Mumis!	Насъ!
Dudisie musu,	Дыдисъ нашъ,
Dewajle musu,	Божокъ нашъ.
Czuta. ruta,	Чута, рута,
Czuteta ruteta	Чутела, рутела,
Musu!	Нашъ!
Sutark, priglausk,	Помири, приголубь,
Raktelem's rausk,	Ключами свяжи...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteta, ruteta,	Чутела рутела...
Nausk!	Свяжи!

ПОСЛОВИЦЫ (PRIEŽODIS).

Gienis margs, žmogaus giwenims dar margiesnis.
Пестръ дятель, а жизнь человѣческая еще пестрѣе.
Su Diewu negali bartis.
Богъ не смотритъ на состояніе человѣка.

(*) Чута, рута, чутела, рутела не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Это нѣчто *съ-родъ ля, ля ля!* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ цѣлыя пѣсни хоромъ изъ однихъ этихъ восклицаній. Кромѣ этихъ припѣвовъ, часто употребляютъ еще восклицанія, тоже не имѣющія значенія, но взятая съ польскаго: *гопъ, гопъ, го, го!*

Кунтай, балабай!
Джунгеса, Гоернеса!
Минджура!
Гога!

О Дудусѣ нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній. Нѣтъ ли тутъ связи съ славянскимъ припѣвомъ: *дидъ, ладо, дидъ!*

Dangus aukstaj, ant žiames kiet.

Небо высоко, а на землѣ жестко.

Gieltine ne weizd Dantū.

Смерть дня не дожидается.

Dievs wislab iszlaiko.

Кому Богъ сулятъ, тому и дасть (сдержитъ). (*)

III. Домашній бытъ.

Грустно описывать домашній бытъ здѣшнихъ крестьянъ! Бѣдные труженики, кровавымъ потомъ снискивающие дневное пропитаніе, съ удивительною энергіею и мужествомъ переносящие свое жалкое положеніе, съ непонятнымъ самоотверженіемъ жертвующіе всѣми своими силами съ самаго младенческаго возраста, съ дѣтскою любовью привязанные къ своей родной землѣ, не пользуются часто не токмо всѣмъ необходимымъ для безбѣдной жизни, но нерѣдко бывають удручены самыми тяжкими нуждами и далеко не достигаютъ той степени домашняго благоденствія, какимъ пользуются крестьяне внутреннихъ губерній.

Постараемся передать сколь можно болѣе вѣрную картину домашняго быта крестьянъ здѣшной губерніи. Въ этомъ отношеніи разницы между Литовцами и Бѣлоруссами самыя незначительныя.

1) Деревни здѣшнихъ крестьянъ состоятъ изъ 10, 20, иногда 50 и 70 дворовъ. Крестьянскій дворъ, со всѣми принадлежностями, называется по-бѣлорусски *xata*. Хатою же называютъ и жилой домъ. На прилагаемомъ чертежѣ представлена такая хата снаружи (подъ № 18). Она строится обыкновенно изъ еловаго или сосноваго дерева, нѣкоторыя — на каменныхъ фундаментахъ, что, впрочемъ, очень рѣдко. Хата раздѣляется обширными сѣнями на двѣ избы. Изъ нихъ въ жилой (№ 1) большая печь для печенія хлѣба (№ 2), большой столъ (№ 3), на которомъ обѣдаютъ и ужинають, пользующійся особеннымъ уваженіемъ, такъ-что на немъ никому не позволятъ лечь, а рѣдко и сѣсть. Кругомъ стола и избы простыя скамьи. Кромѣ-того, особая широкая скамья, насу-про тивъ стола, на которой ставятъ воду и другіе хозяйствен-

(*) Собраніе пословицъ въ переводѣ Кукольника въ «Чертахъ изъ ист. и жизни лит. нар.»

ные сосуды. Часть избы обыкновенно отъ печки отдѣляется особою перегородкою, за которою сдѣлано изъ простыхъ досокъ возвышеніе—*палацы*, на которыхъ спятъ (№ 4). Въ нѣкоторыхъ избахъ такой перегородки вовсе не бываетъ. Въ углу избы Распятіе или какой-нибудь образокъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, весьма немногихъ, бываютъ еще особыя небольшія комнаты, называемыя *святлицы*, убранныя образами. Здѣсь стоятъ кровать для гостей или самого хозяина, шкафъ, небольшой столикъ и нѣсколько скамеекъ. Передъ печью сдѣланъ особый каминъ, куда загребаютъ жаръ. Печи дѣлаютъ изъ глины, выкладывая только внутри кирпичемъ. Полъ изъ глины. Жилой домъ снаружи не отесанъ, внутри не штукатуренъ. Крыша вездѣ соломенная, называемая *стржеха*. Она довольно прочна и можетъ простоять до 25 и болѣе лѣтъ. Трубъ почти нигдѣ нѣтъ. Отъ этого хаты называются *курными*, т.-е. наполненными дымомъ, который выпускаютъ черезъ окно и двери, а также въ душники, устроенные за печкой, отчего дѣти и даже взрослые нерѣдко въ зимнее время, и особенно въ большіе морозы, подвергаются простудамъ и страшнымъ недугамъ; но крестьяне этому не вѣрятъ. Они говорятъ: *наши бацьки такъ жили!* и неохотно соглашаются на введеніе трубъ. Этотъ предрасудокъ имѣетъ самое вредное вліяніе на здоровье. При тѣснотѣ, духотѣ, при сквозной тягѣ воздуха, когда воздухъ внизу холоднѣе, а вверху удушливъ, невозможно, чтобы и самая крѣпкая натура не подвергалась недугамъ и поврежденію организма. Поэтому-то статистическія таблицы смертности, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, представляютъ ужасающіе результаты. Въ послѣднее время нѣкоторые помѣщики, въ-особенности гр. Райкольдъ Тызенгаузъ, князь Пузыно, г-жа Бучинская, урожденная графиня Гинтеръ, Пясецкій и другіе, обратили особенное вниманіе на удобства жизни своихъ крестьянъ, построили цѣлыя деревни и въ нихъ печи вездѣ съ трубами. Избу освѣщаютъ лучиною изъ сосноваго дерева, хорошо высушенною. Лучину затыкаютъ въ особо устроенное отверстіе въ печкѣ или въ особый изъ дерева сдѣланный для этого постаментъ. Отопляютъ дровами или хворостомъ.

Сѣни (№ 5) бываютъ обыкновенно большія, въ которыхъ зимою содержатъ телятъ, поросятъ и проч.

Насупротивъ жилой избы, черезъ сѣни, находится особая изба, называемая *клецъ* (№№ 6 и 7), съ каменною печкою, нагрѣваемою въ большіе морозы. Она служитъ для склада разныхъ съѣстныхъ припасовъ, варива и другихъ предметовъ, на зиму заготавливаемыхъ. Надобно прибавить, что въ жилой избѣ соблюдается чистота, сколько таковая возможна при тѣснотѣ и сообществѣ съ домашнимъ скотомъ, нерѣдко зимою содержимымъ въ самой избѣ; но скамьи и столъ всегда вымыты.

Передъ жилымъ домомъ небольшой дворикъ (№ 8), очень часто садикъ съ цвѣтами и цѣлебными травами (№ 11), у многихъ колодезь (№ 12) на дворѣ.

Прочія хозяйственныя строенія каждаго крестьянскаго двора, или хаты слѣдующія: анбаръ, по здѣшнему *свиргънъ*, или *клецъ* (№№ 9 и 19), почти всегда на каменномъ фундаментѣ, съ деревяннымъ поломъ, безъ потолка. Здѣсь складываютъ хлѣбъ въ зернѣ и прочіе ббльшей стоимости предметы. Овинъ, по-здѣшнему, *гумно*, бываетъ двоякій: въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, съ *оспъцю*, т.-е. съ печкой, посредствомъ которой высушиваютъ прежде снопы, а потомъ молотятъ; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ овины безъ осѣтей, и такіе овины называютъ *стадолами*. Мѣсто передъ овинномъ, гдѣ сушатъ хлѣбъ и складываютъ сѣно, называютъ *гумниско*. Сарай, гдѣ складываютъ сѣно, иногда хлѣбъ, называютъ *пуня*, или *адрина*; а куда загоняютъ скотъ — *хльвъ*, или *хлпу*. Навѣсъ, гдѣ стоятъ сани и тѣлеги и гдѣ рубятъ дрова, называютъ *повытка*. Лошадей ставятъ вмѣстѣ съ скотомъ или въ *пунль*. Всѣ эти строенія слѣланы изъ мелкаго дерева; иногда стѣны плетутъ изъ лозы и хвороста. Крыши на всѣхъ строеніяхъ соломенные.

Деревни построены обыкновенно въ одну линію; дома строятся по обѣимъ сторонамъ улицы (№ 16), а ежели большія деревушки, то съ одной стороны.

2) Одежда здѣшнихъ крестьянъ неприхотлива и однообразна. Литовцы и Славяне одѣваются почти одинаково. Дѣти обоего пола до 5 и 6 лѣтъ ходятъ босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ изъ толстаго домашняго холста. Дѣвушки и замужнія женщины носятъ рубахи (кашули) изъ домашняго холста, такія же юбки (сподницы), передникъ, или фартукъ, ситцевый, обыкновенно цвѣтной и узорчатый, корсетъ изъ сиваго сукна

или какой-либо недорогой цвѣтной ткани, большею частію красной или зеленой, безъ рукавовъ, съ прорѣзомъ на срединѣ или на боку груди связанный ленточкою, обыкновенно красной, подъ шею. На шеѣ бисеръ, или *карали*, изъ стекла, въ нѣсколько нитокъ. На головѣ цвѣтной или бѣлый платокъ, а зимою у замужнихъ теплый капторъ. У дѣвушекъ изъ-подъ платка спадаютъ двѣ сплетенныя косы, съ ленточками на концахъ, лѣтомъ украшены полевыми цвѣтами; въ большіе праздники, на свадьбахъ или крестинахъ дѣвушки являются иногда и безъ платка, въ однихъ волосахъ, исцещренныхъ цвѣтами. Во время лѣтнихъ работъ, въ нѣкоторыхъ литовскихъ приходахъ, женщины носятъ червыя юбки изъ крашенаго холста и такія же длинныя и широкія покрывала, прикрѣпленныя къ головѣ. Во многихъ мѣстахъ лѣтомъ и осенью въ праздничные дни сверхъ этого костюма надѣваютъ свитку, или *катанку*, изъ синяго сукна, домашняго или тонкаго, покупнаго, смотря по состоянію, въ будни же изъ обыкновеннаго сѣраго домашняго сукна, а зимою — овчьиные домашніе полушубки (*кожухи*), рѣдко тулупы; на ногахъ, въ праздники и на пиршествахъ, кожаные башмаки и чулки, въ обыкновенное время лапти (лапци); а лѣтомъ ходятъ большею частію босикомъ. Праздничная одежда вообще ничѣмъ не отличается отъ будничной, съ тою только разницею, что бѣлье тоньше и чище, а все остальное новое. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ приходахъ женщины изъ экономіи носятъ рубахи изъ двухъ сортовъ холста: подъ юбкою толстаго, а подъ корсетомъ тонкаго.

Мужчины носятъ рубаху изъ толстаго домашняго холста, съ откладнымъ воротникомъ, съ длиннымъ прорѣзомъ на груди, связаннымъ подъ шею, портки изъ такого же холста или изъ сѣраго домашняго сукна; рубахи опущены сверхъ портковъ и обыкновенно подпоясаны ремнемъ, за которымъ ножъ, трубка. Сверхъ рубахи, лѣтомъ, въ литовскихъ приходахъ, носятъ короткія свитки изъ бѣлаго холста, называемыя *триницы*, спереди не застегнутыя; осенью и зимою свитки *спрмяги-опратки* изъ обыкновеннаго сѣраго сукна, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами по бокамъ, иногда застегнутыя на пуговицы въ поясѣ и всегда подпоясанныя ремнемъ; зимою — полушубокъ (*кожухъ*) до колѣнъ или ниже. На

головѣ шапка съ длинными ушами, подбитая овчинами, покрытая краснымъ темнаго цвѣта сукномъ; лѣтомъ—обыкновенныя суконныя фуражки съ козырьками, рѣдко шляпы домашняго издѣлія. На ногахъ по праздникамъ сапоги, въ будни лапти изъ липовой коры или изъ лозы, прикрѣпленныя лыкомъ. Онучи изъ холста, зимою у болѣе зажиточныхъ изъ толстаго сукна. Въ деревняхъ, поближе къ городамъ, крестьяне носятъ длинные камзолы изъ синяго сукна, съ металлическими пуговками и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, часто платокъ яркаго цвѣта на шеѣ и всегда почти шапка въ родѣ фуражки съ козырькомъ. Лѣтомъ во многихъ мѣстахъ крестьяне носятъ соломенные шляпы, которыя отлично плетутъ сами. Платье дѣлается дома изъ собственныхъ издѣлій, за исключеніемъ ситца, иногда синяго сукна на корсеты, головныхъ платковъ и тому подобныхъ украшеній. Кушаки обыкновенно носятъ красные, но только въ славянскихъ приходахъ; Литовцы же подпоясываются ремнемъ. Постель составляется изъ мѣшка, набитаго сѣномъ, рѣдко пуховика, подушки, набитой перьями, и холстянаго одѣяла.

3) Пища болѣе или менѣе одинакова у Литовцевъ и Славянъ. Весна для крестьянъ самое трудное время. Бѣлая часть живетъ тогда насчетъ помѣщика, получая отъ него вспомошествованіе хлѣбомъ или занимая насчетъ будущихъ урожаевъ у Евреевъ. Весною дѣлятъ картофель, главнѣйшій предметъ ихъ дѣды, крапиву, щавель; нѣкоторые, только зажиточны и немногіе, молоко, солонину. Главная дѣла — черный хлѣбъ, непріятный на видъ. Онъ печется изъ муки берловой, т.-е. смолотой изъ невѣянной ржи. Иногда вмѣсто хлѣба употребляютъ вареный сухой картофель. Въ болѣе тяжкое голодное время самые бѣдные къ невѣянной ржи прибавляютъ ровное, а иногда двойное количество разной мякны или муки изъ высушенныхъ въ печи листьевъ папоротника, копытника, вереска, разныхъ лѣсныхъ и торфяныхъ мховъ, березовой коры, кореньевъ: пырейника, водянаго шильника, водяной змѣйки, или бобовника, бѣлыхъ и желтыхъ кувшинчиковъ, или водяныхъ лялій. Выпеченный съ такою примѣсью хлѣбъ черенъ, мокроватъ, крошится и не вкусенъ. Гдѣ есть винокуренные заводы, крестьяне въ голодное время выпрашиваютъ у заводчика барды, какъ лакомства. Они

солить ее, пологрѣвають въ печи и ѣдятъ вмѣсто кислой похлѣбки.

Есть еще весеннее кушанье, подъ названіемъ *лапней*. Оно составляется изъ крапивы, снिति, борща, лебеды, щавеля и осота. Все это парятъ въ ведрахъ и ушатахъ калеными каменьями, для уничтоженія сырости, вымываютъ холодною водою, мелко крошатъ или рубятъ ножами и варятъ съ водою, посоливъ и, по-возможности, съ примѣсью муки или молока. *Лѣтомъ* хлѣбный квасъ, холодецъ (*холодникъ*), приправляемый пареной зеленью, разведенной холоднымъ легкимъ квасомъ, посоленной и забѣленной молокомъ, *зацирка*, изъ ячныхъ крупъ, каша разныхъ сортовъ, рѣдко приправленная саломъ, у немногихъ молоко, грибы и ягоды составляютъ важный предметъ роскоши. *Осень* представляетъ болѣе изобилія. Крестьянинъ ѣстъ ржаной черный хлѣбъ, но не съ такимъ значительнымъ количествомъ плевель, похлѣбки — прѣсную съ овощами, или приваркомъ, т.-е. мукою разныхъ яровыхъ хлѣбовъ, и кислую, съ квашеной капустой, бураками или грибами. Похлѣбки приправляются молокомъ, или *окрасою*, изъ копченой баранины, свинины, разнаго сала. Кромѣ-того, крестьянинъ ѣстъ хлѣбный квасъ, ботвинью, картофель и т. п., а *зимою* — кислую капусту, *бураки*, картофель, кашу, или размазную гречневую или ячную, прѣсныя грешневья лепешки, называемыя *бабки*. Чистый вѣяный *бѣлый* хлѣбъ употребляется только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, для дѣтей или по праздникамъ. Въ мѣстахъ, гдѣ занимаются рыболовствомъ, рыба свѣжая, сушеная и вяленая составляетъ родъ лакомства для крестьянъ, ибо какъ рыбу, такъ яйца и почти весь приплодъ отъ домашней скотины и птицъ употребляется немногими, и то развѣ по случаю праздниковъ или въ особенныхъ случаяхъ, а обыкновенно продается для пріобрѣтенія соли, желѣза и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ или же относится въ корчмы для промѣна на водку. Крестьяне очень любятъ кашу изъ *зеленцовой крупы*, для чего часто жнутъ рожь въ прозелень. Соли употребляютъ мало. На барщинѣ и въ дорогѣ ѣдятъ болѣею частію одинъ сухой хлѣбъ, печеный или вареный картофель, горохъ и бобы пареные. Питьемъ служатъ

вода и квась. Пиво не въ большомъ употребленіи, медъ еще менѣе; главный любимый напитокъ — водка (*гарьлка*).

Въ обыкновенное время каждый зажиточный хозяинъ выпиваетъ въ сутки кручекъ вина; но по праздникамъ или при семейныхъ пиршествахъ пьютъ много. Въ такихъ случаяхъ и ѣда болѣе изысканная: на столѣ являются яичница, *верещака*, приготовляемая изъ свинины, съ кислымъ соусомъ, гусь, курица, баранина. Говядина рѣдко появляется на столѣ крестьянина, развѣ у болѣе зажиточныхъ и въ особенно важныхъ случаяхъ. Къ предметамъ роскоши въ литовскихъ приходахъ принадлежитъ *крупникъ*, т.-е. водка, сваренная съ медомъ и приправою разныхъ кореньевъ. Кушанье стряпаетъ всегда сама хозяйка. Вообще Литовцы имѣютъ болѣе притязанія на гастрономію, нежели Бѣлоруссы. Крестьяне, и молодые и старые, ѣдятъ чрезвычайно медленно и жуютъ долго, что происходитъ отъ грубости пищи и, естественнымъ образомъ, нѣсколько смягчаетъ ее. Взрослый мужчина съѣдаетъ въ день хлѣба 3 фунта, похлебки 2 кварты прѣсной и 2 кварты кислой, женщина хлѣба 2 фунта, похлебки нѣсколько менѣе. Для пятилѣтняго ребенка полагается полтора фунта хлѣба.

Крестьяне встаютъ съ восходомъ солнца, *обьдаютъ* часовъ въ пять или шесть утра, въ 12 часу *полдничаютъ*, часу въ восьмомъ по-полудни *вечеряютъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ четыре раза, именно, кромѣ описанныхъ часовъ, еще часу въ третьемъ по-полудни, что называется *подвечеркомъ*; но это принадлежитъ уже къ излишеству и рѣдко гдѣ слѣдуютъ этому обычаю.

Вотъ названія по-литовски платья, утвари и другихъ предметовъ, въ домашнемъ употребленіи находящихся:

Сапоги	<i>чеботай</i>	<i>czebotaj.</i>
Платокъ	<i>скара</i>	<i>skara.</i>
Шапка	<i>кяпуре</i>	<i>kiapure.</i>
Чепецъ	<i>панамьтисъ</i>	<i>panamietis.</i>
Фартукъ (передникъ)	<i>пiнiоустуве</i>	<i>priejoastowe.</i>
Кафтанъ	<i>сьгуге</i>	<i>siegute.</i>
Шляпа	<i>брилюсъ</i>	<i>brilus</i>
Рубашка	<i>маршкiнiъ</i>	<i>marszkinie.</i>
Тулупъ	<i>кайлинiъ</i>	<i>kajliniej.</i>

Лаптя	вижуо	vizuo.
Платье, одежда	дунгатась	dungatas.
Перчатки	пиршитынь	pirsztynie.
Юбка	апатинь	apatinie.
Штаны	коь	koje.
Башмакъ	курпе	kurpe.
Горшокъ	пуодась	puodas.
Одѣяло	андунга	ardunga.
Колыбель (люлька)	любшись	łobszis.
Скамья	сколась	skołas.
Ложка	шаукштась	szauksztas.
Ножъ	пѣйлись	piejlis.
Сковорода	батиллясь	batillas.
Печка	паціусь	pacius.
Миса	блюдась	bludas.
Столъ	скомья	skomja.
Тарелка	торелка	torielka.
Стулъ	сестелись	sestelis.
Постель	паталась	patalas.
Подушка	пригалавись	priegawis.

Не нужно, кажется, объяснять, какія изъ этихъ словъ коренныя литовскія, и какія заимствованныя. Для предметовъ, которые не были въ употребленіи у древнихъ Литовцевъ, нѣтъ и названій самобытныхъ.

4. а) *Рожденіе и крещеніе*: еще въ лонѣ матери крестьянскій малютокъ приготавливается къ бремени будущей своей труженической, безрадостной жизни. Беременная женщина почти до послѣдней минуты родовъ исполняетъ всѣ тягостныя обязанности хозяйки дома. Она вынимаетъ тяжелые горшки изъ печи, мѣситъ хлѣбъ, работаетъ въ полѣ подъ знойнымъ небомъ, укладываетъ сѣно и снопы на возы. Наступаютъ роды — нѣтъ опытной повитухи (*), приглашаютъ *знахарку* и,

(*) Благодѣтельная мѣра правительства въ дозволеніи изучать повивальное искусство у патентованныхъ повитухъ, подъ надзоромъ медиковъ, и потомъ держать экзаменъ на природномъ языкѣ скоро должна привести самыя благодѣтельные плоды. Президентъ Императорскаго Виленскаго Общества, докторъ медицины Ю. И. Мошинскій, написалъ на польскомъ языкѣ образцовое руководство для обученія повитухъ, прижѣненное практически къ понятіямъ и способностямъ уже и теперь во множествѣ обучающихся частнымъ образомъ повивальному искусству.

при ея содѣйствіи, совершаются роды, часто насильственно, безъ всякой медицинской помощи. Иногда знахарка зажигаетъ освятенную восковую свѣчу и держитъ ее перель носомъ больной, и въ то же время стучитъ метлой въ потолокъ избы. Природа совершаетъ чудеса. Собственно ея силами очерствѣвшая, одеревенѣвшая родильница, тотчасъ послѣ ужасныхъ болей при родахъ, пьетъ *троянку*, т.-е. грѣтое вино со смѣсью красной глины, меда, перца и коровьяго масла. Не прошло двухъ-трехъ дней, она уже опять работаетъ въ потѣ чела, сама кормитъ новорожденнаго, просяживаетъ надъ нимъ безсонныя ночи.

Вскорѣ послѣ рожденія, у Бѣлоруссовъ везутъ ребенка въ церковь, или костелъ, тамъ крестятъ, потомъ привозятъ въ домъ родителей, передаютъ отцу, и начинается пиршество, на счетъ кумовей, которые привозятъ съ собою водку и закуски. У Литовцевъ тотчасъ послѣ рожденія повитуха, или знахарка обмываетъ дитя самою холодною водою, въ память богини Лаумы. (*) Когда воротятся изъ костела, ребенка передаютъ отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется *освятить дитя черезъ порогъ*. Кумъ долженъ непременно принести съ собою водку, а кума яичницу и пироги, жареные въ маслѣ, съ творогомъ. Незамужнія даютъ по нѣскольку копѣекъ бабкѣ *на мыло для ребенка*. Когда водка вся выпита, кума поетъ :

Kumuczik tu, tu, tu!
Kad aretkas butu,
Śr saldžios, iz gardžios,
Šzit piragas uszkundos.

Куманекъ, ты, ты, ты!
Чтобы водочка была,
И сладкая и вкусная.
Вотъ пирогъ на закуску.

Въ-теченіе перваго года жизни малютку пеленаютъ кусками холстины, не вкладывая рубашки, приговаривая: до-вольно еще будетъ времени свой вѣкъ износить.

такъ-что черезъ нѣсколько лѣтъ несчастныя крестьянки за доступную по ихъ состоянію цѣну будутъ въ возможности облегчать свои страданія пособиями опытныхъ повитухъ.

(*) *Praksimas Lauņius prakajte!* — Вымыть въ потѣ Лаумы! *Лаума*, или *Лайма*, богиня изобилія и оплодотворенія земли. Она являлась народу въ различныхъ видахъ: когда предсказывала урожай — зеленою, когда войну — красною, а когда голодъ или моровую язву — черною.

Мы не станемъ подробно описывать обрядовъ и обычаевъ Литовцевъ при свадьбахъ, похоронахъ и при другихъ случаяхъ, но отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ П. В. Кукольника, помѣщенной въ «Чертахъ изъ исторіи и жизни литовскаго народа»; займемся здѣсь преимущественно Бѣлорусами, или племенемъ Кривичей.

б) *Свадьба*. Браки по любви между крестьянами здѣсь рѣдки. Бѣльшю частію родители между собою составляютъ проекты женить своихъ дѣтей, въ чемъ почти всегда расчетъ играетъ важную роль. Разумѣется, что есть исключенія: бываютъ случаи, когда молодой парень, влюбившись въ дѣвушку, хотя бы и бѣдную, но красивую и невинную, неохотно подчиняется расчетливой волѣ родителей. Отецъ, который хочетъ женить своего сына, выбираетъ свата и сваху и посылаетъ ихъ въ домъ родителей дѣвушки, на которую палъ выборъ. Сватъ и сваха, взявъ съ собою гарнецъ или и болѣе вина и большую булку хлѣба, пріѣзжаютъ къ домъ невѣсты и подчуютъ водкою всѣхъ домашнихъ, отъ чего никто не отказывается. Ежели отецъ невѣсты, заранѣе знавшій о пріѣздѣ сватовъ, не раздумалъ и согласенъ выдать свою дочь, то въ боченокъ, въ котормъ было вино, сыплеть рожь, а въ противномъ случаѣ наливаетъ виномъ, и тогда сваты печально возвращаются домой, безъ всякихъ разсужденій или увѣщеваній. Когда же боченокъ насыпанъ рожью, невѣста собираетъ своихъ подругъ, приглашаетъ крестныхъ отца и мать и почетныхъ сосѣдей и вмѣстѣ съ ними является въ избѣ. Сватъ встрѣчаетъ ее обычнымъ христіанскимъ (древне-славянскимъ) въ злѣшной сторонѣ привѣтствіемъ: *няхъ бендѣтъ похвалены Іезусъ Христусъ!* — *На вяки вькоу!* Отвѣчаетъ невѣста. Сватъ встаетъ, пожимаетъ ей правую руку, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ, иногда кусокъ говядины, нѣсколько монетъ въ чашу и заливаетъ ихъ виномъ. Дѣвушки, между-тѣмъ, поютъ:

Отожъ табѣ Василька
Увядзіонка Агатка,
Кали яѣ любишь, дай пирогъ,
Кали ня любишь, вонъ за порогъ.
Не хвалися, што у насъ быў,
Что нашей Агатки не злюбіў!

Разумѣется, что собственныя имена замѣняются смотря по надобности, не заботясь о римахъ. Начинается ужинъ; дѣвочки, между-тѣмъ, удаляются въ особую свѣтлицу, ежели есть, или за перегородку и поютъ соответственныя пѣсни. (*) Пиршество оканчивается поздно ночью. Обрядъ этотъ называется *запойны*.

На другой день родители испрашиваютъ согласіе помѣщика или сельскаго управленія, получаютъ дозволительныя свидѣтельства и отправляются къ священнику, съ которымъ условливаются о днѣ брака, даютъ ему *золотый* (15 к. сер.) или и болѣе на *заповѣди*, т.-е. тоекратное оглашеніе въ храмѣ о предстоящемъ бракосочетаніи; между-тѣмъ, обрученные готовятся къ торжественному дню. Для этого невеста приглашаетъ двухъ подругъ и двухъ кавалеровъ, которыхъ называютъ *закосяники*. Въ то же время женихъ избираетъ дружку и свата, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Омьянскомъ уѣздѣ) человѣка два или три ассистентовъ, для увеселенія публики и распоряженія праздникомъ, которыхъ величаютъ *маршалами*. Наканунѣ бракосочетанія, въ одно и то же время, въ домахъ невесты и жениха совершается особое празднество *печенія каравая*. Женихъ и невеста въ этотъ день исповѣдываются и причащаются; въ вечеру собираются въ оба дома родственники, сосѣди, знакомые. Дѣвочки поютъ разныя пѣсни (см. подъ б. Б.) Всѣ приналежащія къ свадебному торжеству собираются и условливаются о порядкѣ, какъ будетъ происходить предстоящее празднество. Сватъ, между-тѣмъ, ставитъ на столъ вино и житный пирогъ, предназначаемый обыкновенно повитухѣ, бывшей при рожденіи молодой, ежели она на лице. Потомъ слѣдуетъ закуска. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Дисненскомъ и отчасти въ Вилейскомъ уѣздахъ, при печеніи каравая соблюдаются еще особые обряды. Предъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ всыпать муку въ дежу (квашню), крестная мать или старшая годами изъ живущихъ въ избѣ говоритъ слѣдующее: «*Иосьць тутъ Богъ, бацька, матка, радзоные и сусьды близкіе и дальные мужи статечные, бабки запечныя, дзѣтки заплечныя, благословиць красней паннѣ каравай училиць.*» При печеніи присутствуютъ семь каравайницъ и трое

(*) Смотри въ собраніи пѣсенъ подъ буквою А.

мужчинъ, пособляющихъ стряпанью. Одна изъ коровайницъ поетъ разныя пѣсни (см. подъ б. В.). Когда каравай изготовленъ въ домѣ жениха, онъ отправляется къ невѣстѣ; но прежде его садятъ на коробѣ съ рожью, крестная мать подстригаетъ ему волосы, а дѣвушки опять поютъ (см. подъ б. Г.) Въ Свенцянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ въ бѣлорусскихъ приходахъ *дѣвичій вечеръ*, или обрядъ печенія каравая, называютъ *великая гарьлка*.

Въ день брака, предъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, невѣста отправляется, съ нѣсколькими подругами, къ сосѣдямъ и друзьямъ просить благословенія. Оставшіяся, между-тѣмъ, дѣвушки, ежели молодая сирота, поютъ :

Нѣмажъ Марьянки въ дому :

Пашла Марьянка до Пана Бога.

Стаиць гадзинку,

Стаиць другую,

Пакуль адчинючъ райскіе дзвери,

Пакуль выпускаць яѣ мамуню,

Ей на вѣселе,

Ей на благословенство.

Яѣ мамуля вельми далеко,

У зямлі глыбоко,

За трема замкамі :

Первшій замочекъ

Зелены мрочекъ ;

Други замочекъ

Жолты пясочекъ,

Нѣмыя доски.

Вздымицьсѣ вѣтры и бури.

Разорвиць зелены мрочекъ,

Разавзміиць жолты пясочекъ,

Разобійць нѣмыя доски,

Выпусциць яѣ мамуню,

Ей на вѣселе,

Ей на благословенство!

Когда молодая возвратится, ее сажаютъ на концѣ стола, припѣвая :

Молодая Марьянка

Рано сѣла на посадзѣ.

Кто лзисъ цѣбѣ парадзи?

Мамуня Богу служиць,
На злотѣмъ крѣслѣ сядзиць,
З паномъ Богомъ говориць,
Пана Бога проситца:
Божегъ—на Бацюхна,
Пусци мянѣ знеба,
Поглядзици дзѣцяци,
Чи хорошо прибрана,
Чи на пасадь пасажена? —
— Мая дзѣпятечка
Прибрана якъ панятечка,
Пасаждена якъ сѣротечка...

Потомъ вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ,
а между-тѣмъ поють :

Черезъ сѣни сцѣжечка,
А въ коморѣ другая:
Тамъ Марьянка сѣдзѣла,
Русую косу чесала,
Сильнѣ жалоснѣ плакала.
Привядзиць мамуню,
Воймиць (уймите) Марьянку.
Якъ мамуню привяли,
Больше жало задали.

Закосники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой, — башмаки, чулки и подвязки для молодой. При этомъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ начинаются между закосниками и маршалами продолжительные споры, уморительныя аллегоріи и двусмысленности, которыхъ цѣль — допросить маршаловъ, зачѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

Когда назначенный часъ свадьбы наступилъ, молодой, на двухъ или трехъ повозкахъ, со своими друзьями, сватами и родственниками, предшествуемый скрипачемъ-скоморохомъ, является передъ воротами невѣсты. Между-тѣмъ, она падаетъ къ ногамъ родителей и поеть:

Да, мой таточка! благослова меня до шлюбу —
Ступиць, кали благословишь, самъ Богъ благословиць!

Въ это время дѣвушки поютъ :

Карися (смирися), Агатка, старому,
Кланайся и малому :
З паклону галоука не балиць,
Стары и малы благословиць.

Есть что-то трогательное, даже торжественное въ этомъ обрядѣ. Всѣ присутствующіе толпятся вокругъ невѣсты. Она подходитъ къ каждому, сначала къ родственникамъ своимъ, а потомъ къ роднымъ жениха и ко всѣмъ присутствующимъ, всѣхъ обнимаетъ, цѣлуетъ и проситъ благословенія. Въ это время молодежь садится на коней, старики и женщины въ повозки. Невѣста съ дѣвушками, предшествуемая закосниками, на параконной бричкѣ, съ музыкою и пѣніемъ, отправляется въ храмъ. Невѣста въ дорогѣ кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Ежели надобно проѣзжать мимо мельницы, мельникъ останавливаетъ воду, и невѣста должна ему отлатъ свой поясъ, чтобы тотъ опять пустилъ воду. Въ церкви или костелѣ молодая кланяется каждому здѣсь находящемуся и останавливается у стѣны, окруженная подругами. Женихъ, съ своими ассистентами, подходитъ къ ней, кланяется подругамъ своей невѣсты и проситъ, чтобы ее ему отдали. Тѣ сначала не соглашаются, а потомъ какъ-будто нехотя уступаютъ его просьбамъ. Нѣкоторые же не кланяются дѣвушкамъ, не просятъ ихъ, но силою уводятъ свою суженую. Передъ налоемъ подъ ноги невѣсты стелютъ утиральникъ. Во время бракосочетанія вниманіе всѣхъ обращено на свѣчи: ежели горять ярко — славная будущность предстоитъ новобрачнымъ; ежели же, упаси Боже, свѣча потухнетъ — быть бѣдѣ! Изъ храма отправляются въ домъ священника, который потчуетъ молодыхъ водкой. Потомъ опять тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Въ нѣкоторыхъ приходахъ есть обычай заѣзжать по дорогѣ въ ближайшую корчму — позавтракать. Пріѣхавъ домой, общество раздѣляется; одни отправляются въ домъ молодой, другіе — молодого. Вечеру болѣею частію собираются вмѣстѣ въ домъ родителей молодой, которая, съ своими ассистентками, садится у печки, а молодой въ углу. Между-тѣмъ,

общество пьеть и танцуетъ. Молодымъ подаютъ особенно для нихъ приготовленное кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одною ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьеть здоровье своей жены, говоря: *«пью да цябь поунымъ кубкомъ, щерцмъ серцемъ, добрымъ здоровьемъ; што мысля сабь, то и табь!»* Мать новобрачной беретъ ее на колѣни, обнимаетъ, цѣлуетъ; а новобрачная поетъ:

Мая мамечка!
Приступъ къ столачку,
Къ майму славѣчку.
Ня сына жанишь,
Ня невѣсту бярешъ:
Мяне молодзенькую адлаешъ
Мая мамачка! што жъ табь ляхчей:
Чи малую было хаваць,
Чи цяпѣрь зъ сулоня адлаваць?

Потомъ отецъ или братъ беретъ ее за руку и подводитъ къ мужу. Она садится по срединѣ между нимъ и сестрой и близкой родственницей. Мать кладетъ ей на голову три тесемки льна и накрестъ поджигаетъ волосы; а въ тоже время сестра поджигаетъ волосы молодому. Мать уходитъ; является сваха, снимаетъ лентъ, укладываетъ косы на головѣ и повязываетъ платокъ. Отецъ даритъ ей *дежу* (квашню), на которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ, приговаривая: *«дарю цябь, дзѣцятка, хлѣбомъ солей!»* Потомъ молодой закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее чѣмъ кто можетъ. Она благодаритъ každого, приговаривая:

Да мой брахненка!
Дзякую табь за дары вяликіѣ тваѣ.
Кали жива буду да спамагуся,
Табь алгаджуся,
А кали нѣ табь,
То дзѣткамъ твоимъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодая ночуетъ въ домѣ родителей и на другой уже день отправляется къ мужу, а въ другихъ въ ту же ночь, послѣ ниршества. При этомъ молодой даритъ сваху и дружку. Прощаніе съ родителями и домашними самое трогательное; молодая поетъ при этомъ:

Таткоу куточекъ ,
Божи дамочекъ ,
Заставайся здороу ,
Живи багата !

Къ матери :

Мая матечка!
Заставайся здорова ,
Живи багата ,
Не забывайся на менѣ маладую :
Кали буду жебраваци ,
Воротца атчяняиць ,
Хоць по кусочку хлѣба давайць .

Когда молодые ѣдутъ черезъ деревню въ домъ родителей молодаго, мальчики на дорогѣ зажигаютъ куль соломы ; молодая должна имъ подарить что-нибудь, чтобы пропустили. Молодыхъ встрѣчаютъ семья, сосѣди; новобрачная даритъ всѣхъ холстомъ, ей показываютъ хозяйскія строенія, домашнюю утварь. Потомъ она обязана мѣсить хлѣбъ, въ заблаговременно приготовленной дежи. Между-тѣмъ, собираются сосѣди и родные. Въ Лидскомъ уѣздѣ при этомъ устраивается родъ маскарада, т. е. молодежь наряжается какъ можно странноѣ, бѣгаетъ по деревнѣ, захватываетъ въ опустѣвшихъ избахъ что-либо съѣстное и приноситъ въ домъ, гдѣ празднуется свадьба. Пиршество продолжается до глубокой ночи. На слѣдующій день молодые съ караваемъ, нарочно для сего испеченнымъ, отправляются въ господскій домъ ; гдѣ ихъ дарятъ, потчуютъ виномъ, пивомъ, медомъ ; а у многихъ и здѣсь затѣваются пляски и веселье и продолжаются весь день и ночь, уже на счетъ владѣльца.

Надобно еще прибавить, что дѣвственность у здѣшнихъ крестьянъ считается чѣмъ-то священнымъ. Невинная дѣвушка, вошедшая въ домъ мужа, приноситъ съ собою благословеніе Господне. Ее уважаютъ, и во все время свадьбы она дѣлается предметомъ общаго особеннаго подобострастія : въ ея непопечности видятъ залогъ благоденствія и счастія. Напротивъ, согрѣшившая до замужства не можетъ скрыть своего стыда, тѣмъ болѣе, что у крестьянъ такія вещи не удерживаются въ секретѣ ; на нее смотрятъ совѣмъ иначе, и самые обряды во многомъ измѣняются : не поютъ многихъ обычныхъ торже-

ству пѣсенъ , не глядятъ на нее съ такою любовью. Часто она со слезами сама сознается въ своей винѣ и проситъ прощенія. Такая жена не сулитъ покоя и счастья въ новомъ семействѣ; перешагнувъ порогъ мужнина дома, она вноситъ туда вѣчный раздоръ , ибо домашніе не имѣютъ къ ней должнаго уваженія. Привязанность мужа , болѣе зажиточное состояніе новобрачной , покровительство господскаго дома , ежели тамъ источникъ , что чаще всего случается, ея посрамленія , не всегда могутъ защищать несчастную отъ насмѣшекъ и поруганій домашнихъ , особенно свекрови , сестеръ мужа и другихъ.

Мы старались передать болѣе общіе обряды , свойственные всему населенію кривичанскаго племени въ Виленской губерніи; но почти каждый приходъ имѣетъ свои особенности , свои пѣсни , прибаутки. Всѣ вообще обряды эти носятъ здѣсь вѣрный отпечатокъ домашняго быта здѣшнихъ крестьянъ , поэтическаго ихъ настроенія , смѣси самыхъ странныхъ предрасудковъ съ истиннымъ чувствомъ. Начала этихъ обрядовъ доискаться невозможно ; крестьяне свято ихъ чтутъ и ни за что въ свѣтъ не согласятся на измѣненіе чего-либо изъ того , что , какъ они говорятъ , *наши дяды дѣлали*. Нѣкоторыя изъ прилагаемыхъ пѣсенъ ясно убѣждаютъ , что начала многихъ обрядовъ надобно доискывать еще во временахъ язычества. Измѣнилось вѣрованіе ; но обряды переходили изъ рода въ родъ , изъ поколѣнія въ поколѣнія , не всегда для нихъ самихъ попятные , но непреложно исполняемые.

в) *Похороны*. Трогательна и торжественна кончина бѣднаго труженника , весь вѣкъ проведшаго въ потѣ чела , а при закатѣ дней , когда одряхлѣвшія силы лишили его возможности работать , перѣдко лишеннаго первыхъ житейскихъ потребностей. Несчастный ! онъ умираетъ со скорбнымъ сознаниемъ , что послѣдніе дни его были тягостію для семейства , его приврѣвавшаго. Конечно , горестъ семейства по утратѣ престарѣлаго , дряхлаго старика и продолжительна и немилосердна ; но , ежели членъ семейства умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ , здоровый и сильный , остающіеся приходятъ въ страшное отчаяніе , ибо съ нимъ теряютъ подпору , труженника , жертвовавшаго для нихъ своими силами и здоровьемъ.

Одръ умирающаго окружаютъ родные , сосѣди , иногда священникъ , или ксендзъ. Онъ оканчиваетъ дни свои какъ истин-

ный христiанинъ, послѣ исповѣди и св. причастiя, умираетъ сопровождаемый воплями и рыданiями всѣхъ окружающихъ.

Похороны называются здѣсь *хаутуры*. До сихъ поръ сохранился языческой обычай *голошенiя*, т. е. оплакиванiя. Ежели умершiй не оставилъ близкихъ родныхъ или друзей, которые бы по внушенiю истинной горести *голосили* по немъ, то отыскиваются въ деревнѣ постороннiя женщины, принимающiя на себя роль древнихъ плакальщицъ. Онѣ провожаютъ покойника и присутствуютъ при погребенiи съ отчаянными воплями, неестественными восклицанiями и рыданiями. Дико смотрѣтъ на такую сцену, порождаемую не чувствомъ, но только обычаемъ, хотя и въ этомъ случаѣ нельзя не дивиться непреклонному уваженiю къ памяти и обрядамъ предковъ. Покойника тотчасъ послѣ кончины моютъ, одѣваютъ въ лучшее, какое у него было, платье и кладутъ на столъ ногами къ дверямъ; въ руки даютъ ему бумажную икону, въ головахъ зажигаютъ восковую свѣчу. Когда гробъ сколоченъ, оставшимися стружками набиваютъ подушку, гробъ окропляютъ святою водою и кладутъ въ него покойника. Между-тѣмъ, до самыхъ похоронъ и день и ночь поютъ святыя пѣсни. Отправляясь на кладбище, берутъ съ собою вновь сдѣланный простой деревянный крестъ, перевязанный красною ленточкой, и несутъ его впереди, а также горшки со святою водою и святымъ зельемъ. Ежели церковь близка, изъ нея принесутъ хоругви, распятiе, и несутъ передъ гробомъ. Пока проѣдутъ деревню, покойника сопровождаютъ всѣ ея жители; далѣе ближайшiе родственники садятся на гробъ или идутъ вокругъ его. Ежели священникъ, или ксендзъ, по отдаленности, не присутствуетъ при похоронахъ, покойника везутъ прямо на кладбище; тамъ открываютъ крышу (вѣко), дѣти и родственники бросаются къ гробу съ воплями и рыданiями, цѣлуютъ его въ лицо, потомъ окропляютъ могилу святою водою, опускаютъ гробъ, насыпаютъ небольшой курганчикъ, въ головахъ котораго ставятъ принесенный крестъ и горшокъ съ святымъ зельемъ; въ заключенiе всѣ вмѣстѣ поютъ священныя за упокой пѣсни, а католики молитву *Anioł Pański* (Ангелъ Господень). Послѣ этого тутъ же пьютъ по чаркѣ вина и возвращаются домой, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Первую рюмку вина и первую ложку каждаго кушанья выливаютъ на уголь стола, для души покойника. Послѣ

обѣда до самаго вечера опять поють священныя пѣсни. Въ годовщину болѣе зажиточные совершаютъ поминки въ церкви, или костелѣ, и потомъ приглашаютъ сосѣдей обѣдать; а бѣдные отправляются прямо на могилу, тамъ плачутъ, поють и потомъ пьютъ и ѣдятъ.

Похоронный пѣсенникъ невеликъ. Онъ приспособленъ къ болѣе частымъ случайностямъ и не всегда соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ. Но есть пѣсни, въ которыхъ видно глубокое неподдѣльное чувство, простая, но благородная душа, оцѣнивающая свою потерю и воздающая хвалу почившему собрату.

Приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ пѣсень :

Ахъ, мая жъ ты зязюлечка!
Ахъ, мая жъ ты матулечка!
Ахъ, чаму жъ ты мяне пакидаешъ?
Ахъ, кому жъ ты мяне остауляешъ?
Хто жъ цяперъ мяне будзиць научаццi,
Хто жъ цяперъ мнѣ будзиць спагадаццi?
Ахъ, гора жъ, мое гора,
Ахъ, я бездомница вѣщаслива!

Ахъ, мая жъ ты квятэчка,
Ахъ, мая жъ ты пташэчка!
Куды жъ гэта я цябѣ наражаю?
Куды жъ гэта я цябѣ выпраўляю?
Ой ня у церкоўку подъ вянецъ ззяляненкi,
Ай, на могилу у пясокъ сырэнкi!
Ахъ, хто жъ мнѣ цяперъ зацабэчыць?
Ахъ, хто жъ мяне цяперъ дай пацѣшиць?
Хто будзиць старосцi моей пильноваццi?
Хто будзиць мяне матулькой цяперъ зваццi?
Ахъ, цяжъ гэта мнѣ нада цябѣ хаваццi.

Ахъ, татулька нашъ
Ахъ, сизый голубе нашъ!
Ты жъ насъ гадаваў,
Ты жъ намъ спагадаў!
А цяперъ покидаешъ!
Чи ты жъ жалосцi нямаешъ?
Ахъ, загадникъ (*) нашъ!

(*) Распорядитель.

Хто жъ насъ цяперъ парадокъ павадзѣць?
Хто жъ насъ цяперъ пирасцяражець? (*)
Ахъ, бѣдныя жъ наши голоўкі, бѣдныя
Ахъ, гора жъ намъ, гора!

Эти же и подобныя имъ пѣсни, съ нѣкоторыми только измѣненіями, во многихъ мѣстахъ поются при провожаніи, иногда цѣлою деревнею, взятыхъ въ рекруты. Тамъ, гдѣ эта повинность исполняется по жеребью, домашніе еще отчаяннѣе оплакиваютъ судьбу того, на котораго палъ жребій.

Когда кладутъ камень на могилѣ или ставятъ большой деревянный крестъ (**), обрядъ этотъ называется *прикладины* и сопровождается молитвами и пирушкой (***) . Совершаемые черезъ годъ послѣ смерти поминки по умершемъ называются *радовщица*. Кромѣ того ежегодно совершаютъ общіе поминки въ-теченіе мѣсяца со второй половины октября по вторую половину ноября, извѣстные подъ громкимъ именемъ *дзядоу*, воспѣтые знаменитымъ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ. Названіе, кажется, происходитъ оттого, что въ это время поминуютъ *Дзядоу*, т.-е. почившихъ предковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Дзяды празднуются исключительно славянскимъ племенемъ. Древнѣйшій этотъ обычай сохранился до сихъ поръ во всей своей языческой чистотѣ. Духовенство успѣло только придать этому обряду христіанскую форму въ томъ, что крестьяне въ это время посѣщаютъ церкви, приглашаютъ священнослужителей на кладбище для поминовеній; но все прочее осталось неприкосновеннымъ. Главный праздникъ Дзядовъ бываетъ 3 ноября, когда римско-католическая церковь совершаетъ богослуженіе за всѣхъ умершихъ. Наканунѣ этого дня, ночью

(*) Предостережеть.

(**) При самыхъ похоровахъ ставятъ въ головахъ маленькій деревянный крестикъ или обозначаютъ мѣсто могилы небольшою насыпью.

(***) Въ славянскихъ приходахъ кресты и камни ставятъ только надъ могилами мужчинъ; могилы же женщинъ означаются курганчиками, но за-то ставятъ имъ памятникъ особеннаго рода: гдѣ-нибудь при дорогѣ на болотистомъ мѣстѣ или же на ручейкѣ, чрезъ который идетъ дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзываютъ крестъ, башмаки или серпъ, а нѣкоторые и годъ кончины. Я спрашивалъ стариковъ, почему они это дѣлаютъ; но ни одинъ не умѣлъ мнѣ объяснить причины, говоря, наши дзяды такъ дѣлали. У Литовцевъ обычай этотъ не существуетъ.

крестьяне избираютъ пустынное мѣсто на кладбищѣ или же вблизи онаго, буде возможно, въ развалинахъ церкви или оставленнаго жильцами дома, ставятъ разнаго рода кушанье и питья и начинаютъ вызывать покойниковъ, родныхъ и друзей. Они вполнѣ увѣрены, что тѣни ихъ являются, что заставленная трапеза имъ пріятна, что они ею подкрѣпляютъ свои силы. Кремѣ-того; ставятъ кушанье на могилахъ своихъ близкихъ, а когда ѣдятъ у себя дома, то бросаютъ нѣсколько кусковъ говядины или чего-либо съѣстнаго подъ столъ и ставятъ горшки съ кушаньемъ на дворѣ подъ окнами. Въ каждой хатѣ готовятъ къ этому празднику маленькіе блины, и, когда начипаются вызыванья духовъ, глава семейства, по очереди исчисляя имена всѣхъ своихъ близкихъ умершихъ, послѣ произнесенія каждаго имени, прибавляетъ: *хаутуры!* (*) и бросаетъ одинъ блинъ подъ столъ. Пока продолжается вызыванье, вся семья хранитъ глубокое благоговѣйное молчаніе. Потомъ ѣдятъ, а все, что останется не съѣденнымъ, отдаютъ нищимъ, которые въ это время всю ночь толпами расхаживаютъ по деревнѣ.

Радауница въ нѣкоторыхъ славянскихъ приходахъ празднуется во вторникъ на недѣлѣ Оомы. Въ это время собираются на кладбищѣ и тамъ, на могилахъ своихъ близкихъ, пьютъ и ѣдятъ.

г) *Полевья работы*. При начинаніи полевыхъ работъ, священники освящаютъ поля, предназначенныя для посѣвовъ. При этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на перекрестныхъ дорогахъ, ставятъ высокіе деревянные кресты съ распятіемъ или изображеніемъ святаго.

Важнѣйшій деревенскій праздникъ — *дожинки* т. е. окончаніе жатвы. Обычай этотъ одинаковъ у Литовцевъ и Бѣлоруссовъ; даже пѣсни у обоихъ племенъ почти одинаковаго содержанія. Осенью, когда всѣ полевья работы окончены, собирается цѣлая *волость*, т. е. жители всѣхъ ближайшихъ дере-

(*) *Хаутуры* собственно означаетъ имѣть въ домѣ покойника. Отъ этого даже произошла пословица: *у одной хацѣ вяселье* (свадьба), *а у другой хаутуры* (покойникъ).

У древнихъ славянъ праздникъ Дзядовъ назывался праздникомъ *козла*, или *козлара-гусляра*, жреца-поэта, руководившаго праздникомъ, пѣснями, игрою на гусляхъ.

вень, принадлежащихъ одному владѣльцу, отправляется въ господскій дворъ, имѣя впереди нѣсколько дѣвушекъ, изъ которыхъ красивѣйшая несетъ на головѣ или на подносѣ вѣнокъ изъ ржи или другаго хлѣба, который послѣдній снятъ съ поля. Заунывная ихъ пѣсня слышится издалека. Владѣлецъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ крестьянъ, принимаетъ вѣнокъ, кладетъ на подносъ нѣсколько монетъ, благодаритъ за ихъ труды и приглашаетъ повеселиться. Въ нѣкоторыхъ приходахъ, при отдачѣ вѣнка, старѣйшій изъ крестьянъ говоритъ пріивѣтственную рѣчь, въ которой аллегорически изображаетъ несчастную судьбу своихъ собратьевъ, говоря, что долго они скитались по міру, проходили степи, дебри, темныя ущя, терзаемые голодомъ, изнуренные, не знали, куда преклонить голову, какъ вдругъ встрѣтили медвѣдя, который далъ имъ благой совѣтъ итти и служить *такому-то* доброму пану (при этомъ называютъ имя владѣльца); они послушались, пришли, нашли пріютъ, дозволство, живутъ припѣваючи и вотъ поработали для него, собрали ему хлѣбъ съ полей, принесли вѣнокъ, не *золотой*, не *серебряный*, но изъ *алмазныхъ колосъевъ*, а за то просятъ водочки; и пр.

По данному знаку, раздаются пѣсни, выкатываютъ нѣсколько бочекъ пива, вина, устраиваютъ столы съ ужиномъ, является скоморохъ со скрипкою, дѣять, пьютъ, пляшутъ, поютъ до утра.

д) *Купала*. Древній языческій праздникъ Купалы сохранился до сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ и литовскихъ племенахъ. Онъ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ Купалы, въ Польшѣ — *Соботекъ*, въ Литвѣ — *Kekiris*. Въ Виленской губерніи и въ самомъ городѣ Вильно Купала празднуется повсемѣстно наканунѣ св. Іоанна, 23 іюня. Въ Вильно есть особое загородное мѣсто, называемое Роса, отъ котораго и кладбище получило названіе Росы. Во времена язычества Литовцы собирались сюда, зажигали костры, прыгали черезъ него, приносили въ жертву богинѣ Ладо бѣлыхъ пѣтуховъ, пѣли въ честь ея пѣсни (*Lada, lada! di do musu deve!* т.-е. лада, лада, лада, великая наша богиня!), дѣли, пили и плясали всю ночь. Исчезло язычество; но обычай празднованія сохранился до сихъ поръ. Въ Вильно, за кладбищемъ, на роскошной полянѣ, тоже называемой Росса, собирается почти все населеніе го-

рода, играетъ музыка, пестрыя толпы гуляющихъ живописно рисуются на зеленой муравѣ, окруженной пригорками, покрытыми дубовымъ и березовымъ лѣсомъ.

Въ деревняхъ и селахъ, въ этотъ день, послѣ заката солнца молодежь собирается на лугъ и разводитъ огонь. Въ ненастное время заблаговременно устраиваютъ шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ хорошую погоду означаютъ мѣсто сборища зелеными березками. Являются закуска, пиво и водка. Приходятъ и пожилые, а нерѣдко и все населеніе деревни. Послѣ ужина и попойки, совершаемыхъ возлѣ огней, начинаютъ пѣть и плясать, иногда подѣ скрипку, ежели найдется скоморохъ. Въ глубокую ночь отправляются въ лѣсъ искать папоротникова цвѣта, какъ знаменія всезнанія и указателя кладовъ. Во многихъ мѣстахъ простолюдины подѣ именемъ Купалы разумѣютъ св. Иоанна Крестителя, производя названіе оттого, что онъ *купалъ* Спасителя.

Странные понятія и предрасудки сохранились въ народной памяти до сихъ поръ. Простолюдины увѣрены, что въ ночь Купалы деревья и животныя разговариваютъ между собою; а кто знахаръ и можетъ ихъ подслушать, многому можетъ научиться. У чертей въ это время большая возня: они разѣзжаютъ на крестьянскихъ лошадяхъ и спѣшатъ на Лысую гору, въ Кіевъ, гдѣ происходитъ у нихъ торжественное собраніе. Поэтому крестьяне не выводятъ въ эту ночь лошадей на пашню, но крѣпко запираютъ въ конюшняхъ. Деньги (клады), зарытыя въ землѣ, являются на ея поверхности въ различныхъ видахъ: въ видѣ огня, волка, но чаще всего папоротника. Добыть кладъ нелегко, ибо при каждомъ насторожѣ чортъ, и нужно особенное мужество и отвага, чтобы устоять противъ дьявольскихъ козней и ухищреній. Черти тогда прикидываются чѣмъ угодно, заводятъ смѣльчаковъ въ болото, въ трупцы, снимаютъ съ нихъ обувь, перемѣняютъ наизнанку одежду, стращаютъ дикимъ звѣремъ и т. п. Только знахарямъ удается перехитрить чорта и добыть кладъ. Въ эту-то ночь цвѣтетъ папоротникъ, и счастливъ, кому удастся найти цвѣтъ его: онъ дѣлается могучимъ и всевѣдущимъ. Въ Дисненскомъ уѣздѣ сохранилось преданіе о работникѣ, который нечаянно наступилъ на папоротникъ, и цвѣтъ его упалъ ему въ лапоть. Въ то же мгновеніе онъ сталъ всевѣдущимъ: открылъ пропавшихъ

лошадей, узнавъ, гдѣ сокрыты клады, какія мѣры должно принять противъ проказъ чаровницъ. Прійдя домой, этотъ всевѣдущій разулся, цвѣтъ папороти остался въ лаптѣ, и — увы! — кончилось всевѣдѣніе! Окружающіе его, удивленные этимъ быстрымъ переходомъ отъ всезнанія къ ничтожеству, догадались, въ чемъ дѣло, и бросились осматривать лапотъ. Нѣкто *Сципанъ* поймалъ цвѣтокъ и убѣжалъ. Донесли пану. Тотъ не побоялся знахарства Сципана, силою отнялъ отъ него волшебный цвѣтъ, и съ того времени горькое житее стало у него не только крестьянамъ, но и чертямъ. Смѣльчаки въ эту ночь, плотно поужинавъ и выпивъ добрую порцію для *резона*, отправляются поодиначкѣ въ глубокіе лѣса или трущобы, взявъ съ собою распятіе, святое зелье и восковую освященную свѣчу (громницу, которую зажигаютъ и кладутъ въ руки умирающему; ее освящаютъ 2 февраля). Тамъ, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, смѣльчакъ дѣлаетъ свѣчей большой кругъ и садится въ самой срединѣ его, держа въ рукахъ распятіе. Вдругъ разгоряченному воображенію представляются черти въ самыхъ страшныхъ видахъ; они прыгаютъ вокругъ его, сверкаютъ огненными глазами, бьютъ его по лицу длинными хвостами, цѣпляются за волоса когтями; поднимается вой, ревъ, свистъ; потомъ вдругъ является чортъ-великанъ, котораго видъ приводитъ въ трепетъ бѣднаго смѣльчака. Вотъ усвоенное фактическое описаніе этого великана-чорта: чудовище необыкновенно высокаго роста; на челѣ у него одинъ большой глазъ; носъ съ одною ноздрюю, обнаженная голова, страшной величины; вмѣсто ушей большія дыры; на головѣ одинъ крючковатый длинный рогъ; правое плечо гораздо выше лѣваго; шея вовсе нѣтъ, вмѣсто рукъ и ногъ конскія копыта, вмѣсто тѣла у него рыба чешуя, а грудь покрыта длинною шерстью. Несчастный защищается распятіемъ и прочими святыми предметами, препятствующими сатанѣ переступить заколдованный кругъ. Еще не нашелся такой смѣльчакъ, который бы устоялъ противъ всѣхъ этихъ страстей и не убѣжалъ, но ежели бы выдержалъ и не струсилъ, предъ нимъ бы отверзлись необъятныя сокровища. Впрочемъ, въ настоящее время сохранилось только преданіе и о чудовищахъ и о самыхъ смѣльчакахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ увѣряютъ, отправясь искать кладовъ, не возвращались болѣе, и ихъ находили мертвыми въ лѣсу.

Черти, отправляясь на Лысую гору, даютъ порученія кура-лесить своимъ ученицамъ, т.-е. чаровницамъ. Онѣ отнимаютъ у коровъ молоко, для чего поятъ ихъ росою, собранною въ огородахъ. Для защиты отъ этого крестьяне давно открыли лекарство: замѣтивъ, что корова менѣе обыкновеннаго даетъ молока, козьяка беретъ *цѣдзилу* и варить ее въ горшкѣ *съ св. янскимъ зельемъ*. Отъ этого чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ хозяйкѣ просить чего-нибудь взаимы, напр., рѣшета, ушата, и т. п.: хозяйка, такимъ-образомъ, узнаетъ чаровницу, ничего не даетъ ей взаимы, стережетъ, чтобы она чего-нибудь не унесла, хотя бы щепки, или песчинки, и ежели успѣетъ въ этомъ, чаровница начинаетъ сохнуть, хворать и вскорѣ умираетъ, къ великой радости отмщенной хозяйки.

Солнце при восхожденіи своемъ въ день св. Іоанна *играетъ*, т.-е. изъ одного обыкновеннаго солнца раздробляется на нѣсколько частей, которыя, играя одно подлѣ другаго, разбѣгаются и опять сливаются въ единое солнце.

Утромъ въ день св. Іоанна крестьяне собираютъ цвѣты и травы, несутъ ихъ въ церковь и послѣ обѣда просятъ объ освященіи. Такіе травы и цвѣты называются *св. янскимъ зельемъ*. Ихъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней, а иногда какъ противодѣйствіе зачарованію, или предугадыванію будущаго. Такъ, напр., цвѣтъ *богатки* предсказываетъ удачу или наоборотъ. Ежели разовьется, вѣщаетъ счастье, въ противномъ же случаѣ бѣду.

Въ день св. Іоанна мальчуганы поютъ слѣдующую шути-вую пѣсню:

А на Яна
Баба пьяна,
На Бариса
Баба лыса,
А на Юрья
Баба дурна! и т. д.

е.) *Куцья*. На канунѣ Рождества Христова, Новаго года и Богоявленія народъ здѣсь празднуетъ куцью, т.-е. кутью; это названіе происходитъ отъ извѣстнаго рода пищи, подаваемой въ эти дни. *Куцья* наканунѣ Рождества называется

постною, ибо готовится изъ разнаго рода зерноваго хлѣба, гороха, пшеницы, ячвыхъ и гречишныхъ крупъ и т. п.; наканунѣ же Новаго года мясною, ибо въ числѣ кушаній подаютъ мясное.

Наканунѣ Рождества, послѣ заката солнца, не только среди простаго народа, но и въ высшемъ и среднемъ каассѣ устилаютъ столъ сѣномъ, покрываютъ скатертью, на которой разставлены блюда, въ католическихъ домахъ прикрытыя *оплатками* съ изображеніями Спасителя, символы вѣры, Божіей Матери и св. Иосифа. Хозяйка беретъ такую оплатку, подходит къ каждому изъ присутствующихъ и приглашаетъ отломить кусочекъ и съѣсть, при чемъ принимаетъ поздравленія съ наступающими праздниками. Потомъ садятся за столъ. Въ промежуткахъ вытаскиваютъ изъ-подъ скатерти сѣнную былинку, и по длинѣ ея заключаютъ о будущемъ ростѣ льна. Послѣ ужина наблюдаютъ, протоптаны ли тропинки по двору дочерна и много ли звѣздъ на небѣ. Первое предсказываетъ обильный сборъ гречихи, а послѣднее — хорошій приплодъ скота. Осматриваютъ также древесныя вѣтви: ежели онѣ всѣ покрыты инеемъ, это сулитъ хорошій урожай садовыхъ плодовъ. Если въ этотъ день оттепель, то санныя дорога продлится до половины марта и притомъ предсказываетъ раннюю весну и изобильное лѣто; точно также, ежели въ Срѣтенье большой морозъ, то снѣгъ недолго пролежитъ, весна же и лѣто немного обѣщаютъ хорошаго.

Когда пожилые гадаютъ о погодѣ и урожаѣ, дѣвушки въ то же время прислушиваются къ лаю собакъ: откуда онъ слышенъ, оттуда явится женихъ. Потомъ бѣгаютъ подъ сосѣднія хижины и подслушиваютъ подъ окнами. Необыкновенный восторгъ объемлетъ ихъ, когда подслушаютъ слова, изгоняющія кого-либо изъ дома: *напр., что засидѣлся? Довольно, братъ! ступай!* и т. п. Отчаянная грусть, когда въ хатѣ приглашаютъ кого посидѣть, остаться, ежели говорятъ: *еще рано! успѣешь!* и т. п. Первый случай предсказываетъ непремѣнное замужство въ-теченіе года, послѣдній — сидѣнье въ дѣвкахъ. Но всего ужаснѣе, ежели послышатся слова: священникъ, свѣчи, доски и т. п., ибо это вѣщаетъ близкую смерть самой подслушивающей или ея суженому. Тѣ, которымъ не удалось подслушать и разгадать свою судьбу, берутъ оханку дровъ или обхва-

тываютъ простертыми руками плетень, и потомъ считаютъ число полѣнъ или колъевъ: четное число предсказываетъ замужство, нечетное — бѣду; весь годъ никто не посва- тается.

Въ этотъ же вечеръ связываютъ ноги у стола, чтобы скотъ не перескакивалъ плетней и не стаптывалъ посѣвовъ, а также, чтобы рой пчелъ не уходили. Женщины въ это время сви- вають клубки, какъ можно тщательнѣе и побольше, ибо это увеличиваетъ качны, т.-е. головки капусты; небрежная же свивка клубковъ лишитъ воловъ силы въ ногахъ. Нельзя также въ это время сгибать обручей, ободьевъ и полозьевъ, ибо это имѣетъ дурное вліяніе на скотъ: весь приплодъ въ течение года будетъ рождаться съ кривыми ногами. Нельзя связывать *памяла* для выметанія печей, ибо отъ этого произойдетъ по- жаръ или громъ ударитъ въ домъ. Какъ съ Рождества до Богоявленія праздники, и крестьяне въ это время рѣшительно ничего не дѣлають, то въ вечеръ куцьи готовятъ къ пряжѣ ленъ, начинаютъ прясть, сучить нитки, веревки, сче- пать лучину и свивать клубки.

Сѣно, бывшее подъ скатертью, и остатки кушанья на дру- гой день отдають скоту; оставшіяся же на столѣ зернышки собирають и хранятъ до посѣвовъ, а тогда смѣшиваютъ съ зерномъ, которое сѣють. Это предохраняетъ отъ порчи колосья.

Кутья наканунѣ Нового года и Богоявленія не имѣють та- кой восторженной вѣры въ гаданья.

Наканунѣ Богоявленія до вечерняго освященія воды соблю- дають строгій постъ, и даже во время куцьи нѣтъ того обилія яствъ и питья, которыя необходимы наканунѣ Рождества. При освященіи воды римско-католическаго исповѣданія, освя- щаютъ и мѣлъ, которымъ надписываютъ надъ всѣми дверьми, не только въ домѣ, но и прочихъ строеніяхъ, три буквы: С + М + В +, т.-е. три первыя буквы именъ волхвовъ, при- бывшихъ на поклоненіе Христу (Caspar, Melchior, Baltasar). Водюю же окропляютъ жилье, анбары, сарай и другія строенія. Надписи эти и окропленіе сохраняють здоровье и защищаютъ отъ чаръ. Мѣлъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство, съ виномъ, отъ желудочной боли.

ж.) *Каляды*. Подъ этимъ словомъ крестьяне разумѣють

рождественскіе праздники. Это же слово означаетъ все съѣстное, даримое священнику, посѣщающему крестьянъ въ это время. Наконецъ калядой называютъ даръ, которымъ надѣляютъ хозяинъ своего наемнаго работника (паробка), оставляющаго въ это время службу; даръ этотъ состоитъ обыкновенно изъ одного большаго хлѣба, окорока и пары колбасъ.

Откуда происходитъ слово *коляда*? Нѣтъ ли связи съ языческимъ славянскимъ идоломъ *лада*? У Литовцевъ праздникъ *Ляды* происходилъ между 25 мая и 25 іюня; слѣдовательно, числа эти не совпадаютъ съ праздникомъ коляды. Знаемъ, что и у Славянъ было *Ладо*, или *Лядо*, но не знаемъ, когда оно праздновалось. Славянская *Ладо* была не Венера, какъ думалъ Ломоносовъ, не Марсъ, какъ говоритъ Карамзинъ, но скорѣе *Золотая Баба*, покровительница малютокъ. Знаемъ, что въ Тюрингенѣ *Ладо*, дѣйствительно, была богинею любви, потомъ преображена въ дряхлую старушку, съ пряжею, а вслѣдъ затѣмъ въ злую вѣдму, покровительствовавшую волшебству и колдунству. У нашихъ Славянъ праздникъ *Чаровницъ*, какъ мы уже сказали, происходилъ наканунѣ праздника Купалы; слѣдовательно, и это число не соотвѣтствуетъ колядѣ. Еще замѣчательно, что до сихъ поръ каждый порядочный хозяинъ считаетъ для себя обязательнымъ кормить съ осени кабана и убить его къ Рождеству. Это убіеніе зовутъ здѣсь: *забиць каляду*, или *забили къ калядзѣ*. Нѣтъ ли въ этомъ древнемъ обычаѣ и много вѣковъ повторяемомъ изрѣченіи напоминанія жертвоприношенія языческому *Ладо*? *Забиць-ко-Лядзѣ*, т.-е. принести въ жертву ко дню *Ляды*. Нѣкоторые хотятъ видѣть происхождение слова *коляда* и самый обычай въ польскомъ словѣ *Kolenda*, взятомъ съ латинскаго языка *Calendae*. (*) Дѣйствительно, ксендзы въ это время посѣщаютъ своихъ прихожанъ, которые дарятъ ихъ по-возможности, и это называется *Xędziz jedzie po kolendzie*, т.-е. ксендзъ ѣдетъ за колядой.

И въ бѣлорусскихъ и въ литовскихъ приходахъ второй день праздника Рождества Христова считается годовымъ сро

(*) У Римлянъ *Calendae* означало первый день мѣсяца. Былъ еще праздникъ *Calendae Martiae*, во время котораго Римлянки разсылали другъ другу подарки.

комъ найма работниковъ (паробковъ — батраковъ). Хозяева и работники рассчитываются въ этотъ день, высказываютъ другъ другу свои обиды и неудовольствія и или мирятся за чаркой водки и заключаютъ новыя условія, или же расстаются. Отъ этого произошла пословица: «На святый Сципанъ каждый сабѣ панъ!»

з.) *Святые вечера или вечеринки.* Со дня Рождества Христова до Богоявленія (*Крещенья*) включительно крестьяне празднуютъ и особенно съ закатомъ солнца ни за что не возьмутся за какую бы то ни было работу; несоблюденіе этого влечетъ за собою неминуемыя несчастія. Ежели же крайняя необходимость заставитъ крестьянина взяться за какую-нибудь работу, онъ, для избѣжанія бѣды, обязанъ на другой день разсѣчь жердь въ своей загороди. Во всѣ эти дни по вечерамъ крестьяне собираются по домамъ и проводятъ истинно святые вечера; не пьютъ вовсе или очень мало, поютъ пѣсни, слушаютъ рассказы людей *бывалыхъ*, предлагаютъ одинъ другому *гадки*, пляшутъ подъ скрипку или дуду, называемую *муцанка*. Болѣе любимая игра въ эти вечера въ орѣхи. Берутъ горсть орѣховъ и предлагаютъ другъ другу угадать, *четное* или *нечетное* число заключается въ пригоршнѣ, говоря: *ци цотъ, ци лишка?* Угадавшій получаетъ эти орѣхи, не угадавшій обязанъ столько же дать выигравшему. Въ это же время работники и работницы, получившіе годовую плату отъ хозяевъ, пируютъ въ корчмахъ, и не такъ воздержно, какъ по домамъ, въ деревняхъ. Бѣдные труженики съ непостижимымъ хладнокровіемъ и безпечною въ нѣсколько дней пропиваютъ иногда годовую заработокъ. Вечера эти называются *игрищами* и лишены названія святыхъ вечеровъ.

и.) *Праздникъ св. Троицы* празднуютъ четыре дня. Домъ внутри и снаружи украшаютъ березками. Скотинѣ, особенно коронамъ, рога украшаютъ цвѣтами.

Ночью передъ днемъ Сошествія Святаго Духа молодежь изъ цѣлой деревни собирается на лужокъ, раскладываютъ огонь, жарятъ яичницу, пьютъ и танцуютъ. Это называется пиршествомъ для пастушковъ и пастушекъ, которые приглашаются на эту забаву. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ночью передъ днемъ Св. Троицы такимъ же образомъ проводятъ

всю ночь, поцелунки, т.-е. присматривающіе за лошадьми ночью.

і.) Въ *Вербоное Воскресеніе* стараются какъ можно ранѣе встать, и заранѣе приготовленной вербою будятъ спящихъ, приговаривая: «не я бью — верба бьетъ, за тыдзень вяликъ дѣнь!» Въ-особенности достается дѣвушкамъ, и многія изъ нихъ всю ночь не спятъ, боясь сердечнаго изліянія вербою ухаживающихъ за ними.

к.) *Свѣтло Христово Воскресеніе* празднуютъ крестьяне съ особенною торжественностію. Истощенное постомъ, строго соблюдаемымъ, каждое семейство изъ послѣдняго старается состряпать *свѣцное*, состоящее изъ кулича, сыра, яицъ, окрашенныхъ красною краскою, колбасъ, ветчины; все это укладываютъ въ особыя *коробки* и ночью отправляются въ ближайшую церковь, или костель, ярко освѣщенный, а иногда обставленный зажженными смоляными бочками. Съ разсвѣтомъ начинается всенощная, по окончаніи которой священникъ освѣщаетъ *свѣцное*; крестьяне съ радостію возвращаются домой, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и собираются по домамъ разговляться. Хозяйка рѣжетъ яйцо на мелкіе кусочки и подаетъ каждому изъ присутствующихъ; потомъ уже приступаютъ къ мясному. Празднуютъ четыре дня, и четвертый день называютъ *людовымъ*. Любимое занятіе въ это время—бить и катать яйца съ лубковъ. Игра эта у многихъ дѣлается азартною и иногда доводитъ до ссоры. Во многихъ мѣстахъ устраиваютъ качели; эта забава считается весьма полезною, ибо участниковъ ея будто бы освобождаетъ отъ нападений комаровъ во все лѣто. Качели и катанья яицъ продолжаются по воскресеньямъ до св. Георгія (т.-е. 23 апрѣля). Въ первые два дня праздника молодежь расхаживаетъ по улицамъ, и передъ домомъ поютъ священныя пѣсни, иногда съ музыкою, т.-е. скрипкою, балалайкой, или лудой. Хозяинъ приглашаетъ ихъ въ домъ и подчуетъ свѣцнымъ.

л.) Въ *день Всѣхъ Святыхъ* (въ первое воскресенье послѣ Сшествія Св. Духа, по римско-католическому обряду—праздникъ св. Троицы) крестьяне послѣ обѣдни цѣлыми семействами отправляются съ виномъ и закусками осматривать свои посѣвы, обѣдаютъ и подчуютъ другъ друга, гдѣ-нибудь на лугу возлѣ жита, потомъ отдыхаютъ, опять обходятъ свои

поля, разсуждая о будущей жатвѣ, и такъ проводятъ время до вечера.

м.) *Лекарства и леченія.* Крестьяне какъ литовскаго, такъ и кривичанскаго племени не жалуютъ докторовъ и охотнѣе получаютъ совѣты отъ своихъ *знахарей и знахарокъ*. Еще бѣльшимъ почетомъ пользуются доктора *крестьяне* (*) и *ясновидящіе*, къ которымъ за совѣтами обращаются многіе и изъ высшаго сословія. Дѣйствительно, было нѣсколько докторовъ изъ крестьянъ, почти неграмотныхъ, которые лечили съ большимъ успѣхомъ отъ всякихъ болѣзней исключительно виномъ или водою, смѣшанными съ травами. Ясновидящіе рѣдки; но есть и теперь одна въ Ошмянскомъ уѣздѣ, женщина среднихъ лѣтъ, здоровая и румяная. Въ припадкахъ ясновидѣнія она подвергается умышленнымъ или дѣйствительнымъ — Богъ ее знаетъ — страшнымъ судорогамъ и съ закрытыми глазами узнаетъ каждаго посѣтителя, угадываетъ его болѣзнь, прописываетъ лекарство, состоящее обыкновенно изъ травъ и растений, а притомъ велитъ *закупить* нѣсколько обѣдней и молебновъ, наказываетъ постъ и т. п., нѣкоторымъ читаетъ правоченія и совѣтуетъ исправить нравственность. Слава о ней разошлась всюду, особенно между крестьянами. Было нѣсколько извѣстныхъ случаевъ, въ которыхъ она, дѣйствительно, оказывала пособія, и, притомъ, больнымъ, признаннымъ совершенно неизлечимыми. Знахари и знахарки пользуют преимущественно *троянкою*, т.-е. грѣтымъ виномъ, съ примѣсью глины, мѣлу, перца и коровьяго масла, или же настойкою изъ травъ. Нѣкоторые употребляютъ при этомъ заклинанія и какія-то непонятныя слова. Для примѣра, передаю слѣдующій случай: въ Лидскомъ уѣздѣ, у одного молодаго человѣка разболѣлась рука. Позвали знахарку изъ деревни Стучики. Она объявила, что въ рукѣ совокупились три болѣзни: *волосникъ, огникъ и мангана*, и взялась вылечить. Послѣ заката солнца она взяла нѣсколько колосьевъ ржи, связала ихъ и приложила къ больной рукѣ, потомъ стала обливать теплою водою, объявивъ, что это значитъ *вылить волос-*

(*) Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Саргунасъ*, жившій въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, вблизи мѣстечка Лабонарь. Онъ умеръ, въ глубокой старости, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

никъ. Далѣе она сожгла три лучины, уголья разломилла на три ровныя части, взяла изъ одного нѣсколько угольевъ, раскалала ихъ и стала вертѣть надъ рукою, не дотрогиваясь ея и что-то нашептывая, а потомъ бросила въ воду; затѣмъ взяла уголья изъ второй кучки, уже не раскаленные, а потомъ изъ третьей и тоже вертѣла вокругъ руки, а потомъ бросила въ воду. Это, по ея словамъ, значило *изгонять огникъ*. Далѣе знахарка зажгла на камелькѣ солому, выдернула нѣсколько прутьевъ изъ вѣника, согнула ихъ въ-видѣ крючковъ и, посадивъ большаго передъ огнемъ, велѣла спрашивать: *ѣто дярешъ?* она отвѣчала: *мангану*, и при этомъ рвала крючекъ надъ рукою и бросала въ огонь, при чемъ больной долженъ былъ повторять: *дзары добра, кабъ не балъла*. Такимъ-образомъ, она разорвала нѣсколько крючковъ. Всю эту сцену повторила знахарка во второй разъ предъ восхожденіемъ солнца и потомъ въ третій, послѣ заката. Почти тотчасъ послѣ совершенія этого третьяго обряда появилось въ большой рукѣ отверстіе, чрезъ которое вышла матерія, и рука стала совершенно здорова.

Вотъ нѣкоторые домашніе способы деревенскаго леченія, преимущественно у Литовцевъ: *беременнымъ женщинамъ* даютъ пить мелко истолченный янтарь, велѣть проглотить живую пчелу, а иногда, въ крайнихъ случаяхъ, выпить мочу жеребца. Желудокъ обкладываютъ зелеными березовыми листьями.

Отъ задержанія мочи даютъ пить вишневую кору.

Отъ вередовъ дѣлаютъ слѣдующее всѣми испытанное лекарство. Берутъ шесть луковокъ, мелко искрошенныхъ и раздробленныхъ, чтобы составляли одну массу; къ этому прибавляютъ мыла простаго величиною съ луковинку и чайную ложечку чистаго меда или патоки, и прибавляютъ еще весьма немного ржаной муки; изъ всего этого образуется пластырь, который и прикладываютъ къ больной рукѣ.

Отъ колотья даютъ рюмку вина съ солью.

Рану обкуриваютъ дымомъ отъ зажженнаго холста. Рана тотчасъ заживаетъ.

Отъ колтуна даютъ пить въ-продолженіе двухъ недѣль декоктъ изъ растений, называемыхъ *Susirajt plankis* — волонита-бабимуръ (?); потомъ даютъ пить въ-теченіе трехъ дней

цвѣтъ *Rajna-Tapos*. Колтунъ отстаетъ, и его подстригаютъ. Полагаютъ также весьма полезнымъ ѣсть жареное мясо ежа.

Отъ временной глухоты вливаютъ въ ухо мочу зайца или кладутъ жареный лукъ.

Кровотечение остававливаютъ прикладываніемъ паутины.

Обжигъ лечатъ мелко истертымъ картофелемъ.

Отъ головной боли прикладываютъ мокрый песокъ, вынутый изъ колодезя или изъ озера.

Огуречный рассоль способствуетъ пищеваренію.

Отъ укушенія змѣи даютъ пить зелье, называемое здѣсь венжовникъ *Poligonum Bisterta*, мелко искрошенное съ сладкимъ молокомъ. Также, а равно и отъ укушенія бѣшеной собаки или скотины берутъ кость отъ ноги вола, пережигаютъ ее и кладутъ въ глиняный сосудъ, потомъ одну сторону или кусокъ кости выглаживаютъ и прикладываютъ къ израненному мѣсту; она тотчасъ прильнетъ, какъ магнитъ, къ ранѣ и держится нѣкоторое время, а потомъ сама отпадаетъ. Тогда ее бросаютъ въ молоко, а къ ранѣ прикладываютъ другую кость, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока кость не станетъ прилипать къ больному мѣсту. Прикладываютъ еще въ такихъ случаяхъ лягушку, пополамъ разорванную, засыпаютъ рану нюхательнымъ табакомъ, поливаютъ виномъ и молокомъ.

Отъ лихорадки даютъ вино, смѣшанное съ муравьинымъ сокомъ.

Отъ насморка нюхаютъ потъ сиромежъ пальцевъ на ногахъ.

Отъ расслабленія желудка и отъ кровавыхъ поносовъ даютъ пить настой отъ ягоды черницы (*midanes*) или же берутъ грибы, называемые мухоморами (*masmiges*), сушатъ ихъ, потомъ трутъ въ порошокъ, на который наливаютъ вино, и, продержавъ нѣкоторое время на солнцѣ, даютъ пить больному.

Всѣ эти лекарства менѣе или болѣе приносятъ пользу; но вѣра въ нихъ простолюдиновъ глубокая, и въ глазахъ ихъ они лучше всякихъ медицинскихъ средствъ. Въ тѣхъ однако мѣстахъ, гдѣ помѣщики содержатъ постоянныхъ докторовъ, истинное знаніе скоро получаетъ перевѣсъ надъ предрасудками, и крестьяне охотно поддаются совѣтамъ медика.

Не только знахарямъ извѣстны симпатическія лекарства, но почти въ каждомъ приходѣ есть свои тайны, какъ заговора-

ривать и лечить отъ разныхъ болѣзней людей и скотъ. Вотъ нѣкоторые способы: отъ укушенія змѣи надобно нѣсколько разъ произнести слѣдующія слова безъ всякаго значенія, но имѣющія магическое дѣйствіе на болѣзнь: *Kota, rota, dota, baszalyk, adyk, psyk, sik*. Повторяя второй разъ эти слова, начинаютъ отъ послѣдняго, т.-е. цикъ, псыкъ и т. д. Литовцы заговариваютъ еще слѣдующими стихами:

Karalan lipsnatas,	Огненный король,
Givaczin Wieszpatas,	Галинь господинъ!
Zwilgtelek akieli,	Взгляни очкомъ
Pasava karaneli:	Изъ-подъ твоей короны.
Zalcziun karalu,	Король ужей!
Alimk zundeli	Сними жало
Nu to (tos) vargdineli.	Съ этого (съ этой) бѣднѣи.

Чтобы усмирить боль зубовъ, надобно дотронуться къ болящему зубу зубомъ, вынутымъ у покойника. Для предупрежденія же этой боли носятъ на шеѣ или на рукѣ красный бумажный снурокъ, повязанный 27 узелками. Приготовленіе этого снурка возлагается на старшаго или младшаго изъ дѣтей. Дитя беретъ снурокъ въ аршинъ линою, дѣлаетъ на немъ 27 узелковъ и начинаетъ считать отъ 9—1, т.-е. 9—8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 и такъ три раза, пока не составитъ число 27. Каждый разъ ребенокъ долженъ сосчитать 9 узелковъ не перевода духъ.

Для предупрежденія отъ заразной болѣзни скота, отрѣзываютъ ножницами у каждой скотины кусокъ лѣваго уха, потомъ все эти кусочки складываютъ въ чистый горшокъ и прячутъ гдѣ-нибудь въ избѣ, такъ чтобы никто не зналъ, кромѣ того, который спряталъ.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы усыпить ребенка, даютъ пить маковое молоко. Это имѣетъ самыя вредныя послѣдствія на умственные способности, ибо ребенокъ дѣлается тупымъ и вялымъ.

Народныхъ увеселеній, плясокъ, пѣсенъ литовскаго племени мы не станемъ повторять, ибо все это подробно описано въ вышешюманутой статьѣ П. В. Кукольника. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ увеселеніяхъ славянскаго племени. Кромѣ *дожинокъ, святыхъ вечереи, каляды, купалы*, народъ празд-

нуеть на свадьбахъ и крестинахъ, по воскресеньямъ и въ другіе храмовые и праздничные дни.

5) Увеселенія заключаются въ болѣшемъ обыкновеннаго употребленіи пищи и питій, т.—е. вина, иногда пива, въ пляскахъ и пѣсняхъ. Болѣе извѣстная здѣсь пляска называется *женидьба царешка*. Она заключается въ слѣдующемъ: молодежь становится по одну сторону, а дѣвушки и замужнія и даже пожилыя по другую. Изъ среды женщинъ избираютъ одну, болѣе ловкую, и называютъ ее *сватъей-матерью*. Она выбираетъ одного изъ мужчинъ, беретъ его за руку и проходитъ съ нимъ по цѣлой линіи возлѣ дѣвушекъ, ломаясь и приплясывая подъ тактъ слѣдующей пѣсни, которую сама поетъ :

Цярешка волочицца;
Яму жаницца хочецца;
Волочицца, выглядаиць,
Кого то іонъ паймаиць?

На это дѣвушки отвѣчаютъ хоромъ :

Цярешка, цярешечка.
Цѣрезъ боръ дорожичка,
Битаа, таптаная.
Я у мамки коханая.

Такимъ-образомъ, проходятъ возлѣ женщинъ нѣсколько разъ; а потомъ маць-свацьа» избираетъ одну дѣвушку и отдаетъ ее своему кавалеру. Пара эта идетъ плясать подъ напѣвъ матери-сватъи :

Цярешка волочиўся,
Даўжешъ іонъ ажаніўся,
А узяу дзѣвушку пригожую,
Хоць кулы, такъ гожую.

На это отвѣчаетъ хоръ дѣвушекъ :

Цярешка, беда стала.
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подъ гаемъ зиланѣнькимъ,
Ци ня съ казакомъ молодзѣнькимъ?
- Ой, гожая, пригожая,
Зрабила нягожая!

Маць-сваця защищасть избранную дѣвушку, напѣвая.

Ци спала, ци ня спала,
Тольки тая слава стала,
Яна съ казакомъ гукала,
Про дорожиньку пытала,
Про дорожиньку, про оцѣжку,
Какъ знайсци свойго царешку.

Въ это время танцующая пара останавливается въ началѣ ряда мужчинъ и женщинъ, образовавъ такимъ-образомъ первую пару; а между-тѣмъ *маць-сваця*, приплясывая, выбираетъ другаго мужчину и такимъ же образомъ поступаетъ, какъ съ первымъ. Обрядъ этотъ совершается до тѣхъ поръ, пока она всѣхъ не переженить и изъ двухъ рядовъ насупротивъ стоявшихъ мужчинъ и женщинъ образуетъ пары. Тогда пары эти немного раздвигаются, давъ небольшой проходъ, по которому проплясываетъ первая пара. Дойдя до конца шеренги, мужчина вдругъ бросаетъ дѣвушку и прячется отъ нея, а она его отыскиваетъ. Въ ловкихъ приемахъ во время этихъ преслѣдованій молодежь старается выказать свое искусство. Такимъ образомъ поступаетъ каждая пара. Все это совершается подъ слѣдующій напѣвъ:

Ой, найду я на гародзѣ (*огородѣ*),
На дзѣвочкимъ хороводзѣ,
Рыбачку лапаючи,
Милаго шукаючи.

Неуцѣкай, мой дзѣдзичка,

Неуцѣкай лябедзичка!

Я вымаю кашуличку (*рубашку*),

Я свайму татуличку,

Тонкую, тоненькую

Бялинку, бялиненькую!

Неуцѣкай... и пр.

Ой, съ рубковымъ рукавомъ

Назавуцъ цябѣ панкомъ,

Ой, съ чарвовымъ каўнерчикомъ (*воротникомъ*)

Назавуцъ цябя жаўнерчикомъ.

Неуцѣкай... и пр.

Пойду жъ я у жоночекъ пытаци,

Якъ гѣту кашульку дай пращи,

Якъ гѣту кашульку дай прапи,
Якъ яѣ дай у валичкахъ качаци.
Неуцѣкай... и пр.

Потомъ тоже дѣлается съ дѣвушками, которыя, каждая по-очереди убѣгаетъ; а парни ихъ догоняють. При этомъ поють :

Дѣвочки пралѣсачки,
Найдзиця на арѣшачки,
Ой, найдзиця вы сами,
Спаткацися (*встрѣтитесь*) съ воўками.

Няуцѣкайцѣ же, дѣвочки,
Няуцѣкайцѣ же, пташечки!
Або вы заблудзицѣ
И арешки пагубицѣ,
Або васъ што спугаицѣ,
Ня нужда дай сердца маицѣ!

Ня уцѣкайцѣ и пр.
Дѣвочки, шаху, шаху,
Што у вашимъ мяху, мяху?
Шпилички (*булавки*), иголочки,
Залатыя пярсціоначки (*кольца*).

Ня уцѣкайцѣ и пр.
Иголочки на хусточки (*платочка*),
Шпилички на устужечки (*ленточки*),
А пярсціоначки къ вяселійку (*свадьба*).
Утуію, што будзицѣ надѣвлиньку.

Ня уцѣкайцѣ и пр.
А паждзицѣ, ня уцѣкайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Добрымъ слоўкомъ повитайцѣ!
Ня уцѣкайцѣ и пр.

Пляска эта и пѣніе сопровождаются, если есть возможность, скрипкой или *дудой-мацанкой*.

Падушечка. Въ этой пляскѣ всѣ мужчины и женщины взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, пропляшетъ съ нею нѣсколько разъ, поцалуетъ и броситъ въ кругъ, а самъ соединится съ хороводомъ. Дѣвушка, въ свою очередь, избираетъ любаго и т. д. Въ это время поють :

Падушечка, падушечка,
Дай ты пуховая!
Молодушка, молодушка,
Дай ты молодая!

Каго люблю, каго люблю,
Таго пападюю,
Пуховую падушечку.
Таму падарую!

Еще любимая пляска здѣшняго простаго народа *мятелица*. Собираются въ пары, берутъ въ руки *мѣхрочки*, т.-е. полотенца, или поясы и становятся въ рядъ. Раздаются музыка и напѣвъ, и въ одно мгновеніе поднимается точная мятелица. Всѣ пары бросаются вдругъ, первая, проскочивъ подъ полотенцемъ, пропускаетъ вторую пару, бросается подъ полотенце третьей, пропускаетъ четвертую и т. д. Все это дѣлается съ неимоверною быстротою и всѣми парами разомъ. Надобно удивляться, какъ стройно, скоро и даже граціозно совершается эта кутерьма.

При этомъ поютъ:

Курьць, вѣць мяцелица,
Чаму старый няженица.
Якъ же яму жаницися?
Усѣ будутъ дзивицися.

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Янки голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ,
Тогда будзѣць людзямъ смѣхъ!

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэта жъ я быу на таку.
— А якъ гэта да-й ня пыль
То адъ дзѣўки будзиць тыль.

Охъ, охъ, аха-хо!
Гэта жъ на мнѣ малако.
— А якъ яго не сатремъ,
Каго у танецъ павядзіомъ?

Охъ, охъ, аха-ха,
Гэтажъ на мнѣ да-й мука,
— А якъ яна ня сляциць,
Кто на стараго дай цаглядзиць?

Курыць, вѣиць, закурылась.
Мая дзѣўка разазлилась.
— А якъ же ей не разозлицца
Кали старый да яѣ масцица?

А хоць старый не паганый,
Ящо дужый и румяный.
— А што кому до таво?
Можа я пайду за яво!

Курыць, вѣиць мяцѣлица,
Пеўнѣ (вѣрно) старый оженцица.
— Ашто каму да таво?
Може я люблю яво.

Главные музыкальные инструменты: скрипка и дуда. Последняя составлена изъ кожаного мѣшка (телячьяго брюха) и двухъ деревянныхъ дудокъ, въ него вдѣланныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ извѣстную балалайку. Народные литовскіе инструменты: *вамздисъ* — дудка изъ вербной коры, *дзиндзинисъ* — толстая лучина, на которую натянута желѣзная струна, *малинка* — дудка изъ глины.

IV. Особенности общественнаго быта:

Однообразенъ бытъ крестьянъ здѣшней губерніи. И Литовцевъ и Кривичанъ роды занятій одинаковы. Годъ году подобенъ. Замѣтками жизни считаются перемены владѣльца или управляющаго, неурожай, къ несчастію, часто случаящийся и долго, иногда нѣсколько лѣтъ, продолжающійся, — холера, падежъ скота. Всѣ главныя занятія крестьянина можно очертить нѣсколькими строками: зимою молотить хлѣбъ и свозить дерево изъ лѣса; съ началомъ апрѣля начинается обработка полей; подъ конецъ іюня начинается сборъ ржи и сѣна; подъ конецъ іюля, обыкновенно съ св. Ильи (20 числа), считается лучшее время въ году — овны и амбары полны; въ день св. Вареоломея начинается посѣвъ яроваго хлѣба; около св. Николы уплачиваютъ подати. Рождественскіе праздники, съ святыми вечерами и *игрищами*, поглощаютъ остатки запасовъ, и многіе, особенно въ славянскихъ приходахъ, до новыхъ урожаевъ живутъ пособіемъ владѣльцевъ,

а еще чаще Жидовъ , вдвое , или втрое получающихъ за свое даваніе.

Крестьяне Виленской губерніи состоятъ изъ помѣщичьихъ и состоящихъ въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ , т.-е казенныхъ имѣній , поезуитскихъ , ленныхъ и подушныхъ . Есть еще вольные люди , живущіе на владѣльческихъ земляхъ или при казенныхъ имѣніяхъ . Казенные крестьяне управляются на общемъ основаніи , какъ и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ . На мірскихъ сходкахъ никакихъ особыхъ обычаевъ или обрядовъ нѣтъ . Здѣсь явственно проявляется отличительная черта здѣшнихъ крестьянъ — глубокое повиновеніе своимъ пачальствамъ : они избираютъ на этихъ сходкахъ преимущественно въ старшины и прочія сельскія и волостныя должности тѣхъ , которыхъ имъ укажутъ власти .

Во помѣщичьихъ имѣніяхъ никакихъ мірскихъ сходокъ не бываетъ . Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ , въ рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы созываютъ старѣйшихъ изъ своихъ крестьянъ и совѣтуются съ ними , какъ пособить обѣднѣвшей *хатѣ* , насчетъ раздѣла семейства , или оказанія общаго пособія . Но и это случается весьма рѣдко .

Глава семейства , хозяинъ дома , пользуется общимъ глубокимъ уваженіемъ въ своей семьѣ . Онъ управляетъ хозяйствомъ безотчетно , и всѣ ему повинуются . Чѣмъ старѣе , опытнѣе и умнѣе отецъ семейства , тѣмъ сильнѣе его власть и вліяніе не только въ домашнемъ быту , но и на всю деревню . Дѣти , при встрѣчѣ съ старикомъ , цѣлуютъ ему руку . Разумѣется , что этимъ общимъ уваженіемъ пользуются только такіе старики , которые извѣстны безъукоризненнымъ поведеніемъ и отличаются не только нравственными качествами , но и умомъ . Прежде , рассказываютъ , водился особый обычай наказыванія воровъ , по суду стариковъ изъ цѣлой деревни , безъ участія владѣльца , или двороваго управленія . Изобличеннаго въ воровствѣ ведутъ , при стеченіи цѣлаго населенія деревни , къ первымъ воротамъ крайней въ деревнѣ хаты , кладутъ передъ воротами и даютъ одну розгу , читая , между-тѣмъ , нравоученія дѣтямъ и молодежи , чтобы примѣръ этотъ возбуждалъ въ нихъ презрѣніе къ преступнику ; потомъ цѣлой процессіей слѣдуютъ къ другимъ воротамъ , передъ которыми даютъ опять одинъ ударъ и такъ далѣе , пока не обойдутъ

всѣхъ дворовъ въ деревнѣ. Увѣряютъ, что это отеческое наказаніе имѣло сильное вліяніе на исправленіе нравственности крестьянъ; а благоразумные помѣщики нисколько этому не препятствовали, даже поощряли. Замѣчательно, что гдѣ судъ надъ провинившимся предоставляется самимъ крестьянамъ, какъ это еще и теперь водится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наказаніе всегда строже, нежели какое бы придумалъ самъ помѣщикъ. Матери семействъ состоятъ въ полномъ повиновеніи главѣ дома, хотя бы ими были сыновья ихъ; впрочемъ, онѣ имѣютъ вліяніе на свое семейство, но не вмѣшиваются въ распоряженія имуществомъ и заработками семьи. Дома мать или жена полная хозяйка; она сама, пока позволяютъ силы, готовитъ пищу, моетъ бѣлье, а когда наступитъ старость, въ этомъ отношеніи надзоръ ея не прекращается до гроба. Общественнымъ же уваженіемъ етарухи не слишкомъ пользуются.

Кромѣ обыкновенныхъ дней, такъ-называемой барщины, исполняемой крестьянами по инвентарному положенію, или по принятому обычаю (отъ 3 до 5 дней въ недѣлю), всѣ безъ исключенія крестьяне обязаны еще нѣсколько разъ въ году собираться на работы къ помѣщику. Такіе сборы, сверхъ обыкновенной барщины, называются *гвалтами*. Въ условіяхъ объ отдачѣ имѣнія въ арендное содержаніе, между-прочимъ, включаютъ: крестьяне обязаны исполнять столько-то дней барщины въ недѣлю и, кромѣ-того, столько-то дней *гвалту* въ году. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто *гвалтовъ*, установлены дни *ласки*, т.-е. будто бы крестьяне добровольно идутъ работать сверхъ барщины. Крестьяне говорятъ, что *ласки* хуже *гвалта*, потому-что число *гвалтовъ* опредѣленное, а отъ дней *ласки* нельзя отказаться.

V. Умственныя и нравственныя способности и образование.

Отличительныя, характеристическія черты нравственныхъ свойствъ какъ Славянъ, такъ и Литовцевъ въ здѣшнемъ краѣ составляютъ: смиреніе, набожность и необыкновенная любовь къ родинѣ. Въ послѣднемъ отношеніи Литовцы даже превосходятъ своихъ сосѣдей. У нихъ любовь къ мѣсту рожденія составляетъ нѣчто религіозное; были примѣры, что отлучен-

ные изъ родины подвергались тяжкимъ болѣзнямъ, а иногда и самой смерти. Единственный порокъ здѣшнихъ жителей — излишнее употребленіе горячихъ напитковъ. Грустный, молчаливый, нерѣдко голодный, крестьянинъ здѣшній въ винѣ топить всѣ свои горести, хлопоты; гарьлка единственное его утѣшеніе, и, когда вспомнимъ совершенную необразованность, всякаго рода лишенія, не будемъ слишкомъ строги къ этому пороку, особенно, ежели еще вспомнимъ, что, по прежнимъ обычаямъ, въ-теченіе многихъ лѣтъ, Евреи служили непреодолимыми и страшными проводниками къ развращенію народа. Евреи, изъ рода въ родъ, наследственно арендовавшіе корчмы у помѣщиковъ, съ удивительною ловкостію опутывали бѣдныхъ крестьянъ своею дьявольскою паутиною. Еврей былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ, руководителемъ и благодѣтелемъ крестьянина. Онъ его поимъ круглый годъ въ долгъ, записывая двойнымъ меломъ, онъ ему давалъ и наличныя деньги въ крайнихъ случаяхъ; а результатомъ этихъ благодѣній было то, что у крестьянина не оставалось ровно никакого имущества: все принадлежало опекуну—Еврею, или состояло въ его распоряженіи. Крестьянинъ не смѣлъ продать домашняго приплодка, ни даже собранной ржи и яроваго, потому-что Еврей впередъ заторговывалъ, или получалъ по расчету даже будущіе урожаи. Разумѣется, что это ужасное зло существовало у такихъ только владѣльцевъ, которые, всѣя беспорядочную и расточительную жизнь, и сами были менѣе или болѣе въ подобной зависимости отъ Жидовъ. Благодаря рѣшительнымъ и благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, зло это примѣтно уменьшается. Евреи не содержатъ уже корчемъ по деревнямъ, а ежели и содержатъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно, то не могутъ дѣйствовать съ прежнею свободою, опасаясь быть изблеченными. Но главною мѣрою къ искорененію или, по крайней-мѣрѣ, значительному уменьшенію пьянства было введеніе акцизной системы съ 1850 года. Изъ числа 639 винокуренныхъ заводовъ и 4,522 питейныхъ заведеній для раздробительной продажи питей, существовавшихъ въ 1849 году, до введенія акцизной системы, нынѣ (въ 1855) считается 298 винокуренныхъ заводовъ и 2,150 питейныхъ заведеній.

Воровство, буйство, разбой, смертоубійства между крестья-

нами весьма рѣдки. Преступленій противъ вѣры почти не бываетъ. Нравственность здѣшнихъ жителей зависитъ преимущественно отъ направленія и личныхъ нравственныхъ достоинствъ владѣльца и приходскаго священника. Нерѣдко встречаемъ селеніе или и цѣлый приходъ, гдѣ крестьяне живутъ достаточно, пользуются отличнымъ общественнымъ мнѣніемъ, гдѣ нѣтъ ни воровъ, ни пьяницъ. Въ такихъ случаяхъ можно впередъ ручаться, что помѣщики и священникъ этого прихода глубоко понимаютъ свое высокое призваніе. Народъ здѣшній еще дитя въ-отношеніи умственнаго развитія, но воспримчивъ, склоненъ къ подражанію, и трудно вообразить, какъ заразительны здѣсь примѣры дурнаго и какъ легко прививаются сѣмена добраго. Умный, благородный священникъ, съ самоотверженіемъ посвящающій всѣ свои часы своей паствѣ; вникающій въ ея нужды, подающій добрые совѣты, а притомъ отличающійся и личнымъ безукоризненнымъ поведеніемъ, можетъ руководить крестьянами, какъ дѣтьми, потому-что глубина ихъ прекрасна и Господь надѣлилъ ихъ высокими достоинствами: кротостію, набожностію, любовію роднаго края!

Надобно еще замѣтить, что вообще положеніе крестьянъ среднихъ помѣщиковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, гораздо лучше крестьянъ богатыхъ помѣщиковъ, владѣющихъ тысячами душъ, разбросанныхъ въ разныхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ. И неувидительно: первые управляютъ сами, а послѣдніе болѣею частію отдаютъ свои имѣнія въ арендное содержаніе, а арендаторы рѣдко заботятся объ улучшеніи быта крестьянъ! И здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенія; но, къ несчастію, они еще немногочисленны. Въ наше время молодой гр. Т., милліонеръ, посвятилъ все свое время и огромные доходы улучшенію положенія крестьянъ. Большая часть ихъ переведены на оброкъ, удобрены поля, осушены луга, проведены отличныя дороги между деревнями, построены новыя, чистыя, красивыя, съ трубами избы; дано вспомошествованіе болѣе нуждающимся. Въ имѣніяхъ недавно умершаго гр. Гинтера крестьяне давно приведены въ самое удовлетворительное положеніе, а что еще удивительнѣе въ здѣшнемъ краѣ — большая часть ихъ грамотны, многіе отличные ремес-

ленники и агрономы. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать и еще нѣсколько.

Грамотность далась болѣе Литовцамъ, нежели Славянамъ. Между первыми почти половина умѣетъ читать (по-литовски) и съ молитвенниками отправляется въ костѣлы. Но этимъ болѣею частію и ограничивается ихъ грамотность. Писать рѣдкіе умѣютъ. Между Славянами, грамотныхъ почти нѣтъ, — развѣ изъ дворовыхъ людей. Училища по деревнямъ не существуютъ. Литовцы грамотѣ учатся дома, или у ксѣндзовъ.

Изъ мѣстностей, къ которымъ привиты насмѣшливыя пословицы, извѣстенъ одинъ Ошмянскій уѣздъ; но это относится болѣе къ шляхтѣ, нежели къ крестьянамъ. Про неуклюжаго, грубаго въ обращеніи говорятъ: *ошмянскій шляхтичъ!* Если же кто сдѣлаетъ что-либо неприличное, говорятъ: *вотъ сморгонская полищика!* или *сморгонскій академикъ!* Пословицы эти весьма древнія. Жители Ошмянскаго уѣзда, вѣроятно, искони были извѣстны своею неуклюжестію и снискали въ этомъ отношеніи извѣстность въ цѣлой Литвѣ; а въ Сморгоняхъ, мѣстечкѣ, расположенномъ въ томъ же уѣздѣ, въ прежнее время было училище, основанное князьями Радзивиллами, въ которомъ получали *образованіе* — медвѣди. Училище это называли въ шутку Сморгонской Академіей.

Раскольниковъ здѣсь около 7,000. Они живутъ въ Литвѣ со времени Петра Великаго, многіе имѣютъ собственныя земли и дома въ городахъ; они весьма привержены къ своему исповѣванію. Отъ Литовцевъ заимствовали они любовь къ мѣсту рожденія. Къ сожалѣнію, между ними попадаетса много воровъ, а нерѣдко и разбойниковъ.

VI. Народныя преданія и памятники.

Народныя преданія и памятники, пѣсни, поговорки, пословицы, во множествѣ сохранившіяся въ здѣшнемъ краѣ, служатъ явнымъ проявленіемъ народной понятливости и умственного развитія. Иногда невзначай высказанное крестьяниномъ мнѣніе доказываетъ глубокую опытность и знаніе жизни; въ другой разъ кстати примѣненная пословица или поговорка невольно приводятъ въ удивленіе. Откуда, кажись, въ этомъ грубомъ, бѣдномъ самоотверженникѣ столько простаго

ума и сноровки? Бѣлоруссовъ и Литовцевъ намъ вообще стараются представить тупоумными, почти бессмысленными. А послушайте, какъ они кстати ввернуть вамъ острое словцо, какъ, при всей покорности и, какъ-будто нарочно, при бранномъ глуповатомъ обращеніи, приведуть васъ въ краску или заставятъ замолчать, ненарокомъ сказанною въ разговорѣ, пословицею, съ дѣтства заученною и ко всякому случаю весьма удачно примѣняемою. Надобно еще прибавить, что, прислушиваясь къ этимъ пословицамъ съ дѣтства, крестьяне привыкаютъ извлекать изъ нихъ мораль въ буквальномъ смыслѣ, съ глубокою вѣрою, и это, разумѣется, часто имѣетъ дурныя послѣдствія. Они убѣждены: *что долъгъ заставляеть обманывать, а голодъ воровать, что плохой воронъ, когда изъ рукъ выпускаеть добычу, что гдѣ нельзя перелъзть, перескочить можно*, и тому подобное. Мы выбрали пословицы, имѣющія двусмысленное и часто вредное значеніе; но представляемое собраніе пословицъ и поговорокъ легко убѣдитъ, что большая часть ихъ имѣютъ и чисто нравственную цѣль, во многихъ проявляются легкая шутка, глубокое чувство или непреложная истина. Въ такомъ же смыслѣ надобно понимать и пѣсни крестьянъ. Въ нихъ мы найдемъ отпечатокъ ума, чувства, любви къ родинѣ, вѣрный отблескъ горькой судьбы ихъ. Преданія, пѣсни, пословицы и поговорки Литовцевъ въ подробности рассказаны П. В. Кукольниковомъ въ упомянутомъ уже нами сочиненіи; а потому здѣсь мы займемся исключительно славянскимъ племенемъ. Славяне Виленской губерніи богаты преданіями, но гораздо бѣднѣе Литовцевъ преданіями историческими и даже мифологическими; зато почти нѣтъ мѣстности, которой бы не приписывали чего-нибудь чудеснаго и не рассказали про нее какой-нибудь легенды, почти всегда имѣющей нравственное направленіе. Замѣчательно, что всѣ эти легенды рассказываются въ извѣстномъ какомъ-нибудь околodкѣ совершенно одинаково, безъ измѣненія даже собственныхъ именъ. Въ нихъ видно что-то поэтическое, страсть къ чудесному, необыкновенному, во многихъ фантастическіе очерки, а завязка почти всегда поучительная. Мы не станемъ пересказывать всѣхъ преданій; изъ нихъ можно бы составить цѣлые томы. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Преданіе о камняхъ. Вблизи мѣстечка Курженецъ, въ 9-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Вилейки, на полѣ лежитъ огромный камень, называемый *Гомсинъ*. Крестьяне рассказываютъ, что давнымъ-давно на этомъ мѣстѣ жилъ сапожникъ Гомсинъ. Онъ былъ *философъ*, ни во что не вѣрилъ, не ходилъ въ церковь и не уважалъ праздничныхъ дней. Въ одно Свѣтло-Христово Воскресенье, называемое въ простонародіи *Вяликъ-дзень*, Гомсинъ, понимая значеніе этихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, такъ рассудилъ: когда онъ въ будній день можетъ сшить одну пару сапогъ, то въ Вяликъ-дзень онъ долженъ сшить двѣ пары. Объявивъ о своемъ умозаключеніи домочадцамъ и сосѣдямъ, онъ прилежно сталъ работать, подтрунивая надъ уходившими въ церковь, что въ то время, когда они понапрасну убиваютъ время, онъ въ тотъ день заработаетъ вдвое болѣе обыкновеннаго. Вотъ народъ валить уже изъ церкви, а Гомсинъ все еще сидитъ за работой; но когда поровнялся съ его избой, на ясномъ, лазурномъ небѣ неожиданно явилась чреватая туча, полился дождь, и въ ту же минуту грянулъ громъ въ самую избу Гомсина. Пораженные необыкновеннымъ явленіемъ и ослѣпленные такъ непостижимо блеснувшею молніею, всѣ присутствующіе пали на колѣни и закрыли глаза руками, а когда, успокоенные опять воцарившеюся тишиною, открыли глаза, каковъ былъ ихъ ужасъ, когда удивленные и пораженные ихъ взоры не могли отыскать ни избы Гомсина, ни его самого, какъ-будто никогда не существовавшихъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ была изба, лежалъ большой камень, до сихъ поръ существующій, какъ нѣмой свидѣтель грознаго событія и какъ рѣзкій примѣръ наказанія Господня, за неисполненіе его заповѣдей.... Многие изъ окрестныхъ крестьянъ глубоко убѣждены, что въ день Свѣтло-Христово Воскресенья, наклонясь къ камню, слышатъ пѣніе пѣтуха и стукъ сапожничьяго молота; но что всего удивительнѣе, какъ увѣрили меня люди, достойные вѣры, что почти каждое лѣто въ камень этотъ ударяетъ громъ, и, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ во многихъ мѣстахъ потрескался.

Въ этомъ родѣ почти къ каждому большому камню присвоена чудесная легенда. Въ Вилейскомъ уѣздѣ есть еще другой камень, на которомъ будто бы видятъ отпечатокъ человѣческой ноги. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при большой дорогѣ, веду-

шей изъ Трокъ въ Ольшаны, есть такой камень съ подобіемъ оттиска человѣческой ноги. Въ Лидскомъ уѣздѣ, Веверскаго прихода, въ имѣніи Іозефово, помѣщика Шишки, при деревнѣ Мейры, на большомъ камнѣ видѣнъ такой же оттискъ; но народъ говоритъ, что это *ступень* Пресвятой Богородицы. Въ Трокскомъ уѣздѣ, въ Козукишскомъ приходѣ, въ имѣніи Миткишки, помѣщика Подгурскаго, на правомъ берегу Вилии, такой же камень съ оттискомъ, также величаемымъ ступеню Божіей Матери. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, за мѣстечкомъ Сморгони, при Минской почтовой дорогѣ, на лугу лежитъ камень длиною пять аршинъ, шириною четыре. Далѣе, за Сморгонями, есть камень еще больше этого, длиною восемь, шириною 6 аршинъ, отъ котораго вблизи находящееся мѣстечко получило названіе *Камня*. Первый изъ этихъ камней, чрезвычайно высокій, служитъ работникамъ оградой отъ вѣтра и зноя во время отдыха; а о послѣднемъ сохранилось преданіе, что будто бы, въ прежнее время, ежели кто положилъ на немъ два золотыхъ (30 коп. серебр.), то, возвратясь домой, найдетъ повѣшенные сапоги, неизвѣстно откуда явившіеся. Въ городѣ Вильнѣ, за предмѣстьемъ Снпишки, по правой рукѣ Вилькомирскаго дороги, за домами, на полѣ лежитъ нѣсколько камней. Простой народъ увѣряетъ, что, во время оно, какіе-то новобрачные на этомъ мѣстѣ пировали свадьбу неприличнымъ образомъ, пьянствуя, богохульствуя и проч. За это Господь Богъ наказалъ ихъ, превративъ въ эти камни. Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ лѣсу имѣнія Клесинъ, помѣщика Коверскаго, находятся три окаменѣлости, изъ которыхъ двѣ похожи на волвъ, а одна на человѣка. Народъ увѣряетъ, что это пахарь съ двумя волами, превращенные въ камни, за то, что пахарь обрабатывалъ землю въ праздникъ Глѣба и Борца (24 юля). (*)

(*) Понятіе о наказаніи, за разныя преступленія, превращеніемъ въ камни широко распространено въ Литвѣ и въ западной Руси. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, въ 14-ти верстахъ отъ Несвижа (квиза Радзивилла), при фольваркѣ Лозовичи, лежатъ два камня необыкновенной величины и одинъ высокій камень, стоящій въ видѣ статуи, дѣйствительно, немного похожій на человѣческую фигуру. Лежащіе камни тоже были два вола, а стоящая фигура — пахарь, рѣшившійся пахать землю въ первый день Свѣтло-Христово Воскресенія, превращенный за это, вмѣстѣ съ волами,

Слѣдуя изъ Вилейки къ первой почтовой станціи Костене-
вичи, по Дисненскому тракту, не доѣзжая до мѣстечка Рѣчки,
по правую сторону, указываютъ небольшую долину, про кото-
рую существуетъ слѣдующее преданіе. Здѣсь, давнымъ-давно,
стояла церковь. Во время обѣдни пріѣхали, уже хмѣльные, же-
нихъ съ невѣстою, и, вмѣсто-того, чтобы ожидать минуты
бракосочетанія въ церкви, слушая обѣдню, они стали пьян-
ствовать передъ церковью, на паперти, и предались неистовой
оргіи. Когда кончилось богослуженіе и народъ вышелъ изъ
церкви, женихъ и невѣста приблизились къ наю; но вдругъ
ударилъ громъ, церковь рухнула, земля вздрогнула, отверзла
пасть свою и поглотила новобрачныхъ, со всѣми участниками
ихъ сумасбродной оргіи.

Подобныя же преданія встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ
здѣшняго края, съ небольшими измѣненіями. Слѣдуя изъ мѣ-
стечка Рѣчекъ въ фольварокъ Орпы, при самой дорогѣ видно
небольшое озеро. На этомъ мѣстѣ стояла корчма, въ которую,
однажды, сошелся народъ на пирушку, въ то время, когда слѣ-
довало идти ко всенощной, передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ.
И здѣсь земля разверзлась и поглотила корчму со всѣми
преступными. Такое же озеро находится при дорогѣ изъ м.
Долгинова въ фольварокъ Микулинъ. Глубина этого озера
необыкновенная. Народъ увѣряетъ, что никогда еще не до-
стали дна его, опуская камни, привязанные къ длиннымъ ве-
ревкамъ. Иногда только камень этотъ ударяется о что-то
твердое, а потомъ опять тонетъ въ глубинѣ. Преданіе гово-
ритъ, что здѣсь стоялъ костѣль, провалившійся сквозь землю,
а на томъ мѣстѣ образовалось озеро, камни же ударяются о
башни костѣла. Многіе пригорки на берегу Виліи величаютъ
ся *чортовыми*. Происхожденіе одного изъ нихъ слѣдующее.
Чортъ, разсердясь за что-то на рѣку Вилію, хотѣлъ ее засы-
пать и для этого несъ большой мѣшокъ съ землею, какъ
вдругъ заиѣлъ пѣтухъ: чортъ бросилъ мѣшокъ съ землею и
бѣжалъ, а на томъ мѣстѣ образовался пригорокъ.

Каждая почти деревня имѣетъ преданіе о своемъ основа-
ніи. Для примѣра расскажемъ преданіе объ основаніи деревни

въ камни. Въ Гродненскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Котры, вблизи
Бершты, находится большой камень съ *чортовой ступенью*.

Цѣрешки, находящейся при дорогѣ отъ почтовой станціи Косцѣневичъ до Кривичъ и принадлежащей помѣщику Коверскому. На этомъ мѣстѣ, давнымъ-давно, былъ непроходимый лѣсъ, прорѣзанный рѣкою Сервечемъ (плыве отъ озера того же названія, въ 7 верстахъ отъ м. Ситца, впадаетъ въ Вилію, въ Костыкахъ). Въ лѣсу жильцовъ нѣ было; дикій звѣрь безнаказанно здѣсь господствовалъ и наводилъ ужасъ на окрестныхъ жителей. Вдругъ узнаютъ они, что въ лѣсу явился смѣльчакъ и сталъ теревить лѣсъ, очистилъ себѣ полянку, построилъ избушку, развелъ садикъ, билъ звѣрей, стрѣлялъ дичь и одинъ-одинешенекъ зажилъ на славу. Собравивъ лѣло, крестьяне сочли его *знахаремъ*, т.-е. человѣкомъ, обладающимъ нечистою силою. Никто не зналъ ни рода, ни племени его; со встрѣчными онъ говорилъ привѣтливо, какимъ-то ломанымъ языкомъ и объявилъ, что его зовутъ *Цѣрешкой*. Сначала всѣ чуждались и боялись знахаря-нелюдима, но когда замѣтили, что онъ одинъ изъ первыхъ является въ храмъ Божій, а выйдя изъ храма, распрашиваетъ, нѣтъ ли больныхъ въ деревнѣ, да, молясь Богу, вымечилъ нѣсколько человѣкъ, привыкли къ нему, стали уважать его, просить совѣта; а совѣтъ-то всегда былъ умный и полезный. Немного прошло времени со дня переселенія *Цѣрешки*, а онъ уже успѣлъ приобрести большое вліяніе на всѣхъ окрестныхъ жителей. *Цѣрешка* сталъ ихъ лекаремъ, миротворцемъ, совѣтникомъ, предсказателемъ погоды, урожая, руководителемъ во всѣхъ работахъ. Между-тѣмъ, нѣкоторые крестьяне обѣднѣли, у тѣхъ хижины сгорѣли, у тѣхъ послѣдняя скотина издохла и изба разрушилась. *Цѣрешка* пригласилъ ихъ въ свою усадьбу, пріютилъ, пособилъ, вмѣстѣ съ ними расчистилъ лѣсъ, построилъ хаты, и вотъ образовалась деревушка, жители которой слушались и любили *Цѣрешку*, какъ отца роднаго. Да и какъ было не любить его, когда онъ всякому пособлялъ, мирилъ ссорящихся, присматривалъ за работами, ничего для себя не требуя? Господь Богъ благословлялъ его труды: гдѣ градъ выбилъ поля, гдѣ болѣзнь на скотѣ, гдѣ горячки поглощали людей, а у *Цѣрешки* все благополучно. Народъ сталъ толпами собираться къ *Цѣрешкѣ* и просить пріюта. Такимъ-образомъ, въ непродолжительномъ времени образовалось большое селеніе; а слава о достаточной жизни его жителей, о ми-

рѣ и любви, у нихъ господствующихъ, о трудолюбіи, воздержности разнеслась далеко. Селеніе назвали, отъ имени основателя, *Цѣрешки*. Такое общее благоденствіе продолжалось нѣсколько десятковъ лѣтъ. Многіе изъ переселившихся уже состарѣлись и поумерли; а Цѣрешко, по-прежнему, былъ бодръ и веселъ. Народъ сталъ уже было думать, что онъ безсмертенъ; но пришелъ конецъ и для Цѣрешки. Предчувствуя близкую кончину, Цѣрешка, нисколько не измѣнившійся въ наружности и, повидимому, совершенно здоровый, созвалъ всѣхъ крестьянъ изъ своего селенія, объявилъ имъ, что умретъ черезъ три дня, роздалъ все, что только имѣлъ, бѣднѣйшимъ, оставя себѣ только три небольшіе ломтя хлѣба да кувшинъ съ водою, потомъ всѣхъ расцѣловалъ, со всѣми простился, заперся въ своей избѣ и передъ Распятіемъ Спасителя палъ на колѣни. Облагодѣтельствоваанные имъ крестьяне были поражены этимъ несчастіемъ. Три дня они не отходили отъ избы Цѣрешки, наконецъ на четвертый, утромъ, выломали дверь, вошли въ избу и видятъ, что Цѣрешка все еще стоитъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ, руки сложены накрестъ, уста сомкнуты улыбкой невиннаго, неподвижный взоръ устремленъ на Спасителя. Въ Цѣрешкѣ ужъ не было никакихъ признаковъ жизни. Это несчастіе повергло всѣхъ въ ужасное отчаяніе. Когда пришли въ себя, стали придумывать, какъ бы почтить память почившаго, и рѣшили похоронить его на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался. На похороны собрались жители изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ — разобрали его хату, вырыли яму, похоронили, а надъ гробомъ соорудили часовню и поставили въ ней Распятіе, передъ которымъ умеръ Цѣрешко. Вокругъ часовни устроилось потомъ кладбище, гдѣ почили переселенцы Цѣрешки. Деревня существуетъ и нынѣ подъ этимъ названіемъ. Часовни давно уже нѣтъ; но старики помнятъ еще кресты на кладбищѣ, перенесенномъ въ другое мѣсто; а память Цѣрешки передается изъ рода въ родъ.

Курганы. Цѣлая Виленская губернія усѣяна множествомъ кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Войны Литовцевъ съ Крестоносцами, Меченосцами, Татарами, Шведами оставили здѣсь много памятниковъ. Курганы Виленской губерніи можно раздѣлить на три рода: 1) могилы предъ-христіанскіе, 2) военные курганы и 3) жертвенные. Первые Ли-

товцы насыпали надъ прахомъ умершихъ, вторые составляли укрѣпленіе, или же означали могилы павшихъ на полѣ брани, или наконецъ служили для указанія дороги. Ихъ сыпаль болѣею частію непріатель, для того, чтобы означить мѣсто для возврата. Жертвенные принадлежатъ къ временамъ языческимъ: на нихъ приносили жертвы разнымъ богамъ. Жертвенные отличаются отъ прочихъ вышиною и плоскостью на вершинѣ; они всегда стоятъ поодиночкѣ на мѣстахъ возвышенныхъ. Точно также, при боевыхъ курганахъ, всегда одинъ въ сторонѣ, возвышеннѣе прочихъ, на видномъ мѣстѣ, полагать можно, сторожевой, чтобы легче замѣтить приближеніе непріателя.

Виленской и Трокскій уѣзды испрегрены курганами, болѣею частію могильными. Судя по находимымъ въ нихъ предметамъ, болѣшую часть слѣдуетъ отнести къ временамъ набѣговъ Крестоносцевъ, безпрестанно тревожившихъ Литву съ XII до XIV столѣтія, т.-е. до 1410 года, когда мужественный Витовтъ окончательно низвергъ могущество рыцарей. Такіе курганы преимущественно по берегу Нѣмана, въ Трокскомъ уѣздѣ, и отчасти въ литовскихъ приходахъ Лидскаго уѣзда.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи проселочныхъ дорогъ изъ Ошмяны въ Ольшаны и Боруны, разсыяно множество кургановъ по 2, 5, до 10; а вблизи деревни Монтуцишки, гр. Чапскаго, по тракту изъ Ошмянъ въ Кривъ, находятся ихъ болѣе пятидесяти. Эти курганы безспорно боевые, ибо имѣютъ форму укрѣпленій и, притомъ, двѣ большія горы, имѣющія въ окружности 500 шаговъ, съ признакомъ глубокаго вокругъ рва, наполненнаго водою. Горы эти весьма явственно созданы рукою человѣка и, вѣроятно, служили главными укрѣпленіями. Въ этомъ уѣздѣ весьма замѣчательны еще курганы въ Оберновскомъ приходѣ, при трактѣ, называемомъ Русскимъ, вблизи деревни *Копаче* (*). Здѣсь въ 1433 году произошло кровавое

(*) Русскій трактъ шелъ изъ Вильны чрезъ Мѣдники, Ошмянъ до Крева, отсюда чрезъ Лоскъ, Городановъ, Копаче, Бѣликовичовскій Гродецъ, Заставъ въ Минскъ; отсюда шли два тракта: одинъ чрезъ Несвижъ и Пинскъ въ Луцкъ, а другой чрезъ Игумень, Рогачевъ и Рѣичу въ Кіевъ; съ лѣвой же стороны отъ д. Копаче, чрезъ Груздовъ, Молодечно-Долгиновъ, въ Полоцкъ.

сраженіе между войсками, низвергнутого Ягайлой съ литовскаго престола Свидригайлы, состоящими изъ держащихся его стороны Литовцевъ и Русиновъ, *Меченосцевъ* и отряда, присланнаго князьями Тверскими, подъ начальствомъ Петра Монтыгердовича, съ войсками в. кн. Сигизмунда Кейстутовича, подъ начальствомъ сына его, князя Михаила Сигизмундовича. Здѣсь рать Свидригайлы была совершенно разбита. Поле, на которомъ разбросаны эти курганы, народъ до сихъ поръ называетъ *Красная уволока*, сохранивъ преданіе, что, послѣ кровопролитнаго сраженія, какой-то заблудшій рыцарь спасенъ былъ крестьяниномъ отъ неминуемой смерти. Рыцарь при этомъ далъ обѣтъ, что, ежели будетъ спасенъ отъ смерти, построить церковь и поставить въ ней икону Божіей Матери, висѣвшую у него на груди. Преданіе вполнѣ оправдывается, ибо одинъ изъ военачальниковъ Сигизмунда, Андрей Саковичъ, намѣстникъ смоленскій, дѣйствительно, въ этомъ же 1433 году основалъ церковь въ Груздовѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спасенъ отъ неминуемой смерти (*).

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ м. Курженецъ, въ лѣсу, при дорогѣ въ имѣніи Губы, существуетъ до сихъ поръ цѣлая древняя, земляная крѣпость. Она состоитъ изъ величественнаго городища, которое простой народъ называетъ *Замковой горой*, окруженное глубокимъ рвомъ и валомъ; окружность его 200 шаговъ, высота вала 10 аршинъ; вершину составляетъ плоскость, имѣющая въ ширину и длину 50 шаговъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, по правую сторону, на видномъ мѣстѣ стоитъ высокій курганъ, полагать слѣдуетъ, сторожевой, а черезъ дорогу, насупротивъ этого кургана и городища, расположены, на протяженіи полуверсты, въ линію, 83 кургана, по два, по три и по четыре въ рядъ, почти всѣ одинаковой величины. Выборъ мѣста и самое устройство вала и расположеніе кургановъ доказываютъ нѣкоторыя понятія стратегии и планъ защиты обдуманнѣй. Позади кургановъ плыла рѣка Пѣля, нѣкогда судоходная; нынѣ замѣтно только русло ея, и въ немъ иногда еще попадаются полуистлѣвшія части ладей. За сторожевымъ курганомъ начиналась непроходи-

(*) Родовое имѣніе этого Саковича, Лешно, и нынѣ принадлежитъ роду Саковичей, владѣющему имъ слишкомъ четыре столѣтія.

мая пуща, извѣстная подъ именемъ Губской. Полагать можно, что городище служило главнымъ фортификаціоннымъ пунктомъ; а на курганахъ, вѣроятно, расположенъ былъ отрядъ, защищаемый сзади рѣкою, а съ правой стороны пущею. Къ какой эпохѣ принадлежатъ эти укрѣпленія, съ точностію опредѣлить трудно, но, кажется, что къ временамъ Витовта, ибо въ 10 верстахъ отсюда, на рѣкѣ Узлѣ (впадающей въ Нарочь), есть мостъ, до сихъ поръ сохранившій названіе *Витовтоваго*. Отъ этого моста начинается рядъ могильныхъ кургановъ, числомъ болѣе 100. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ были мною разрыты: въ нихъ найдены человѣческія кости, необыкновенной величины, желѣзныя кольца отъ упряжи лошади, а вблизи кургановъ вырыта старинная алебарда, длиною 7 вершковъ 2 дюйма, шириною 5 вершковъ; рукоятка ея 6 вершковъ 2 дюйма. Недалеко отъ этого мѣста, на полѣ имѣнія Каесута, вилейскаго предводителя дворянства М. И. Тукалю, вблизи деревни Малмыги, тоже множество песчаныхъ кургановъ, до половины развѣянныхъ вѣтромъ, а въ нихъ множество человѣческихъ костей, такъ-что стѣдить только невозможно порыть курганъ, чтобы оттуда посыпались во множествѣ черепы и другія кости, въ безпорядкѣ набросанныя. На одномъ изъ такихъ кургановъ, или, лучше, возвышенностей—ибо форма его совершенно исчезла, но можно судить, что онъ занималъ значительное пространство—найдено мною болѣе 100 плоскихъ, тесаныхъ, разной величины камней, какіе обыкновенно магометане ставятъ на могилахъ. Объ этихъ курганахъ сохранилось слѣдующее преданіе. Татары напали на эту страну и производили страшныя опустошенія: жгли села, грабили храмы, неистовствовали надъ женами, дѣтьми и старцами. Кто могъ изъ жителей, бѣжалъ и скрывался въ лѣсу. Татары стали ихъ вызывать разными христіанскими именами, крича, что Татары уже бѣжали. Поддавшіеся обману гибли въ ужасныхъ мукахъ. Опустошая все огнемъ и мечемъ, Татары приблизились къ берегамъ Вилии, къ деревнѣ Малмыги. На противоположномъ берегу рѣки стоялъ другой значительный отрядъ Татаръ. Господь Богъ ниспослалъ на нихъ слѣпоту, въ наказаніе за неистовство и поруганіе храмовъ Божіихъ. Они не узнали своихъ, вообразили, что это Русины, и стали истрѣблять другъ друга, до послѣдняго. Изъ тѣлъ ихъ обра-

зовались и нынѣ существующіе курганы. Самое названіе деревни, *Малмыга*, несомнѣнно татарское. Надгробные магометанскіе камни, а также преданіе о существовавшей вблизи мечети убѣждаютъ, что здѣсь было татарское поселеніе, — по какъ и когда, опредѣлить трудно.

Въ Дисненскомъ уѣздѣ, въ разныхъ мѣстахъ, множество кургановъ. Особенно примѣчательны въ двухъ верстахъ за станціею Заборы, при озерѣ вблизи корчмы Короваки.

Въ Лидскомъ уѣздѣ, вблизи имѣнія Шавръ знаменитаго историка Литвы Э. Е. Нарбутта, въ разныхъ мѣстахъ разсыяны курганы, по два и по три. Здѣсь я тоже дѣлалъ поиски и находилъ въ курганахъ человѣческіе черепы, кости, разные кольца отъ упряжи лошади и серпы, думаю, жертвенные, потому-что къ употребленію они никогда не могли быть годными. Величина ихъ въ лукѣ не болѣе 10 дюймовъ. Длина рукоятки 13 дюймовъ. Подобнымъ образомъ, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, на полѣ имѣнія Швинты, гдѣ разбросано множество кургановъ, находилъ я цѣлые лошадиные остовы, разные части конской сбруи, такіе же, какъ въ Лидскомъ уѣздѣ, серпы и множество пепла, между которымъ попадались не дожженные человѣческія косточки.

Вообще въ курганахъ Виленской губерніи были находимы слѣдующіе предметы: урны изъ глины, иногда простыя горшки съ пепломъ, смѣшаннымъ съ пескомъ, слезницы изъ стекла, янтара и глины — въ нѣкоторыхъ, особенно янтарныхъ, до сихъ поръ сохранились слезы — каменные молоты, бронзовые сѣкиры и топоры, стрѣлы, дротики, пращи, бронзовые широкіе поясы; разные женскіе уборы: булавки, съ длинными цѣпочками изъ бронзы, ожерелья, запястья, кольца, браслеты шейные, бронзовые, иногда серебряные и весьма рѣдко золотые уборы. Доказано, впрочемъ, что золото было въ употребленіи въ здѣшней странѣ съ XI столѣтія. Большая часть находимаго оружія слѣлана изъ композиціи, въ составъ которой входили преимущественно желтая и красная мѣдь. Желѣзо попадаетъ весьма рѣдко, и имъ болѣею частію украшали рукоятки оружія, слѣланныя изъ бронзы или композиціи.

Городища. Примѣчательнѣйшія городища въ Виленской губерніи слѣдующія: 1) Въ м. *Эйшицахъ*, въ Лидскомъ уѣз-

дѣ, занимающее въ объемѣ 2 $\frac{1}{2}$ морга (*), въ срединѣ котораго воздвигнуть въ послѣднее время телеграфъ. 2) Въ м. *Радунь*, тоже въ Лидскомъ уѣздѣ. Эти два городища принадлежатъ къ древнѣйшимъ въ здѣшней странѣ. 3) Въ томъ же уѣздѣ, на Шейбакъ-полѣ, близъ имѣнія Костеневъ. Здѣсь въ 1243 г. одержана славная побѣда княземъ Эрдзивиломъ надъ татарскими полчищами подъ начальствомъ Шейбака. На городищѣ деревенское кладбище. 4) На полѣ имѣнія Парадовщижа, въ 7 верстахъ отъ почтовой станціи Красное (въ сторону отъ большой дороги изъ Вильны въ Минскъ), въ Вилейскомъ уѣздѣ. 5) За мѣстечкомъ рѣчки, въ томъ же уѣздѣ, въ лѣсу, окруженное двумя валами, изъ которыхъ второй составленъ изъ большихъ тесаныхъ камней. 6) Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи деревни Коробъ, ѣдучи изъ Ошмянъ въ Ольшаны, на 16 верстѣ. 7) Въ двухъ верстахъ отъ м. Ольшанъ — обширное городище, которое простой народъ величаетъ *Господнею славою*. 8) Вблизи деревни Монтужишки, въ лѣсу при дорогѣ изъ Ошмянъ въ Крево. 9) Въ одной верстѣ отъ деревни Щепановичъ — городище, называемое Жагіянскимъ. Вышина его 6 сажень. Вершина занимаетъ 1 $\frac{1}{2}$ морга. 10) Въ м. Крево. 11) Въ м. Лоскъ. 12) Вблизи имѣнія Городилова, князя Оадея Пузиня, въ Ошмянскомъ уѣздѣ. Всѣ эти городища окружены рвами. Кромѣ этихъ весьма много пригорковъ, впрочемъ, искусственныхъ, болѣею частію покрытыхъ деревьями. Народъ называетъ ихъ городками, или городыщами.

Развалины замковъ. Подъ именемъ замка мы понимаемъ болѣе и менѣе обширный, укрѣпленный дворецъ, обыкновенно на высокой горѣ построенный. Горы такія сохранили до сихъ поръ названіе замковыхъ; а бывшія на нихъ жилища и укрѣпленія вел. князей и другихъ знатныхъ лицъ всѣ въ развалинахъ.

Вотъ главнѣйшія развалины замковъ въ Виленской губерніи:

1. *Въ г. Вильнѣ.* Здѣсь были два замка: одинъ на высокой горѣ, на берегу рѣчки Вилейки, и назывался *Верхнимъ замкомъ*, а другой внизу, у подошвы этой горы, и назывался *Нижнимъ*

(*) Въ одномъ моргѣ 1,565 квадр. сажень.

зѣмкомъ; оба зѣмка еоединялись между собою поередствомъ галлерей. Изъ верхняго зѣмка былъ потаенный подземный ходъ, или туннель, выходившій въ Турьи горы, на нынѣшнемъ предмѣстьи Аптоколь. Виленскіе зѣмки основаны вел. княземъ Литвы и Руси Гедиминомъ въ 1322 году. Въ окружности Верхняго зѣмка былъ при Гедиминѣ языческой храмъ, обращенный при Ольгердѣ въ православную церковь, а при Ягайлѣ въ р.-кат. костѣль св. Мартина, развалины котораго донныѣ существуютъ. Нижній зѣмокъ, съ принадлежавшими къ нему разными строеніями, а также, во времена язычества, храмомъ Перкунаса, основаннымъ здѣсь Гермундомъ въ 1265 году, и жилищемъ верховнаго жреца, или Креве-Кревейты, окруженъ былъ каменною стѣною и назывался *Кривымъ Градомъ* (отъ Креве, т.-е. жилище верховнаго жреца, или отъ русскаго слова кривой). Виленскіе зѣмки были разрушены во время Иоанна-Казимира, въ несчастную для Литвы войну съ Россією (1655—1661 гг.), и болѣе не возстали. Нижній зѣмокъ разобранъ въ 1797 г. Въ Верхнемъ осталась только одна башня, изъ которой въ 1838 г. устроенъ телеграфъ съ деревянною пристройкою. Подъ развалинами костѣла св. Мартина найдено нѣсколько весьма важныхъ для мифологіи предметовъ.

2. *Въ Старыхъ Трокахъ*. Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ здѣшней сторонѣ, извѣстное подъ названіемъ *Гургани*, гдѣ имѣли мѣстопробываніе удѣльные князья, изъ рода Довшпрунга. Въ XI столѣтіи войска кіевскаго князя взяли Гургани, построили укрѣпленный городъ и назвали Троки. Здѣсь жили намѣстники кіевскаго князя, для сбора дани отъ подвластныхъ народовъ. По вытѣсненіи Литовцами этихъ намѣстниковъ, старые Троки оставались литовскимъ укрѣпленіемъ, и здѣсь имѣли иногда свое пребываніе князья литовскіе. Въ началѣ XIV столѣтія, Гедиминъ перенесъ сюда свою столицу изъ Кернова, но не надолго, ибо зѣмокъ совершенно разрушенъ крестоносцами. Этимъ оканчивается исторія Старотрокскаго зѣмка. Нынѣ видно только мѣсто, гдѣ онъ существовалъ; но еще недавно находили здѣсь каменные ядра въ-сомъ до 30 фунтовъ.

3. *Въ Новыхъ Трокахъ*. Послѣ разрушенія зѣмка въ Трокахъ, в. кн. Гедиминъ основалъ два новые зѣмка, въ 3¹/₂ вер-

стахъ отъ прежняго : одинъ на берегу озера Гальва, а другой на островѣ того же озера, около 1320 года. Съ того времени, мѣсто это получило названіе Новыхъ Троковъ, а гдѣ прежде былъ замокъ; наименовано Старыми Троками. Здѣсь жилъ в. кн. Гедиминъ, до постройки Виленскихъ замковъ; здѣсь имѣлъ резиденцію храбрый князь Кейстутъ; здѣсь было любимое мѣстопробываніе знаменитаго сына его Витовта, здѣсь же скончавшагося. Троковскіе замки были разрушены и истреблены пожаромъ въ 1655 году; но и самыя развалины, сохранившіяся на островѣ, свидѣтельствуютъ о его величїи и чистѣйшемъ готическомъ стилѣ XIV столѣтія. До сихъ поръ уцѣлѣли еще два яруса его и главная высокая башня, съ множествомъ круглыхъ отверстій, оконъ и крутою выщелою лѣтвицею. Сохранилась даже живопись на стѣнахъ. Кромѣ того, сохранились двѣ круглыя, величественныя башни, въ окнахъ которыхъ аршина два въ поперечникѣ. Третья башня полуразрушена и сравнялась съ каменнымъ валомъ, окружавшимъ замокъ (*). Отъ другаго замка уцѣлѣли еще двѣ башни, а между ними кругая гора, окруженная ровомъ, съ замѣтными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

4. *Въ Мпдникахъ*, въ двадцати-восьми верстахъ отъ Вильны, по Ошмянскому тракту. Это была древняя лѣтняя резиденція князей литовскихъ. Здѣсь часто проживалъ в. князь Ольгердъ, съ своею супругою Іуліаніею. Нынѣшнія развалины составляютъ четырехугольную каменную стѣну изъ кирпича и камней, длиною около 249 аршинъ, шириною 195, вышиною 16. Внутри пространная площадка. На сѣверо-восточномъ углу была четырехугольная трехэтажная башня, изъ которыхъ въ каждомъ могло быть по двѣ большія комнаты.

5. *Въ м. Крево*. Крево, въ 35 верстахъ отъ г. Ошмянъ, нѣкогда столица удѣльнаго княжества, было удѣломъ Ольгерда, который, а можетъ-быть еще Гедиминъ, основалъ здѣсь замокъ, развалины котораго видны доселѣ; онѣ вышиною 20 аршинъ и занимаютъ въ протяженіи своемъ 150 шаговъ. Уцѣ-

(*) Извѣстный художникъ С. М. Воробьевъ, нынѣшнимъ лѣтомъ (1855), сдѣлалъ замѣчательный, превосходный видъ развалинъ Троковскаго замка на островѣ. Видъ этотъ нынѣ въ С.-Петербургѣ.

лѣли еще готическія окна въ трехъ этажахъ. Подъ башнею было подземелье, въ которомъ мученически умерщвленъ князь Кейстутъ.

6. *Въ г. Лидь.* Лидскій замокъ построенъ в. кн. Гедиминомъ въ 1326 г. Строителями были кievскіе каменщики и русскіе плѣвники изъ Волыни. Нынѣ существующія развалины состоятъ изъ четырехъ стѣнъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ длины 32 сажени, толщины 2 сажени и высоты 5 саж. и 2 аршина; существуютъ еще двѣ высокія башни. Шведскія войска въ XVIII столѣтіи разрушили и разграбили Лидскій замокъ; но лидскіе старосты поддерживали его до 1794 года.

7. *Въ Керновѣ.* Нынѣ казенное имѣніе, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Керновъ былъ первою столицю князей литовскихъ и основанъ, по сказанію лѣтописцевъ, въ 1040 году, княземъ Кернусомъ, внукомъ Палемона. Отсюда въ 1230 г. Рингольтъ перенесъ свою столицу въ Новогрудокъ; но и послѣ того Миндовгъ, Воишелгъ и др. здѣсь восходили на престолъ; кромѣ того, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, сюда собирались удѣльные князья, для совѣщаній. Гедиминъ жилъ большею частію тоже въ Керновѣ, пока не воздвигъ замковъ въ Трокахъ и Вильнѣ. Сюда бѣжалъ, съ своимъ неугасаемымъ *Зничемъ* и уцѣлѣвшими идолами, послѣдній литовскій Кривъ-Кревейто, послѣ обращенія Литовцевъ въ р.-кат. вѣру и низверженія капищъ въ Вильнѣ. Нынѣ въ Керновѣ нѣтъ даже слѣдовъ бывшаго здѣсь замка. Замѣтны только три высокіе кургана на крутомъ берегу Вилиа, съ явственными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

8. *Въ казенномъ имѣніи Дубичахъ,* въ Лидскомъ уѣздѣ. Здѣсь, на островѣ, омываемомъ озеромъ Целусой и рѣкою Котрой, находился замокъ, въ которомъ иногда пребывалъ знаменитый Витовтъ. Это доказывается двумя грамотами, подписанными имъ въ Дубичахъ 6 марта 1415 и 25 іюля 1421 годовъ. Витовтомъ ли, или еще и прежде, построенъ былъ этотъ замокъ, исторія молчитъ. Нынѣ вѣковые дубы покрываютъ островъ, и сквозь ихъ чащу едва можно разглядѣть слѣды укрѣпленій. Существуетъ еще входъ въ глубокое каменное подземелье.

9. *Въ м. Меречь,* въ Трокскомъ уѣздѣ, надъ Нѣманомъ. Полагаютъ, что замокъ и самое поселеніе основаны здѣсь еще

Норманнами. Достоверно, что онъ существовалъ во времена Витенеса. Замокъ былъ сильнымъ и важнымъ стратегическимъ пунктомъ противъ нападений рыцарей. Великіе князья литовскіе часто посѣщали Меречъ для охоты. Здѣсь умеръ Владиславъ IV (1633 г.); здѣсь же прожилъ нѣкоторое время Петръ Великій въ 1707 году. Слѣды замка и укрѣпленій существуютъ только въ высокому и просторному кургану, окруженному валомъ, и въ остаткахъ чрезвычайно древняго кирпича. Нѣсколько лѣтъ тому, въ обрывѣ горъ найдено было нѣсколько каменныхъ ядеръ и особый снарядъ изъ желѣза и дубоваго дерева. Полагаютъ, что это была машина для метанія ядеръ.

10. *Въ с. Дубинкахъ*, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Здѣсь укрѣпленный замокъ князей Радзивилловъ. Слѣды его замѣтны на высокой горѣ. Здѣсь жила нѣкоторое время Варвара, супруга Сигизмунда-Августа, урожденная Радзивиллъ, вдова воеводы Гастольда.

11. *Въ Геранопахъ*, въ 45 верстахъ отъ Ошмянъ. Здѣсь былъ сильный укрѣпленный замокъ славнаго въ Литвѣ рода Гастольдовъ. Развалины замка, имѣвшаго 4 высокія башни, существовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка до перваго этажа, но были разобраны, хотя еще и нынѣ довольно замѣтны, представляя возможность судить о расположеніи замка. Здѣсь провела лучшіе годы своей жизни прославленная литовская Марія Стюартъ, Варвара, когда была еще супругою трокскаго воеводы Гастольда.

12. *Въ Гольшанахъ*, въ 21 верстѣ отъ Ошмянъ. Здѣсь князь Гольша, сынъ Ромунда, князя литовскаго, а по мнѣнію другихъ — сынъ князя Трабуса, основалъ сильный укрѣпленный замокъ, развалины котораго существуютъ доселѣ.

Кромѣ-того, находится еще много мѣстъ, гдѣ существовали замки владѣтельныхъ князей и другихъ знатнѣйшихъ родовъ; но самыя развалины ихъ давно исчезли, — остались только слѣды въ насыпныхъ валахъ и рвахъ.

СЛОВАРЬ БѢЛОРУССКО-КРИВИЧАНСКАГО НАРѢЧІЯ ЖИТЕЛЕЙ
ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

А.

- Абагнаць — обогнать.
Абутраць — (буквально) обзутрѣть, появленіе утренней зари.
Адчиниць — отпереть.
Адгадуць — отгадать.
Алтуль — оттуда.
Аглянуцца — оглянуться.
Абжени — обгови.
Ачкире упогѣ — восклицаніе при выгонѣ овецъ.
Ачуняць — выздоровѣть.
Аднѣрчиць — распоясаться.
Асѣлица — пастбище близъ дома.
Адгавѣцце — отговѣть.
Аколаць — окружать.
Аколаюць — окружають.
Апрануцца — одѣться.
Арабинечка — рабиночка.
Асѣтка — овинъ.
Атрута — отрава.
Ажно — ну-ка.
Асьмаки — деньги.
Астрыжень — середина дерева.
Астрыжонокъ — бревно.
Атуткацца — окутаться.
Атарица — часть поля, принадлежащая работнику.
Азѣродъ — родъ лѣстницы для сушенія сноповъ.

Б.

- Бачиць — видѣть.
Бявдоля — бѣда.
Бливецъ — блинъ.
Блудзиць — блуждать — блудить.
Блакацьце — тоже.
Бондароўна — дочь бомдарчика.
Бордзо — шибко.
Бахтуриць — набить кому-нибудь голову бреднями.
Балабаниць — назвать балабаномъ, родъ насмѣшки.
Балайбушка — родъ булочки.

Балавѣ — лишь бы только.
Блейка — игра, въ которой проигравшій долженъ блѣять.
Бразнуць — бракнуць.
Броень — плѣсень.
Бусѣль — хитерь.
Брыда — пакостникъ.

В.

Ваконца, аконце — окошко.
Валошка — василекъ.
Вулька, улька — улочка.
Вятокъ — новолуніе.
Вутка, утка — утка
Вѣсники — ворота.
Выпалаць — очистить зерно.
Вырай — мѣсто, откуда птицы прилетаютъ.
Высалапиць — выказать, выставить, вытаращить.

Г (*).

Гадзіна — часъ.
Гадзіна — гадъ, змѣя.
Гай — роща.
Галинка — вѣтка.
Галусиць — гласить.
Гареци, гарецъ — горѣть.
Галець — бѣднѣть.
Гаямоужа — растрепа.
Гараткица — горемыка.
Гараваць — заболѣть.
Гетта — это-то.
Гладышь — горшокъ на молоко.
Глудзя — смыслъ.
Гарѣлка — водка.
Гародь, агародъ — огородъ, садъ.
Голачка — иголка.
Господарь — хозяинъ.
Гудзиць — оговаривать.
Гукаць — разговаривать, кликать громко.

(*) Произносится какъ латинское Н.

Гусакъ — гусь.

Гусци — гудить.

Гудзиць — гудить, 3-е лице единствен. числа.

Годзѣ, годзы — довольно.

Грымнуць — упасть съ шумомъ.

Груба — отверстие въ печкѣ, куда кладутъ дрова.

Губица — основа на полотно.

Гутарка — разговоръ.

Гузырь — нижній конецъ снопа.

Д.

Дамовѣрка — домоправительница.

Дамоу — дамой.

Далоу — долой.

Дядзвина — тетка, жена дяди.

Дацѣць — недоѣсть. Дадзѣваю — недоѣдаю.

Доржикъ — мѣсто, огороженное для скота.

Даубня — палка, неповоротливая дѣвка.

Драбѣсьціо — тяжелыя жерди на крышу подъ солому.

Дривотня — мѣсто для склада дровъ.

Дубасъ — большой и тупой ножъ.

Дули — родъ грушъ.

Дурецъ — дурманъ (зелье).

Дырда, дылда — высокій и неповоротливый.

Дырзѣица — издыхать, окопѣвать.

Дзякло — известная подать хлѣбомъ.

Дзѣлѣ — для; дзѣлѣ того, для того.

Дзѣркачъ — изношенная метла или вѣвникъ. Также птица (gallus).

Дзѣруга — дзѣрушка.

Дзына — известный танецъ у престолюдиновъ.

Джынжыки — корчемная музыка.

Ж.

Жебраваць — просить милостыни.

Жеужикъ — бойкій мальчикъ.

Журиць — бранить.

Жлукто — бочка, въ которой зюгать бѣлье.

Жылаць, желаць — желать, требовать.

Жуйка, жвачка — у скота, пережевывающаго кормъ.

З.

- Замуциць — смутить.
Захавайло — олухъ.
Згадзиц-ца — пригодится.
Згадзіўся — согласился.
Заглядуха — пригожая женщина.
Згибаць каравай — дѣлать каравай, свадебный куличъ.
Згибаць — сгибать.
Загнѣтъ — кучи горячихъ угольевъ.
Заблиць — клевать.
Звѣличаць — величать.
Запойка — обрученіе.
Звонъ, двонъ — колоколь.
Завихаць-це-увихаць-це — вертѣться около чего-нибудь.
Завила — вузюля, кукушка.
Злыдки — невыгодныя сани.
Здѣѣкъ — посмѣшище. Здѣѣкаваць-ца — насмѣхаться.
Зяблиць — орать на зиму. Зябьль — поле, которое пашутъ на зиму.

И.

- Ици, исци — итти.
Искрыпачка, скрыпечка — скрышка.

К.

- Качалка — валикъ для катанія бѣлья.
Кузулька — настѣкомое, Божія коровка.
Коли — когда.
Казакъ — летучая мышь.
Каламажичка — телѣжка.
Клокъ — жизненная сила въ зернѣ.
Каноцѣнь — конопля.
Каливо — верно.
Клець — влѣтъ, амбаръ.
Кобяльцы — ковры.
Киндзюкъ — брюшная полость.
Кольки — кольцо, сколько.
Коляды — праздники Рождества Христова.
Комель — толстый конецъ ствола.
Кашута — шелуха, на тѣлѣ послѣ осыпки.

Кышь, а кышь! восклицаніе, которымъ прогоняють куриць.
Коузац-це — скользить. Покаузуц-це — поскользнуться.
Кудаса — мятель.
Кудзирка — рошца.
Кукса — кулакъ.

Л.

Лабіодечка — лебеда.
Лэхчинецка — лощина.
Лакац-це — пугаться.
Легчи — лечь.
Логъ — долина.
Лостечки — лесть.
Луста — ломоть хлѣба.

М.

Маци — мать.
Махляръ — лжець.
Мандаваць — странствовать.
Магаричъ — годовая плата слугамъ.
Маланка — молнія.
Мѣжи, мижи — между.
Маракаваць — роптать или понимать, постигать.
Маркачь — баранъ.
Мазепа (бранное слово).
Мизиперсница — осыпка между пальцами.
Мотузъ — крѣпко затянутый узелъ.
Мурогъ — лучший сортъ сѣна.
Мурза — запачканный, ая, ое.

Н.

Набрыкаць — разбухнуть.
Наговицы — штаны.
Наметка — головной уборъ замужнихъ, преимущественно въ
Могилевской губерніи.
Нароги — желѣзные концы у сохи.
Нарокомъ — нарочно.
На залиць — вывести изъ терпѣнія.
Нѣма гляда — ненаглядная.
Нѣвистны — слѣпой.
Нутка — ну же.

П

- Пачопка — коромысло.
Почипекъ — толстый мотокъ.
Пахинуц-ца — обратиться кула-нибуль.
Подыжвикъ — льстець.
Паходы — походы.
Падсусѣдъ — бобыль.
Подвѣрелзиц-це — подорваться.
Пакраса — украшеніе (въ-особенности въ одеждѣ).
Палохац-ца — пугаться.
Пакациц-це — покатиться.
Палуйка — горсть истертаго льна.
Палогъ — роды.
Папаръ — поле, съ котораго собранъ хлѣбъ.
Пакила воли — освободить свою волю отъ чужой.
Патароча — чучело.
Пасады — мѣсто, на которомъ сажаютъ невѣсту на свадьбѣ.
Поцѣсь — праслица.
Переймо — награда за найденную вещь.
Покуць — мѣсто въ избѣ противъ дверей.
Перекспиць, перехрисиць — перекрестить.
Переполотъ — тоже, что азѣроль.
Пласконный — конопляный.
Пошесць — Божеское наказаніе.
Паѣсь — поясъ.
Прочка — тайное бѣгство.
Пакуль — доколѣ.
Прынада — приманка.
Полудзень — обѣдъ и отдохновеніе въ полдень.
Пуга — короткій крестьянскій бичъ.
Пустоградъ — ни къ чему неспособный.
Пыпаць — типунъ у птицъ.
Постацянка — первая жница.
Пыпницъ — дѣлать что нибуль лѣниво, небрежно.
Прецю — предъ, противъ.
Пѣрсціонекъ — колечко, перстень.
Приданка — та, которая отвозитъ приданое невѣсты въ домъ жениха.
Пригроза — угроза.
Пушокъ, пуховъ — хлѣбъ съ мякиной.

Р.

- Рабушка — пестрая.
Рахманъ — спокойный.
Раскиданъ — разбросанный.
Радзіога, радзіошка — что-нибудь истертое, такъ-что нитки видны.
Разлучница — та, которая ссоритъ любовниковъ.
Рагатаць — слишкомъ громко смѣяться.
Роўня — равный.
Ражка — деревянный ковшъ.
Разбазырець — избаловаться, развратиться.
Разлабары — длинные разговоры.
Резъ — часть поля.
Рѣздини — сѣтка, въ которой пояснять въ коровныхъ сѣно или солому.
Розора — борозда.
Рубль — шесть, которымъ придавливаютъ на возу сѣно или снопы.
Ручайка — пряжа на веретенѣ.
Рупиць, рупиц-ца — кручиниться, заботиться. Рушль — заботливый.
Рынуць — ринуться.

С.

- Сцюдзіоный — холодный.
Сакаталь — кричатъ, кудахтатъ.
Сядзіолечко — сѣло.
Саладуха — кушанье изъ ржаного солода.
Скамлица — скамейка.
Слизко — скользко.
Слусиць — солгать.
Стоупъ — столбъ.
Сцибло — стебель.
Судзиночка — деревянная посуда.
Сціобаць — сѣчь.
Сядрево — холодновато.
Сіорбаць — хлѣбать.
Скалянуць — сболтать, смутить.
Сваньха — сваха.
Скуль — откуда.

- Слимазарникъ — розиня.
- Смага — сухость въ устахъ отъ жара.
- Спогаць, спогодиць — состраданіе снисхожденіе.
- Спрахцись — пропастъ, издохнуть.
- Стопка — малая изба.
- Суница — земляника.

Т.

- Тахлаваць — мотать, расточать.
- Таки — а все-таки.
- Трасца — лихорадка.
- Тригубица — трехсторонная сѣтка для ловлѣ птицъ.
- Тупица — тупой топоръ.
- Тузаць — тузить.

Ц.

- Цѣрамачекъ — теремъ.
- Цихѣнь, цихинь — небольшой громъ.
- Циховаць — примѣчать.
- Цѣкаць — рубить или толочь.
- Ціунъ — тіунъ, волостной начальникъ.
- Цкаваць — травить собаками.
- Цмянь, цмяны — темноватый.
- Цымбуръ — стебель у зелья.

Ч.

- Чарпень — черепокъ разбитаго горшка.
- Чубайка — хохоль.
- Чутно — слышно.
- Чешуйка — полоса нитокъ на клубкѣ.
- Чурац-це — стыдиться.
- Чужепанецъ — крестьянинъ другаго владѣльца.

Ш.

- Шацеръ — шатеръ.
- Шабуньки — шутки.
- Шеры — сѣрый
- Шауковы — шелковый.
- Шерхуць — вѣроятно отъ *шороха*. *Али шерхнѣ* — не тро-

нется со страха. *Скурамерать* отъ страха кожа — дражнить.

Шерхни сохою — тронь сохою.

Шейлуга — старая замученная лошадь.

Шуло — выдолбленный столбъ, въ которомъ закладываютъ бревны.

Швеля — бревно, брусъ.

Шийшина — шиповникъ.

Щ.

Щекотать — щебетать.

У.

Уханиць — схватить, украсть.

Усп-ця — вьется.

Улѣтку — лѣтомъ.

Узлиць — дѣлать.

Учкурь — шуурокъ около поясницы.

Удубѣць — отвердѣть.

Упыниць — воздержать. Упынь — унять.

Услонъ — скамейка.

Усмятку — невысохшій, недосушенный.

Ъ.

Ъдвабы — шелковый.

Я.

Ятровка — невѣста, жена брата.

Пѣсни жителей Виленской губернии, кривичанскаго племени.

1.

Ой наль гаемъ зѣлюненкымъ
Ой эдау-сѣ мнѣ сонъ дзюценьки, —
Кажу кони закладаци,
Ъду брата злѣвацаи —
Падъ вароты падлѣзжаю
Чую брата говорици:

Знимай жонка хлѣбъ, соль съ стала
Бѣзъ сестра мая родна
Знаю ѣа, да голодна.
Жонка мужа не слухала
Хлѣба, соли не знимала;
Сестра тоіа якъ учула,
Назадъ кони завернула.
Мужъ на женку насварыуса,
Вышеу, сѣстрѣ да-й склануса —
Сѣстражъ мая родвенькая —
Прошу цѣбѣ абѣлаци —
Да-й и мѣвѣ адебѣлаци —
Я абѣду не хацѣла,
Цѣбѣ братка погледѣла
Есть у меня хлѣбъ, соль у возѣ
Будѣ абѣдъ у дорозѣ
Кажу копіомъ аброкъ даши,
Сама сяду абѣлаци,
Табѣжъ братку повѣло-сѣ,
А мѣв горо привелосѣ.
Якъ я дѣтки надгадуо
Свайго гора пазабуду.

2.

Да поѣдѣишь панянку женицисѣ,
Нѣ стау коника подѣ калиною
Бо калина дѣрево нѣщастливое
Весною калину дѣѣука ломѣць —
У осѣнь калину пташки зоблець
Пастау конника надѣ яворомъ.
Яворъ дѣрево щастливое
У яворнымъ комле черныя бабри
У яворы у сѣредзинѣ райскѣ пшолки,
У яворы у вѣрху сивыя сакалы,
Черныя бобрики, добрыя набоѣики;
Райскіе пшолки, солодокъ мѣдокъ;
Сивыя соколы да на гулявѣ.

3.

Лецѣу воронъ по надѣ моремъ
И стау галасниця:
Ой якъ цяжко убогому,
Багату любичи!
Багатая нѣ думаѣ,
Што бѣднѣньки нудѣмѣ,

Багатая да думаѣ :
Якъ дзѣцюкоу гузницѣ
Палавина лѣтъ минаѣ
Я шаспя везнаю ;
Якъ же о мнѣ Боу пшезначиу
Што чиници маю ;
Хожу, блуджу, хожу, блуджу,
Якъ то слоньцо укрузѣ
Куда пайду , чи што роблю
Усiо серце у тузѣ.
Ходжу блуджу, ходжу, блуджу,
Вѣкъ свой проклинаю
Што полюбиу багатую
Да ее не маю.
Лѣцѣу воронѣ по надѣ моремѣ
Да слѣу ionѣ на соснѣ ;
О мой же ты Пракопечку
Нѣбудзѣ такѣ нулоснѣ.
Есць же у насѣ Пракседунька
Молола хоць бѣдна ;
Пакинь любиць багатую ,
Палюби Пракседку.
Багатая, да пышнаа
Цѣбѣ глаумиць булзѣ :
А бѣднаа Пракседунька
Цѣбѣ любиць будзѣ.

4.

Ой наштожѣ мнѣ сваого милаго гудзѣць ,
Кали ionѣ мнѣ малоду, да церавнѣнко будзиць !
Да самѣ идзѣ на токѣ малациць ,
А мнѣ маладзѣнкой вѣлвиць легчи, запачиць ,
Ой самѣ идзѣ, да у полѣ гараца
А маѣ маладзѣнкой вѣлвиць исци гуляци !
Ой иду я, иду гуляци,
Кронцѣ-це маю серцонко на часци
Ой маѣ сусѣдечки и пиоць я гуляюць ,
А маѣ адну бездонную, адну аколаюць ,
Ой выду я на улечку, рассыпаны карты ,
Ой глзѣжѣ маѣ дзѣвоцкѣ падзѣли-сѣ жарты ?
Ой выду я на улечку, рассыпану суницы ,
Ой глзѣ жѣ маѣ дзѣвоцкѣ падзѣлисѣ вѣчерины !
Ой выду я на улечку, рассыпаны дули ;
Ой глзѣ жѣ маѣ дзѣвоцкѣ падзѣлисѣ чули ?
Ой выду я на улечку, рассыпаны вишни
Ой глзѣ жѣ маѣ дзѣвоцкѣ падзѣлисѣ мысли ?

Ой выду я на улечку, раскиданы дрова;
Ой бѣдна жъ я маладзѣвнѣка сѣджу якъ ўдова!
Ой крутая бѣрозенька, што надъ гаемъ зросла:
Нѣшасная нѣдзѣленька, штоля за мужъ пошла!
Ой крутая бѣрозенька воду замуцילה;
Нѣшасная галзицонька за мужъ пакруцила.

5.

Служыў Ясь Ваўволзъ —
Выслужыў Касцѣвску, малоду жонечку.
Кася листы писала и до Яся посылала
Ўдзв Ясю до дому, збудуў нову камору.
Шгобъ я мѣла глзѣ лѣжаць, свой дзѣтки гадаваць.
Прыѣхаў Ясь да дому, правадзяць Касю да гробу! —
Ой покажыць касю мнѣ, погляжу, чы неживѣ!
Пришоў Ясь да сѣней: лежиць Кася на доскѣ
Малы сынь у колысце, — люли, люли сыну мой!
Нашто цѣбѣ Боў стварыў што ты Касю замарыў!
Сестра тоў учула, да на Яся скрыкнула,
Ой не вѣдвѣи ты юго: тобѣ жонка заразь будзѣць —
Ему матки нѣбудзѣць!
Табѣ жонка у вяночку, нму матка у пасочку!

6.

Развивай-сѣ сѣры дубѣ —
Заразь марозѣ будзѣць.
Прыбирай-сѣ сыну у панцырь,
Заразь паходѣ будзѣць!
Я марозу не баюсѣ,
Заразь разбѣрусѣ,
И паходу не баюсѣ
Заразь прыбѣрусѣ.
Ой сѣў собѣ на коника.
Низенко скланцѣсѣ!
Выбачайцѣ вы сусѣдкі,
Може на сварыўсѣ!
Матка у юго запытала
Кали будзѣшь госцѣмъ?
Лжѣ у сѣняхъ на памосцѣ
Травица выроscѣ!
Расла трава, расла трава
Стала пасыхацѣ
Ждала, ждала матка сына
Дай стала плакацѣ!
Покрапляйцѣ дароженку

Штобы не-пылила;
Да скажиць мойй матцѣ
Штобы не тужила.
Ой лецила заулучка
Да-й сказала «куку» —
Чекай шѣиѣ, мая матка,
Чекай хоць до вѣку!

7.

Съ подѣ дѣсу, съ подѣ цѣмнаго,
Съ подѣ кусточка зеленого,
Вылетаѣ птушечка-райская
Вывосиць письмо павскоѣ,
На крыделку написанноѣ
Якъ бы намѣ тую птушечку поймаѣ
Якъ бы намѣ тоѣ письмо перечитаѣ?
Поймала тую пташеньку матуля,
Три сынки роденькиѣ маючи
Якъ пречитала, то заплакала
Каторому да шастѣо даѣи:
Да чы старшому, да чы малодшому
Да чы Грыгорьку, сѣрадольшому
Той же бѣленьки я харошеньки
Ѣна его спадабаѣ,
Будзѣ шастливы я галасливы
Да на цѣлумѣ сѣбѣ;
Што спадабала, да я узѣла
Павѣика зѣ Украйны!
Ой прибѣрай-сѣ Грыгорько сынку, —
Шастлиу ты будзѣшѣ!
Ѣзѣ на Украйну, у шастливу гадзѣну
Тамѣ вѣкъ каратаѣи будзѣшѣ,
Есть же тамѣ панки, што цѣбѣ возьмѣ,
За мужа я ва пана!
Памѣнтау сынку на сваю дружинку
Кали сѣбѣ шастѣо спадакае
Штобѣ не забыуѣсѣ я науѣиуѣсѣ
Якъ Бога знаѣи, я гараваѣи на землѣи.

8.

Зѣлюная бѣрозенька, чему бѣла не зѣлена?
Якъ же мѣѣ быѣи зѣлюной, при дорозѣ стоючи?
Да што дѣѣнь купцы ѣдуць,
На каренѣахѣ огнѣ кладуць,
Цѣрваѣ галин дымѣ идуць

Ой хадзи мой сынку съ карчы да ладому
Забираюць арендары уею твою худобу
Я самъ тою бачу, што худобу трачу
За дробныма сляозункама я сьвѣту не бачу.

12.

Ой у поли подъ вишенкаю
Тамъ казачокъ забитый лежыць
Налъ нимъ коникъ вараны стаиць
Капыцьвкомъ землю сьчѣ .
Свайму паву вады дастаѣ
Таѣ коню вады не дастаѣ
А мнѣ маладому алъ земли неустаѣ.
Бѣжи коню да новаго двора
Выйдаѣ да цѣбѣ старая жана
Старая жава, то матка мая
Булаѣ у цѣбѣ сына пытаци;
Не кажи коню што забитъ лѣжу
Да скажи коню што ажениуѣ.
Штожъ у него за сваты были?
Были у ѣго сваты зѣлѣоны дубы.
Штожъ у его коню за музыка была?
Быу у ѣго музыка зѣлѣоный яворъ.
Штожъ у него коню за сванька была?
Была у него сванька чырвона казинка.
Штожъ у няго коню за дружки были?
Были у ѣго дружки бѣлы бѣрозки.
Штожъ у его коню за млада была?
Была у его млада, арабнечка
У чистомъ полѣ да магилѣчка.

13.

Ой чомужъ то панъ Хамицки той часъ нежениуѣ
Якъ у лѣсѣ на аресѣ голубъ уразиуѣ!
Ой чомужъ ты Бондароуна у той часъ замужъ нешла
Якъ у млывѣ на каменя пшеничунка узышла?
У мѣстечку Цѣрастечку камаанда стаяла
Тамъ же Бондароуна усю ночку неспала
Гаварили Бондароуна да добрыѣ людаѣ
Уцѣвай-ты Бондароуна лихо таѣ будаѣ
О якъ скочыць Бондароуна мѣжама лугама
А за нею панъ Хамицки съ споема слугама.
А якъ дагнау Бондароуну у полѣ нагчивечки
Такъ и ханіу Бондароуну за бѣлы рученьки
А привіоу же Бондароуну да своей сьвѣтличеньки

Посади́ же Бондаро́у на бѣлошъ креселку.
А каза́ же Бондаро́уи пѣсенку свѣзати
А самъ пашо́у панъ Хамицкій стрѣльбу набивати
А ци лепѣ́й Бондаро́уно у сыромъ пѣску гници
Якъ за мною за Хамицкимъ у атласѣ ходзици?
Ой лѣпѣ́й панъ Хамици у сыромъ пѣску гници
Якъ за паномъ за Хамицкимъ у атласѣ холзици
Ой якъ вѣщи́у Бондаро́уно подъ лѣвое ухо,
Засталасѣ Бондаро́уна в свѣпа и глуха
Ой каза́ же панъ Хамици адъ ранку да ранку
Быкараци Бондаро́уи глыбодую ямку
Ой каза́ же Бондаро́уно у три дни хвѣзати
Да вѣхайжѣ поплачец-це ее бацько, маци
Ой прошо́у же ее бацько и спласну́у руками,
Отожъ табѣ́ пришло лихо съ твоими думками.

14.

Па́хчау Ясѣнько на вайну.
Памину́у Касѣньку адну
За́хчау Ясѣнько къ цѣсци начаваць
Стала цѣсци пасцѣль бѣлу слаць
Уста́у Ясѣнько раневько
Умы́у-сѣ бялѣнько;
Што я табѣ́ цѣсца, за дзиви́ скажу:
Предъ маими вратами ябмыня цѣсла
И цѣтъ атрусила.
Я табѣ́ зяцю адгану:
Твая Касѣнька сыва павила
Бѣлому свѣту, — сама помѣрла
Служки маѣ вѣрнѣи́кѣ
Закладайцѣ кони варанѣнькѣ
По́дзѣмъ да свайго двара.
Нашей Каси на свѣтѣ нѣма. —
Падѣ́ждажаю подъ гай, гай-пѣшумиць
Падѣ́ждажаю подъ садъ, садъ вѣвѣзюнь
Падѣ́ждажаю подъ дворъ, дворъ вѣвѣсіоль
Скачи́у Янко да пѣкарни
У пѣкарни мамки да няньки
Да ужо майго сыночка няньчаць и калышуць
Скачи́у Ясѣнько да свѣтлицы
У свѣглицы панны у черни
Мая Касѣнька лѣжиць у бѣли
Служка маѣ вѣрнѣи́кѣ
По́дзѣмъ да Гайбова
А купи́мъ три китайки:
Адна китайка червоная

А другая зѣлюная
А третья чорная
Чарвона китайка, то жана мая
Зѣлюна паходы ее;
А чорная жалоба мая.
Цяжко камѣню на вадзѣ плываці
Такъ майму сыначку безъ маці расці.

15.

Бѣдна мая галовенка
Што чужая староненька.
Бѣдна, бѣдна нещастная,
Мѣнѣ доля неспазнала
Якъ рекруціа лавили
Назадъ ручки повязали
Резвы ножки акавали
У нѣдзѣлю нараненько
Выбираюць фурманеньки
Да да двора пасылаюць
Да рекруціа саждаюць
Сами сядуць на задочку
Мѣнѣ садзяць у передочку
И коніа паганяюць
Рекруціа разважаюць
Цыць рекруці нѣ журісь
Еще млоды нѣ сгодзішсь
Вѣзучь мѣнѣ у городочекъ
У гарадодекъ у Навагрудекъ
Садзѣць мѣна на столечекъ
Голецъ маю головеньку:
Пивемъ, міодемъ напайлі
Пірагама вакаршылі.
У камѣнцы снаць лажылі.
Лазь (ложысь) рекруць нѣресыпайсь
Да да муштру прыбѣрайсь
Ліогъ (легъ) рекруць не переспаў-сь
Да да муштру не врыбраў-ся
Прыхлѣсь я къ яблынь
Мнѣ яблына нѣ матулі
Зѣлюная нѣ родная
Прыхлѣю-сь да явору
Да мнѣ яворъ нѣ ойченко
Зѣлюненьки нѣ родненьки
Я безъ маткі, я безъ ойца
Блукаюся якъ аўца

Безъ сѣстры , безъ брата —
Я бѣды сирота.

16.

Зажурыу-сь ясны сонзочекъ
Што вѣ рано съ выраю выгѣтаѣ
Нѣгдаѣ сѣспи гвѣздѣ звисци
Сяду паду , у вишнёвомъ саду
Саюу (совью) гвѣздечко зъ зѣлюнаго древа
За гарюю снѣги рѣчки стали ;
Усѣ салдагы у паходѣ выступали
У агародѣ зацвитага рожга ;
Пазнала матка сына у паходѣѣ.
Вѣрнисѣ сынку да дому
Змыю табѣ бѣло галоуку.
Змывай маци себѣ вѣ мнѣ.
У поля дажда дробныя
Змыюць же мнѣ дажда дробныя
А высушаць вѣтры буйныя.
Вернисѣ сынку да дому
Пасцѣлю табѣ бѣлу пасцѣлку
Сцѣли маци сабѣ не мнѣ
Ой у поли трава шалковая
Для солдата пасцѣль готовая
Бѣловая шпичка.
Силдацка падушечка
Кленовымъ листочкомъ апрапу-сѣ ,
Съ своимъ товарищемъ выспаюся.

17.

У тамтой віосцѣ (деревиѣ) , вѣцѣрь вѣе
А у той віосцѣ цихо ;
У нашей віосцѣ добра нима
А у сусѣдской лихо
У нашихъ войтоу , аканомоу ,
Бѣвабныхъ хустки (шелковыя платки)
У гдѣ была гаспадары
То усю хаты пустки
У вѣдзѣлю ранюсѣнько
У два званы звоняць
А насѣ войты , аканомы
На панцизну гоняць.
Якъ за старымъ было паномъ
Лѣгко на работу ;
У вѣсь тыдзѣнь (вѣдзѣля) сѣдзи дома

Шарварка у суботу.
Цѣпѣрь за маладымъ паномъ.
Цяжко на работы
Утѣсь тыдзѣнь на панцианѣ
Шарварка у суботу.

18.

Щиглякѣ вѣ вѣлики грамаду собираѣ,
Самъ вѣхочѣ адзинѣ жицѣ, жаница—сѣ маѣ
Узлѣ сабѣ пшцу, бараву синицу
Красную, ясную веребѣя сѣстрыцу
Паслау арла, паслау арла усіо птаство збираци
А аролѣ напау гуса, давай мардаваца (мучить, обдирать)
Два синигиры, два синигиры шпака (сворца) спаймали
А вароны за той часѣ каравай сѣбагли
Два каплуны, два каплуны солодѣ малаццили
Карапатва в сѣ цѣпѣро да млына насили
Баданѣ (аистѣ) шлѣлѣ, бапанѣ мѣлѣ, акрукѣ (воронѣ) засыпаѣ.
А вѣробчикѣ добры хлопчикѣ муку абираѣ
Пѣрепюлка, перепюлка хату замѣтаѣ
Сава сѣдзицѣ на покуци, сѣ коса паглядаѣ,
Сѣдзицѣ дѣбркачѣ на парозѣ, сѣдзицѣ на парозѣ
Пугачѣ, пугачѣ упиушисѣ лѣжыцѣ на марозѣ
А сарочки якѣ приданки скачудѣ кала лѣуки;
Бѣдна наша головѣнька, вѣмаеѣ приганки
А чаѣчка сѣ куличкомѣ на вѣсѣли играѣ,
А куликѣ чайку узлѣ за чубайку
Чайка кигичѣ, сѣгнѣ ты куличе!
А заюла (кукушка) вазица харошая птица
Залатыя крыла маѣ, такѣ гучно лѣтаѣ,
А чмѣлѣ мюду даѣ в госци примаѣ.

19.

Да пайдѣ я каля гаю, выганю сакала сѣ гаю,
Нѣ сакала выгнали, алѣ свайго ойченька. —
Ойченько мой родиньки, ружовы клѣцѣ
Пабывай у мѣнѣ хоцѣ разѣ у лѣцѣ.
Дѣзѣцатко маю дарогою
Якѣ мѣнѣ у цѣбѣ пабываѣцѣ
У лѣтку за пясками, зимою за снѣгами
А вѣсною за вадою
У лѣтку у карецѣ, а зимою вѣ ваозчку
А вѣсною у чауночку

20.

Пахилиць-сь лозы аль дуба да берозы
Кабъ мнѣ было видно да ойченка майго ;
Лоеньки схилили-сь (наклонились) да хмарки (тучи) явились.
Паки мнѣ иъвидно да ойченка майго ;
Такижъ мнѣ иъ видѣнько-да ойченька
Майго радавнькаго.

21.

Пара жовки ламой ици, пацѣхала зара ключи
Кала пастаца идучи а въ мѣсяцомъ гуляючи
А съ соушнньками гуляючи
А узойлицѣ ясне зорки, авнайлицѣ ключи лзвонки
Пара зямлю адмыкаци, вара расу выпускаци
А первую ядаваю, а другую мядаваю ;
Лядавая смиратковая, мядавая таткавая
Лядавая کالا плоту, мядавая کالا стала
Лядовую каломъ прабію, мядовую съ людзми напію.

22.

А при крайчаку, при дунайчаку
Самъ два брацятка акупали-ся
А купалися, размаўлялися
А мижи ихъ чужазѣмчикъ быу
Чужеземчика загубиць хочуць
Алзвнѣ кажецъ загубимъ яго
А други кажецъ папытаем-си
Чы іосць у яго а родъ плямѣнъ
А родъ пльмѣня, ацѣць, мамечка
Ацѣць мамечка, братъ и съ сестрою
Братъ а сестрою, жани съ дѣтками
Цихи Дунаю, томоу татешька
Сырая земля, то matka мая
Улузи салавѣй, то мой брацятка
У бару вязюли, то сестра мая
Бѣла бярозка, то жана мая
У бярозки розги, то дѣтки маѣ,
Цихи Дунаю умывай мянѣ !
Сырая земля, прикапай мянѣ
Улузи салавѣй, пацабѣчь на мнѣ !
У бару вязюла пакукай на мнѣ !
Бѣла бяроза пашуми на мнѣ
У бярозки розки пакивайца-сь !

23.

У лузі салавѣй калынку кляюць
Лихая свякроўка навѣсту журыць.
Шлець яѣ маладую на Дунай на ваду
На маіо бяздоллѣ патухъ на пѣяў
Патухъ нѣ пѣяў, гусакъ не крычаў
Только адзінъ ваучыцца за гарою выѣць
Плакала малада кѣ Дунаю идучи
А зачуў милѣньки кони пасучи
Нѣ бось милая, я кони пасу.
Я кони пасу н вады прывясу
Черпаў милѣньки вюдры поўненьки
Нѣси милѣньки памалаюцьку
Пастаў милѣньки у сѣняхъ на лаўцѣ
Нѣ кажи милѣньки а сваей матцѣ
Вотъ табѣ свякроўка зѣ Дунаю вада
Умыйся, напійся сѣ поўнаго вѣдра
Яжъ цябѣ навѣстка ни вады слаза,
Яжъ цябѣ навѣстка сѣтву збаўляла.

24.

Ня дѣрога пива пивая
Ды дѣрога пасядзѣніка
Муская пагуляника
Муская гаспадарская
А у бѣсядзѣ людзи добрые
Гукаюць яны мускоѣ:
А будзѣмъ мы пива вѣрыць
А будзѣмъ мы сыноў жаниць
А будзѣмъ мы гарѣлку гнаць
А будзѣмъ мы дачокъ даваць.

25.

Чырваяя калыначка
У візіюной дугѣ схилилася
Я малада сжурилася
Што адъ роду адбилася
Ай адъ рода адъ радочку
Цяжка жыли цяжка быци
У чужой землѣ маладзивици
Ей пайду я гуляючи
Сваей доли шукаючи,
Аддзикнися мая доля

На томъ боку сини моря
А приплыли мая доля
А къ крутому бвращочку. 2.
А къ липовому кусточку. 2.
А напишимъ на листочку
Мыжъ напишимъ на листочку
Ды в пашлюмъ да радочку
Нѣхай радня причитаѣ
Назадъ писма адсылаѣ.

26.

А паѣхаў сынъ Данила на войну ваѣваць.
А пакинуў Кацярыну у своемъ домъ дамаваць,
Маци его старая къ яму листы писала:
А вѣрнисѣ жъ сынъ Давилушка дамоу.
А ужо твѣя Кацярына свою волю панила
Міоды твѣя салодкіѣ павыщедывала,
Сукнѣ твѣя дарагіѣ пазнашавала
Кони твѣя стаѣцныѣ пазабжджавала
Граши твѣя вѣликіѣ парассоравала
А вярнуўся сынъ Давилушка дамоу.
Ажно яго Кацярына напярэйма вышла,
Сынка яго малѣнкаго на рукахъ вынесла
А хваціў сынъ Данила вострусьцьки мѣць
А зняў Кацѣрынце галовачку съ плѣць.
Якъ пашоу сынъ Данила да шафѣ сваей,
А у шафѣ его сукны у цѣлосци вѣсяць;
Якъ нашелъ сынъ Данила да клѣци сваей,
А у клѣци яго мяды пазапѣснѣвали;
Якъ пашоу сынъ Данила да свѣтлицы сваей,
А у свѣтлицы двѣ сястрыцы дробныя сліозки ліюць;
Якъ пашоу сынъ Данила да пѣварни сваей,
А у пѣварни Кацярына безъ головочки лежыць
Нѣдалѣко Кацярына дамавѣрка станицъ;
Якъ пашоу сынъ Данила да палацу свайго —
А у палацы старая маци ла у креслѣ сядзницъ
Сынка яго малѣнкаго на рукахъ дзѣржыць.
Ой маци, маци: увѣсь грехъ на цябѣ.
Пѣршы грехъ, што я молодъ аўдаўѣў
Другой грехъ, што мой сынъ сирота,
Трета грехъ, што Кацярыны нима!

27.

О жила, была жидоўка ўдоўка,
Была у яѣ дочка Хайпачка

Дочка Хайначка люблю я цябя
Паўё Зялянкевич пайду за цябё
Ня їдзе же на мнё у нядзёлю рава
Прыёдзе жа на мнё у суботу позна
Кали мая маминька да школы пайдзё
Прыёдзе жа на мнё у трохё вазочкахё
У адномё вазочку скрынкі парывнкі
А ў другомё вазочку сребро и злото,
А ў третимё вазочку, тамё мы сё табою.
Узяў я Хайначку падё бёлы плечки.
Кинуў Хайначку у глыбокую рёчку,
Вотё табё Хайначка вада и блото
А мнё маладому сребро и злото.
Вотё табё Хайначка жыццё зё валою
А мнё аженнцися и зё маладой.

28.

Макё зялёны макё чэрвоны сё паўначы цвициць
Тамё за гарой тамё за другой мянё татка кличыць.
Мянё родныи кличыць.
Я вё пайду, да души (родё божбы) ни пайду
Дали-Богё ни пайду.
Ночка цёмна рёчка быстра, кладка не мошена
(повторяется тоже при всякой строфё, сё перемёною только
выраженёй: мянё матка кличыць, мянё брацё кличыць, мянё
сёстра кличыць. Напоследокё мянё милый кличыць)
Ночка видна, рёчка циха, кладка мошена.

29.

Засвицёла у гародзё макоўка
Забазёла Марыси галоўка
Захацёла заморскаго зёля.
Кому ёхаць за морё по зёля?
Таму ёхаць кому рукадзёля
Татку ёхаць за морё па зёля
Татка кажиць я конника ни маю
Татка кажиць я и зёля ни знаю.
Зацвицёла у гародзё макёўка (и проч., какё выше).
Брату ёхаць за мора по зёля (и проч.).
Зацвицёла у гародзё макоўка (и проч.).
Ясю ёхаць за морё па зёля
А Ясь кажиць я и конника маю
А Ясь кажиць я и зёля знаю.
Адзинё конникё поля пётраёхаць
Други конникё мара пётраёхаць

Трецій коникъ да зѣла даѣхаць.

А стаў Ясь зѣла капаць
Стали надъ нимъ птушки шебитаць:
Нѣ капай Ясюннѣку зѣла
Ужо у Марыси другоѣ вясѣла
А вѣзь Ясю лугомъ, бѣрегомъ
А стань Ясю у поля надъ шатромъ :
Будзѣшь видзѣць, якъ Марыси сваты паѣдуць.

Паазволь, паазволь Марысинька на дворъ
Нѣ паазволю Ясюленьку шѣрши
Бѣць у мена другой милѣйшій
Паазволь, паазволь Марысинка у хату
Нѣ паазволю (и проч., какъ выше)
Паазволь, паазволь Марысинка за столъ
Нѣ паазволю (и проч.)
Паазволь, паазволь Марысинка тацѣць !
Нѣ паазволю (и проч.)

Узяў Ясь Марысю за лѣваю ручку
У правай ручкѣ шабельку тримаець ;
Сцяў (отрубилъ) Ясь Марыси галоўку роўно съ плечъ
Вотъ Марыси за морскоѣ зѣла
Вотъ Марыси другоѣ вясѣла
Вотъ Марыси Ясюленьки пѣрушы
Бѣць же у мена другіе милѣйшы.

30.

Да што у поли за дымы дымаць ?
Да што у поли за огни горяць ?
Турецки царъ съ войны вѣдиць.
И зачула Марысенька
Да зачула яго душечка.
Татуличка а мой родинки !
Замкнѣн мянѣ на трыста замкоў
Съ стѣста замкоў да хоць у тры—
Камѣнѣнками паазаваливай
Калоўзѣнками позакачѣвай.

Челомъ, челомъ да Ивановичъ
Вывидзъ свою да дачушечку
Вывидзъ свою да Марысѣчку !
Иванъ того нѣ убѣўшыся
Вынуў сваго да чалавѣцу.
Турецкій царъ да съ кана дамоў
Трыста замкоў да паадмынаў
Колодзѣйки да паадкачѣваў
Камѣнѣнки да паадкачѣваў

Челомъ, челомъ да Марысинька

Челомъ, челомъ мая душечка
Сядай са мной да на коника
А мой коникъ варавенькй
Каламажичка малаванинькаа
Аглоблячки вызлащавыѣ
 Възѣмъ полѣ, възѣмъ другоѣ
На треще уѣждажжамъ мы
Пастой да пастой турецкй царь!
Аддай маю да Марысиньку
Аддай маю да дачушиньку
Марысенька мая душечка
Ай вярнися да адкланисѣ
Сѣ атцомъ, маткой папращай-сѣ!

31.

А да дымно у поли дымно
За чымъ яно дымно?
Тамъ ѣхали Татарыны.
Ваяли себѣ Вальничку
Да красную панѣничку
Маладзѣнскую Юлечку
Да за ѣй погонь гониць
Яѣ родный татенька
Яно дзвца разумное
Назадъ аглянулося
Пастой татко нѣ ганисѣ
А вазадъ вярнися
Я сама къ табѣ буду
Зѣ маладзѣнскимъ зяцѣмъ
Зѣ бялюсенькимъ сыремъ
Зѣ малюсенькимъ сыномъ.

32.

А на моры, на моры, ваціомненькомъ азіоры,
 Дуброўка, ты дуброўка ты зліюная мая
Пасарь гусей гавляць и ускрыпочку играць
 Дуброўка (и пр., какъ выше, послѣ каждого стиха).
Да скажиць павенць што у чырвоной сукенць
Нахай за мужъ вядзѣѣ, вяхай мянѣ падаждѣ
Я ѣсть писарь малалый, къ тому еще багаты
Дзѣвѣць кони у аборы, ѣше столькой у поли.
А дзѣсаты вичаты што поѣхачѣ у святы
Матка капай карѣня зѣ подѣ бѣлаго калѣня
А вымый же на рацѣ, а упарь его у малацѣ
А вымыйць на ляду а усмажиць у мяду.

16

Вше корень не кипѣу, уже писарь прилѣцѣу :
Што, што цябѣ принѣсло? чы чаўночникъ чы васло?
Приніось меня сивый конь, да дваўчыван маладой!

33.

Туманъ, туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ.
Широкій лѣсть на калинѣ на калинѣ.
Шырей того, шырей того на дубочку
Кличыць голубъ голубочку, голубочку
Хоць нѣсваго хоць нѣсваго да чужую
Пастой мила пацалаю пацалаю.
На чтожъ тоя, на чтожъ тоя палаванья
Серцу туги задаванья задаванья?
Нѣ задавай вѣ задавай сердцу туги.
Ня возмежъ ты, возмѣць други, возмѣ други.
Пастой дзѣўка пастой дзѣўка не журыся
Я вше молодъ ня жениўся, ня жениўся
А якъ буду а якъ буду жаницца
Прашу и пива напицца, напицца
Прашу дзива дзивицца, дзивицца.
Тваіо и пива, тваіо и пива миѣ ня мила
Тваіо и дзива, миѣ не дзива, миѣ не дзива.
Только дзива якъ мы съ табой гаварили
Твая мошя чагайница, твая цістка разлучница разлучница
Разлучила разлучила насъ съ табою
Якъ рыбачку и зъ валою и зъ валою
Гарыць агонь, гарыць агонь за валою
Я и не вижу за бялою, за бядою.
Гарыць агонь, гарыць агонь за лѣсами
Я не вижу за слѣзми, за слѣзми.

34.

Паўхаў сынокъ ажъ на Украинну
Туды паўхаў не ажениўшисѣ ;
Адгуль прѣхаў ажаниўшисѣ
Ой вышла маці ихъ пераймаці
Сынѣ витала чырвонымъ виномъ
А навѣсту бѣдой атрутой (отрава)
Сынѣ вина напиў на кана узліў
Бялую атруту навѣста выпила
Ня умѣла маці насъ пираймаці
Умѣй же маці насъ пахаваці.
Сына убрала у тонкую китаіку,
А навѣсту у тоўстую рагожу
Сына вязла шесцьми каіями

А навѣсту сляпой кабылой
Сынѣ хавала пиратъ касціоломъ
А навѣсту ажъ за касціоломъ.
На сына магилѣ выросъ яворъ зялоны
А на навѣстни бѣлая бароза
А расли, расли, да и нахинулисъ
У мѣста вѣршочки зраслисъ

35.

Каюсъ млада, а вѣ па малу
И што млада за мужъ пашла
Живу я годокъ живу я другой
У мамки не бываю
Абарнуса я шерой зязюлой
И палечу у мамкинѣ садѣ
Сяду у мамкинымъ саду
На бѣлой лиліи,
Якъ закукую якъ защабячу
Жалоснымъ галасочкомъ
Чы не пачуѣ мая мамѣнька
Подъ аконцежъ сидзя
Якъ вышеу старши брацежъ
Эъ новаго цѣрема
Кали зязюла кали шерая,
Лаци у шырые бары,
Кали сястрыца, кали родная
Хадзи на мнѣ у госци.
Ахъ добра табѣ мой брацѣтка
Гдѣ радзіўся тамъ я жыць;
А я маладзѣнька ў чужой странѣ
Цяженька мнѣ жыць.
Чужая страна тугою (тоскою) арана
Сліозии засѣяна:
Сва страна сошкою арана
Пшонкою засѣяна.

36.

Никому такъ нѣ тошненько, якъ мнѣ маладзѣ
Асталасѣ адѣ радзіны, якъ листѣ на вадзѣ,
Якъ выйдужѣ я за вароты, зяліона трава,
Якъ выйдужѣ я за другія, чужа старана
Якъ выйдужѣ я за треція, вяшніовеньки садѣ
А у садѣ пашло двѣ дарожки, мимо садѣ адна
А у садѣ пашло двѣ сястрыцы, мимо садѣ адна
Вы сястрыцы вы радныѣ галубки маѣ

Будзѣ-цѣжъ вы шипаць вешни, шипицѣжъ и мнѣ
Пойдзѣцѣ жъ вы къ айцу къ матцѣ нясицѣ и мнѣ
Палажицѣ на талерцѣ, кладзѣцѣ и мнѣ
Будзѣ цѣ и вы гуляць, спамявыцѣ мяѣ
Ахъ якъ наша бязодольница ў чужой старанѣ
Да чы живѣць чы гаруѣць, бяду бядуѣць?
Сяззиць сабѣ надъ аковцомъ якъ на рожи цвѣтъ
Выплакала сваѣ очки няволѣнъ ей свѣтъ.

37.

У чистомъ поли надъ бѣлой бярозкой
Бѣлы маладзѣцѣ сачывочку косиць.
Пакасиўши караваточку сцѣляць
А наславши спатычки кладзѣцѣ-цѣ
Якъ настали буйныѣ вѣтры
И забили малойца у караваци
Нѣ-каму па нимъ кукавацѣ
Ай вѣкаму па нимъ шебѣтаци!
Прыляцѣли тры вязюльки зъ бору
Прыляцѣли тры шарынкитъ зъ бору
Яны стали па нимъ куковаци
Яны стали па нимъ шебѣтаци
Адна сѣла у малайца у галоўце
Другая у малайца на серцу
А третяя у бѣлыхъ ножкахъ яго
А якъ стали па нимъ кукавацѣ
А якъ стали па нимъ шабятаци
Якъ родныѣ матки по дзѣтаци
Што у галоўцѣ то яго матулька
Што на серцу, то яго жанухна
Што у ножкахъ, то яго сястрыца
Матка плачиць адъ вѣку да вѣку
Сѣстра плачиць адъ году да году
Жана плачиць адъ абѣду да абѣду
Па абѣдайши пашла у салочыкъ
Звяла сабѣ на галоўку вяночкѣ.

38.

Зашумѣла яливечка позва а поўночы
Затужыўся бѣлѣ малойчыкъ на зайну плучы
Затужыўся занудзѣўся и стаў памирэци
Ахъ вы браца чужи панцы учиницѣ волю
Привѣдзѣце мнѣ коняка да зъ усью зброю.
Якъ я сяду, я паўду. ажъ на войнѣ стану
Заржы, заржы сивы коню, хопъ разъ пала мною

Какъ зачула мая матка у маѣй старонѣ.
Якъ зачула, уздыхнула, сильна заплакала
Кабъ я была зязюлечка южъ бы палацѣла
Помѣръ помѣръ быу малойчикъ у нядѣлю рано
Палажили малойчика у святницы на лауцѣ
Пахавали малойчина у трауцѣ мурауцѣ
Прилацѣла зязюлечка ды сказала: «куку»!
Падай падай мой сыночекъ хоць правую руку
Ай радъ бы я мая маці, абѣдзѣь палаци.
Сыра земля, жоўты пѣсокъ нѣвозмога мнѣ устаці
Ляцѣу патухъ цѣбразъ рѣчку, крыкнуу кукуруку;
На видѣла матка сына на видзѣць да вѣку.

39.

Жана на новыхъ сѣняхъ ходзѣць
Свайго милаго просѣць :
Начуй, начуй мила, хоць адну ночъ у мнѣ
Начаваўбы я и тры
Ужъ маѣ коня запражаны
Ужъ маѣ служечки засѣдзѣлись
Якъ выйду я на вулицку
Усѣ мужи зъ пайны фдуць
Майго ни чуваць ни видаць
Майго милаго толька конякъ бѣжнѣць
На томъ конюгу сядзюлочка ляжнѣць
На сядзюлачку хустачка фвабная.
Фхали каля ваконка, ў кинули ў аконка
Якъ думала хустку ядвобную
Ажъ кашуличку кравую:
А зъ вяликими пригрозами :
Кабъ безъ вады вымыта была
Безъ вѣтру высушына
Безъ качалокъ слизко выкачана.
Я мглода догадлива была :
Слюзками была вымыта
Уздыхаючы цяжка высушыла
Ручки ломючы слизка выкачала.

40.

Ахъ у лузѣ калинушка,
А у бару стаць сосна ;
Глазѣ я пайду пахилюся
Усё на мнѣмъ серцу тошна.
Луги маѣ зѣлюныя
Да усё вѣ каменѣ ;

Поля моѣ широкаѣ
Да усю нѣ араноѣ :
Валы маѣ палавыѣ
Ѣще нѣ пѣвы,
Кони маѣ вараныѣ
Ѣще нѣ пасаныѣ

Найду я къ свайму татку на парадку (на софѣтъ)
Парадзъ, парадзъ татуленку якъ нѣ гараваць
Якъ нѣ дзѣтекъ надхаваць ?
Гаруй сынку гаруй родны !
Будуць поля па араныѣ
Будуць луги накошеныѣ
Будуць валы палавныѣ ўсѣ покормленыѣ
Будуць кони вароныѣ ўсѣ напоеныѣ,
Будуць тваѣ дзѣтки подхованыѣ.

43.

(Да милыхъ мужычкоу).

Да и якъ вамъ памагу
Пѣсьныку спѣваць
Дай якъ мнѣ вама ўзросць
При бацьку и маці
И нѣ Боу на свѣцѣ дау
Горо горовань ;
Штобъ лѣшнѣ я васъ любіу,
И ўмѣу спагалаці
Ой штожъ вы наѣли тутъ
Да якога дзѣва ?
Шкада, што на голасъ вашъ
Сторонка дремліва
Алѣ якъ пшечкнец-да съ сва
Гѣта дѣбрадзѣйка
Пеўно будзѣць слухаць васъ
Лѣпшъ якъ саловѣйка
Будзѣць колісь такъ и мы
Якъ тыѣ гарали
Што панъ дау нѣ ѣсць и пець
Ѣщѣ и граши брали
Треба тылькы слухаць намъ
Рэды того татка
Што-то казау гараваць
Какъ аджила хатка
Тольки мусіць той сынокъ
Нѣпіу якъ мы водни;
А тобъ ѣму велѣу іонъ
Кнѣ и мідѣ салодки

Ой гаруѣшы братцы мы
Киньми горку жлопѣль (нитѣе, въ пре-
зрительномъ видѣ)
Што нѣ въ жыта гонаць ужо,
Азъ аўса картофель
Киньцѣ пѣршы жонки вы
Милые дзѣвчаты;
Доля щасця зачыѣ жыць
Гдзѣ цѣфроза хата
Благаславиць будзѣ Боу
У каморы аборы,
И нѣ будзѣ такі людѣ
Бѣзсильны якъ хворы
Ой кабъ галісь намъ дажиць
Да такой наравы;
Тобѣ запѣу бы съ вами я
Што намъ Боу ласкавы.

По способу изложенія и нѣкоторымъ выраженіямъ этой пѣсни, видно, что она принадлежитъ уже къ новѣйшимъ произведеніямъ мѣстной, но уже не народной поэзіи. Стопосложеніе въ ней вездѣ правильно и одинаково; въ ней является слово водка, которая въ прежнихъ пѣсняхъ вездѣ именуется *гарелкою*; наконецъ намекъ на картофель, изъ котораго гоняць водку, также доказываетъ, что она составлена въ позднѣйшія времена. Да и самое слово *жлопѣль* (съ польскаго *Złapać*) не славянскаго происхожденія, въ прежнія времена не было употребляемо на Руси и взято изъ польскихъ простонародныхъ или, лучше сказать, площадныхъ выраженій. Повидимому, авторъ этой пѣсни, называя такимъ словомъ водку, хотѣлъ возбудить къ ней отвращеніе въ милыхъ мужичкахъ, которымъ посвящаетъ произведеніе своей музы.

42.

Сама вѣя даргою
Пушу голось дубровою
Нѣхай голось галасуѣць
Нѣхай маі матка чуѣць.
Де у святлицы сѣзючы
Презъ аконка гледзючы
«Кали маіо дзѣця
Нѣхай пагуляѣць
А кали вѣѣстка

Нѣхай пажинаѣць !
На широкой постапи
При вяликой волостци.»

43.

Ишоу богъ дарогою
Ишоу богъ ширóкою
А за имъ самъ паяъ, самъ паяъ.
Де на мѣъ Боже, ка мѣъ,
У мянѣ гумно вяликоѣ
Зъ частвыми кашами
Зъ густыми снопами.
Въ вянымъ озѣрочку сужонка каня понць.
Конь да вады той цяпѣъ
Юнъ яго по галоуѣъ бѣъ
«Ня-бѣй мянѣ по галоуѣъчѣъ
Шануй мянѣ у дамóуеньцѣъ
А я цабѣ у дароженьцѣъ
Булаѣшь малодъ жанци-сѣъ
Булаѣъ цябѣ цѣща витаць
А я булу цѣхо стаецъ.
Какъ кубка нѣсхмылицы
Какъ вина нѣзразлица.
Какъ цѣщы нѣругнѣвнцы.

44.

Паяѣ свацѣ, паяѣ свацѣ, паяѣ дамавы
У цябѣ пили у цябѣ ѣли, у цябѣ жѣ и ўзіали;
Выкаццали, выкаццали мядовую бочку
Выкруццали, вымуццали де-ў-свагата и дочку

45.

Де ўставау мая матечка ранѣнька
Де палѣвай маю рутечку часцѣнька
Нѣ палѣвай-же маѣй рутечки вадою
Де палѣвай маю рутечку
Де ад-вады мая рутечка жауцѣъ
А адъ сыты мая рутечка зялянѣъ.

46.

Да вѣдаѣшьсѣ мая матечка
Де ранѣнька устауши
Де волики пагнауши

Де волики прійдуць, а мнѣ ня будзѣ
Тыки табѣ мая матка вяликая жалѣ будзѣ
Будзѣ маіо мѣоць за сталомѣ гуляци
Будзѣ мая лужечка сухая лежаци
«Ой нѣту, нѣту майго дзѣцяци ?
Сладокѣ на парозѣ
Маіо дзѣця у дарозѣ.»

47.

Зѣ вишніова саду саколы вылетаюць
Зязюлю вызываюць.
«Сивая зязюлька, чы паяцишь ты зѣ нами
Зѣ яснымы сакалами.» —
— «Рада бѣ я палецьцѣ и жалѣ саду пакинуць
Де у мамѣ садочку, каліна маііна ;
Іосць гдзѣ мнѣ полатаць
Іосць чаго поѣлаць
И крыніца
Вадзана.» —
Де зѣ новаго двара сватовѣ выѣзжаюць
Дзѣвечки вызываюць
«Маладая дзѣвечка, чы пѣвэдшь ты зѣ нами
Зѣ маладыми сватами.» —
— «Рада бѣ я пѣхаць и жалѣ бацьки пакинуць
Де ў майго бацьчки де у варотѣ сьважаци
Ѣсть гдзѣ мнѣ пажажаци
Ѣць—дзѣ мнѣ пагуляци.»

48.

Хадзѣла стральцы лаўцы на бѣры
Хочуць янѣ стараго лося аабици.
Ой зачула стара ласица у лузѣ
Ой кинула крутыѣ роги на луги :
«Нѣхай мая крутыѣ роги препадуць
Якѣ майго стараго лося тутѣ забюць.» —
Ой заржали кони вараныѣ за дваромѣ
А запѣли двѣ свашки за сталомѣ,
Засвистали два саколы на моры
Де зачула малада дзѣвечка у каморы ;
Ой кинула залатыѣ ключы абѣ зямлю :
«Нѣхай маѣ залатыѣ ключы препадуць,
Якѣ мнѣ адѣ бацюшки павязуць.»

49.

Де ў нядзёльку на рану,
Пашла дзёўка на валу.
І вадыцы нё набрала
У глыбока Дунай пала.
Лёпей мнё зь Дунаюмъ плысці
Як за пана за мужъ ісці
Яё matka каля Дунаю ходзіць
Де-й зь Дунаемъ гаворыць.
«Ой Дунаю, Дунаю, якъ мнё цябё зваці.
Чы Дунаемъ глыбокимъ
Чы зацімъ далокимъ.»

50.

Де кляновы лісточекъ куды ты пакоцішь-сё,
Чы ў гару чы ў даліну, чы ў заць на кляніцу?
«Я н сама нявёдаю куды мянё вётржикъ навёв,
Чы ў гару чы ў даліну чы ў заць на кляніцу.» —
Маладая дёвочка кудыжъ ты адёждзёжъ
Чы ў Турки чы ў Татары чы ў сваю зямлю
«Я н сама нявёдаю куды мянё бацка аддэць,
Чы ў Турки чы ў Татары чы ў сваю зямлю
Чы ў вясіолую сямлю.
Парловёньки вёвёчкы нёвляжы на престоць
Папаны на Дунаю, чы я тутъ запредадзёна
Чы я тутъ заваіована
Чы даремъ аддзёзна
Калы я тутъ запредадзёна
Нёхай ёдуць выкупаюць,
Калы даремъ аддана
Нёхай ёдуць адвёдаюць
А южежъ тутъ нё на нашему
Де сёданёйка нёту,
А абвёць каля палуны,
Вячера каля поўночы
Высплюся я стаючы.»

51.

Разгарела-сё калына
Де у ціомнымъ лузё стоючы,
Дробнымъ іскёрка ронючы
Де чушыў вётрычекъ, вётушыў
Де болёй іскёркё разнасіў.

«Яжъ цабѣ калина вѣтушу
Только болѣй искѣрокъ развашу
Утушиць цабѣ дробѣвъ дожць
Съ подѣ цюмней хмуры илучы
Мокрый дождыць ронючы.» —

Расплакала-сѣ дѣвочка

Пѣрелъ татулькомъ стоючы
Унимау татулька де вѣ уняу
Толька болѣе жалосци задау
«Яжъ цабѣ дѣцятка вѣвунму
Только болѣй жалосци задаю,
Де увѣмѣ цабѣ чужына,
Уся сужовкова дружина,
Кала столыка ходючы
За бѣлую ручку водючы.

52.

Казали люди што мой свѣкоръ добры
Ажно май свѣкоръ вельми онъ лжи;
Паслау мявѣ маладу
Съ поўночи па ваду.
Што ни куры вѣ пяюць
Ави гуси не крычаць,
Нѣ вадзцы жадаючы
Мявѣ малоду забываючы
Зачуъ миленьки
Ковики пасучы
На журыся жонычка
Мая малодѣвнѣчка
Я ковики вапасу
Я вадзцы прывясу
Я сваѣму бацку, я ўсёю игаджу.»

53.

Зѣ суботы на вядзѣлю дзѣўны сонъ я вядзѣла
Никому вѣ сказала — сваѣй родной матцѣ:
«Матечка мая радная, дзѣўны сонъ я вядзѣла,
Вылѣцѣли сивыѣ галубы
Чорны шоуць развѣрццали
Бочку вина выкаццали
— «Дѣцятка маю радной:
Сивыѣ галубы, то светы тваѣ,
Чорны шоуць, коски тваѣ
Бочка вина, то слабый тваѣ.»

54.

Петрова ночка наваличка
Я маладзёнька нѣ выпала-сѣ
Усю ночку не спала
Шуурки сукала.
Сукала шуурки шалкавыѣ
Шыла кашульки рубкавыѣ
Сяму, таму запрелавала,
Сваѣму милому дарма давала
Давала я ему нѣжалуючы,
А ювѣ брау нѣдзякуючы.

55.

Заворька рабаа, нѣ кукуй рана
На кукуй рана, бо я ѣщо мала
Я ѣщо мала дароу нѣ наткала
Дароу нѣ наткала, кубла нѣ наклала
Закукуй парой подѣ ясной зарой.

56.

Де малина малина
Два луги пабѣлыла
Де сваннѣ бѣлымѣ цвѣтомѣ
Чырвонымѣ ягодкамі
Маладая дзвочка
Два двары покрасіла.
Адзінѣ дворѣ глазѣ расла
А други дворѣ куды пашла
Де русою насою
Де сваѣю красою.

57.

Де гула пчолка гула
Па бару лятаючы
Де мядокъ збѣраючы
Де мядонѣ мой саладокъ
Яжѣ на цвѣбѣ спазвила-сѣ
Начавала у цюмнымѣ лѣсѣ
Де ў зялёнымѣ вѣрестѣ
Де ў липовымѣ кусточку
У зялёненькимѣ вѣрасочку.
Де плакала удзвечка

Де абѣдъ гатуючы
Абѣдѣ мой горки
Да безъ цѣбѣ мой милѣвнѣки
Я сяду абѣдаць,
Я дзѣткамі абсаджусь
Де слозкамі абалююсь.

58.

Де свѣтъ свѣтаѣ
Да зара зараѣ
Малая дзѣвачка
Эъ двара зѣвжазаѣ
Де ў яѣ бацѣчка
Ключоу пытаѣ
«Да гдѣ дзѣцятка
Ключы падзѣла?»
— «Міодъ вино тачыла
Ключоу забыла
Ужожъ цапѣрѣ бацѣчка
Я и на ключниця
Я и на вѣрниця
Де цапѣрѣ ключниця
Сваѣму свѣяратку
Цапѣрѣ вѣрниця
Сваѣму милому.»

59.

Де на синѣвнѣкнѣ морѣ
Два бабры купали-сѣ
Де на новымъ ганечку
Два стральцы змаўлялі-сѣ
Хочуць баброу пастреляці
Де сабѣ на шапечки
Дзѣвачкамъ на шубечки
Дзѣвачка за столъ идзѣ
Шубечка въ ручкахъ нась
Ой дзѣвачки дружечки
Нѣ сатрыцѣ шубечки
Де на тутъ то спраўлено
Де эъ лалокъ прывязіоно
Спрайлоно въ Чаргаралзѣ
Прывязіоно мнѣ молодзѣ
Шылі яѣ краўцы Нѣвцы
Прыслалі малоды малойцы.

60.

«Ой чаго лосю, ой чаго сны
Къ лугу прилагаѣшь
Ой чы ты лосю ой чы ты сны
Лихую зиму чуѣшь?»
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзѣ якъ ледѣчка
Я-ў лѣтку пайду, травцу скашу,
Расицу рацѣрушу. —
«Чаго дзѣвочка, чаго маладзѣвочка
Такъ сільнѣнько плачешъ
Чы ты дзѣвочка чы ты малодзѣвочка
Лихую сякроў чуѣшь?» —
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзѣ якъ матечка
Я-ў матку пайду, я вяночекъ саю
Зъ дзѣвочкамі у садцѣ пайду.»

61.

Де у сѣнѣчкахъ галубокъ гудзѣць
У святолецце азубаѣц-ца
Сынъ у бацкі да пытаѣц-ца:
«Бацѣчка мой родненькі
Чы многа мнѣ сватоў садзѣць?»
— «Дзѣцятка, челязвинечка
Садзі сваю ўсю радзѣнечку
Багатою и худобою
Холобая де гуляць будзѣ
Багатая пыхваць будзѣ.

62.

Ўхаў козакъ зъ Украины
Пусціў коня у поў далыны;
Хадзі кося вапасайсѣ.
Хадзіў коникъ зъ Украины
Выѣў травы поў долины
Выпіў вады поў Дунаю
Прышла мила настала
Настаяўши падумала
Якъ милаго абудзѣць
Ташла жъ яна у лозечку
Выламала бярозечку
Де-й кранула ў ножечку:

Чы ты мила сплшъ начуѣшъ ?
Наѣхали Татаровѣ,
Вазмуць коня вараного
Забьюць цабѣ маладога
Чы ты мила вѣрна любишъ
Што ты мянѣ рана будашишъ
Кабѣ я цабѣ палюбила
Ябѣ да цабѣ вѣхалзвила
Ракюсѣнька бѣ ня будзвила.

63.

Чаму у цабѣ зязюлька дзѣткѣ вѣтъ,
Чаму у цабѣ сивая дзѣткѣ вѣтъ ?
— «Были у мянѣ дзѣтчки, цяперъ вѣтъ.
Прылацѣли сакалы сы-бору
Побрали дзятчки зѣ сабою
Пакинули зязюльку сиратою.» —
«Чаму у цабѣ дзѣвочка бацькоу вѣтъ
Чаму у цабѣ маладая бацькоу вѣтъ ?
— «Были у мянѣ бацьки, цяперъ вѣтъ.
Сыслау Богъ Апіолоу да долу
Узяли маихъ бацькоу зѣ сабою,
Пакинули мянѣ маладзѣньку сиратою.»

64.

Де чыѣжъ то жывечки
Па мѣсяцу жыта жали
Сярпы пагубляли
Каторая нашла
Тая домой нашла
А каторая вѣтъ
Тая ищець да-свѣтъ

65.

КОМАРЬ И МУХА.

Камарь зѣ мухой палюбіўся
Палябіўши-ся, пажаніўся,
Пажаніўшися, пасваріў-ся.
«Ой ты муха, ты буркуха,
На умѣешъ ня ткаць, ня прасца
Аня шолкомъ вышывачи.» —
Палацѣў камарь на ласочку,
Сѣў камарь на дубочку.
Прылацѣла муха буркуха

Скинула камара зъ висоносци
Пабіў камаръ косци
Тамъ цѣсли цѣславали
Камару хатку збудовали
Прыляцѣў шарсцѣнь запытаў—сѣ
Хто въ четымъ дому цахаваў—сѣ
Цахаваў—ся тутъ камарыша.
Великаго наўка казачыша.

66.

Была жонка мужыка
Руки закасаўши;
А онъ яѣ прѣпрашау
У шапечку зялўши.
«Ахъ маяжъ ты мила
За штожъ ты мнѣ была
Куплю табѣ пиражокъ
У конеўку пива.» —
— «Адъ пива животь балыцъ
А адъ шоду галава,
Купи жъ мяцѣ гарелицы
Штобъ здароваа была.»

67.

Туманъ, туманъ на далинѣ
Широкъ листокъ на каленѣ
Ширши, больши на дубочку
Ключѣ голубъ галубочку.
«Халзи, сердце, пацалую
Хоць не сваю, такъ чужую.» —
— «На што чужу цалавацц
Будзѣ свая жалавацц.» —
«А якъ буду жаньцисѣ
Спрашу пива вапицц—сѣ.» —
— «Тваа пива, мнѣ нѣ данва
Данўнѣй же мнѣ тваѣ слова;
Матка твая чарауница,
Сястра тваа разлучница,
Разлучила насъ зъ табою
Якъ рыбечку и зъ вадою.
Цяжка рыбцѣ въ Дунай плысци
Такъ мнѣ младай за мужъ исци,
Цяжка рыбцѣ зъ акуньцами
Якъ мнѣ младай зъ малеццами,

Цяжка рыбіць на пасочку
Якъ мнѣ младай на дружочку.

68. (*)

У насъ сягонь-ня вайна была :
Усіо поли зваивали ,
Да пану жыта пажали.
Панѣ жъ нѣбулкайсь
Да у пакой нѣхавайсь
Бо мы іосць нѣ жаўнерки
Да паньскіе жыўки.
Да выходзь панѣ выходзь
А вина бочку выкоць,
И бѣлы сырѣ на тарелки.
Частуй-же сваѣ жыўки
Да умѣу же насъ прыганаць
Умѣй цярѣрь частаваць.

69.

Де засѣю я полѣ
Де яснѣнькимъ золотамъ ;
Де засцѣлю я луги
Червонымъ кармазынамъ ;
А замащу я масты
Залатымъ мастоўникамъ.
Де засяй полѣ , засяй
Яснѣнькимъ золотамъ ,
Де зашумиць луги
Червонымъ кармазынамъ
Де зазвениць масты
Залатымъ мастоўникамъ
Будзѣ ѣхаць Валынецка
Нашаго пана дочка ,
Падъ ёю коняки
Якъ галки лятаюць
Кала ёй служечки
Якъ макъ разцвѣтаюць
Де уцѣшиу-сь Іагѣмосць
У пакои сѣдзючи
Презъ аконка глядзючи
«Де хвала жѣ мая хвала
Што вѣзвѣцкая паня.»

(*) Эти послѣднія пѣсни преимущественно поютъ при окончаніи полевыхъ работъ.

70.

На удоучыномъ полѣ

Сабрались работники :

Де мязвѣць, карчомъ арень,

А ваучокъ барануѣць —

А зайчыкъ дрова сячець

А лиска хатку топичь.

Соўнѣйка за лясъ, за лясъ,

Анѣ пайдучь демою зараць :

Де мязвѣць у лесъ палесъ

А ваучокъ, у хмѣльничокъ

Зайчыкъ у бѣрезначокъ

А лиска у поречку

А удоўка у каморечку.

Пословицы, употребляемыя жителями нѣкоторыхъ
уѣздовъ Виленской губерніи.

1. Абоѣ рабоѣ (оба рабыя, обѣ хороши).
2. Авѣчку стрыгуць, а баранъ дрыжыць.
3. Авоўкѣ памоўку, а воўкъ (волк) тутъ.
4. Баба съ каліосъ, каліосамъ легкой.
5. Багаты дзивиц-ца, якъ худы жывиц-ца.
6. Багаты чы будзѣмъ, а голодны не будзѣмъ.
7. Баючись воўка у лѣсъ нѣ иц-ци.
8. Блиско видаць, да даліоко дыбаць (итти, ѣхать).
9. Ближшая сарочка, якъ кабатъ.
10. Боў высоко, панъ даліоко.
11. Будзѣ кій, да нѣтакій.
12. Быў конь да звѣздзѣиўсѣ.
13. Быў на каню и надъ каніомъ.
14. Вала звѣдучь, зайца забьюць.
15. Вѣдаў Богъ, што нѣдаў свини роць.
16. Воласъ доўги, умъ каротки.
17. Воўкъ дарогу перебѣгъ (когда кому посчастливится).
18. Воўка ноги кормяць.
19. Вывеў воўка за лѣсу (накликаль на себя бѣду).
20. Гадко звѣсци, жаль пакинуць.
21. Гаманиць не балиць.
22. Гаваріў бы катокъ да азыкъ каратокъ.
23. Гдѣ чортъ нѣараў, тамъ сѣяць нѣбуздѣ.
24. Голы якъ бичъ, востры якъ мѣчь.

25. Голы разбою нѣбаиц-цѣ.
26. Госць у домъ, Богъ у домъ.
27. Гуша дзѣцѣй нѣ разганяець.
28. Доганяючы нѣ нацалавац-цѣ.
29. Да пары збанъ (кувшинъ) ваду носиць.
30. Дзиця нѣ плачѣ маці нѣдогадаѣц-цѣ.
31. Дзѣнь нашъ, вѣкъ нашъ.
32. Дзѣтки надрасли хатку растрасли.
33. Дзивиъ што у караля жонка хараша.
34. За маіо жыто (рожь) меня пабито.
35. Заплата у ката, былѣ душа не была гододна.
36. Здарымосѣ червяку на вѣку.
37. Знаюць яго якъ лихаго шеленга (истертая монета).
38. И зъ Праковымъ и безъ Пракопа, то ўсію роўно.
39. И воўкъ сыты и козы цѣлы.
40. Кабыла здыхаѣ а за траву хватаѣ.
41. Кали узяўсѣ за гужъ, то нѣ кажи што недужъ.
42. Кали нѣ поць нѣ убирай-сѣ у ризы.
43. Кали шанцуѣ, то и Филимонъ танцуѣ.
44. Кали вѣдзѣц-цѣ, то и на треску прадзѣц-цѣ.
45. Кали рабишь у купѣ, то нѣ балиць у пуцѣ.
46. Кали ѣсть хлѣбъ и вада, тѣ нѣ бѣла.
47. Кали ѣсть хлѣбъ и вода то нѣма галада.
48. Кѣпско панѣ Григоры: што далѣй то горый.
49. Кѣпско у Минску панѣ Коренѣўски (должна имѣть основа-
ніемъ какое-нибудь событіе).
50. Круци нѣ круци треба умерци.
51. Куку у руку (о взяткахъ).
52. Купиць нѣ купиць, а потаргаваць можна.
53. Люби якъ душу, треси якъ грушу.
54. Ласкавое цѣлятко дзѣ матки ссѣ, а гордое ни одной.
55. Майстеръ зъ Мира, што цяў тѣ дѣира. (Мѣстечко Миръ, въ
Новогрудскомъ уѣздѣ, извѣстно было въ особенности-тор-
говею мѣхами. Но, видно, тамошніе скорняки не отличались
ловкостію, когда вошло въ пословицу «Мастеръ изъ Мира,
что ткнуль, то дыра».)
56. Май милы пакою добрѣ мнѣ съ табою.
57. Мужикъ дурны якъ ворона, а хитры якъ лисъ (или якъ
чортъ).
58. На чыіомъ возку ѣдзѣшь, таму пѣсенку спивай.
59. Надъ сиратою Богъ съ калитою.
60. Нѣ дурня и Богъ ласкаў.

61. На табѣ нѣбожѣ чито миѣ нѣ згожѣ!
62. Нашто намѣ гѣты писталѣты, кали стрѣляць не умѣемѣ.
63. На влодзѣю шапка гарыць.
64. На комѣ скрушиц-цѣ на комѣ змѣлиц-цѣ.
65. Нѣ адзинѣ гаурьма у Полоцку.
66. Нѣ бѣуши кума нѣ пици пива.
67. Нѣ дай бацко шапки, нѣхай уши мерзницѣ.
68. Нѣ фигурой Гришко (вошедшее въ пословицу восклицаніе новогрудскаго шляхтича, которымъ онѣ предостерегалъ своего кучера).
69. Нѣ гѣто паны што гроши маюць, алѣ што Бога знаюць.
70. Нѣ кай-сѣ рано устауши, ни малодо аженѣушисѣ.
71. Нѣма той хатко штобѣ не было звадки.
72. Нѣ плюй уводу, часемѣ треба буздѣ напиц-цѣ.
73. Нѣ плациць багаты, плациць виноваты.
74. Нѣ радзіу макѣ перабудзимѣ такѣ.
75. Нѣ стрыжено а голѣно (обрыто).
76. Нѣкажи гоць! кали не перескачіу.
77. Нѣ вѣлики панѣ перелѣзѣшь самѣ.
78. Нѣ зарыуши нелдзы (нужды) нѣмѣць пинѣнды (денегѣ).
79. Ни чытаць ни писаць, науралѣ вѣдуць.
80. На куѣц-цѣ, ни плѣцѣц-цѣ (въ-случаѣ неудачи).
81. Ни рыба ни масо.
82. Ни сѣло, ни пало, дай бабѣ сало.
83. Ни у пяць ни у дзѣвяць (сѣ польскаго).
84. На пахилое дзѣрево и козы скачуць.
85. Поволи ѣздѣшь, далѣоко станѣшь.
86. Пѣредѣ нѣволомѣ рыбы нѣлави.
87. Пѣрвѣй Боу стварыу пальцы, якѣ видельцы (вилки).
88. Покуль сонце узылдѣ, раса выѣсць очы.
89. Придѣ каза да ваза, буздѣ сѣна просиць (нѣкоторые при-бавляютѣ) а я казу кѣмѣ.
90. Принѣси Божѣ гасця, то и гаспадарѣ паживиц-ца.
91. Припомнѣла баба дзѣвиць вѣчерѣ.
92. Сабака брешиць, а дваранинѣ ѣздѣ.
93. Сѣмѣ сіоля адзинѣ волѣ и той голѣ.
94. Скачи ураже якѣ панѣ каже.
95. Слѣпому вѣчная память.
96. Славенѣ бубенѣ за гарами.
97. Сѣ пѣсни слова нѣ выкинуць.
98. Сѣ прыбытку галава нѣ балиць.
99. Свая сѣрмяжка, нѣмаму нѣпляжка.

100. Свой свайго познау, и на пиво пазвау.
101. Сыты голодному нѣ спагадаѣ.
102. Съ чужой кабылы, треба и убалоцѣ сѣѣцю.
103. Треба жыць якъ набѣжиль.
104. То нѣ банкѣтъ кали принуки нѣтъ.
105. Хоць бѣда, то гоць.
106. Хоць ты мѣнѣ капуть, то я нѣгалиомѣ.
107. Хоць завала, былѣ у дому не была.
108. Хитро мудро въ нѣвѣликимъ коштомъ.
109. Хто богать той мнѣ братъ.
110. Хто пытаѣ, той нѣ блудзиць.
111. Хто цихо ходзиць, той густо мѣсиць.
112. Улезъ якъ ўпѣредѣ, ни ўзадѣ ни у пѣредѣ
113. Усюда добра, а дома лѣпѣй.
114. У страха очи вѣлики
115. Ци дау я табѣ бабкѣ шелѣтъ? дау нанѣ (когда часто при-
поминають свое благодѣяніе).
116. Цѣрпіонъ — спасіонъ.
117. Чаго чорпѣ у балоцѣ сѣдзишь? бо привыкъ.
118. Чымъ хата багаты, тымъ рада.
119. Чымъ чортъ нѣсѣяу, тымъ араць нѣ буздѣ.
120. Што галава, то розумъ.
121. Шмаруй мужика саломъ а іонъ дзюхціомъ смердзиль.
122. Штобы галава, а шолудзи будуць.
123. Што убіу, то уѣхау.
124. Што въ возу спало то уже пропало.
125. Ъшь дурню въ макомъ.
126. Якъ кукнѣшь, такъ и адавѣц-це.
127. Якъ пасцѣлѣш-сѣ, такъ и выспиш-сѣ.
128. Якъ пераначуѣшь, то большъ пачуѣшь.
129. Якибъ гѣта крукъ (воронъ), штобъ выпусциу въ рукъ.
130. Языкъ Кіева дапытаѣц-цѣ.

Пословицы, принаровленные къ особеннымъ днямъ
года.

- На Срѣтеніе: Грамница зимы палавица.
Въ день св. Матѣея: На Маѣтя зима пацѣя.
Въ Юрьевъ день: Юрьева раса нѣ треба каниомъ аўса.
Въ маѣ: Май, валомъ дай, и самъ на пѣчь уцѣкай.
Въ Ивановъ день: Пѣредѣ святымъ Яномъ, прасицѣ дѣ-
тѣчки Бога а дожджъ, а по святымъ Янѣ я и самъ упрашу.

Въ Петровъ день: Пришоу Пётрокъ, апау листокъ, пришоу Илія, апало два.

Въ Ильинъ день: На Илью поўну пѣчь хлѣба налію.

Въ Борисовъ день: Барысѣ, Барысѣ, самъ баранисѣ.

Въ Преображенія день: Пришоу спасѣ ўсѣму часѣ.

Въ Вареломея день: Пришой Баўтрошѣй, жыто на зиму сѣй.

О дѣтѣ: Коли грыбно, то и хлѣбно.

Въ Варваринъ день: Святая Барбара noci урвала.

Въ Николинъ день: Да Миколы, нѣтъ дябра николи.

Въ Стефановъ день: На святы Сципанъ ўсяки сабѣ панѣ.

ОСОБЕННЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ И СРАВНЕНІЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ
ВМѢСТО ПОСЛОВИЦЪ.

1. Ани галера нѣма (галеръ — польская мѣдная монета).
2. Ани ухомъ нѣ вѣдѣѣ.
3. Брешѣ якъ сабака.
4. Бычокъ тречячокъ (говоря объ избалованномъ ребенкѣ).
5. Вадзиць дзѣды (когда кто дремлетъ за работой).
6. Варачаѣцѣ якъ мязвѣць.
7. Высалапилася якъ патароча.
8. Галы ў рады (очень рѣдко.)
9. Дзѣцѣй якъ бобу.
10. Затакаваўся якъ цѣцѣрукъ.
11. Квокчѣ якъ курыца.
12. Лостечками душу вынимаць (ласками душу вынимать).
13. Мѣля языкомъ якъ цѣля хвостомъ.
14. На ката пацягушки, а на дзиця растушки.
15. Накрыўся якъ лисица хвостомъ.
16. На усъ матаѣ.
17. Ни къ Богу ни къ людзямъ.
18. Ни къ селу ни къ городу.
19. Ни вала ни кака.
20. Пацѣха якъ ражонъ (вертень).
21. Палажиць зубы на палицы (когда нечего ѣсть.)
22. Паповыя очы.
23. Пашли ўсѣ у камышъ.
24. Пѣсци кашели зъ лапцями.
25. Плачѣ якъ у дзѣвиць вѣчеръ.
26. Працуѣ (работаетъ) якъ чорны волъ.
27. Прышоу на него гизъ (наѣкомое, которое скотъ кусаетъ).
28. Распусциўся якъ дзядоўная пуга (бичъ).

29. Самъ сабѣ радѣ.
30. Сѣдзиць якъ заѣць у жыць.
31. Скрывіўся якъ сѣреда на пятница.
32. Хаваѣцца якъ сабака адъ мухъ.
33. Хоць ѣму козь на галавѣ чешы.
34. Хоць запалі, то не трэснѣ.
35. Худы якъ хрусцьѣль (птица).
36. Цаца, ляля — баутрусъ (на избалованнаго ребенка).
37. Цѣць якъ макоўка.
38. Щебѣць якъ сѣрока.
39. Якъ курыца сѣкочѣ.
40. Янѣ у Бога за пѣвухой.
41. Якъ воукъ мѣльнуу хвѣстомъ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ой гаросѣ! гаросѣ!
Сѣили цабѣ харашо?
При луѣ при дарозѣ
При битымъ гасцяцу.
Ай ты краса Агатка
Заручали цабѣ харашо,
При рални и племяни,
При родномъ татечку.

II.

Пріѣхали заручинки
Чаму яны безъ дудечки?
Агатка на удовачка
Захочецъ пагуляць
Таткаў дворъ раўнаваць
Ножками астрожками
Чорнымі чаботамі
Зъ маладымі сватамі.

III.

Кабъ я вѣдала блявкіе заручинки
Паслалабъ я свайго татечку и логъ на калину.
Татчка идзѣць
Калинку вѣ насѣць,
Вѣтры на вѣюць,
Словца на грѣць,

Калинка ня спѣець ;
Што мая за доля !

IV.

Мавила бочечка
У пивницы стаючи :
Кали мавѣ на выпѣцѣ
Сама выкачусѣ
Па дварѣ разлююсѣ
Крыницей сѣдзювей вадзцы.
Мавила Агатка и татки сядзючи :
Кали мавѣ не выдаси ,
Такъ я сама пайду,
Па дварѣ па малѣвкку иду,
За варота у грунь пабягу.

V.

Зыбнула мора зыбнула ,
Тамъ наша Агатка утанула !
Прышоу къ ней татка :
Палай ручку Агатка ,
Нѣ падамъ я ручки
Хоць я у моры утану
Нѣхай никому не застануся
Застануся аднаму
Явечку милому.

VI.

Сягодня заручинки
Богъ намъ дау ;
Працю панядзѣлку
Богъ намъ дау.
Шли дары, на тры сталы ;
Таму сяму на падарку
Нашаму Явечку
Тры падаречки
Богъ яму дау ;
Адзінъ падарокъ залаты пѣрсцѣнь ,
Други падарокъ, шаўковая хустка
Трѣци падарокъ, красная Агатка ,
Залаты пярсцѣнь на мѣнянѣ
Шаўковая хустка, на уцѣрацѣ
А красная Агатка, на каханѣ.

VII.

У гародзѣ на частаколѣ
Зязюлька кукавала
У лязні на креслѣ
Касу Агатка чесала
А чешучи касу русу
Зѣ касой размаўяла :
Мая касица мая русая
Нѣгдзѣ я татку ня мила !
Я табѣ мой татечка,
Зѣ вясны гаварыла :
Ня дзяры бору
Ня сѣй ліону
Нѣкаму будзѣ палоць
Гдзѣ я пайду, гдзѣ я жыць буду,
Тамъ я и рабиць буду.
Я табѣ сѣўкрадка зѣ вясны гаварыла :
Надзяры бору, насѣй ліону:
Я прійду и палоць буду.

VIII.

Дзѣшева была майму татечку
Да гарелечку пиць ;
Якъ пойдзѣць на токъ
Возмѣць цапокъ
Нѣ съ кимъ малаціць
Цапчкомъ махнѣць
Цяжка уздыхнѣць
Сильвѣнька заплачець
Што дачушки нѣ бачець ;
Дарага была да майму сѣўкрадку
Гарелечку пиць ;
Якъ пойдзѣць на токъ
Возмѣць цапокъ
Іосць съ кимъ малаціць.

IX.

Камора звинѣла.
Гдзѣ Агатка сядзѣла :
Сядзѣла у каморы
Тонкіе абрусы ткала
Мыслями узоры
Дзіўныѣ паклала

Прытхау суженьки самъ дзѣсятъ
Папушао коники у вишновы садъ;
На ржицѣ коники, на ржицѣ
Яечка напасѣць на жицѣ
Ядравымъ аусомъ абсыпѣць
Червѣнымъ сукномъ абшыѣць.

ПѢСНИ, КОТОРЫЯ ПОЮТЬ НАКАНУНѢ СВАДЬБЫ ВЪ ДОМѢ
НЕВѢСТЫ:

X.

Дзгалайцѣся добрыя люди
Што въ этомъ караваѣ есць
Тридцать бочокъ пшеничной муки
А тры бочки крыничной вады
Сорокъ копъ молодыхъ курей аюкъ
И тры фаски дравичихъ (молодыхъ) коровъ масла.

Выйду я на уличку
Рученьки загорвѣвши
Ошибуць мявѣ дробныя сляозки
Матки быць вспомянууши
Матчено ложе спиць до абѣда
Гуляѣ до полудня,
Только встала коску счесала
Бѣло лицо обмыла
Чи нѣ жалѣ табѣ красная дзѣвочка
Дзѣвочкаго стану
Дзѣвочки гуляюць
Косовки маюць
Тамъ цябѣ не принимаюць
А молочки чепчики вяжуть
Тамъ цябѣ закликаюць.

XI.

ВЪ ДОМѢ ЖЕНИХА.

Чыя жана каравай мѣсила
Шолкомъ, золотомъ рукава нашивала
Кала колнера бѣлымъ папѣромъ
Коло забору чарвонымъ горемъ (gorino)
Сестра брату каровой бѣѣ
Эъ бѣлѣнькими ручками
Персціючочки съ очками.

Зелёная дубровенька
Чему у цабѣ яворокъ много
Зѣлёнаго ни онаго
Листа ни у онаго
Малойчикъ чаму а цабѣ
Ойпоу много
Роднаго нѣма ни онаго
Нѣкаму рады радзиць
Весела спородзиць
И до шлюбу высылаць.

Да скапцлася свѣча
Да зъ малойчика зъ лица
Да впала на могилку
Да прибила далянку
Да пашла слѣза
Зѣлёный морогъ пробиваючи
И жоутый цѣсокъ промываючи
Ойца матку побужаючи
Стань ойцѣць раду радзиць
Да веселье спородзиць.

XII.

Благаславиць людѣ
Блискіе оусѣдзи
Гетаму дзицязи
Каравай замасиць
Ручками бялѣнькими
Пѣрсцязи залацѣнькими
Пѣсьязи вѣсялѣнькими
Ты ступъ Боже зъ нѣба,
Якъ намъ цяпѣрь треба!
Памагай разчиниць
Памагай замасиць,
Ручками бялѣнькими
Пѣрсцѣньми залацѣнькими
Пѣсьязи вѣсьлѣнькими
На стой Боже за дзвярзи
Да иди Боже у хату,
Да сядѣ Боже на куцѣ
Да дай долю маладѣ
Я у хату нѣ нѣ пайду.
Я за дзвярзи настаю
Маладѣ долю перашлю
Збѣрайсѣ родѣ!

Да къ бѣленькому караваю
Старыѣ бабы для парадку
Малдыѣ малодзицы пѣсни пѣць
Удалыѣ малойцы каравай пѣць

XIII.

Хвалажь табѣ Боже
Што мы дѣла зрабили
Каравай замясляи
Ручками бѣменкими
Пѣрсцями залацѣнькими
Пѣснями вѣсѣленькими
Чатыры ножи у дзяжы
Пятая мая сила
Каравай замясила ;
Да упала я у дѣла ,
Цѣла маю упацѣла
Гарелечки захацѣла
Гарелечки закавитечки
Для мянѣ працавитечки
Гарелечки тащанечки
Для мянѣ мящанечки.

У нашаго госнадара
Кудраваа галава
Кудзіорками патрасѣць
Намъ гарелки привясѣць
А кудзіорками накалаціць
Намъ гарелки присалодзіць.

XIV.

Каравай у дзяжы играець
Да вѣка паднимаець
Каравайницъ жыдаець
Гдзѣ жъ маѣ каравайницы?
Чы на мяду запили-сѣ ,
Што на мянѣ забылисѣ
Гаспадывечка водка
Варачай-сѣ хутка
Уже на дваре вечерь
Каравай ня пѣчехъ

XV.

Саступъ Боже зъ пѣба

Якъ намъ цапѣръ треба
Памагай заясиць
Памажи и усалзиць
Ручками бяленькими и т. д.

XVI.

Нихто не угадаѣ
Што у нашимъ караваю
Дзѣваци пудоу мука
Асьми кароу масла,
А яць поўтораста
Зъ суботы на нялѣблю
Сабрала-ся Агаты радзина
Зняслижъ яны сѣмъ ситъ муки на каравай.
Хвалажъ Богу! вяликъ будзѣ каравай.
Зняслижъ яны сѣмъ фасекъ масла на каравай.
Хвалажъ Богу! пушонъ будзѣ каравай.
Зняслижъ яны сѣмъ ситъ яцьцъ на каравай.
Хвалажъ Богу! румянъ будзѣ каравай.

XVII.

Да багатъ Агатка татка твой
Добра шваница што у навинѣ
Да вяликіе стырты у гумнѣ
Поўныя аруды у клеци;
Падашоу каравай у дзяжы
Зашумѣу каравай у дзяжы
Да чаму яму нѣ шумѣць
Харошаа у чыняла
Румяная мясила
Госнода Бога прасила
Кабъ нашъ каравай улаўсѣ.
Стаяла каліва кольки лѣтъ
Сячыць рубайць назагітъ
Кабъ нашъ загіецць ясны быу
Кабъ нашъ каравай красенъ быу,
Кабъ нашаа Агатка ясола была
Кабъ нашаа рутечка зѣліона была.

XVIII.

На дворѣ яворъ сякуць
А и хатечку тресечки лятуць
Каля авору тресечки
Каля караваю маладзички

Пърша кѣтка
Наша Агатка,
На лварѣ лворѣ сякуць
А у хаточку тресечки латуць.

XIX.

Каравайницы пьяныѣ ўсіо цѣста пакрали
Па кѣшеняхъ паклали ;
Ахъ цямѣ пришло
У кѣшени цѣста падышло
Чья жена гожа
Языкомъ дзяжу гложе
Чья жена хижа
Языкомъ дзяжу лаже
Дайць мѣ черку , а тую выпью ,
Дайць другую , а выпью я тую
А за трецкую падзенькую.

XX.

Стану я для пѣчы
Караваю глядзѣць
Кабъ іонъ нѣ адпюкса
Кабъ іонъ нѣ абжогся
Кабъ намъ соромъ на быу
Да у чужыѣ людзѣ.

XXI.

Палажыли каравай на сталѣ
Сталовыѣ ложки гублюцься
Усѣ людзи дзвюцься
Што удаўся нашъ каравай
Да Папу Богу на хвалу
Добрымъ людзіемъ на славу
А пріацѣлямъ на лова
Вы пріацѣли глядзѣць
И по талару кладзѣць.

XXII.

Пытаў-сѣ каравай у вѣрапѣчы
Да куды сцѣжка да клѣци?
А ты караваю вѣрапаю
Часто у клѣци бываешъ
Сцѣжки дарожки пытаешъ !

Вазми памажонъ папѣрой-ся
Да у клетку дабывайся.
Мыжь были на караваю
Тамъ насъ частавали
Піўпомъ маладзѣвнскимъ
Мядкомъ саладзѣвнскимъ.

XXIII.

Цымбалы заиграли
Кала аконъ забраджали
А гатчина челядзъ
Захацѣли вѣчераць.
Ляцѣли гусечки зъ выраю
Да пытали-сѣ караваю :
Чы ужо вы каравай спляскали ?
Чаму насъ гусячекъ не жадали ?
Мыбъ каравай спляскали ,
Крылькыма , ножкыма спляскали.

XXIV.

Янечка брахна на гумнѣ холзиць
Да тры салы салзиць , усѣ тры хвѣлювыгѣ
Вій-сѣ хвѣлю , вій-сѣ лакола тычки
Да и салѣ шпешечкыма ; надстрыгай-сѣ Янечка,
Зѣ ребяцкаго стану , да у мужескую славу.

Да у мѣсяца два рожки прутыгѣ ,
Да Янечки два браты радныгѣ ;
Адзінъ брахна мана сядлаць ,
А други брахна яго научаецъ :
Да будзѣ брахна разумненьки
Да паѣдзѣшь брахна ў чужіе людзѣ
Выйдзѣць къ табѣ танокъ дзѣвентъ ;
Ня бары таѣй , што ў зелоць ,
Да бары тую што ў розумъ ;
Мы золота ў крамѣ дастанешъ
Мы разуму свайго не уставишъ.

Снѣѣ озеро на лугахъ стаецъ
Нашѣ Янечка на думкахъ салзиць ,
Думаецъ думу вялікую
Павяу радзину багатую
Звядзѣіу копика гарцуючи
Спіорѣ шапачку кланяючысѣ ;
Значіу хустечку удѣраючысѣ.

Кляновы листочекъ кудыжъ ты копишься?
Чы ў дугъ чы ў далину
Чы звоў на клявину?
Да не самъ я качуса
Копиць мянѣ буенъ вѣцеръ
Ни ў дугъ, ни ў далину
Да и звоу на клявину.
Янечка маладзѣньки
Кудыжъ ты радзеш-ся
Чы у госци чы у дарожку?
Да вѣ самъ я радау-ся
Радзиць мянѣ той татечка
Ни ў госци, ни ў дарожку;
Къ цѣсьцятку на падворья
Къ Агатцѣ на застоля.

XXV.

Чыѣ то коники
Для стаѣнкі стояць,
Сивыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Чыѣжъ то свачечки
За столикомъ сѣдзяць
Бѣлыѣ румяныѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Янечка вы коники
Для стаенкі стаець
Сивыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ;
Янечки свачечки за столикомъ сѣдзяць,
Бѣлыѣ румяныѣ, ў дарожку прыбраныѣ.

Сабраў-сѣ раіочекъ
Да у ціюшы куточекъ,
Хочець палаяць на шырыѣ бары,
На жаўтыѣ святы
На салодкіѣ мяды
Сабраўся Янечка зъ сваѣй раданнай,
Хочець іонъ паѣхаць
Тесьцятку звааваць
Агатку нъ сабѣ ўзіаць

Янечка у абозѣ
Нѣ укаваны коникъ што у возѣ
Іосць у мянѣ кавали ў дарозѣ
Падкуюсь коника што ў возѣ

Юсць у маеі Агаткі парціонкі
Будуць коніку подноўкі :
Юсць у маеі Агаткі карэлі
Будуць коніку ухаляі :
Юсць у маеі Агаткі паяскі
Будуць коніку падаскі.

Да борамъ , борамъ , борами
Ўхалі сваты радамі
А моладъ Янечко вапаролъ
А яго брахвечка пасяродъ.
Стойць , пастойць сватовъ
Чы нѣ зязюлька кукуць ?
Чы нѣ салавѣйка счабѣчецъ ?
Янечка алказываецъ :
Што ня зязюлька кукуць
Ня салавѣйка счабѣчецъ
Гето маеі Агатцѣ пѣсни паюць
Мнѣ малалому вѣдома даюць.

Да зъ борку зъ борку на колку
Висиць калыска нашолку
А у тей калысцѣ Янечка :
Да мялые маѣ сватовъ !
Зъ калыхницѣ мянѣ високо !
Кабъ я забачу далёко !
Гдзѣ мая Агатка гуляецъ
Салавымъ яблочкомъ шібаецъ
Да яна у арешкі цалуць
Зъ малымі рабятмі жартуць.

Для сватняго двара
Да высокая гара
Ня узыйці ня узѣхаць
Сакаломъ не узлѣцьць
Што лаці то лаці ,
Тую гару раскапаці
И узыйці ня узѣхаць
Сакаломъ узлѣцьць
А Янечку узѣхаць.

Да зажурыўся Янечка у паллорожні ядучы
На бѣлые бярозкі глѣдаючы
Да мая бярозка бѣлая
Да мая галоўка бѣлая
Я у істымъ дзвѣл' не бываў,
Па цюмныхъ ночкахъ не ўждаў.

Да нѣ журыся — Явечка .
Мы цабѣ аднаго нѣ пашлюмъ
Мы цабѣ пашломъ зѣ дружиной
А ўся дружина зѣ сваей радэжнай .

Бѣлые бярозки
Да не развивайць-сѣ
Крутыѣ дарожки
Да не развивайць-сѣ
Явечка кѣ цѣсцо вѣдзѣць
Юнѣ дзюца разумнаѣ
Юнѣ море сѣлязюмѣ плювецѣ
Юнѣ полѣ сакаломѣ ляцицѣ
У вароцячѣ расой падаѣць
На дваре внязюмѣ станецѣ
За сталомѣ госцюмѣ сядзѣць
Частуйцьжѣ частуйць
Небывалаго госця
Свайго любаго зяця .

Ай Божежѣ мой Боже , мы боромѣ вѣхали ,
Вѣтры ня вѣяли , бары нѣ шумѣли
Прыѣхали кѣ свату , такѣ дзѣўки запѣли
Якѣ сучки забрехали ;
Чы на іета сватѣ запрасіў
Кабѣ сельскімі сучкамі напусіў ;
Вазмі сватокѣ памяло
Да гани сучекѣ за сяло ;
Альбо вазмі добры лутѣ (лыко)
Да гани сучокѣ у ціомны кутѣ .
Да дзѣвачки маѣ
Нѣ лайць мянѣ
Да прійдзѣцьжѣ и вы кѣ намѣ
Будзѣць іета и вамѣ .

А мой брахюенька , пашто увышоў
Са ржанымѣ пірагамѣ зѣ дубовой ражкой ?
Ржаны пірогѣ дзѣўкамѣ падеѣю .
Зѣ дубовой ражкой у яголы пайлу
Пшонная пива падѣ уголь паллію
Зѣ бярозавой рогай на паству паганю .

Братѣ сястру на пасадѣ вадзѣць ,
Шаўкомѣ земельку маѣць
Сытоў падеваѣць ,
Зѣ сястроў размаўляецѣ :
Сястрыца радная

Да ня будзь гордая
Да нѣ жалей галоўкі, да кланай-сѣ
Мамці у ножкі, нѣхай мамка знаць
Да абъ долю угадаць
Знаю дзвѣтка, знаю
Да абъ долю не угадаю;
Дасць Богъ долю дасць добрую.
Хвалажъ табѣ Боже!
А калі якую преклятую
Ахъ моцны мой Боже!...

Ходзіць ходзіць зязюлька
Па шірымъ борочку
Садзіць пасадзіць дзятчечкѣ сваіхъ
На бѣлымъ паўчінѣ
Пакуль прыляпіць салавей зъ лугу;
Іонъ васъ разгоніць, і мянѣ зъ сабой возьмѣць
Ходзіць ходзіць маладая дзвѣчка
На новымъ ганку садзіць пасадзіць сваіхъ
Дзвѣчечкѣ на бѣлыхъ лаўкахъ
Пакуль прывідаць Янечка зъ дружнічкой
Іонъ васъ разошць, іонъ васъ разгоніць,
А мянѣ зъ сабой возьмѣць.

Што-то за зора
У таткі на дварэ,
Дзвѣчэня зъ цяпломъ ходзіць,
Дзвѣчечкѣ пабуджаць;
Устанць дзвѣчэні
Барыць шотечкі
Чашыць галовечкі;
Ужэ мая учесана
Каснікомъ упясіона
Ужожъ маѣ прыбѣхалі
Ужожъ маю развіюць коску
Мамчывую раўніюць словку.

Улезъ дружко ў хату, на пѣчъ зазѣраецъ;
Чы вліць гаршоць кашы, чы паядаюць,
Нашы: алавѣцъ каже-ць маля
Другі каже-ць годзя
Трэці каже маўчы;
Бо загадаюць таўчы.

Бары сабѣ гета
Купі сабѣ мыла
Бабѣ цабѣ жонка любіла

Кабы дзѣци пѣзнали
И бацкомъ называли.

Вѣрабѣй дружка, вѣрабѣй,
Па сумѣтнику паскакаў
Нагой шелигъ выкапаў
Сваю дзѣўку выкупляў.

Дружко! дружко! нѣ варочай мянѣ,
Я нѣ калода табѣ.
Кабы я калода
У бару бѣ лежала,
Кабы я бароза
На мямы бѣ стояла.

XXVI.

Звязали дружка, звязали,
Гдзѣжъ яго паймали?
Запіўся дружка запіўся!
И на дружину забыўся.
А гдзѣжъ твая дружина?
Чы у поли подь шатромъ
Палъ бялепкымъ палатномъ?

Дружки жена дасужа была
Сѣмъ годъ кросна ткала
Сѣмъ вядзѣль фартухъ шила
Да абѣду знасила
На парозѣ згубила.

Дзѣўку дружки были
Чупрыну залупили
Хто и дзѣць смяц-ся
Што чупрына трасць-па.

Даў нашого дружка
Голымъ гола галоўка.
Добра дзѣўкамъ бобѣ малацѣ
На закуткахъ нѣ ляцѣць.

Прыѣхали пацярбнички
Да царбяць царбяць зубечки
Целаѣ жераба зѣўли, на сталу качаючы
У попялѣ малаючы.

Шѣрадь дружкомъ сарока

Ляжиць яна безъ ока
Яна лежучи сакочецъ
А юнъ явъ ѣсця хочецъ.

XXVII.

Сваты баромъ ѣдуць и играюць,
Наша дзвѣчка не даць вѣры — вѣ плачѣць.
Ужо сваты поломъ ѣдуць и играюць,
Наша дзвѣчка не даць вѣры — вѣ плачѣць.
Ужо сваты сямомъ ѣдуць и играюць,
Наша дзвѣчка не даць вѣры — вѣ плачѣць.
Ужо сваты сямомъ ѣдуць и играюць,
Наша дзвѣчка не даць вѣры — вѣ плачѣць.
Ужо сваты на дворъ ѣдуць и играюць,
А наша дзвѣчка не даць вѣры — вѣ плачѣць.
Ужо сваты за столъ идуць и играюць,
Наша дзвѣчка не даць вѣры — не плачѣць.
Ужо сваты за столъ идуць, за ручку бяруць,
Таглы дала вѣры наша Агатка, и плачѣць.

Прыляцѣла сарока, чы чы, чы чы чы,
Сѣла у дзвѣчки на плечы,
Скажу табѣ добрую вѣсцю чы чы чы
Што у цабѣ на дварѣ сваты чы чы чы.

Прыѣхали три казаченьки на дворъ къ намъ,
Пазнай, пазнай дзвѣчка, каторый нашъ?
Чы то што у сивымъ, на каню сивымъ
Чы то твой?
Самъ маладзѣньки, конь вараненьки
Чы то твой?
Чы то што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ
Чы то твой?
Што у сивымъ, на каню сивымъ
То дзвѣць твой,
А што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ,
То свѣкеръ твой,
Самъ маладзѣньки
Коникъ вараненьки
Гета мой.

Прыѣхали сваты на дворъ, пусцили стралу у акно,
Страла мая страла
Пашто ты прышла
Чы на мюль, чы на гарелку
Чы на красную дзѣўку?

Ни па мiодъ, ни па гарелку
Але па красную дзбўку.

XXVIII.

У грознаго цвсца, станць зяць за варотами,
Свяжкомъ перапаўши,
Дажджомъ перамокнуи;
Крыйсъ зяцю кунами,
Бабрами, чорнымі саболями.

Ужожъ мы пазяблi у доўгой дзрозъ
На тугимъ марозъ
Нашыъ зубки сакочуць
У хатечку хочуць
Нашіъ коники гагочуць
У стаўнку хочуць.

Цвсца зяця ждала,
Кунами дворъ слала,
Кунами, бабрами
Чорнымі саболями,
Кабже мая змога,
Выслалабъ я я многа.
Пышна цвсцьць пышна
Да къ зяцю не вышла
Чы у ябъ кажуха нѣтъ?
Чы у ябъ кубка нѣтъ?
Чымъ зяця витаць?

Зъ циха баяры идзюць
Харомъ нѣ варницъ,
Харомы ўсiо новыъ
Столики цисовыъ
Абрусы двайчастыъ
Мы гости нѣчастыъ.

Наляцѣли гуси
Да зъ Бѣлинъкой-Руси
Сѣли, пали на крыпицу
Стали яны ваду пиць
Наѣхали госци
Да зъ чужой валосци
Сѣли яны за сталомъ
Стали яны мiодъ, вiно пиць
Да кубкамі абъ столъ бяць.

У нашей тесцянки
Пираги зъ кашени коцюд-са ;
А намъ же нтъ хочец-са.
Бѣи даваць маркотна
А намъ браць ахотна ;
Яна даѣць плачучы
А бярэмъ скачучы.

Дэакую табѣ тасцянка
Нѣ гдѣ тваѣ пираги
У нѣдзяной печи были
Да харашо яны расли.
Залатымъ вясломъ выйшшы
Бальшанечкамъ даваны.

Дмѣтса , сваца дмѣтса ,
Къ намъ нѣ хивѣтса ,
Кала при печку третса ;
Чы мы бѣи нѣ лубы ?
Чы мы бѣи нѣ малы ?
Мы госци зазваныѣ ,
Любыѣ , коханыѣ .

Казали людзѣм
Што наша Агатка
Ни ткаха ,
Ни пряха :
Ажъ , наша Агатка
И товка прала
И дзвонка ткала ,
И бѣла бѣлила ,
И ў снхъ сватоу дѣляла .

Нашъ сватъ салавѣйка
Частуѣ насъ харашенька
Мы госцѣ зазваныѣ
Любыѣ коханыѣ
Кали мы нѣ зналися
Сватами нѣ зналися
А цяперъ познаіомся
Сватами назвіомся .

Казали намъ людзѣм
Хоць бдзѣцѣ ня бдзѣцѣ
Вашъ сватъ не багатъ
Ажъ у нашаго свата
Да зъ явару хата

Залатоѣ падстрешѣ
Сѣначки зѣ папѣрачки
Лавачки съ китаечки
Пѣчь яго кафляная
Чесць яго коханая.

Яливочка зиму и лѣта зѣлюна
Наша Агатка нѣ што лѣвнѣ вѣсела
У саботу касы чесала
Слѣзки разливала
И нядзѣлю рана да шлюбу вѣхала.

У нядзѣлечку паранѣнечку
Агатка сѣвнѣцѣ няцѣць
Вѣвничкамъ махнецъ
Жалосна плачець
У нѣ мамечка шытаць:
Чаго мая дачушка любая,
Такъ жалосна плачець?
Чы ты жалуѣшь старосци маей?
Чы падворыйка майго?
Мая мамечка, мая родная!
У сяго я жалею: жалею старосци тваей,
И падворка тваего, жалею касы русой,
Усяѣй дзювачей пакрысы.

XXIX.

Хто ў полі пацукусѣвнечку гуляць
Тамъ Агатка своей маткі шукаць
Хоць шукаць, не шукаць — нѣ знайдзѣць
Ой далока ёй маменька, далока,
У сырой зямля, у жоўтымъ пяску глыбока,
Да зрабали добрыя людзі вѣчнны домъ,
Безъ дзюварей безъ аконечка безъ слоўца
Нѣ прамоўлю дзѣцятка ни слоўца.

Чыѣ то слѣзки зѣ горѣ каццились?
Агатчыныѣ слѣзки зѣ горѣ каццились
Пяски разрывали,
Матечки доставали
Далока мамечка за трема замочкамі:
Пѣрши замочекъ
Сасновы цѣрамочекъ;
Други замочекъ,
Жоўты пясочекъ;
Трѣци замочекъ

Дозки сасновыѣ

Сасновыѣ дозки

Да сциснули ножки ,

Да сциснули ножки, нѣльга мнѣ крануць ;

Сырая земля грудцы налегла, нѣльга крануць ;

Жоўтыя пясочекъ засыпаў вочки, нѣльзя преглянуць

Сырое камѣнь позабѣчу ляжуць, нѣльзя павярнуць.

Агацтва мамка нѣрадъ Богомъ стаяць

Ручки на крыжъ дзяржиць ,

Да у Бога просят-ца :

Пусци мянѣ Боже

Да зъ неба да долу!

Дзвядцй паглядзѣць

Якъ яно прыбрано

На пасадзѣ пасадзона

Прыбарона якъ лябюдка

Пасадзона якъ сѣротка ;

Прыбарона бѣлаго

Пасадзона якъ бѣлая.

Ишла пашла, дарожечка па нѣбу,

Тудышъ ишла малалазенька Агатка

Прышла яна да шклянаго каньца

Угледзѣла мамечку сѣзючы

Стала яна у Господа Бога прасиць :

Пусцижъ , пусцижъ , мой Божечка мамечку

Бѣднаму дзѣцяци да паблагословиць.

Богъ алказаў :

Штожъ бы то за свѣтъ настаў

Кабъ Богъ зъ нѣба людзей пуштаў.

Гдѣ слоўца усходзиць ,

Тамъ Агатка холзиць ,

Сваю мамку просиць.

Мая мамка радная !

Пѣрайди дарожку ,

Пѣрайди дарожку ,

Тройца за Миколай,

Щасцянѣ и доляй.

Знаць Агатка павасѣям

Што нѣ татечка даѣць

Што нѣ татечка родны благаславиць.

Дворъ вялики, зборы нѣ вялики :

Бо нѣ-ўся родня

Пашли Агатка доць салаўя.

На милого радного татечку
Салавѣйка пашлю па татечку
Сама пайду ва украину
Па сваю любою радзину
Салавѣйка ляццѣ да не далітая
Тотечка мой родны лагадаўсѣ
Ляццѣ не ляццѣ, мой салавѣйка!
Ужо мнѣ не уставаць
Радѣ бы я устаць, да свайму дзвѣцаццѣ
Падарачекъ даць
Да сырыя земля
Грудцы налегла
Нѣльза мнѣ ўстаць.

Нѣту, нѣту Агатка дома
Пашла до Пана Бога,
Станць гадзину, станць другую
Пакуль адчинили марвовы дзѣвѣры
Тамъ углѣдзѣць сваю мамечку
Якъ же абачыць,
Сильна заплачѣць:
Боже, Боже прошу на вясѣльѣ!
Чы самъ прыдзі
Чы мамку пусці
И самъ не прыду и мамки нѣ пущу;
Да шасцѣ в долю перашлю.

Устала Агатка у вясѣлью рана
Мадзлаласѣ Богу, Богу молитца
Татку кланіцца у ножки няютечка
Благослави мянѣ татечка
Да шлюбу зъ Богамъ, студиць!
Зъ Богомъ, зъ Богомъ дзвѣцатка
Зъ ўсіма святыма
Зъ дзѣўкама маладыма
Табѣ дарожка благаслаўлёна
Церкаў адчинена
Табѣ дарожку Богъ благаславіў
А церкаў ксёндзѣ адчыніў.

У Васильки на двारे станць бяроза для плота.
Кала таѣй бярозы бярэвничекъ,
А на таѣй бѣрозѣ листочекъ.
А на листочку расица,
Ажѣ то нѣ бяроза — да Агатка,
Изъ бяразничекъ — да дзѣвечки

Ажъ нѣ листочекъ — а дружечки
Ажъ нѣ расица — а слюзечки:
Агатка за столъ идѣць
Шубачку ў рукахъ нясець
Дзѣвачки дружачки
На трыця шубечки :
Бо ня тутъ яна спраўляна
Шыли яѣ краўцы вѣнцы
Брали сукно у Кралеўцы
У Кралеўцы у горадѣ
Прыслана мнѣ маладзѣ.

Ишла Агатка зъ поля
Нясла краскі ў прыполѣ
Звила вянокъ при столѣ :
Пакаціла на столѣ
Задала жаласці ўсѣй семьѣ
Нѣ такъ сячы якъ танцѣ и мамцѣ
Агатчына мамка у канцы стала стаяць
На дзѣвачекъ глядзяць
Усѣ дзѣвачки , якъ дзѣвачки
Адно маю дзѣцятка слюзками заливаетца
Слюзками залеваетца валаскамі уцярпанца
Па чымъ же пазнали каліну у луцѣ
Низьвѣна сядзіць бѣлінка сьць
Па чомъ же познаць Агатку и мамки ?
Мижъ дзѣвекъ сядзіць ,
Жаласна плачець
Да дубу вязюлька , да дубу.
Чаць табѣ , Агатка да шлюбѣ.
Што табѣ вязюлька , да таго
Юсьць у мянѣ татка для таго,
Благаславиць пайсци — а пайду,
Пасцѣляць ручничокъ — а стану
Паставимъ цераў
На крутымъ бѣрожку
На дробной жарствицы ,
Кабъ добра хадыць
Пава Бога хвалиць
Дайже Боже долю
Щастливую гадзину
Нашаму челядзину.

Благаславиць людзи
Близкіе сусѣдзи
Гетаму дзядзца
Да шлюбѣ стаци.

XXX.

Закладайць сѣнца
Паѣдзѣць да вѣнца
Да нѣтъ кандаа дома
Паѣхаў да Львова
Ключики купляць
Церкаўку адмыкаць
Двоѣ дзѣтекъ вевьчаць.
Дзѣтки вѣ адналетки
Ня аднаго аўца
Пѣрваѣ радзонаѣ
Другое судзонае
Янечка радзона
Агатка судзоная
Янечку аддадзюна

Ѣхала Агатка да вѣнца
Сыпала золота зъ рукаўца.
Хто эта золота пабярць
Той мянѣ на вянцѣ павядзѣць
Набярць золота мѣншы братъ
Павядзѣць на вянцѣ большы святъ.

Ѣхала Агатка да вѣнца
Заламала бярозку зъ вѣрха
Будзѣ мая бярозка безъ вѣрха
Чы будзѣшь такая якъ была?
Ня будзѣць вѣтцѣйка шумѣць
Ня будзѣць лисцѣйка шумѣць
Будзѣ мая мамечка, безъ мянѣ
Али ня будзѣшь такава, якъ пры мянѣ
Ня будзѣць ножка рэзута
Ня будзѣць пасцѣлька паслана
Ня будзѣшь мамкай названа.

За варатами трава мурава, золотомъ насыпана,
Агатка ишла, золата вѣсла, золата разсыпала;
За слюзкамі за дробнымі, золата несабрала,
За жаласнай, за вялікай, мамачки непазнала.

Да вѣнца Агатка да вѣнца
Да не забывай гребенца
Да падай Янечка, гребенець
Яжъ табѣ Агатка, нѣ маладзѣць
Што буду падаваць гребянець.

Богъ табѣ дай Явечка
Што твая Агатка багата
Нѣ паѣдзѣшъ кѣ Вильну па уборы
Прибарет-цѣ ана у каморы
Да надзѣвнецъ шубу
Да шлюбу.
Бѣлы каўнеръ якъ зѣ напѣры
Чорныѣ саболи ў крылѣ
Жоўтыѣ лисечки ў рукавы.

Дымъ , дымъ на долині ,
Шумъ , шумъ па дубровѣ ,
Агатка кѣ вянцу ѣдзѣць ,
Свѣчкай накурона ,
Хустечкай нахылона .
Агатачка на Бога нарекала
Сырую землю пракинала :
Сырая земля сырыца
Узяла маю маменьку старую
Пакінула мянѣ маладую
Зѣ кудравай галавою .

XXXI.

Мы былі ў вясцѣлѣ
Стаялі пры сцягѣ
Малілісѣ Богу и Духу Святому
Нашѣ ксіовдзѣ маладзелькі
Да вусокъ (уць) залацѣнькі
Бародка шаўкова
Галоўка кудрава ;
На іомѣ чырвоныѣ кѣцѣ ,
Звязаі нашыѣ лѣцѣ .
Дзѣтки , не адналѣтки
Нѣ адваго айца маткі ,
Першаѣ радзюноѣ
Другое судзюноѣ
Явечка радзюны
Агатка судзюна , Максимку отдадзюна .

Зѣ гары зѣ гары адаіі бѣгли конікі чатыры
Вязіі каретаю сінюю , звѣззalı Агатку сільна .
Да не дарма яѣ звяззalı звяззalı за грошы
И харожѣ и пригожѣ и вялікѣ ,
Чаму нѣ прывіозѣ чаравікѣ ?
Якже я маю взыць
Калі ана нѣ умѣѣ насыць

Хоць червоныѣ привязи
Буду насыць по грази.

Замытай, мамка сѣчку
Да выходзь на сустречку
Да выходзь мамечка прѣпіу насъ
Да витай кубечкамъ усихъ насъ
Да пытайсь у лачки: чы твая?
Нѣ твая мамечка, нѣ твоя
Да таго панэ карала,
Зѣ кимъ я на шлюбѣ стаяла.
За бѣлую ручку дѣржала
Залаты пѣрсцьвѣ мѣняла.

Пабару, па вѣрсу раёвыѣ пшолки
А у Василька на куцѣ шлюбавыѣ госци,
Да пьюць яны заловая яно, мiodомъ запиваюць.

Хвала жѣ табѣ Божѣ
Што па нашымъ стала
Што мы равѣнка ўстали,
Ксеидза ашукалі
Да на дарога аддали
За сваю панѣнку
Цѣлю капѣнку.
А за таго маладага
Поў залатога.

XXXII

Шаўковая витечка ксцавѣ лгвѣць
Агатка зѣ мамкай чоламъ бець.
Дабраночъ мамцѣ аддаць
Дабраночъ мамка, дабраночъ
Нятой дабраночъ што на ночъ;
Але той дабраночъ што на вѣсь вѣць
Нѣ на адну мянѣ алѣ на ў вѣсь свѣць
Нѣ на ядну ночку алѣ на у вѣсь вѣць.

Жаль намъ Агатка, на цабѣ,
Што ты насъ гонишь адъ сябѣ
Чы мы табѣ косечки не пляли?
Чы мы табѣ вявечка нѣ вялі?
Плялі табѣ косечку ў чатыри рады
Ня будзись плясци ни разу
Ня будзись у татка ни года.

А мой татечка заручку бярэжъ
Чы за постаць вадзѣшь?

Кали запостаць ? займай широка
Паганю даюка.

Цяперъ я сьла мижъ шыпчявнику
Мижъ крапіўки, — жижка крапіўка
Пажыгаць будзець, сухы шыпшынникъ сушиць будзець.
А мой татечка, аддавай и пытай
Кабъ вѣ прапою
Кабъ вѣ разбою
Кали прапою у корчмѣ прапиць
Кали разбою на дарозѣ забьець

XXXIII.

На синимъ азюры сядзѣла лебѣдка
Крылкамі апусцяся пѣрѣйкамъ асыпяся
Прыляцѣў къ ней лебядзь : бѣлая мая лебѣдка
Узнійми своіо крыле, збары сваіо пѣрѣя
Палецамъ зъ табю , гдзѣ галубы злеталися
Нась сь табю спадзѣваліся
Цюплаіо гязадзѣчка вьцюць
Бѣлінкай лебѣдки ждучь
Да за новай скамію сядзѣла Агатка
Коскамі апусціўшыся
Слѣзкамі абліўшыся ;
Прыѣхаў Янечка :
Мілая мая Агатка
Збары сваѣ коски
Да утрый же дробныя слезки
Паѣдзямъ зъ табю да свайго дому
У насъ госци зѣѣдзалися
Нась зъ табю спадзѣваліся
Бѣлая ложе слали
Зіолки у галоўки клали,
Нась маладзѣвнѣкихъ жадали.

Матка дачку прапила .
Машчу гроши набила
Волосомъ зашила
Голосомъ завыла.
Прапила матка дачку
На салодкимъ мядку;
Да упиўшыся скачечь
А выспаўши-сь плачечь.

XXXIV.

Бяры блазнякъ бяры
Да умѣй шапаваци
Якъ родную маці
Якъ вишеньку у садѣ
Якъ пшолочку у мядѣ
У насъ была работница
У насъ будѣць свавольница;
У насъ была, ткала, прала
У насъ будѣць папихайла.
Наша Агатка сырѣ налиты
Вашѣ Янечка надуты
У вашаго Янечки аўсяныя зубы, ачыны носъ
Бруха зѣ начоўки лѣць прживіозѣ.
Наша Агатка зѣвѣрѣя
Вашѣ Янечка зѣвѣрѣбя.

Бѣдцѣ сваты да лому
Мы вамѣ Агатки нѣ далзіомѣ:
Во наша Агатка сястрыца
Зѣ нами у ягядки хадзіла
Да ў адну лубачку збѣрала
Зѣ адной лустачки ядала
Ужо позьненька
Ужо не равенька
Сонечка на заходѣ
Да ужо Агатка маладзѣнька
У мамки на выѣздѣ
Яѣ мамечка яѣ родненька
Сильненька унимаѣць
На ѣздѣ дачушка мая любая
Ужо рожа зацвитаѣць
Зямлю укрываець.
Мая мамечка, мая родная
Мнѣ уже рожы не даждаць
Зѣ барвинечки зялоной
Вяночка нѣ звыць.
Глазѣ буду виць
Да ужо мнѣ не насыць.

Зѣ вядзели на панядзѣленѣ
Васильку бѣда стала
Прапала скрыпя малявана
Дачушка кахана
Я тваю скрыпню маляванаю

За дзёнъ призабуду
Сваѣй дашучки коханей
Па вѣкъ нѣ забуду.

Да гулай, гулай шука, рыбечка ў снвнмъ моры
Якже ты пойдзѣшъ на луги, раки, на будзѣшъ гуляць
Уловюць цябѣ маладые рыбаловы
Да знимуць зъ цябѣ залатую лускавицу
Пакроюць рыбачку на стальницы

У святлицы.

Златуюць рыбачку маладыѣ кухары
Да зьядуць цябѣ пановѣ сенаторовѣ
Да гулай, гулай Агатка у раднаго татки
Пойдзѣшъ къ чужому
Да не родному
На будзѣ жъ гуляць
У свайго татечки крутыѣ горы
Да гуляла па воля
А у чужого ўсё поля роўна
Да гуляць на вольна
У свайго татки што дзёнъ
Галоўна ў вяночку
А што нядзѣлю у таночку;
А у чужога татечки
Будни дзёнъ ў рабоцѣ
А сваты ў балацѣ.

Чаму Агатка нѣ вячerala у свайго татечки ?
Пойдзѣшъ къ чужому
Да не радному
Ня будзѣшъ вачераць
Цябѣ маладу
Пашлюць на вяду
Сами сядуць вачераць
Прыняси вяды
На сябѣ бяды
Каждому ниць даць .
Якъ старому
Такъ малому
Янечку маладому
Нѣ сварысѣ маменька са мною
Сядзѣмъ же мы папячераемъ зъ табою.

Хоць ты мянѣ татка ..
Малую за мужъ аддавай ,
Тольки мянѣ ў сваю хатку
Чужаго не прймай

Приняўши зяця, тольки будзiмь сварыц-ца
Ня буду вѣдаць за каго ўступыц-ца
Уступіўши-ся за татечку буду бита
Уступіўшыся за милога, вонка быць.

Базиць мая галоўка адъ венка
Нѣ аддавай, мой татечка за улаўца
Алдай мянѣ, мой татечка и сямью
У сямь іосць парабечекъ усяму
У вiстопку таўчы, малоць — залоўки
Дзяжу мясыць, хату тапыць — ятроўки
А у крыніцу, на вадзіцу — я маладая.

Да мой татечка, пакінаўся мною
Якъ нѣ любою, якъ садовымъ яблочкомъ недаспѣлнннмь,
Нѣ бядуў же ты, сястрыца мая
Яжъ буду нѣ далека адъ цѣбя
Будзiмь ў чыстымъ полю жыта жаць
И раннай и вячорнай зарю
Зойдут-цѣ нашыѣ голаски зъ табою.

XXXV.

Хоць я вочки не спала
Я сваю свацьку ашукала :
Сабѣ нявѣхы удадала
Да къ сцюдзонай зымѣ, — плаць прапъ
А къ красной вяснѣ, — кросны ткаць
А къ цыхому лѣту, — жито жаць
А къ цюмвай вочы, — на таку малацыць.

Прыбѣрайцѣ-ся брахны
Пара намъ дамой вѣхаць
Даўгая дарожечка :
Чатыре мiли борамъ вѣхаць
Пятую морамъ плысци.
Хоць бы мы морамъ плыли
А бы мы дома были
Паѣдзiмь дамоўки
Цѣразъ валадоўки
Наша дарожка доўга
Цѣразъ дарожку рѣчка
Цѣразъ рѣчку клада
Будаѣ сварыц-ся матка
Што у насъ доўга нѣтъ
Паѣдзiмь къ Вайцѣху
На дауню ўцѣху.

Глазъ мы пили, бѣли
Добрыя мысли мѣли.

Ночь на ночи цюмвенькая вочка,
Зажуриласѣ саколика цыречка (цыранка)
Да за чымъ майго сакала даўго вѣтъ?
Нѣгдзѣ июнь черазъ сады паляцѣу,
Нѣгдзѣ яго ўсѣ птушечки злюбили
Нѣгдѣ яго на быливачѣ садзили
Нѣгдзѣ яго ягодкамі кармили
Нѣгдзѣ яго зъ лисципачки павили,
Нѣгдзѣ яго шарой язгольной дарыли
Ночь на ночи цюмвенькая вочка!
Зажурыла сѣ Явечки мамечка:
Зачымъ же то майго сынечка доўга вѣтъ?
Да нѣгдзѣ июнь цѣфразъ мѣста вѣхау,
Нѣгдзѣ яго мѣщанечка злюбила
Нѣгдзѣ яго за столикамъ садзили,
Нѣгдзѣ яго пирошкамі кармили
Нѣгдзѣ яго зѣлюномъ виномъ павили
Нѣгдзѣ яго красной дзѣўкай дарыли.

Отъ табѣ мамка шипки у пятки,
Што вѣма каму мясци хатки.
Ой цяжка табѣ будзѣ безъ дачки,
Парастуць, па за лаўкай казлячки.
Людзямъ треба ў боръ хэдзнь,
А табѣ будуць па залаўкай радзнь.

Да я гаварыла, сакалы лятуць!
Ажъ маѣ брахны на коні сядаюць;
Я тварыла што мѣсяць усходаць
Ажъ мой татечка по двору ходзць
Мянѣ маладую праводзць.

XXXVI.

Таткава нюка да вѣ улерай-сѣ
Радзила пры мяѣ, радзи и безъ мяѣ.
Добрая доля дѣ ядзи за мной,
Зѣ пѣчы пламѣніомъ
Зѣ хаты коинномъ.

Звонка дзѣрева калина
Да борамъ ишла шумѣла
А полець ишла звинела
А къ двору ишла гаварыла

Атчини мамечка, новы дворъ
Вязюмъ нявѣхну якъ яворъ;
Атчина мамечкаю аконца
Вязюмъ нявѣхну якъ слонца;
Атчина мамечка вяршочекъ
Вязюмъ нявѣхну зъ каршочекъ;
Атчини, мамечки, хижа
Вязюмъ нявѣхну грызѣ.

Милые маѣ сватовѣ
Чы добра было ў дарозѣ?
Чы бѣлыѣ били тарелки?
Чы давали вамъ гарелки?
Да добра было ў дарозѣ,
Да бѣлые были гарелки,
Да давали намъ тарелки.

Добрые нашыѣ марозы,
Нѣ змаразили нашъ рожы.
Пакраса наша Агатка!
Да покрасила два двары:
Адзінъ дварокъ глзѣ расла
А други глзѣ пришла.

Гуляйцѣ прыданки у Ахатки наханей.
Да вялела намъ маці
Харашенька гуляци
Слаўку учивиць
Да лаўку на ла миць
Да у гародзѣ ячмень
Іонъ золотомъ зашвіў
Лепша таго злота
Агатчина цвота;
Кали наша Агатка швачка была
Вышила кашулю зъ падала.

XXXVII.

Учора
Зъ вѣчора
Пѣрапіюлка зляцѣла,
Мы сядома свѣтомъ
Пѣрапіючыннымъ слѣдомъ;
Глзѣ мы яѣ услѣдуемъ
Тамъ мы заначуемъ:
Тамъ же намъ добра будзѣць,
Копикамъ аброкъ будзѣць

Конникамъ булзѣць аброкъ, сляцо,
А намъ самымъ мядокъ вино.

Да умная, разумная лѣвечка
Поставила старожечку на браду,
Сама сѣла падъ вишавкой ў саду.
Буду слязѣць
Буду глядзѣць.

Падъ зару :
Адъ куль же яснь мѣсячекъ узойдзѣць
Адкуль же маѣ сястрыцы узѣдуць.
Да узойдзѣ яснь мѣсячъ зъ падъ зары ,
Узѣдуць маѣ сібстры зъ за гары ,
Яны жъ мнѣ на наміотечку привлауць,
Яны жъ маю галовечку прыбаруць
Яны жъ мянѣ зъ цамицы вывадуць.

Да у чыстымъ полю прыланѣць блузлили
Нѣгдзѣ яны дарожку згубили
Да спаткали маленькую хлопчынку:
Таки сяки маленьки хлопчына
Укажи намъ дарожку ў сяло ;
Куды ваша сястра вязіона
Тая уся дарожка мураўкой утрасіона ;
Булзѣць наша галовечка васіола.

Прыланѣць на дворъ ѣдуць ,
Курки надъ клець бягуць :
Нябойць-сѣ курки ! Намнога жъ вамъ нада ,
Семъ на вѣчеру
А осьмую на пачень
Дзѣвятая на снѣданѣ
Дзѣсятая на адѣждажнѣ.

Вышла лѣвачка на парогъ
Дзѣ паслухала прыланакъ :
Чы нѣ зязюлька кукуюць ?
Чы нѣ салавѣйкі шабѣчуць ?
Ажъ нѣ зязюлька кукуюць
Але маѣ радныѣ пазюць
Мнѣ маладой вѣсци даюць.

Дали намъ ѣсць и пиць ,
Дайць пагуляць ,
Дайць намъ волю ,
Пусциць у камору
Хацябъ мы паглядзѣли

Гдѣ нашу сестру дѣли
Паглядѣць на калинку
Падвнцѣ парывку
Чы харашо развиласѣ
Па кашули развиласѣ.

XXXIX.

Пасяродъ хаты стаиць пѣчь
На умѣла Агатка пѣчь пѣрапѣць
Нѣчага на яѣ дзивоваць
Во не даўна стала женаваць (быть женою).
Учора была дзѣвою
А сядня женою.
Якъ мы захацѣли
Такъ мы нарадѣли
Зѣ жыта палавицу
Зѣ дзѣўки маладзицу.

Пашоу Янечка ў калиновы лугъ
Наламаў калины колки змухъ
Отъ табѣ Агатка калина мая
Нѣхай гулець радзира твая
Гуляйць, прыданки, гуляйць
Жадкай тривоги нѣ майць.

Прыѣхали прыданки зѣ Глани
Папрасили у Агатки свяданя
Паждзѣць маѣ сястрыцы паждзѣць
Пакуль я сваю свякроўку пазнаю.
Тагды я вамъ свяданя згадаю
Атчыницѣ дзѣры!
Да нѣхай вѣперъ вѣць :
Палъ новыѣ лаўки ;
Гдѣ сѣли прыданки
Здрыгнулисѣ лаўки
А чы такъ здрыгнуцца
Якъ прыданки напюцца !
Гдѣ сѣли запѣли , - -
Гдѣ стали заиграли ;
Хто зѣ кишъ прыткнѣцца
То и пива напѣцца
Дзѣва наглядзѣцца-са.

XI.

Милыѣ закосьники!
Чаму жѣ вы ня вясіолы?
Чы вашыѣ коники нѣ уэлоцѣ?
Чы ваша сѣстра не у цвоцѣ?
Гета жѣ вашіе коники у злоцѣ
Гета жѣ вашаа сѣстра у цвоцѣ.

На дваре свежокѣ прыпаў,
Ой рана! рана!
У Агатки Явечка прасіу:
Агатечка палай боцки;
Агатка не паслухала
Боцкаку нѣ падала
Вааьму жѣ я пужку (бичъ)
Свистушку,
Да выганю бацьковыѣ гяѣвы
Да перавѣрну на свой
Абычай.

Закосьники паничы
Чаго ѣдзіцѣ па начы?
Да мы ѣдзімъ трапой,
Да за русой касой
Да за родной сястрой.
Закосьничекъ верабѣй
Чаго рано прыляпѣу?
Чы ѣсци захацѣу?
Дайцѣ яму гречки снапокъ;
Няхай клюѣць якъ пятушокъ
Нѣхай скачець якъ бѣлка.
Нѣхай пяѣць якъ лѣўка.

XII.

Агатка сястрыца мая
Стань же ты у каньцы стала,
Хаця мы нагѣдзім-ся,
Пакуль мы разѣдзім-ся.
Агатка сястрыца мая
Ужо жѣ мы дамой ѣдзімъ
Мы цябѣ научаѣмъ:
Уставай ранюсенька,
Мый лаўки бялюсенька,
Маці хату чысцюсенька,

Какъ табѣ не упикали,
Што мы у цябѣ гуляли.

Паўдзёцѣ сястрыцы дамоўки
Паглядзіцца мамцѣ у ножки,
Што яна мянѣ маленькую хавала
Трыдцать ночекъ цямякосенькихъ не спала
Пакуль мянѣ маленькую выгадавала;
Сорокъ свѣчекъ яснысенькихъ спалила,
Пакуль мянѣ маленькую урасцала
Урасціўшы у чужыѣ людзи пусцала.

У чужыѣ людзи, да чужому дзцяцѣ
Свадѣчка, галубечка, спавагай
Кабѣ не было нашэй сястрыцы анѣвага.
Што намѣ за зѣвага?
Наша сѣстра гожа
Якѣ чырвоная ружа.

XLII.

Нашѣ Казимѣрѣ паницѣ быў
Вѣ Магилевѣ вянокъ звіў,
Вазіў да Вильны пазлаціць
А у Сморгоняхъ прадаваў
Сваеі Маріанцѣ дараваў.

Насі Марыянка здарова
Нѣ скаже табѣ ни слова;
Ни яго вѣтрыкѣ на зѣѣ
Ни яго дожджыкѣ не омочы
Вѣтрыкѣ навѣ-ѣ
Зэлеѣ;
Дожджыкѣ пакропи,
Скрасіѣѣ.

XLIII.

Черезъ сѣни сѣбжечка
А вѣ каморѣ другая.
Тамѣ Маріанка сѣдзѣла
Русую косу часала
Сильнѣ жалоснѣ плакала
Прывядзіцѣ Казимирку
Вайміцѣ Маріанку
Янѣ Казимѣрка прывѣли
Такѣ Маріанку упали.

XLIV.

За сѣньми, сѣньми тры сады пѣцѣли
Въ аднымъ садочку зязюлька кукуць
Въ другимъ садочку салавѣй шабѣчѣ
Въ трецимъ садочку Маріанка плачѣ.
Зязюля кукуѣ въ шеры борѣ лѣтучы
Соловѣй шабѣче въ лугѣ лѣтучы
А Маріанка плачѣ да шлюбу илучы.

Кляновы листочку, куды цѣбѣ вѣтрыкѣ коци,
Чы въ лугѣ чы въ далину
Чы назадъ подѣ клянину?
Я и самѣ нѣ вѣдаю, куды мнѣ вѣтрыкѣ коци,
Чы въ лугѣ, чы въ далину
Чы назадъ подѣ клянину.
Маладая Маріанка, куды цабѣ выпраўляюць
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Божэго дому?
Я и сама нявѣдаю, куды мнѣ выпраўляюць,
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Божэго дому.

Вѣчеръ, вѣчеръ, нѣ вѣчерысѣ
Вдзѣ, вдзѣ Казьмиръ нѣ станавися
Кабѣ твая патрава паракомѣ нѣ упала
Кабѣ твая Марьянка другому нѣ стала.

XLVI.

Для маѣй патраўки, стаяць кухарки
Для маѣй Марьянки стаяць балшанки.
Мая патраўка цыномѣ накрыта
Мая Марьянка за мѣнѣ запита,
И запита и заручона
Хосѣ заручона, но не вѣнчона.

Да дубу зязюлька, да дубу
Часѣ табѣ Марьянка да шлюбу
Бѣсѣ табѣ зязюлька датаго,
Бѣсѣ у мнѣ татуля для таго
Юнѣ мнѣ радечку парадзіў,
Юнѣ мнѣ на пасадѣ пасадзіў,
Перейдзѣ сцѣжечка я пайду
Выправницѣ да шлюбу и паўду.

XLVII.

Ой вѣту вѣту Гануса у дому
Пашла Гануса да Пана Бога
Богу малитца, баляномъ кланитса
Станць гадзинку, станць другу
Пакуль адчинюць райскіе дзѣвы
Увидзѣла Гануса бацканы ноги
Якъ пазнала на ножкахъ упала
Прашу татуля на благаолавецѣ.
Да дзѣятка родная, я самъ нѣ магу
У ведзѣлю рана Анелоу пашлю
Нѣхай насѣдзяць, вѣхай нагледзяць
Якъ прыбарона якъ пасадзона
Прыбарона якъ павятачка
Пасадзона якъ сфротечка
Па выжей сядзиць хустечку дзяржыць
Хустечка бяленка адъ слезъ макреника.

Спакорся Антоля спакорся
Кажлому у ножки паклонся
Стараго, маладаго вѣминай
У Бога доли дабывай.
У сихъ святоу перешла
Сваей матухны нѣ нашла
Уся лѣ галоу ка уквѣць,
Нѣма лѣ матухны на сѣць.

Дворная соботка настала
Маладая дзяўчinka дружинку збѣрала
Пасадзѣць бяры усѣ ураль,
То пойдзѣ дзяўчына на пасадъ,
Ручкамі ножынкы абаймаць,
Дробнымі слозкамі сѣжку аблеваць,
Яна увѣсь радочекъ перайшла
Сваею бацюшкы не нашла
Вярнися дзяўчына вярнися
Чужому бацюшкы пакланисѣ
Іонъ табѣ раденьку паралзѣць
Іонъ цябѣ на пасадъ пасалзѣць
Іонъ цябѣ одъ шлюбу ширеймѣ.

XLVIII.

Ой зѣ гары и даліны
Да бѣгли коники чатыры

Да вяслі карету сінюю,
Нѣ даремъ за грошы
Што яѣ малады харшы.

Ѣдзѣ Ѣдзѣ не баўся
Тамъ цябѣ у касцѣлѣ наджидуюць
И кабѣты засцілаюць
Богу будзѣшъ прысягаць
И сыгнеты мѣняць.

Вы слаўныя багатыя сусѣдзкі
Благослауцѣ гетоў дзѣца што Ѣдзѣ
Нѣхай яго Богъ богославиць
Нѣхай Богъ долю ѣму дайць
И мы даѣмъ.

XLIX.

Да хвала жѣ табѣ Боже,
Што мы добра зрабілі
Съ пива галавицу
Да зѣ дзѣўкі малалэцу.
Ѣдзѣ, сваты Ѣдзѣ,
Нѣ бойцѣ сѣ ночы
Вамъ дарошка якъ доска
Мѣсѣцъ свѣтиць якъ свѣчка.

Да хвала табѣ Боже
Што мы ксеназэ ашукалі
За тры грошы шлюбъ узалі
Кѣды млада не плаць
Узышло солненко абутрыло,
Да плакаці маладая ня думала
Ой дайцѣ рады и памоды
Прывясіцѣ цыбульки падъ очы:

Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў што дзѣвѣцѣ дзѣввароў якъ дубоў,
Якъ я пришла, аднаго шашла безъ зубоў,
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў чатырехъ валоў якъ зуброў
Якъ я пришла, аднаго знашла безъ рагоў.
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў дзѣвѣцѣ свирноў и зѣ дабромъ,
Якъ я пришла аднаго знашла бязъ углоў.

Всѣхъ сваты рену
У насъ морхы нѣту.
Быу парсюкъ ваукову;
Да паѣу усю мархову.

А. ВЕРБОРЪ,

Д. Чл. Общ.

3.
a.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

MAY 2 1979
6253467
CANCELLED

